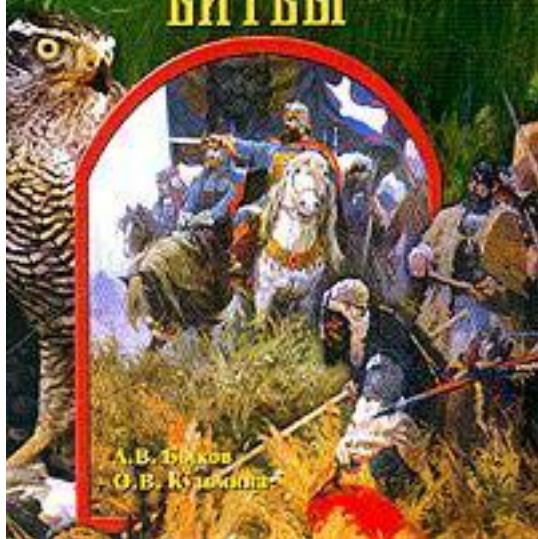

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ЭПОХА КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

А. В. Зубков
О. В. Кузнецова

Александр Владимирович Быков
Ольга Владимировна Кузьмина
Эпоха Куликовской битвы
Серия «Тайны Земли Русской»

MCat78

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155429

Эпоха Куликовской битвы: Вече; 2004

ISBN 5-9533-0432-3

Аннотация

Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках – одно из самых важнейших и сложных явлений отечественной истории. Однако и в дореволюционной, и в советской историографии практиковалась односторонняя оценка этой эпохи исключительно с позиции «мы болеем за Москву!». Любые действия, ведущие к усилению Московского княжества, рассматривались историками как прогрессивные и этически оправданные, а любое им противодействие – как проявление реакции и даже как предательство национальных интересов Руси. Но нельзя судить о событиях прошлого с помощью современных понятий и этических установок или с позиций сиюминутной политической конъюнктуры. Ведь у каждой из сторон была «своя правда», которую порой трудно увидеть.

Молодые пензенские ученые А.В. Быков и О.В. Кузьмина показывают читателям закулисную политическую борьбу эпохи Куликовской битвы. Было ли татаро-монгольское иго на Руси? Когда и где родилась мечта о едином государстве Российском? Действительно ли митрополит Алексей был «русским Ришелье»? Кто спровоцировал Куликовскую битву? Был ли Олег Рязанский предателем Русской земли? Кто стоял во главе заговора против Дмитрия Донского? Кто помешал объединению всех русских земель в конце XIV века?.. Авторы провели тщательное изучение этих и иных проблем, что помогло развеять многие заблуждения исторической науки и привело к неожиданным выводам.

Содержание

ОТ АВТОРОВ	10
ЗАЧИН	14
БУМАГА ВСЕ СТЕРПИТ	14
УБИЙСТВО ДИВНОЕ И НЕЗНАЕМОЕ	23
НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ КАРЬЕРЫ	27
ПЕЧАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	30
МОСКВА БОЯРСКАЯ	43
МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ – РУССКИЙ	49
РИШЕЛЬЕ	
ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ – ПЕРВОЕ	56
ЗНАКОМСТВО	
ЭКСКУРСИЯ В САРАЙ	64
ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	67
ОРДЫНСКАЯ ДАНЬ	80
ЛИТОВСКАЯ ЭКСПАНСИЯ	89
АКУЛЫ ТОРГОВОГО БИЗНЕСА	95
ВРЕМЯ БЕСПРЕДЕЛА	108
КНЯЖЕСКАЯ ОХОТА	108
ЦАРСКАЯ КРОВЬ	118
КАК ВОЕВАЛИ В КОНЦЕ XIV ВЕКА	123
МОСКВА: ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИ	158
БЕЗ ЦАРСКОЙ ЗАЩИТЫ	168
ЛИТОВЩИНА	178

ПУТАНИЦА С ЯРЛЫКАМИ	187
ДЕЛА ЦАРЬГРАДСКИЕ	195
ПЕРЕД ГРОЗОЙ	200
КТО ТАКИЕ ТАТАРЫ?	200
СПЕЦАГЕНТ КИПРИАН	206
ТВЕРСКАЯ ВОЙНА	212
НАЧАЛО СМУТЫ НА МИТРОПОЛИИ	219
ВОЙНА В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	231
БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ	238
СТОЛИЦА ЧЕРНОГО МОРЯ	245
МАМАЙ – КНЯЗЬ КРЫМА	252
БИТВА НА РЕКЕ ВОЖЕ	256
СКАНДАЛ В МОСКВЕ	270
«КУНЫ И ФРЯЗИ»	273
СМЕРТЬ ОЛЬГЕРДА	280
МИСТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	283
КТО ТОЛКАЛ МАМАЯ НА ВОЙНУ?	286
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА	294
А БЫЛА ЛИ ИЗМЕНА?	294
ПУТЬ К НЕПРЯДВЕ	305
ПЕРЕД БОЕМ	313
МАМАЕВО ПОБОИЩЕ	322
ЧТО ЗА СЕЧА БЫЛА – О ТАКОЙ	337
НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ...	
ЭТА БИТВА НА РАДОСТЬ ВОРОНАМ, НА СЧАСТЬЕ ВРАГАМ	348

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	354
ЭХО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ	360
КИПРИАН В МОСКВЕ	369
А В ВИЗАНТИИ ОПЯТЬ ВОЙНА!	373
ЗАГОВОР ПО-РУССКИ	377
ПРИЧИНЫ ЗАГОВОРА	377
«ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША»	386
МОСКОВСКИЙ МЯТЕЖ	420
ИДЕАЛ КНЯЗЯ	428
ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ЗАГОВОРА	432
СТОЯНЬЕМ ГОРОДА НЕ ВЗЯТЬ	441
ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ – ПАМЯТЬ БЫЛИНЫ	450
ПОД ВЛАСТЬЮ ТОХТАМЫША	462
ЕДИНСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	462
КТО ТУТ В МИТРОПОЛИТЫ КРАЙНИЙ?	465
ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ	472
РЕВАНШ РЯЗАНИ	481
РАЗЛАД В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ	485
МИТРОПОЛИТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	487
ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН	490
«ПОРЯДОК» НА МИТРОПОЛИИ	502
ВОЙНА НА РЯЗАНСКИХ КРАИНАХ	510
ВОЙНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С ТАМЕРЛАНОМ	515

ПРАВОСИЛЬНЫХ	522
ЧУДЕСА «ОТ КИПРИАНА»	528
СМЕНА ЭПОХИ	534
ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ	534
ВОЙНА «ЗА СТАРИНУ»	544
КОЗНИ ВИТОВТА	549
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД	553
«ВЕЛИКИЙ» ПОХОД НА САРАЙ	557
КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ	563
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ОЛЕГА	566
ТАК МОГЛО БЫТЬ	576
ЗАКАЗ ОПЛАЧЕН	580
СМЕРТЬ КИПРИАНА	587
ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ	591
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	604
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	616
ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ	617
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	634
ЯРЛЫК, ДАННЫЙ ОТ КЫПЧАКСКОГО ЦАРЯ УЗБЕКА ПЕТРУ МИТРОПОЛИТУ РОССИИ... (ОКОЛО 1313 ГОДА)	635
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	638
ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	640
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	652
ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ	653

ПРИЛОЖЕНИЕ 5	656
ЯРЛЫК ХАНА МАМАЕВОЙ ОРДЫ ТЮЛЯКБЕКА НА МЕСТНИКУ РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ МИХАИЛУ-МИТЯЮ. 28 ФЕВРАЛЯ 1379 ГОДА	657
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	659
СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ	661
ПРИЛОЖЕНИЕ 7	712
ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ, О ПОБОИЩЕ, КОТОРОЕ БЫЛО НА ДОНУ, И О ТОМ, КАК КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ БИЛСЯ С ОРДОЮ	714
ПРИЛОЖЕНИЕ 8	732
СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ	733
ПРИЛОЖЕНИЕ 9	747
ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ	749
ПРИЛОЖЕНИЕ 10	763
ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ	764
ПРИЛОЖЕНИЕ 11	767
ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА (1389 ГОД)	768
ПРИЛОЖЕНИЕ 12	777

Быков А.В., Кузьмина О.В.

Эпоха Куликовской битвы

ОТ АВТОРОВ

История не должна воспитывать чувства собственного превосходства, она должна учить взаимопониманию. Не судить, но понимать – таков девиз историка вообще и в особенности историка конца XX века.

А. Гуревич

Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках – одно из самых важных и многогранных явлений отечественной истории. Однако и в дореволюционной, и в советской России практиковалась односторонняя оценка этой эпохи – исключительно с позиции «мы болеем за Москву!». Любые действия, ведущие к усилению Московского княжества, рассматривались историками как прогрессивные и этически оправданные, а любое им противодействие – как проявление реакции и даже как предательство национальных интересов России.

Но историю нельзя представлять в виде черно-белых картинок борьбы «добра» со «злом», тем более что под «добром» и «прогрессом» обычно подразумеваются современ-

ные идеалы, а под «злом» и «регрессом» – все, что в эти рамки не вписывается.

Но судить таким образом о событиях прошлого – большая ошибка. История создания Русского централизованного государства связана с целым рядом войн и восстаний, в которых участвовали самые широкие слои населения. Стало быть, у каждой из сторон была «своя правда». И людям современным необходимо постараться ее увидеть.

При создании этой книги авторы пытались сквозь толщу веков услышать голоса живых людей Средневековья, понять мотивы их поступков.

Однако при изучении первоисточников нам пришлось учитывать, что основная масса сохранившихся до нашего времени письменных документов XIV – XV веков – летописей, актового материала – связана либо с московской великокняжеской властью, либо с митрополичьим двором. Поэтому особое внимание мы уделили независимому летописанию Новгородскому, Рязанскому, Тверскому).

Следует отметить также, что многие письменные источники XIV – XV веков дошли до нас в более поздних редакциях, относящихся к XVI – XVII векам. В тот период традиция независимого летописания уже иссякла, а Москва прочно утвердила свою позицию столицы Русского государства. Кроме того, к этому времени в сознании русских изменился сам образ татарина-ордынца, некогда твердого государ-

ственника. Так как после распада Золотой Орды на ее территории образовались независимые, постоянно воюющие между собой ханства: Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и т. д. А в Диком Поле появилось множество полубандитских, неподконтрольных никакому правительству шаек, занимающихся разбоем и работорговлей, которые препятствовали земледельческому освоению причерноморской и поволжской степей, что было актуальной проблемой для России в XVI-XVII вв.

Платить дань этим «наследникам» Золотой Орды было бессмысленно, поскольку они не могли гарантировать взамен никакой защиты. И описанные в источниках XIV – XV веков события начинают переосмысливаться и, соответственно, редактироваться в этом ключе.

Только сравнительный анализ всех доступных нам документов (письменных, изобразительных, археологических) помогает нарисовать наиболее полную и внутренне непротиворечивую картину Древней Руси эпохи Куликовской битвы.

В своей книге мы рисуем портреты конкретных людей – видных деятелей XIV – начала XV века. Это Дмитрий Донской, Олег Рязанский, митрополит Алексий и многие другие, кто вершил судьбы народов в эпоху Куликовской битвы. Чтобы понять их, нужно думать и оценивать события, оперируя этическими нормами и понятиями того времени.

Именно такой подход раскрывает нам те тайные пружины истории, которые не заметили или проигнорировали специ-

алисты, оценивавшие действия наших героев с позиций сегодняшнего дня, или, того хуже, – с позиций сиюминутной политической конъюнктуры.

Эта книга – историческое расследование, цель которого – сделать тайное явным. Это своеобразный исторический детектив, поиск, в котором мы предлагаем принять участие читателю.

Было ли татаро-монгольское иго на Руси? Когда и где родилась мечта о едином государстве Российском? Действительно ли митрополит Алексей был «русским Ришелье»? Кто спровоцировал Куликовскую битву? Был ли Олег Рязанский предателем Русской земли? Кто стоял во главе заговора против Дмитрия Донского? Кто помешал объединению всех русских земель в конце XIV века?

Мы провели самое тщательное расследование, которое помогло развеять многие заблуждения исторической науки и привело к несколько неожиданным выводам, которые мы и предлагаем читателю.

ЗАЧИН

*Хоть бы в Орде, только бы в добре.
Народная мудрость*

БУМАГА ВСЕ СТЕРПИТ

На улице уже стемнело, и свет едва пробивался в комнатку сквозь разноцветные слюдяные окошки. Инок стоял, задумчиво склонившись над наполовину исписанным листом пергамента, и, чуть шевеля губами, перечитывал написанный недавно текст:

– В лето 6864 от сотворения мира... так... Той же осени Алексей, митрополит всея Руси, ходил снова в Царьград, милостию Божию и молитвами святой Богородицы, той же осени море перешел, и на Русь прииде... – Инок перестал водить пожелтевшим ногтем по строками летописания и натужно разогнулся.

Близоруко прищурившись, обвел комнату взглядом. Сидящий в уголке, у печи, мальчишка, старательно пыхтя, соскребал ножом надписи с большого пергаментного листа.

«Ежели этот лист вчетверо сложить, то будет тетрадь для требника... Эх, не жалеют латиняне денег-то на пергаменты... Хорошо, что Митька по-латински не понимает еще. Вот

и не смутит ему душу крыжацкая ересь... А папских булл у нас еще мно-ого. С этих буквицы соскоблим, да на дело пергаменты пустим, а латиняне другой год еще нам пришлют. На копеечку, а все же экономия».

Монах снова посмотрел на рукопись и недовольно протер глаза.

– Темно у нас, что ли?.. слышишь, Митяй?!

– А? – мальчишка встрепенулся и с надеждой привстал. – За кваском сбегать, отче?

– Все бы тебе бегать, пострел, – укоризненно покачал головой монах. – Запали, вон, лучину. Темно уже.

*Монахи пишут летопись.
Гравюра Лицевого свода XVI в.*

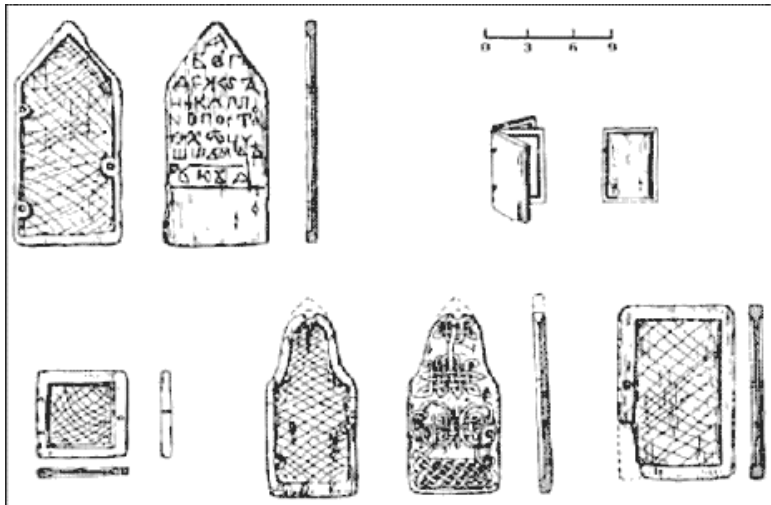
– Ага, – отрок кивнул и, нашарив на подшестке печи кремь с огнивом, принялся торопливо лязгать железом о камень. Искры полетели на трут, но огонь что-то не спешил заниматься.

– От печи запали, дурень. Что понапрасну-то лязгаешь, коли печка горит? – недовольно нахмурился инок.

Мальчишка обиженно закусил губу, но молча отодвинул печную заслонку, засунул внутрь длинную, тонкую лучину и вынул ее уже ярко пылающей.

– Ну вот. Заслонку-то на место верни, – улыбнувшись, кивнул мальчишке монах и, закрепив лучину в торчащем из стены поставце, снова посмотрел на летопись. – Хорошо глазам. Все буквы теперь, аки ясным днем, видны... Пора и запись делать.

Тщательно заточенное гусяное перо уже лежало у него под рукой, однако монах не торопился наносить на разлинованный пергаментный лист новые строки. Сперва он вынул из поясной коробочки и открыл церу – маленькую, удобно уместяющуюся на ладони деревянную записную книжечку со страничками, покрытыми слоем воска.

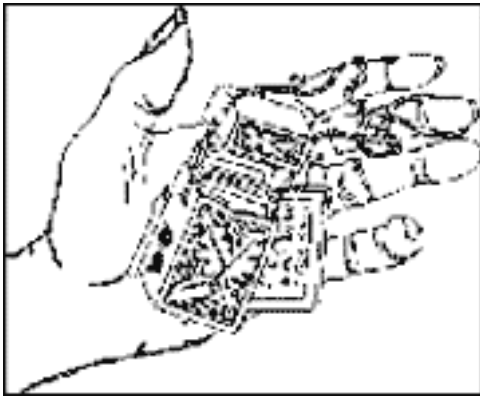
Церы (по археологическим находкам в Новгороде)

Положив книжечку рядом с листом, старец прочел сделанную вчера на цере для памяти надпись:

«Той же зимы, в день святого отца Симеона и Анны пророчицы, в то время, когда заутреню благовестят, тысяцкий московский Алексей Петрович Босоволков, по прозванию Хвост, убиен был от княжьих бояр великих Михаила и зятя его Василя Васильевича Вельяминова. И брошен был среди града на площади...»

«Ох, нехорошо... Нехорошо-то как получается, – с досадой подергал себя за бороду инок. – Натворят делов бояре,

а я пиши. Князь-то Иван Иванович в Орду уехамши. И бояре Вельяминовы утекли из Москвы, от греха подальше, с семьями. В Рязань ли, дальше ли в Орду, неведомо. А мне запись делать пора. Куда еще тянуть-то? Март на носу. Год заканчивается¹.

Футляр для церы

Новую запись делать надобно. Вот пропишу Вельяминовых убивцами, а князь возьмет да и простит их. Что же мне тогда, голову долой?.. Ладно, коли меня одного князь накажет. Вся ведь обитель без милостыни княжьей останется. А как князь, так и бояре его. Никто же копейки нам тогда не подаст...»

---

¹ Год в Древней Руси начинался весной, с 1 марта.

Монах тяжело вздохнул, взял в руку костяное писало и, развернув его острием к себе, лопаточкой принялся разглаживать на cere воск, стирая обличающие бояр Вельяминовых слова. Потом он перечел оставшееся: «Тысяцкий Алексей Петрович Босоволков, по прозванию Хвост, убиен был...»

Инок пожевал губами, стер «убиен был» и вместо этих слов нанес острием писала: «по бесовскому прельщению сам же себе убиеша...»

– Вот. Так-то лучше... Или не лучше? – старец еще раз перечитал получившуюся запись: «Хвост по бесовскому прельщению сам же себе убиеша...»

«Ох, опять неладно! Кабы он самоубивец был, так его и на кладбище хоронить бы не стали. Таких и отпевать-то грешно... А ведь похоронили же, и отпели уже... И совсем это плохо получается. Будто я поклеп на Алексея Петровича возвожу, в смертном грехе его обличая. Да меня ж Босоволковы за такое в порошок сотрут!.. Прости, Господи! Нельзя эдак-то писать. С какого боку не посмотришь – все лихо...»

Монах решительно взялся за писало и лопаткой затер смявшие тысяцкого слова.

«А ежели вот так? – он вывел после слова Хвост: – Убиен был неведомо кем. То ли татями ночными, то ли иными разбойными людьми...»

В поставце горела, тревожно потрескивая, лучина, а мальчишка шумно ерзал у монаха под боком.

– Нет. Не то, – иннок недовольно поморщился. – Выходит, что же? По Москве ночью даже тысяцкий пройти спокойно не может? На Москву всю, да на стражей ночных, выходит, поклеп?! Да и не только в этом дело... Охо-хо. Грехи наши тяжкие... Ведь испросит же меня Господь всеблагостью на страшном суде: «Почто изолгал ты Алексея Хвоста? Почто про убийство его в летописании твоём лжа написана?»

Тяжко неправду писать. А правду писать страшно. По едом бояре друг друга едят. До смерти убивают. Как убит он был? Где охрана его была, где дружина? Никогда не ходил Хвост один, ни ночью, ни днем даже, но всегда в окружении верных людей своих. А среди верных тех и бояре Михаил и Василий Васильевич были!.. Вот и ответ. Вся Москва тот ответ знает. Но слово сказать – то одно, а вписать в погодную запись – иное. Казнит князь убивцев сих, али изгонит их, то и ладно. А если простит?.. Надоумь, Господи, как пред лицом твоим не солгать, но и обитель уберечь от гнева князьего да боярского?»

– Все, отче! Отскоблил! – довольно вскочил с места Митяй. – Теперь можно за квасом сбегать?

– Иди уж, – махнул рукой иннок. – И мне прихвати. Да скажи Андрейке, пусть поесть чего-нибудь нам соберет. В трапезную не пойду нынче. Занят я...

Мальчишка, нетерпеливо дослушав, тут же сиганул вон, забыв прикрыть за собой тяжелую дубовую дверь.

– Охо-хо, Митька. Никакого-то в тебе благолепия, – про-

кряхтел монах, закрывая дверь поплотнее, – суета одна мирская... Вот Андрей, тот другое дело. Андрейка дело знает... А Хвост-то, выходит, равно как князь Андрей Боголюбский, от своих же мечем посечен... – Монах вдруг замолк и, схватив писало, склонился над церой... «...убиение же его дивно и незнаемо, аки ни от кого же никем же, только найден лежащим на площади. Некие же люди говорили, что втайне сговорились и зло задумали на него враги, и так их общемою, словно Андрей Боголюбский от Кучковичей, так и Хвост от своей дружины пострадал...» – каллиграфическим почерком вывел он через некоторое время на желтом пергаментном листе и довольно улыбаясь размял пальцы.

– Некие же люди говорили... Вот так-то! Дверь со скрипом отворилась, и через порог резво перескочил Митяй со жбанчиком кваса в руках.

– Вот, – он выдохнул и установил жбанчик с плавающим в нем ковшом на широкую скамью. – Андрейка сказал, что трапеза не готова еще. Но чтобы я потом снова сбегал, когда доспееет...

– А как же ты узнаешь, что доспело? – полюбопытствовал инок.

– А я еще раз сбегаяю, чтобы узнать, – хитро улыбнулся Митяй.

– Эх ты, непоседа... Пошли уж. Все. Управился я. Будем со всеми, в трапезной есть.

УБИЙСТВО ДИВНОЕ И НЕЗНАЕМОЕ

В землях с вечевым управлением, таких, как Новгород и Псков, тысяцкий был высшим выборным лицом города, командиром городского ополчения и судьей. Также тысяцкий ведал сбором некоторых налогов. В тех городах Древней Руси, где не было вечевого правления, должность тысяцкого замещалась по приказу князя из числа знатных бояр. В Москве эту должность долгое время исполняли представители одной и той же семьи – Вельяминовы.

Хвост Алексей Петрович был боярином, сыном московского наместника. Еще при жизни московского князя Семена Гордого (княжил в 1341—1353 годах) он был деятельным участником боярской смуты в Москве. Как следует из окончательной грамоты великого князя Семена с младшими братьями, Хвост интриговал в пользу Ивана Красного. Одной из привилегий бояр в XIV веке было право беспрепятственного отъезда от одного князя к другому. Однако Семен Гордый, узнав о действиях Хвоста, запретил братьям принимать боярина в свои уделы и предупредил их, что намерен наказать крамольника и его семью по своему усмотрению. Конфискованным имуществом Хвоста великий князь поделился со своим братом Иваном Красным, обязав того не возвращать добро боярину и не помогать ему ничем.

В 50-е годы XIV века страшная болезнь, известная под именем черной смерти, унесла в могилу большую часть населения Европы. Эта беда не обошла стороной и Русь. В Москве моровая язва, как называли на Руси эту эпидемию, свирепствовала в 1353 году. Погибло множество народа. Сильно пострадала от мора и московская великокняжеская семья. Умер и великий князь Семен Иванович Гордый и два его сына. Новым великим князем Московским и Владимирским стал младший из четырех сынов Ивана Калиты, Иван Иванович Красный, поскольку все его старшие братья к тому времени умерли.

Став великим князем, Иван Красный наградил Хвоста за преданность и назначил его московским тысяцким. Но Вельяминовы – старые московские бояре, владевшие этим постом, не смирились и составили заговор. Результатом его и было убийство Алексея Петровича Хвоста Босоволкова – московского тысяцкого, произошедшее 3 февраля 1356 года.

«И был мятеж великий на Москве того ради убийства. И в ту же зиму по последнему пути большие бояре московские отъехали на Рязань с женами и с детьми». Убийцы тысяцкого – бояре, боровшиеся с ним за власть, и в первую очередь Вельяминовы, бежали в Рязань, уверенные, что там их не достанет гнев москвичей и московского князя. По одним сведениям, из Рязани они поехали в Орду, а по другим – лишь послали туда своих послов.

Какие же причины привели к убийству боярина Хвоста?

Вельяминов был тысяцким при московском князе Семене Ивановиче Гордом и стоял за удовлетворение денежных запросов Орды, что приводило к увеличению поборов с горожан. Хвост «играл на популярность», выступая против проордынской политики (то есть против повышения налогов). Иван Иванович Красный, брат князя Семена Гордого, в то время придерживался антиордынской позиции. Поэтому, унаследовав княжество после смерти Семена, он поставил тысяцким Алексея Петровича Хвоста.

Позиция Хвоста была, по сути, популистской – давайте не будем платить дань Орде, а князь пусть выкручивается как хочет. Покуда Иван Иванович не правил и не отвечал лично перед Ордой за недоимки, он поддерживал Хвоста. Однако, став великим князем он осознал, насколько его власть и сама жизнь зависят от размеров ордынского выхода.

Поступок Вельяминова и его сторонников получил одобрение в Орде. В 1358 году вернувшийся в Москву князь Иван Иванович Красный «перезвал к себе снова двух бояр своих, которые отъехали от него на Рязань, Михайло и зятя его Василия Васильевича (Вельяминова. – *Прим. авт.*)». По одной из летописей князь Иван Иванович принял своих бояр в Орде, а не по возвращении в Москву, то есть, возможно, хан напрямую повлиял на решение московского князя и тот вынужден был простить преступников. Они в конечном счете добились своего – должность московского тысяцкого вновь перешла к Вельяминову. А вот то, что эта должность

так за ним и осталась, доказывает – власть имущие в Москве в конце концов убедились, что проордынская политика для них выгодна.

Василий Васильевич Вельяминов оставался московским тысяцким вплоть до своей смерти в 1373 году, а род Вельяминовых оставался одним из сильнейших боярских родов при московских князьях до конца XIV века.

Еще одним влиятельным боярским родом московского княжества был род Бяконтов. Федор Бяконт, судя по дошедшим до нас боярским родословцам, выехал из Чернигова к великому князю Ивану Калите. И видимо, оказался очень полезен ему. Иван Калита доверил пришлому боярину высокую должность московского наместника (то есть Федор Бяконт замещал князя, когда того не было в городе). На Москве у Федора родился сын Елевферий, будущий митрополит Алексий.

Таким образом, митрополит Киевский и всея Руси Алексий по происхождению принадлежал к самой верхушке московского боярства. Надо думать, что связи со своими многочисленными родственниками из окружения московских князей он никогда не терял. Именно знатное происхождение и осведомленность во всех придворных интригах, вкупе с высоким саном митрополита, и позволили Алексею в 1359 году стать фактическим правителем Московского княжества при малолетнем князе Дмитрие Ивановиче. Но обо всем по порядку.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ КАРЬЕРЫ

У боярина Федора Бяконта было пять сыновей: Елевферий, Феофан, Матвей, Константин и Александр Плещей. Феофана можно считать несомненным боярином, Матвея – вероятным, а служба младшего сына, Александра Плещей, относится, по-видимому, к княжению Дмитрия Донского.

Родословная таблица рода Бяконтов

По древнему преданию, Елевферия крестил князь Иван Данилович Калита, хотя сам Калита в это время был еще мальчиком («...еще тогда юн сый»). В ту далекую эпоху, о которой идет речь, перед молодыми людьми из знатных семей обычно лежали только две дороги: военная или духовная. Елевферий выбрал вторую и в возрасте 20 лет постригся в монахи под именем Алексея в Богоявленском монастыре, находившемся в непосредственном соседстве с Кремлем, за

Торгом в Китай-городе.

Заметим, что Елевферий был старшим сыном Федора Бяконта и для того, чтобы сделать карьеру при московском дворе, ему вовсе не обязательно было уходить в монахи. Он и так имел все шансы, как старший сын, унаследовать должность и положение своего высокопоставленного отца. Следовательно, постриг не был для него средством сделать карьеру. Его стремление посвятить свою жизнь богу было, видимо, искренним. Но при этом Алексей не ушел от политики. Будучи монахом он продолжает вести активную жизнь, связанную с высшими слоями московского общества. Сын боярина, московского наместника, он, похоже, и не мыслил себе другой жизни, кроме как в самой гуще политических событий.

В монастыре Алексей подружился с монахом Стефаном, братом Сергия Радонежского, происходившим из рода ростовских бояр, которые перешли на московскую службу. Стефан был любимым духовником московских аристократов, таких как князь Семен Гордый, тысяцкий Василий Вельяминов и его брат Федор. Стефан поддерживал тесные связи и с тогдашним митрополитом всея Руси Феогностом.

Близость Алексея к высшему боярству и великокняжеской семье, а также его несомненные способности позволили ему сделать блестящую карьеру. Митрополит Феогност сделал Алексея своим наместником, обязанным «...помогать ему и судить церковных людей по правде, по священным

правилам». Таким образом Алексей оказался в центре всех церковных дел и нередко заменял Феогноста, разъезжавшего по своей обширной митрополии.

6 декабря 1352 года «Феогност поставил наместника своего Алексея в епископы во Владимир, а по своем животе благословил его на митрополию и послал о нем послов своих в Цареград к патриарху». А 1 марта 1353 года митрополит Феогност скончался от моровой язвы.

ПЕЧАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В этот горестный для Руси год по городам страшной гостьей ходила чума. По твердому убеждению как церковников, так и основной массы народа, подобные бедствия посылались на землю Богом «за грехи наши», и самым действенным способом избавления от страшной напасти было, естественно, всеобщее покаяние и молитва, а также обращение к святым угодникам, которые должны были заступиться перед Господом за страдающих от болезни людей. В народе сохранилась связанная с этими событиями песня.

*Долголи, ребята, нам во зле-то погибать?
Как поря-то нам, братцы, воспокаяться,
Воспокаяться, святым мужам помолитися:
«Ой вы мужи святые, угодники Божии!
Вы простите грехи наши беззаконные,
Помолите за нас Бога вышняго,
Бога вышняго, отца милосердного,
Чтоб избавил царя нашего от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы!»
А уж князь-то наш Московский Симеон Иванович,
Он и смотрит – сам рыдает – на погибший на народ,
Возрыдаючи речь он взговорил:
«Ох я грешный человек, прогневил Бога мово!
За грех-то мой Бог козни наслал!»
Как услышал Бог молитвы угодника своего,*

*Угодника своего, Петра Митрополита Московскаго,
И избавил град Москву от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы...*

Святой угодник Петр был митрополитом Киевским и всея Руси при князе Иване Калите. Своей резиденцией он выбрал Москву. Вскоре после его смерти, в начале 1327 года, во Владимире, на съезде епископов и князей было принято решение о местном, в масштабах Северо-Восточной Руси, почитании Петра, как святого. Константинополь признал святость митрополита Петра в 1339 году. Митрополит Петр был первым московским святым, и народ, естественно, обращал свои молитвы к нему, к своему земляку, прося для города защиты от страшной болезни.

В песне все заканчивается хорошо – чудесным избавлением града Москвы от моровой язвы. Действительно, в конце концов эпидемия черной смерти в Москве сошла на нет. Но до этого ее жертвами стало не только огромное количество простых людей, но и множество знатных. От эпидемии не спасал ни высокий титул, ни высший духовный сан. В один и тот же 1353 год от моровой язвы умерли и великий князь Семен Иванович Гордый, и митрополит Киевский и всея Руси Феогност.

Надо сказать, что в средние века население страдало от самых разных массовых эпидемий довольно часто. И часто они были связаны с болезнями среди скота либо с неурожа-

ем. Некоторые инфекции распространялись только среди отдельных слоев населения, например рыболовов или звероловов.

Нередко они распространялись с севера на юг – района Новгорода и Пскова до Старой Руссы, Торжка, Твери. Анализируя масштабы потерь, историк Н.А. Богоявленский приводит колоссальные цифры, почерпнутые из летописей. И даже если им верить не до конца, то описание выкопанных «скудельниц» – общих могил – красноречиво свидетельствует об огромных людских потерях. Вероятно, большая часть эпидемий возникала в летнее время и затухала в холода.

По свидетельству летописей наиболее распространенной болезнью на Руси была сибирская язва. Она носила разнообразные названия: «углие», «возуглие» в соответствии с латинским «карбункулюс» (уголь, уголек). Часто ее называли просто «мозоль», «прыщ», «прыщ горящий», «прыщ гнойный горящий». Инфекционность болезни также была понятна, поскольку указывается, что при сдирании шкуры с павших животных «руда», то есть кровь, попавшая в ссадины на руках, на губы или в глаза, вызывала заболевание. У лошадей, по свидетельствам очевидцев, «распухало тело», увеличивалось «пупдро», «пухло в горле», «в грудях». У людей же «опухи» отмечались в разных местах. Болезнь протекала от двух до пяти дней и редко заканчивалась выздоровлением.

Очевидно, что большой опыт, накопленный не одним поколением на Руси, помог выработать определенные меры за-

щиты от болезни. Была распространена традиция прижигания больного места каленым железом. Для борьбы с заболеваниями скота привлекались опытные люди барышники, кожевники, пастухи, ямщики и проч.), которые были в состоянии оценить здоровье лошади и другого животного. На рынках для животных отводились особые места, «конские площадки». Строго запрещалось трогать умершее животное, обдирать с него шкуру или использовать мясо. Больным людям врачи вскрывали карбункулы специальными шильями, откованными в кузнях. Знали, что чеснок может защитить от болезни, поэтому чесноком натирали тело и жевали «беспрестанно во рту».

Население северо-запада Руси научилось ставить засечные линии вокруг очагов заразы (завалы из деревьев). На воде предупреждения устанавливали у переездов, волоков. Для охраны засек привлекались как служивые люди, так и местное население.

Эффективной борьбой с инфекцией считался не только огонь (костры всегда горели на засеках, в огне уничтожался скраб погибших от болезни, а то и целый дом со всем имуществом), но и холод. Дома, где жили умершие, вымораживались, несколько недель стояли с открытыми дверями, окнами, трубами, после чего топились можжевельником. Вымораживались или сжигались и вещи погибших от инфекции.

Однако черная смерть, или, по русским летописям – моровая язва середины XIV века, судя по описанию, оказа-

лась необычным и страшным бедствием для современников. Внезапность заболевания, широкое распространение, быстро наступавший роковой исход заразившихся побудили объяснить это явление сверхъестественными силами.

С языческих времен на Руси сохранилась вера в то, что все болезни человека происходят от «злых ветров» и невидимых злобных духов – «навий». Навьи – это мертвецы, а точнее, невидимые их души. Это души врагов или недоброжелателей, людей, которых за что-то покарала сила природы утопленников, съеденных волками, «с древа падших», убитых молнией и т. п. В болгарском фольклоре навьи наваци, нави) – птицеобразные души умерших, летающие по ночам в бурю и дождь «на злых ветрах», сосущие кровь людей; крик этих голых птиц означает смерть. Примерно таким же образом осознавались причины болезней и древними русичами.

Черная смерть. Миниатюра из Радзивилловской летописи XV в.

Люди верили, например, что во время эпидемий по городу в тумане ночи скачут бесы на конях, стонущие как люди, и уязвляют каждого человека, вышедшего из дома, «бесовскою язвою».

Чтобы умиловить навий, древние русичи приносили им жертвы. Раз в году в страстной четверг для них гостеприимно топили баню, приглашая при этом их мыться. Для защиты от на-вий и от прочих враждебных человеку потусторонних сил люди окружали себя сложной системой символов-оберегов. В основном это были изображения солнца и огня. Резьба на наличниках окон, на прялках и посуде, вышивка и тесьма на одежде – все это было не только украшением, но и магической защитой человека.

Православные священники признавали существование навий, но называли их бесами и предлагали другие методы борьбы с ними – молитву, покаяние, праведную жизнь. «Если Бог найдет на кого-то болезнь или какое страдание, врачеваться следует бо-жьей милостью да молитвою и слезами, постом, подаванием нищим да истовым покаянием, с благодарностью и прощением, с милосердием и нелицемерной любовью ко всем. Если кого ты чем-то обидел, нужно просить прощения сугубо и в будущем не обижать».

Обращаться же к лекарям церковники считали делом греховным – сопротивлением промыслу божьему. «...приглашаем к себе чародеев, кудесников и волхвов, колдунов и знахарей всяких с их корешками, от которых ждем душетленной и временной помощи, и этим готовим себя в руки дьявола, в адову пропасть во веки мучиться».

От черной смерти уровень смертности был очень высок. Признаки заболевания («харкает человек кровью, и в третий день умирает, и были мертвые всюду») указывают легочный тип чумы, которая распространялась по воздуху, как современные капле-но-воздушные инфекции. Ввиду этого болезнь быстро поразила широкие слои населения.

Другой характер болезни зафиксирован так: «...а еже железою боляху, не одинаково: иному убо на шее, иному же на стегне, иному же под пазухою, иному же под скулою, иному же за лопаткою...». Эти признаки указывают на распространение бубонной чумы. Она протекает обычно не так быстро, как ее легочная форма, и у больного при лечении появляется шанс к выздоровлению. Известно, что нередко в одну и ту же эпидемию отмечались сразу два вида чумы. Такие вспышки сопровождались огромной смертностью. Летописец свидетельствует, что «не успевали живые мертвых погребать, уми-раху бо на день по пятидесяти и по ста человек и больше».

Черная смерть, придя из глубин Азии, прокатилась по поволжским городам Золотой Орды в 1347 – 1348 годах. Че-

рез черноморские владения итальянцев она перекинулась в Италию, оттуда – в Западную Европу. В 1352 году чума пришла из Европы на Русь северным путем – через Новгородские и Псковские земли. По подсчетам ученых, эпидемия черной смерти, свирепствовавшей в Европе в 1347 – 1353 годах, унесла 24 миллиона жизней.

На Руси эпидемия затухла, видимо, только с приходом зимы 1353 – 1354 года.

После смерти митрополита Феогноста Алексей, которого Феогност еще при жизни назначил своим преемником, выехал в Орду. В 1354 году ханша Тайдула, которую Алексей вылечил от глазной болезни, выдала ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь.

Филофей, патриарх Константинопольский, поставил Алексея в митрополиты только «после надлежащего самого тщательного испытания в продолжение почти целого года». Причиной столь долгого испытания была национальность Алексея. Дело в том, что сложившейся практикой Константинополя было поставление на митрополичий престол Руси выходцев из Византии – космополитов, уже в силу своего происхождения способных встать над национальными интересами и действовать в пользу православной церкви в целом. И тот факт, что Алексей, несмотря на свое происхождение, сумел убедить патриарха в своей «профпригодности», говорит сам за себя.

*Алексий излечивает царицу Тайдулу. Клеймо
иконы «Митрополит Алексий с житием»*

Впрочем, возможно, на решение патриарха повлияло и то, что князь Иван Иванович Красный прислал письмо с просьбой о поставлении Алексия. Послание было подкреплено солидным денежным взносом.

Константинопольский патриарх Филофей поставил Алексия главой церкви всея Руси, обязав не оставлять своим по-

печением западную, Литовскую часть митрополии, и поддерживать постоянную связь с Константинополем. Константинопольская патриархия давно уже вынашивала план объединения всех православных Русских земель под властью единого митрополита и, возможно, единого князя.

Дело в том, что к середине XIV века территория Руси была не только разделена на отдельные княжества, но и поделена между тремя крупными державами. Ко времени начала «великой замятни», к 1359 году политической реальностью для Северо-Восточной Руси была власть Золотой Орды, признаваемая всем населением как верховная и легитимная. Южная и Западная Русь находились в это время в составе Великого Княжества Литовского, либо были в той или иной степени зависимы от него.

Причем подавляющее большинство населения этих земель власть литовских князей тоже вполне устраивала. А западная часть Галицкого княжества в это время была уже захвачена Польшей. Между Польшей и Великим Княжеством Литовским шла, с переменным успехом, феодальная война за контроль над всей территорией Галицкой Руси.

Русские люди того времени, таким образом, не имели собственного национального государства и, похоже, к его созданию не стремились. Жителей Руси в исследуемую эпоху объединяло лишь общее прошлое – ставшая уже легендарной Киевская Русь, а также общий восточнославянский язык. Впрочем, он тогда не очень-то отличался от западно – и юж-

нославянского. Языковые отличия накапливались постепенно, в течение многих веков. Заимствование новых слов у разных соседей и самостоятельное словообразование внутри каждого языка – процесс долгий и современникам практически не заметный. Языковые группы восточных, западных и южных славян в то время отличались друг от друга в меньшей степени, чем сейчас различаются русский, белорусский и украинский языки.

Еще одним объединяющим русских людей началом была православная религия. Но рамки православного единства были гораздо шире рамок языковых. Православными, кроме русских, были многие южные славяне, греки, грузины.

Памятью о былом единстве русских земель к XIV веку остался титул митрополита Киевского и всея Руси. Введенный во времена крещения Руси Владимиром Святославичем, этот титул и связанная с ним структура русской православной церкви были к XIV веку самыми прочными узлами, скреплявшими Русь.

При византийском императоре Иоане Кантакузине в Константинополе возникла идея политического объединения Руси. Объединяющим началом должна была стать православная вера. Дело в том, что Византия нуждалась в единой православной Руси, как в сильном союзнике для противостояния католической и мусульманской экспансии. Сложившийся к XIV веку мировой порядок Константинополь не устраивал, так как в подчиненных Польше и Литве частях

Руси постоянно усиливалось католическое влияние, а Северо-Восточная Русь входила в состав Золотой Орды, официальной религией которой с первой половины XIV века стало мусульманство.

Константинопольский патриарх Феогност предполагал объединить Русь руками митрополита Киевского и всея Руси. Алексей, видимо, получил в Цареграде соответствующие инструкции. Однако в то время этим планам не суждено было осуществиться.

В 1355 году в Византии произошла очередная смена власти. Захвативший престол император Иоанн V и новый патриарх Каллист по настоянию великого князя Литовского Ольгерда учредили литовскую митрополию с центром в Новогрудке. Каллист поставил в митрополиты Малой Руси кандидата Литвы Романа (тот правил до 1362 года, потом литовской митрополии не было).

В этом же, 1355 году, по настоянию литовского митрополита новый патриарх вызвал Алексея в Константинополь для вынужденного раздела русской митрополии. В результате долгих споров и взаимных обвинений Алексей сохранил титул митрополита «Киевского и всея Руси», а Роман стал митрополитом Малой Руси, без Киева. Роман отказался подчиниться решению патриарха и провозгласил себя митрополитом Киевским.

Митрополит Алексей возвращался из Константинополя через Золотую Орду. Ханский престол в это время занял

Бердибек. Новый хан выдал Алексею ярлык. Дело в том, что русские митрополиты должны были после своего поставления в Цареграде отправляться в Сарай, чтобы получить от хана себе и своим епископиям ярлыки, в которых ханом подтверждались их права и преимущества.

Таким образом, получив «охранную грамоту» ордынского царя, в 1358 году Алексей прибыл в Киев, чтобы подтвердить свое право на митрополию. Однако Ольгерд «изымал митрополита обманом, заключил под стражу, ограбил и держал в плену около двух лет». Алексею удалось бежать, и он вернулся в Москву, где к этому времени князь Иван Красный умер, и на престоле оказался его девятилетний сын Дмитрий Иванович.

МОСКВА БОЯРСКАЯ

За малолетнего князя, естественно, правили его бояре и ближайшее окружение.

Годы правления Дмитрия Ивановича можно с полной уверенностью назвать золотым веком московского боярства. Началось это правление с фактического регентства видного представителя этого слоя, митрополита Алексия.

Бояре на Руси были правящим классом и обладали всей полнотой власти. И в Новгородской вечевой республике, и в Московском, Рязанском, Тверском княжествах боярами называли людей, занимающих высшие административные должности. Единственное различие – новгородских бояр на должности выбирало вече или назначал посадник, а в княжеской Руси должности давали сами князья.

Как французский король Людовик XIV в свое время сказал «государство – это я», так в XIV веке на Руси бояре могли бы сказать: «государство – это мы». Они были наместниками князей в городах, судьями, тысяцкими, воеводами, князьими конюшими и чашниками своего рода «завхозами» в княжеском хозяйстве). Вершить суд и принимать важные решения князь мог лишь посоветовавшись с «боярской думой» – собранием самых влиятельных лиц своего княжества. Конечно, боярская дума – орган совещательный. Но как государь не может долго править, находясь в разладе с собствен-

ным государством, так и князь не мог безнаказанно игнорировать мнение своих бояр. Именно поэтому любой князь, принимая важное решение, вынужден был советоваться с боярской думой. В XIV-XV веках это было не данью традиции, а насущной необходимостью.

Все жители княжества обязаны были платить князю определенный налог – как защитнику и покровителю территории. Чтобы прочнее привязать к себе бояр, князь за верную службу награждал их, давая «в кормление» часть своих земель. Налог с таких отданных на время службы боярина земель поступал уже не в княжескую казну, а боярину. Естественно, что его собирал уже не княжеский сборщик мытарь), а сам боярин.

Боярин, конечно же, старался изыскать способы и получить с отданной ему в кормление деревни, городка или даже области как можно больше. Кроме того, князя, чтобы привлечь к себе людей, на первых порах щедро раздавали незаселенные земли и всяческими льготами поощряли их освоение. Бояре и слуги вольные приобретали земли и на свои средства, поселяли на них крестьян и заводили хозяйство. Приблизительно с середины XIV века тип старого боярина – воина-дружинника стал перерождаться. Боярин прочно садится на землю, заводит на ней хозяйство, тесно связывает свои интересы с владением землей. Таким образом появились в Московском, да и в других княжествах вотчины или отчины) бояр – их личные владения.

Конечно же, за боярами сохранилось право перехода от одного князя к другому. Но теперь, переезжая в другое княжество, боярин терял доходы, которые ему приносили отданные «в кормление» земли и должности. К тому же он не мог, находясь в другом княжестве, столь же эффективно, как и прежде, управлять и защищать свое собственное поместье. Поэтому отъехавшему боярину приходилось, как правило, продавать свою земельную собственность соседям или самому князю. Впрочем, в ряде докончальных грамот между князьями упоминается, что на территории одного князя находятся отчины подданных другого князя. В таких случаях князьям приходилось решать все связанные с этим юридические и хозяйственные проблемы. Естественно, что на подобные лишние хлопоты князья шли весьма неохотно.

Прочно осевшие на землю бояре начинают все в большей степени связывать свою жизнь с судьбой того княжества, в котором они поселились. В XIV веке мы еще наблюдаем переходы бояр. Благодаря родословцам, до нас дошло много сведений о перемещениях бояр из других княжеств в княжество Московское. Но со временем это явление становится все более редким. К тому же переход боярина не к союзнику, а к военному противнику, прежним хозяином однозначно воспринимался как измена. Про таких бояр писали уже не «перешел», а «бежал». Отчину – личные владения такого боярина-изменника князь имел право конфисковать.

В некоторых списках летописей помещена «Повесть о

жизни и последних часах великого князя Дмитрия Ивановича». Своим сыновьям он завещал: «Ибо яр своих любите, честь им достойную воздавайте за служение их, без совета их ничего же не творите».

Вряд ли летописец дословно цитировал предсмертную речь князя Дмитрия Ивановича. Но дело вовсе не в точности или неточности этих речей, а в яркой характеристике взаимных отношений великого князя и боярства, данной автором «Повести...» Характеристика эта вполне гармонирует с общим впечатлением, складывающимся при изучении других источников периода княжения Дмитрия Донского.

Бояре не были чиновниками, в современном понимании этого слова, а княжеская власть не была организацией с должностями и строго прописанными функциями. Боярская дума того времени – это, скорее, группа собравшихся вокруг князя единомышленников. Князь был знаменем государства, равно как бояре были его телом. Поэтому каждый думный боярин, заведующий каким-то конкретным вопросом, был своего рода министерством в одном лице. Для решения конкретных вопросов требовалось непосредственное присутствие боярина. Он сам вел дружину на бой, сам спрашивал отчета со своих управляющих и судей, а затем сам держал ответ перед князем.

В церкви, имелся свой хозяйственный механизм, велся строгий учет собственности, существовала отчетность. Сохранялось множество записей финансового характера в мо-

настырях и отдельных приходах. Дело в том, что церковный иерарх, будь то епископ, настоятель монастыря или приходской священник, признавал себя лицом подотчетным как перед вышестоящим начальством, так и перед тем, кто придет ему на смену. Церковь уже тогда была в этом смысле сложной бюрократической и коммерческой организацией с отлаженной системой проверок.

Но светская власть переняла этот опыт церкви лишь в конце XV века, когда Московская Русь, став централизованным государством, создала целый слой грамотного чиновничества без которого уже не могла обходиться.

Каждый из бояр был своего рода заместителем князя по каким-либо хозяйственным или военным делам. Например, Василий Вельяминов был, говоря современным языком, заместителем князя по судам и налогам в Москве. Ион воспринимал эту должность, как дело семейное, родовое. Должность московского тысяцкого была передана ему «в кормление», так же, как, видимо, были переданы и некоторые из подмосковных княжеских деревень. И Василий Вельяминов, естественно, рассчитывал, что должность тысяцкого останется за ним, а затем и перейдет к его наследникам.

Князь не мог просто так отнять у боярина отданную ему в кормление должность или землю. Для этого нужен был очень существенный повод – вина боярина – неспособность его эффективно выполнять свои обязанности, какое-либо существенное злоупотребление или крамола – государственная

измена.

Именно поэтому Василий Васильевич Вельяминов закономерно возмутился из-за того, что у него без вины была отнята и передана Хвосту должность московского тысяцкого. Именно эта обида и толкнула его на убийство.

МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ – РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ

После смерти великого князя Ивана Красного московские бояре образовали при юном князе Дмитриии свое правительство. Митрополит Алексей, вернувшийся в это время из литовского плена, вскоре фактически встал во главе Московского княжества.

О том, как это произошло, читаем в грамоте Константинопольского патриарха: «...спустя немного времени скончался великий князь московский и всея Руси, который перед своей смертью не только оставил на попечение тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверя никому другому, ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее». Эта грамота была написана уже после смерти митрополита Алексея, и содержала официальную версию событий.

Дабы «узаконить» свое регентство при малолетнем князе, Алексей распространяет легенду о том, что Иван Красный якобы завещал ему управление великим княжеством. На самом же деле в момент смерти великого князя московского Ивана Ивановича Алексей находился в плену в Литве. Не стал бы великий князь оставлять своего сына и княжество на

попечение человека, жизнь которого висит на волоске.

Но так или иначе, Алексею удалось, опираясь на свою родню, встать во главе боярского правительства при малолетнем князе.

Первым делом, за которое взялось московское боярское правительство, была борьба за великое княжение Владимирское.

С середины XII века, со времен Всеволода Большое Гнездо Владимир считался «старшим» городом Северо-Восточной Руси, а во всех других княжествах региона правили потомки этого знаменитого князя.

В Северо-Восточной Руси XIV века было несколько великих княжений: Владимирское, Московское, Рязанское, Тверское, Ярославское, Смоленское и Суздальско-Нижегородское. Владимирское великое княжение считалось старшим из них. Иван Калита в 1339 году добился для великого князя Владимирского права собирать со всей Руси дань для Золотой Орды. И со времен Ивана Калиты борьба за стол великого князя Владимирского стала не только борьбой за богатые владимирские земли и за формальное старшинство среди великих князей, но и борьбой за право собирать со всей Руси дань для Золотой Орды.

Для того чтобы вступить на великокняжеский престол не только на Владимирский, но и на любой другой из перечисленных выше), претенденту надо было поехать в Орду, к хану, или, как именуют его русские летописи, царю, и там дока-

зять свое право на этот престол. Видимо, в Орде претендент на престол доказывал свои наследственные права и приносил присягу верности крестное целование) хану. Обычно ханы отдавали ярлык на то или иное великое княжение прямым наследникам предыдущего князя. Однако в спорных случаях, каковых было немало, большое значение играли взятки и посулы.

Эти правила распространялись и на великое Владимирское княжение. Однако вокруг него всегда кипели более жаркие страсти.

Великий князь московский и владимирский Иван Иванович Красный умер в 1359 году. А тут, очень кстати, в Орде сменился хан. «На поклон» к новому хану Наврузу съехались почти все русские князья. Здесь, в ставке хана, решался вопрос, кому достанется великий стол Владимирский. Ввиду того, что единственный наследник Владимирского княжения Дмитрий Иванович по малолетству своему отсутствовал и посольства от москвичей не было, ярлык на это княжение был предложен князю Андрею Константиновичу Нижегородскому. Но тот отказался от этой чести. Тогда хан отдал ярлык следующему за ним по старшинству – Дмитрию Константиновичу Суздальскому – сводному брату Андрея. Московский летописец возмущенно пишет, что Дмитрий Константинович получил великое княжение «не по отчине и не по дедине». Однако сам Дмитрий Константинович считал себя старшим в роде великого князя Ярослава Всеволодовича

и поэтому принял ярлык и тотчас же поехал во Владимир.

Но в 1360 году в Москву возвращается митрополит Алексий. Быстро разобравшись в обстановке, он снаряжает в Орду богатое посольство вместе с маленьким князем Дмитрием.

Хан встретил посольство очень ласково и подтвердил права Дмитрия Ивановича на Московское великое княжение. Однако, несмотря на то, что за Дмитрия, кроме московских бояр, просили ростовские и тверские князья, ярлык на великое княжение Владимирское остался у Дмитрия Константиновича. Московское посольство вернулось ни с чем.

Но Алексий не успокоился. Выждав два года и воспользовавшись очередной сменой ханов, в 1362 году он снарядил в Орду новое посольство. В Сарае в то время боролись за престол ханы Авдул и Амурат.

Летописи прямо сообщают, что царь Амурат бился за власть с темником Мамаем, а хан Авдул был всего лишь марионеткой Мамаея. «Было в те времена на Волжском царствии два царя: Авдула царь Мамаевы Орды, а другой царь Амурат с Сарайски-ми князьями. И так те два царя и те две Орды, мало мира имели между собою, всегда во вражде и в бранях».

Алексий, видимо, не был уверен, какой из ханов законнее и кто из них в конце концов победит. Поэтому он отправил два посольства – и к Авдулу и к Амурату. И оба посольства оказались удачными!

Москвичи прибыли в Сарай и выпросили у Амурата ярлык на великое Владимирское княжение для Дмитрия Ивановича «по отчине и по дедине».

Алексий, видимо опасался, что Дмитрий Константинович не уступит добром свой, полученный еще от хана Навруза, ярлык. Московские бояре посадили на коней троих юных князей: Дмитрия Ивановича 12-ти лет, его младшего восьмилетнего брата Ивана Малого и его двоюродного брата Владимира Андреевича того же возраста, и послали их с войском к городу Владимиру против князя Дмитрия Константиновича. Тот не рискнул противиться воле хана и уступил великое княжение Дмитрию Ивановичу.

В это время вернулись московские послы из Мамаевой Орды и тоже принесли Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение, но уже от хана Авдула. Сарайский царь Амурат, узнав об этом, «разгневался зело». В то время в Сарае гостил князь Иван Белозерский. Царь Амурат отпустил князя на Русь, а с ним отправил своего посла Иляка с охраной и ярлыком к князю Дмитрию Константиновичу на великое княжение Владимирское.

Получив подтверждение законности своих притязаний, Дмитрий Константинович Суздальский тут же поехал во Владимир и вокняжился там.

Москва среагировала оперативно. Через двенадцать дней к стольному городу Владимиру прибыл с большим войском князь Дмитрий Иванович. Дмитрий Константинович отсту-

пил к Суздалю. Московские войска погнались за ним и осадили Суздаль.

Дмитрий Константинович оказался просто не готов к тому, что Москва воспротивится воле хана и пойдет на его ставленника войной. Он вынужден был запросить мира «по всей воле» московского князя.

Поход 1363 года был бесспорным политическим успехом Алексея. Похоже, митрополит был одним из немногих на Руси, кто верно оценил обстановку в Орде и увидел, какие выгоды может извлечь Москва из начавшейся «великой замятни».

Поход москвичей против утвержденного Ордой великого князя был первым безнаказанным выступлением подобного рода. Будь в Сарае твердая власть, на Москву немедленно была бы послана карательная экспедиция. Но Алексей, видимо, был уверен, что этого не произойдет.

Мирный договор с Москвой князь Дмитрий Константинович Суздальский честно соблюдал. Когда в том же году к Дмитрию Константиновичу прибежали несколько удельных князей, обиженных князем Дмитрием Ивановичем, и предложили союз против Москвы, суздальский князь отказался возобновить борьбу. Но втайне он все еще надеялся, что в Золотой Орде установится порядок и царь восстановит поправную справедливость. Он даже посылал в Сарай своего сына Василия Дмитриевича Кирдяпу за помощью.

В 1364 году в Орде в очередной раз сменился хан. И Васи-

лий Кирдяпа привез отцу ярлык на Владимирский стол. Но Дмитрий Константинович предпочел отказаться от великого княжения в пользу московского князя. К этому его подтолкнули обстоятельства а.

В 1364 году умер старший брат Дмитрия Константиновича, нижегородский князь Андрей Константинович. Младший брат Дмитрия Константиновича Борис незаконно (вперед старшего брата) захватил власть в Нижнем Новгороде.

Тогда Дмитрий Константинович отдал полученный от хана ярлык на великое княжение во Владимире московскому князю, взамен на помощь против своего младшего брата.

Митрополит Алексей предложил князю Борису через посредничество Сергия Радонежского суд с Дмитрием Константиновичем. Но Борис отказался. И тогда Сергей затворил все Нижегородские церкви – запретил проводить в городе церковные службы. Когда же и это не подействовало, московское правительство предоставило Дмитрию Константиновичу значительное войско, и Борису пришлось уйти из Нижнего Новгорода в Городец.

Дмитрий Константинович стал великим князем суздальско-нижегородским. Он окончательно помирился с Дмитрием Ивановичем, а 18 января 1366 года его младшая дочь Евдокия вышла замуж за Дмитрия Ивановича Московского.

ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ – ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Настало время познакомиться с еще одним героем нашего повествования. Олег Рязанский – князь с трудной судьбой и посмертной недоброй славой, созданной московскими летописцами. «Изменник», ставший все же святым. Князь, которого окрестили «вторым Святополком»² на Москве, но которого любили рязан-цы и были верны ему и в победах, и после поражений.

Олег Иванович, сын князя Ивана Александровича (по некоторым данным – великого князя рязанского) и племянник пронского князя Ярослава Александровича. Некоторые исследователи считают Олега сыном великого князя рязанского Ивана Ивановича Коротопола, но это мнение не подтверждается источниками. В одной из дошедших до нас грамот Олега Рязанского он своим отцом называет князя Ивана Александровича.

Олег стал великим князем рязанским в 1350 году, будучи еще ребенком. В наследство ему досталось княжество, со всех сторон окруженное недругами. С одной стороны – земли татар, с другой – усиливающееся Московское княжество,

---

² Святополк I Окаянный (ок. 980—1019). Сын Владимира I. Убил трех своих братьев и завладел их уделами. Изгнан Ярославом Мудрым. В 1018 г. захватил Киев, но был разбит.

с третьей-Литва. Не было покоя и в самой рязанской земле. С первых десятилетий XIV века длилась здесь кровавая междоусобица. В 1339 году рязанский князь Иван Иванович Коротопол убил своего двоюродного брата Александра Михайловича Пронского, направляющегося в Орду с «выходом».

Известно, что только великий князь, чья власть была утверждена Золотой Ордой, мог собирать дань для хана на территории своего княжества с 1339 года Иван Калита, как великий князь Владимирский, добился права собирать дань для Орды со всех русских земель, но и позже это его право неоднократно оспаривалось рязанскими и тверскими великими князьями). Следовательно, в рязанской земле шла борьба за великое княжение. Закончилась усобица смертью главных претендентов на великое княжение рязанское – Ивана Коротопола Рязанского в 1343 году) и Ярослава Александровича Пронского в 1344 году).

Не сохранилось данных, которые могли бы нам пояснить – почему великим князем рязанским стал именно Олег Иванович. Видимо, к моменту его вокняжения никто из князей рязанской земли уже не претендовал на титул «великого». Возможно, все старшие рязанские князья были уже убиты в междоусобной борьбе. Усобицы на время закончились, и это позволило Олегу Ивановичу к началу 50-х годов замыслить наступление на Московское княжество. В 1353 году, 22 июня, рязанский военный отряд захватил московскую волость Лопасню, которая когда-то входила в состав ря-

занских владений. Лопасненский наместник Михаил Александрович был пленен и отведен в Переяславль-Рязанский, а через некоторое время выкуплен московским правительством. По утверждению летописца, «...князь Олег еще тогда молод был, младоумен, суров и свиреп вместе со своими рязанцами, с потаковниками ему с бродниками, много зла христианам сотвориша...». Московский летописец упрекает рязанцев в жестоком обращении с пленным наместником: «...и били его и многие пакости ему сотворили».

Получается, что в начале княжения за малолетнего Олега Рязанского так же, как и за Дмитрия Ивановича, правило его боярское окружение.

«Бродни» или «бродники», упоминающиеся в летописи, – это вольные люди – казаки, селившиеся на южных окраинах Рязанского княжества. Вообще, в тюркских языках казак – это свободный, никому не подчиняющийся человек. Похоже, «казаки» и «бродни», «бродники» – это тюркское и славянское названия одних и тех же людей.

Бродни жили в степи, в речных долинах, у бродов и перевозов через реки. Они добывали себе пропитание не столько оседлым земледелием, сколько рыболовством и охотой. Именно поэтому они не так зависели от княжеской власти, как обычные крестьяне. Бродники заселяли малолюдное южное пограничье русских княжеств. Жили они и южнее – во владениях кочевников. Дело в том, что степное кочевое скотоводство практически не использовало ресурсы рек и лесов

Причерноморья. Эту-то «экологическую нишу» и занимали бродники – предки российских и украинских казаков.

Охотники и рыболовы, знающие степь, умеющие стрелять из лука, скакать верхом, – бродники были более приспособлены к войне, чем оседлые земледельцы. Поэтому русские феодалы нередко брали их на службу, используя, видимо, как разведку и легкую конницу. Возможно, рязанские князья были первыми феодалами Северо-Восточной Руси, использовавшими степных «бродней» в своих военных целях.

Московский князь не предпринял никаких активных действий против Олега. Лопасня отошла к Рязанскому княжеству, изменение границ потребовало вмешательства Орды. В этом же 1353 году в рязанских рукописях приводится сообщение о том, что «посол из Орды приходил на Рязань учинить межу московским князьям». Видимо, речь здесь идет о размежевании московских и рязанских земель. И то, что оно действительно состоялось подтверждает духовная грамота московского князя Ивана Ивановича, в которой называются «места Рязанские отменные», полученные «вместо Лопасни». В числе этих мест оказывается, в частности, «Новый городок на усть Поротли».

Олег Иванович и в дальнейшем стремился усилить свои позиции, подчинив соседних князей. Так в 1355 году, по свидетельству летописей, произошла смута в Муроме. Муромское княжение по решению Орды захватил рязанский, или связанный с Рязанью, князь Федор Глебович, видимо став-

ленник Олега. С этого времени Муром надолго остается под властью князя Олега Рязанского.

Здесь имеет смысл уточнить, что мы подразумеваем, говоря «под властью князя». Это не вассальная присяга по западному образцу и не финансовая зависимость (дань). Отношения между князьями на Руси оформлялись в это время договорами и докон-чальными грамотами. У нас не сохранилось докончальных грамот между князьями Рязанской земли. Однако есть все основания предполагать, что эти документы аналогичны дошедшим до нас грамотам между Дмитрием Ивановичем Московским и соседними князьями.

Докончальная грамота является договором между князьями, самостоятельно хозяйствующими каждый в рамках своего княжества. Самим их подписанием князья признают власть друг друга в рамках своих княжеств. Далее в подобных грамотах фиксируется территориальное размежевание и подробно регламентируется хозяйственное взаимодействие между договаривающимися сторонами. Зачастую оговаривается старшинство одного князя перед другим. Именно в этом смысле следует понимать выражение «попал под власть» – попал под такую власть, какую старший брат имеет над младшим в патриархальной русской семье того времени. Эта власть, оговаривавшаяся в грамотах подробно, не простиралась далее, чем согласованная внешняя политика (вплоть до совместных военных походов). Причем тот, кто назван «старшим братом» в докончальной грамоте, прини-

мает решения по этой внешней политике, а «младший брат» должен ему подчиниться, и соответственно, в случае совместных военных действий выступить самому или просто выставить военную дружину под начало «старшего брата».

Таким образом, поставив на муромский престол дружественного князя и связав его dokonчальной грамотой, в которой тот признавал Олега старшим братом, рязанский князь получил возможность во время походов усиливать свою армию муромской дружиной. В то же время он, видимо, принял на себя обязательство выступать на защиту муромского княжества в случае, если тому будет угрожать опасность. Доказательством существования подобной dokonчальной грамоты может служить тот факт, что во всех важных походах Олега Ивановича участвовал муромский князь, а также то, что рязанская и муромская дружины неоднократно совместно выступали против вторгавшихся в пределы их княжеств татар.

Великий князь рязанский любыми средствами стремился расширить сферу своего влияния, в том числе и путем брачных союзов. Козельским князем в то время был Иван Титович, зять Олега Рязанского. В тех же родственных отношениях с Олегом Ивановичем находились Дмитрий Корибут (князь черниговский и новгород-северский) и Владимир Пронский. Кроме Козельска так или иначе зависели от Рязани новосильские князья и тарусские. Олег рязанский был женат вторым браком на дочери Ольгерда Ефросинье. Таким

образом, он был в родственных отношениях с большинством литовских князей.

Примечательно, что в московской летописи муромский, прон-ский и козельский князья названы «князи рязанские». Видимо, эти князья были связаны с Олегом Ивановичем докончальными грамотами, в которых они признавали его «старшим братом», и в понимании соседей их владения входили в Рязанскую землю. Возможно, их земли и юридически входили в состав великого княжества Рязанского, и тогда дань для Орды собирал с них великий князь Рязанский, то есть Олег Иванович.

Границы Рязанского княжества в то время проходили по верховьям Дона, у среднего течения реки Воронеж и, возможно, Хопра, не выходя на правый берег Дона. То есть рязанский князь контролировал торговый путь из Москвы в Сурож и Кафу, который шел через Рязань по Дону. Также под контролем Олега Ивановича, после захвата Лопасни, оказался путь из Москвы-реки через Оку на Волгу. Это был речной путь в Казань, в Булгар и в Сарай. То есть Олег Рязанский собирал налоги со всех важных торговых путей Северо-Восточной Руси.

Вблизи границ Рязанской земли находилось самостоятельное Елецкое княжество, в котором правили представители рода князей Козельских. Дружественные или, по крайней мере, добрососедские отношения Елецкого и Рязанского княжеств в то время несомненны.

Вначале 60-х годов у Олега Ивановича появляется беспокойный сосед – темник Мамай откочевал со своей Ордой на запад от Сарая, к границам Рязанского княжества.

Насколько мирно в то время уживались Мамай и Олег Рязанский, свидетельств не сохранилось. Но и упоминаний о набегах мамаевых татар на Рязань до конца 60-х годов не встречается, в то время как упоминания об активных действиях Мамаея в русских летописях встречаются с 1361 года.

ЭКСКУРСИЯ В САРАЙ

Воспользуемся небольшим затишьем в бурной жизни русских княжеств и заглянем в столицу Золотой Орды – Сарай-Берке (сарай переводится с тюркского как «дворец»). В XIV веке на этот город стоило посмотреть.

Первую столицу Золотой Орды основал хан Батый. Она располагалась в двух днях пути от Астрахани к востоку от Волги, на холмистом берегу реки Ахтубы. Этот город назывался Сарай-Бату (русские летописи называют этот город Сарай Большие или Старый Сарай). На одном из холмов находился ханский дворец. В городе было много дворцов, мечетей, ремесленных кварталов. В окрестностях Сарай-Бату находился большой некрополь. Городские стены Сарай-Бату достигали местами 18-метровой высоты.

Сарай-Бату пришел в упадок после того, как хан Узбек в первой четверти XIV века перенес столицу в Сарай-Берке (летописи называют его Новый Сарай). Сарай-Берке был основан чуть севернее, на берегу Волги в 1260 году ханом Берке. Расцвет города приходится на первую половину XIV века. При хане Узбеке население города достигало 100 000 человек. Известный арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Сарай-Берке в 1333 году, рассказывает о нем так: «Один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины на ровной земле, переполненный людьми, с

красивыми базарами и широкими улицами». Сарай-Берке, по данным археологов, занимал территорию не менее 48 кв километров. В городе был ханский дворец, обнесенный валом и рвом, жилые кварталы знати и ремесленников, торговая часть, колонии иноземцев. В Сарае проживали монголы, ясы, кипчаки половцы), черкесы, русские, византийцы, персы, арабы и другие. Каждый народ имел особые кварталы, отделенные друг от друга, и особые базары. Постройки были кирпичные, украшенные цветными изразцами. В столице был даже водопровод, чем в то время не мог похвастать ни один европейский город. О развитии астрономии и геодезии в Золотой Орде можно судить по археологическим находкам астролябии и квадранта.

Городское благоустройство создавалось среднеазиатскими архитекторами, плотничьи и судостроительные работы производились русскими мастерами. Ремесленники разнообразных специальностей, населявшие Сарай-Берке, привозились из покоренных стран. Вообще мастера-ремесленники всегда были самой ценной частью добычи для монголов. Плано Карпини, итальянский монах-францисканец, посланный в Золотую Орду папой Иннокентием IV в 1245 году, сообщает в своих записках, что при взятии осажденного города «татары спрашивают, кто из них жителей) ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором». О том же повествуется в другом месте: «В земле Сарацинов и других, в среде которых они

являются как бы господами, они забирают лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия». Об этом же говорит и арабский автор Ибн аль-Асир (XIII век). По его сведениям, сын Чингисхана, взявший среднеазиатский город Мерв, приказал: «...напишите мне список купцов города, старейшин его и богачей, да напишите мне другой перечень – художников и ремесленников».

Подневольные мастера благодаря своему искусству могли достичь довольно высокого положения. Плано Карпини встретил в Каракоруме русского ювелира Козьму, который выполнял работы для правителя, а также русского плотника, женатого на француженке, который «умел строить дома, что считается у них выгодным занятием».

Мастера различных специальностей нужны были Орде для строительства городов, зданий, украшенных цветными изразцами и резьбой, для изготовления оружия, ювелирных изделий, керамики – всего того, чем впоследствии была знаменита Золотая Орда. Именно собранные из разных стран ремесленники и создали ее пеструю и яркую материальную культуру.

Процветание Сарай-Берке не в малой степени обеспечивалось той данью, что ханы собирали с покоренных народов, в том числе и с Руси.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

О том, какими методами татарские баскаки собирали дань, можно узнать не только из кратких летописных сообщений. Гораздо более красочный и подробный «отчет» о сборе дани на Руси предлагает дошедшая до нас историческая песня:

ЩЕЛКАН

*А и деялося в Орде,
Переделялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На черевчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил
Азвяк Таврулович*

Городами стольными:
Васильяна Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме.
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он непожаловал, —
Его дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
Вдальнюю землю Литовскую,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того женец возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты...

Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожалуй ты меня Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой,
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую...»

В та поры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,

Два удалыми Борисовичи.
И в та поры млад Щелкан
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатья,
Мужики посадския
Они жалобу приносили
Двум братцам родимьем,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки —
Злата-серебра и скатного жемчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,

*И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилась,
Ни на ком не сыскалося.*

Интересно, что в песне отражено реальное тверское восстание 1327 года, приведшее к отмене баскачества на Руси.

У фольклорного Щелкана Дюдентьевича был исторический прототип – Чол-Хан, или, как его называют в русских летописях, Шевкал. Это был монгольский царевич, двоюродный брат хана Узбека.

В песне хан Узбек (царь Азваяк Таврульевич) потребовал от Щелкана, в доказательство верности – убить собственного сына, что Щелкан и поспешил сделать. Возможно, этим приемом песня подчеркивает особую лютость присланного в Тверь ордынского царевича. Однако можно сопоставить этот эпизод и с теми репрессиями, которые Узбек проводил в Орде, в связи с насаждением там мусульманства. Русские летописи сохранили сведения о том, что в Орде имел место мятеж, который подняли против Узбека противники принятия новой веры. Мятеж этот был жестоко подавлен. Возможно, эпизод с убийством фольклорным Щелканом собственного сына – это дошедший до нас отголосок внутриордынской распри, в которой Чол-Хан доказал свою преданность Узбеку.

Видимо, прибывший в Тверь Чол-Хан был профессиональным откупщиком – сборщиком дани. Или, как их назы-

вали сами татары – баскаком. Это предположение подтверждает и тот эпизод песни, в котором Щелкан собирает дань с Литвы. Кстати, сохранились летописные сведения о том, что те русские княжества, которые попали под власть литовских князей, некоторое время еще платили дань Золотой Орде.

Откупщик того времени – это предприниматель, который вносит в государственную казну крупную сумму, покупая у государства на определенный срок право сбора того или иного налога. Система откупов была выгодна как государству, не имевшему еще бюрократического аппарата столь мощного, чтобы самостоятельно взимать все налоги, так и откупщикам, которые, отдав вперед крупную сумму, затем возвращали ее с лихвой.

На основании песни о Щелкане мы можем предположить, что со своего родственника, Чол-Хана, вмес то кру п-ной суммы, которую откупщик обычно вносил в казну, хан потребовал расправы над мятежником-сыном. Впрочем, возможно, Чол-хану пришлось и сына убить и деньги внести.

Далее – Щелкан, то есть Чол-Хан, едет в Тверь. И там он начинает «вдов-то бесчестить, красных девиц позорить, над всеми надругаться, над домами насме-хатися».

На наш взгляд конфликт тверичей со сборщиком налогов произошел из-за элементарного непонимания и незнания обычаев другого народа.

Дело в том, что обычаи православной Руси сильно отличались от обычаев как мусульман, так и язычников-монго-

лов. У монголов нормальным явлением было иметь столько жен, сколько муж в состоянии содержать. Причем монголы не делали особого различия между женами и наложницами. Сын от наложницы имел те же самые права, что и сын от жены. Поэтому быть наложницей знатного царевича вовсе не считалось для монгольской женщины бесчестьем. У мусульман тоже было принято многоженство, так что если Чол-Хан был уже мусульманином, его отношение к русским женщинам все равно не могло не вызывать среди тверичей возмущения. В то же время арабские авторы свидетельствуют об исключительной самостоятельности татарских жен в решении повседневных вопросов, о «чудесах великого почета, в каком были у них женщины», и это несмотря на ислам. Дело в том, что пережитки языческого кочевнического быта и древнее монгольское право – яса – благополучно сосуществовали в Золотой Орде наряду с мусульманским законом – шариатом. Аль-Омари писал, что жены в Золотой Орде участвуют вместе с мужьями в управлении государством. В грамотах писалось: «Мнения хатуней и эмиров сошлись в этом». От имени ханш чеканились монеты и выдавались ярлыки.

Пайца сборщика дани – баскака. Пайца – это металлическая табличка с ханским знаком и пояснительной надписью. Пайца была своего рода документом, удостоверяющим право предъявившего ее действовать от имени хана.

Однако русские женщины по многим причинам не мечта-

ли стать женами монголов. Русским полонянкам в Орде приходилось привыкать к непривычной пище («едят без разбора всякую падаль», как свидетельствовал Гильом (Виллем) де Рубрук) и тяготам кочевого быта. Оказавшаяся в наложницах или «вторых женах» русская женщина должна была подчиняться старшей жене аила (монгольской семьи). Русские красавицы учились «править повозками, ставить в них жилища и снимать их... готовить шкуры и сшивать их ниткой из жил... шить сандалии, башмаки и другое платье... Все женщины в татарском государстве должны были трудиться, как мужчины, в то время как последние отлучались на битву».

Некоторые другие монгольские обычаи также могли показаться оскорбительными для русских людей. Так во время приветствий, благопожеланий, испробования угощений у монгол полагалось надевать шапку, чтобы выразить почтение хозяевам. У русских же, наоборот, в таких случаях полагалось шапку снимать. Жест уважения кочевника казался русским людям оскорблением.

Шокирующей для русских была и «нечистоплотность» монголов. В условиях кочевой жизни и постоянной нехватки воды они очень редко мылись. А так как не хватало топлива, то пищу монголы готовили на кизяках – засушенном кале лошадей и коров. В результате от кочевников просто воняло. И русские, привыкшие регулярно париться в бане и топить печи душистыми дровами, не могли не морщиться, общаясь

с монголами. И этим их оскорбляли.

В результате вполне нормальное, с точки зрения самого Чол-Хана, поведение как его самого, так и его ближайшего окружения, было воспринято тверичами как бесчестие и издевательство.

Последней каплей, приведшей к восстанию в Твери, был следующий эпизод: в день Успения Богородицы дьякон Дюдько повел рано утром молодую и здоровую кобылицу на водопой. Увидев красивую лошадь, татары кинулись ее отнимать. Дюдько, защищая свою собственность, начал драку с татарами, за него вступились прохожие тверичи. А затем татар начали бить по всему городу. Спасаясь от восставших, Чол-Хан со своими соратниками укрылся в княжеском дворце. Однако восставшие подожгли дворец, и Чол-Хан сгорел там вместе со всеми своими татарами. Затем разъяренная толпа набросилась и на гостей – ордынских купцов. Тверичи перебили их всех – кого посекали мечами, кого сожгли на кострах, а кого утопили в реке – Тверце. По одной версии, тверские князья поддержали восставший народ, а по другой – просто не смогли ему помешать.

Обратим внимание вот на что: Щелкан был убит не за то, что собираемая им дань была чересчур высока. Главной причиной, которая вызвала тверское восстание, было оскорбительное для русских поведение баскака. Деньги у «богатых посадских мужиков» еще были. По песне – они обратились к Щелкану с претензиями, принесся ему еще «злата-серебра

и скатного жемчуга». Но баскак опять повел себя оскорбительно, теперь уже по отношению к челобитчикам: «Подарки принял от них, чести не воздал им», «зачванелся он, загорденелся» (возможно, просто одел шапку не вовремя), за что и был убит. По одному из летописных свидетельств – сожжен в княжьем дворце, по другому же – разорван на части возмущенной толпой, убит «всем миром». Потому и не нашли виноватого – «ни на ком не сыскалося» вины за его смерть.

Вот еще один показательный момент. В песне он отражения не нашел, но в летописи передан довольно четко – после баскаков гнев тверичей обратился на гостей – иноземных купцов. Дело в том, что откупщиками были именно иноземные купцы. Это они давали деньги на то, чтобы откупить у государства право на сбор дани. Возможно, сам Чол-Хан был лишь главой ордынского отряда, обеспечивавшего сбор дани и охрану купцов. Но даже если главным откупщиком тверской дани был сам Чол-Хан, вряд ли он лично собирал с каждого положенную мзду. Скорее всего, этим занимались его слуги и все те же иноземные купцы.

*Восстание в Твери 1327 года.
Миниатюра Лицевого свода XVI в.*

Тверское восстание хан Узбек не оставил безнаказанным. Вскоре после восстания последовал разгром Тверского княжества. Карательная армия, отправленная ханом на Тверь, состояла из татар – «Дюденевой рати» и московских войск во главе с князем Иваном Калитой.

Иван Калита был ловким интриганом и верным слугой хана Узбека. Ни он, ни его войска, видимо, не испытывали особой жалости и родственных чувств к восставшим против татар тверичам. Разгром и дискредитация Твери были желанной целью московского князя. Ведь Тверь была в этот период главным противником Москвы в борьбе за Владимирский великокняжеский стол, а стало быть, и за гегемонию в Северо-Восточной Руси. Тверь, сама по себе, была в начале XIV века сильнее, чем Москва. А ордынский хан признавался во всей Северо-Восточной Руси легитимным правителем. Даже в песне о Щелкане его именуют царем. Поэтому Иван Калита просто не мог не воспользоваться такой политической удачей, как антиордынское восстание в Твери.

ОРДЫНСКАЯ ДАНЬ

В начале XIV века Сарай был действительным политическим центром Золотой Орды. Власть ханов была еще крепка, и это для большинства населения Золотой Орды было несомненным благом. Процветала торговля, мирное население могло спокойно работать, не опасаясь постоянных междоусобиц и набегов. Средством политической борьбы были доносы и отравления, а не разорительные междоусобные войны. Титулы и привилегии в этот период князья добывали себе в столице Орды при помощи взяток и связей, а восстания, антитатарские и антикняжеские, были не таким уж частым явлением.

Однако Ивану Калите удалось не только отнять у тверских князей титул великого князя Владимирского. Он, пользуясь своими связями в Орде и, возможно, личным доверием хана Узбека, сумел изменить саму систему взимания дани с Руси. Дело в том, что до Ивана Калиты баскаками – откупщиками дани на Руси были ордынские князья и их помощники, а возможно, и их «спонсоры» – согдийские и еврейские купцы. Иноязычные, исповедовавшие другую религию, незнакомые с местными условиями и обычаями, они собирая на Руси дань, действовали как слоны в посудной лавке, что вызывало периодические антитатарские восстания. Поэтому, в конце концов, ордынские ханы сочли, что более це-

лесообразно отдать право на сбор дани самим русским великим князьям. Прежняя схема сохранилась – русские князья вносили в ордынскую казну дань из собственных средств, покупая таким образом право на сбор ордынской дани со своей территории. Затем, пользуясь полученным правом, они собирали несколько большую сумму со своих подданных.

Возможно, такая схема была введена сразу после Тверского восстания. Или она существовала и ранее, но не была повсеместной. Бесспорно одно. В 1339 году Иван Калита «откупил» у хана Узбека право сбора дани в Орду с территории всей Руси. С тех пор баскаков на Русь из Орды не посылали. Естественно, что другие великие князья самостоятельно собирали дань со своих княжеств. Потом они, видимо, отправляли эти деньги в Москву. В годы «великой замятни», да и в годы размирия между Москвой и другими княжествами, великие князья Тверские и Рязанские, видимо, везли свою дань в Орду самостоятельно, а, возможно, и вовсе ее не платили.

Впрочем, любая из этих схем может быть подтверждена только косвенно. Как мы уже писали ранее, русские княжества XIV века не имели еще достаточно развитой бюрократической системы. А по отрывочным сведениям об ордынской дани, которые доходят до нас в летописях, с точностью восстановить порядок ее сбора и доставки в Орду пока не представляется возможным.

Однако получить какое-то представление о том, каким

образом татарская дань распределялась между князьями и между отдельными феодальными владениями, мы можем, изучив духовную грамоту князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича, написанную около 1401 – 1402 годов. Вот отрывок из этого документа:

«...А выйдет дань великого князя к Орде дати, и дети мои и княгиня моя возьмут дань столько со своих уделов, сколько в сей в грамоте писано, а взяв дань каждый на своем уделе, пошлют каждый своего боярина со своим серебром вместе к казне великого князя и отдадут серебро вместе...

А коли выйдет дань великого князя к Орде в пять тысяч рублей, берется дани с детей моих и княгини моей и их уделов триста двадцать рублей, кроме Городца и Углича Поля, и княгиня моя возьмет дань с Лужи, и со всего своего удела, и с Лужовских волостей, и слобод, и околиц, и сел, и с Козлова броду, и с Бадеевой слободки, восемьдесят восемь рублей, а сын, князь Иван, возьмет дани с Серпухова и со всего своего удела пятьдесят рублей без полутора рубля, а сын, князь Семен, возьмет дани с Боровска и со всего своего удела тридцать три рубля, а сын, князь Ярослав, возьмет дани с Ярославля и со всего своего удела семьдесят шесть рублей, а сын, князь Андрей, возьмет дани на Радонеже и со всего своего удела сорок два рубля, а сын, князь Василий, возьмет дань на Перемышле... сорок один рубль, а сын, князь Семен и князь Ярослав, возьмут дани с Городца и с Городецких волостей в новгородский выход, в полторы ты-

сячи рублей, возьмут сто шестьдесят рублей, по нашему докончанию, кроме Пороздны, а с Пороздны сын, князь Семен, возьмет дани в то ж серебро по расчету, а сын, князь Андрей и князь Василий, возьмут дани с Углича поля сто пять рублей.

А всего возьмут дети мои и княгиня моя дань с уделов своих, и с Городца, и с Городецких волостей, и с Углича поля в шестьсот рублей без пятнадцати рублей. А прибудет дани боле или менее, и они возьмут дань по тому ж расчету.

А переменит Бог Орду, и князь великий не станет выхода давать в Орду, и дети мои также, а что возьмут дани... на своем уделе, и та дань тому и есть...».

Таким образом, примерная дань Орде составляла 5000 рублей. Тяжесть этого налога распределялась по всей Русской земле. На удел Владимира Андреевича приходилось 320 рублей ордынского выхода. Если сумма ордынского выхода увеличивалась, то пропорционально возрастала и доля каждого князя. А если уменьшалась, то падала и доля.

Из этого же документа видно, что 1500 рублей ордынской дани платил Новгород Великий. Из этой суммы, по какому-то договору, 160 рублей брал себе Владимир Андреевич.

В то же время общая сумма налога, которую к 1400 году получал Владимир Андреевич со своего удела, составляла «шестьсот рублей без пятнадцати рублей», то есть 585 рублей. Таким образом, в орду уходило с земель Владимира Андреевича чуть больше половины собранных доходов.

Обращает на себя внимание оговорка князя – в случае, если Русь не будет платить дань Орде, вся собранная сумма должна остаться у наследников Владимира Андреевича. То есть собирать со своих уделов они будут все те же без малого 600 рублей, но все эти деньги оставят у себя.

Далее, из документа видно, что Владимир Андреевич прекрасно понимал – и сумма ордынской дани, и размер доходов с каждой конкретной территории могут измениться. Однако он указывает точные размеры своей доли в общерусской ордынской дани и распределение ее внутри своего удела, чтобы этим дать базу для последующих расчетов. Соотношение его участия не должно быть иным, чем 320 к 5 000, а доля участия любого из указанных им в завещании уделов в сумме 320 рублей должна быть исчислена исходя из соотношения «сумма, указанная для удела», к 585 рублям.

Итак, то, что Иван Калита и его наследники были откупщиками ордынской дани со значительной части территории Руси, кажется нам бесспорным. Это предположение может объяснить, каким образом Иван Калита «купил» такие обширные владения, как Галич, Белозеро, Углич.

Трудно представить себе, что Галицкие, Углицкие и Белозерские князья просто проели-пропили свои земли. Видимо, в трудные для этих небольших княжеств годы, когда они были не в состоянии заплатить ордынскую дань, московский князь уплачивал за них из своей казны, а в счет долга, в полном соответствии с правовыми нормами того времени, заби-

рал в собственность их земли, как «купли». Иначе непонятно, что могло заставить князей продать Ивану Калите свою отчину, которая была единственным источником их дохода и власти.

Однако со времен хана Узбека в Золотой Орде многое изменилось. К 1359 году в правительстве Орды назрел серьезный кризис. Уже при хане Узбеке феодальная аристократия, захватившая в свои руки управление улусами, стала очень влиятельной. Арабский писатель первой половины XIV века Эль Омари писал о хане Узбеке: «...из дел своего государства он обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается до частных относительно взимания и расходования (податей)», представляя решение таких важных вопросов, как взимание и расходование государственных налогов, эмирам, державшим в своих руках все нити государственного управления.

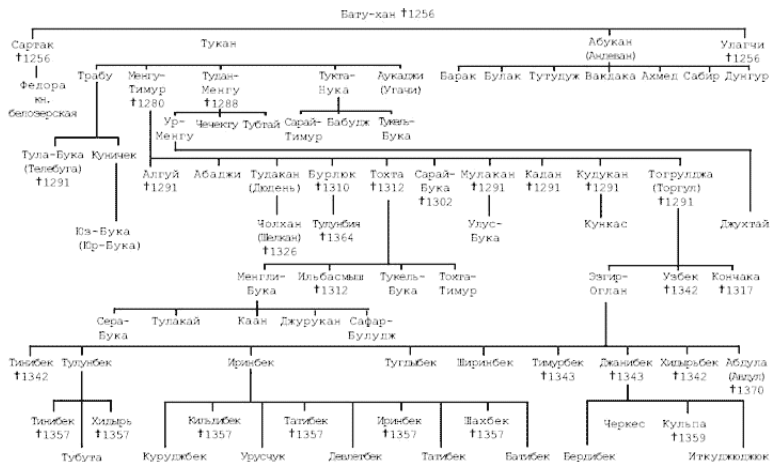
После смерти хана Узбека 7 апреля 1342 года феодальная, а точнее, чиновническая, управленческая аристократия приобрела еще большее влияние. Произошел дворцовый переворот. Прямой наследник Узбека, его старший сын Танибек был убит, а на престол посажен его младший брат Джанибек. Огромным влиянием в Орде в это время пользуется жена Узбека, мать Джанибека, ханша Тайдула (именно ее вылечил в 1354 году, находясь в Сарае, будущий митрополит Алексей).

За Джанибека, видимо, в еще большей степени правили

его приближенные и министры – эмиры. На годы его правления приходится столкновения татар с итальянцами в 1343 и 1344 годах в причерноморских городах Кафе и Тане (современные Феодосия и Азов). Мятежный царевич Мубарек попытался отделить от Золотой Орды самые восточные ее территории – Синюю Орду. Правда, эти попытки были жестоко пресечены – в 1352 году Джанибек разбил Мубарека и вновь подчинил себе территорию Синей Орды. В 1344 году польский король Казимир вторгся в Галицко-Волынскую землю, прежде платившую дань Золотой Орде. Но татары, похоже, никак не отреагировали на попытки отнять у них эту богатую территорию. То же самое можно сказать и о ряде городов на юго-западе Руси, ранее подчиненных татарам. Не случайно русские князья сообщали Джа-нибеку, что «Ольгерд улусы твои все высек и полон вывел».

Сильный удар по Золотой Орде нанесла и чума, свирепствовавшая в Поволжье и Причерноморье в 1347 – 1350 годах. Только в одном Крыму тогда умерло от болезни свыше 85 000 человек. По сообщению русских летописей в ордынских городах погибло столько народу, что «не было возможно живым мертвых погребати».

В то же время Джанибек на юге вел упорную борьбу с правившей в Иране монгольской династией Хулагидов. В 1357 году Джанибеку удалось завоевать Азербайджан.

Родословная таблица рода хана Батыя

Но в этом же году Джанибек заболел. И придворные, ожидая его скорой смерти, принялись делить власть. Когда Джанибек пошел на поправку, то один из его придворных, Тоглу-Бай, из страха, что царю станут известны его интриги, убил Джанибека. Судя по другим источникам, Джанибека, руководствуясь теми же мотивами, убил его собственный сын Бердибек.

Опасаясь, что кроме него сыщутся и другие претенденты на царскую власть, Бердибек приказал убить всех других ордынских царевичей – своих дядей и братьев. Эмиры, судя по

всему, мало пострадали. Но даже эта звериная жестокость не смогла обеспечить Бердибеку прочной власти. Через два года, в 1359 году, он был убит во время очередного дворцового переворота. В Орде началась «великая замятня».

С момента убийства Бердибека ханы в Орде сменяли друг друга с такой калейдоскопической быстротой, что летописцы даже не успевали вносить их имена в свои записи. Так, в 1361 году один из ханов «побил рекорд» краткосрочности правления – он правил всего три дня. После чего был убит. По мнению М.Г. Сафар-галиева – авторитетного исследователя истории Золотой Орды, восстановить подробно происходившие в этот период в Сарае события – дело пока непосильное для исследователей.

ЛИТОВСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

В то время Великое княжество Литовское оставалось последним языческим государством Центральной и Восточной Европы. Веру предков здесь исповедовали члены правящей династии и коренные литовцы. В XIV веке, в период правления князя Гедимина и его сына Ольгерда, благодаря огромному расширению своих владений и укреплению внутренней организации, Литва приобрела большое политическое значение.

Вторая половина XIII века и начало XIV века были временем необычайно быстрого распространения власти литовских князей на земли западной, а затем и юго-западной Руси. Уже при князе Гедимине вассалами Литвы стали минский, лукомский, друцкий, берестейский и дрогичинский князья. В 1340 году Гедимин посадил своего сына Любарта княжить во Владимире-Волынском.

В 1344 году польский король Казимир впервые попытался отторгнуть Галицкие земли от великого княжества Литовского. Борьба за них тянулась около сорока лет. Видимо, в 1340 году Любарт Гедиминович, княживший в Волыни и Галиции, еще платил Золотой Орде дань. Но с ослаблением Орды эти выплаты, естественно, прекратились. Галицкая земля стала ареной длительной войны, и хотя к 1349 году почти вся ее территория уже была захвачена польскими войсками,

борьба за эти богатые земли между Польшей, Литвой и Венгрией не прекращалась до 1387 года.

При князе Гедимине даже в Киеве ощущалось литовское влияние, хотя киевские князья тогда находились еще под властью Золотой Орды. Местное население зачастую само, по своей воле звало к себе на правление литовских князей.

Объясняется это тем, что литовские князья, устанавливая свою власть над русскими землями, стремились во всем приноровиться к местной жизни, порядкам и культуре. Они старались вносить как можно меньше изменений. «Мы старины не рушим, а новизны не вводим» – таково было их правило. Литовцы принимали православную веру, местную культуру, язык – одним словом, становились русскими князьями, только новой династии.

Именно этим было обусловлено столь быстрое продвижение литовцев на юг и на запад. Да, им приходилось завоевывать новые земли. Но, сломив сопротивление местных князей, а кое-где и вступив с ними в соглашение, литовцы затем не встречали препятствий со стороны остального местного населения.

Ольгерд был третьим из семерых сыновей великого князя литовского Гедимина. Ольгерд был удельным князем кревским. Он женился на Марии – дочери витебского князя Ярослава Васильковича и после смерти тестя в 1320 году получил в приданое за женой Витебское княжество. Вместе с братом Кейстутом, желая отомстить за смерть отца, в 1341 году

Родословная таблица рода Гедиминовичей

*Великий князь Литовский Ольгерд
(гравюра из книги А. Гваньини «Описание
Европейской Сарматии» 1581 г.)*

Так, Ольгерд вмешался в Московско-Смоленский кон-

фликт из-за Можайска, встав на сторону смоленских князей. В 1349 году московский князь Семен Иванович Гордый оказался на грани войны с Ольгердом. В 1350 году Ольгерд послал в Орду своего брата Кори-ата, прося хана Джанибека рассудить их спор с московским князем. Хан принял сторону великого князя Московского. В 1351 году Семен Гордый двинул на Смоленск войско и заставил смоленского князя порвать союз с Ольгердом. А в 1355 году Ольгерд и сам захватил Ржев – смоленский город, после чего отношения Смоленска с Литвой были надолго испорчены.

Заметим, что в 1350 году Ольгерд, захвативший военным либо династическим путем некоторые земли, входившие в Золотую Орду, все же ведет себя с царем Джанибеком как его подданный. Посылая к царю брата с жалобой на Семена Гордого, он становится в ряд других русских князей, признающих верховенство Орды и платящих ей дань. Возможно, до «великой замятни» Ольгерд даже исправно платил дань со своих земель, входящих в Русский Улус Золотой Орды. Но в 60-х годах ситуация резко изменилась.

Ольгерд Гедиминович, так же, как и митрополит Алексий, а, возможно, и раньше, чем тот, понял, что Орда ослабла и не сможет теперь дать отпор. Но у литовского князя были куда более значительные силы и куда более широкие, чем у московского боярского правительства, планы.

Начиная с 1362 года Ольгерд повел широкое наступление на Золотую Орду, с целью оторвать от ослабевшей державы

как можно больше лакомых кусков. На берегах реки Синие Воды он разгромил трех татарских князей (Хаджибея, Кутлуг-Бугу и Дмитрия), управлявших Подольской землей. Кочевавшие до этого в Подолии татары удалились в Добруджу, а в руках Ольгерда оказались вся левая половина бассейна Днестра, от устья реки Серета до моря, весь бассейн Южного Буга, Днепровские лиманы и пространство вверх по Днепру до впадения реки Роси.

Занятие литовцами Киева произошло без борьбы: Ольгерд сместил княжившего там ставленника Орды, князя Федора, и отдал Киев в управление своему сыну Владимиру. В эти же годы Ольгерд захватил Чернигово-Северскую, Волынскую и другие земли на юге Руси. Таким образом, Ольгерд отторг от Золотой Орды весьма обширную территорию, практически вдвое увеличив за ее счет земли великого княжества Литовского. Татары не смогли противостоять захватам Ольгерда, так как в это время на всей территории Золотой Орды установилось практически безвластие. Ордынские царевичи продолжали борьбу за контроль над столицей, а местные князья и мурзы были предоставлены сами себе и просто не смогли защитить свои земли от литовской армии.

Впрочем, на захваченных землях местная знать не лишилась своего влияния и власти. В главных городах захваченных земель – в Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе – сели князья-литовцы, а на меньших волостях остались князья древней династии Рюриковичей.

АКУЛЫ ТОРГОВОГО БИЗНЕСА

В это время в Западной Европе начиналась эпоха Возрождения. Уже проснулся в Италии интерес к античному наследию. Уже создал свои бессмертные произведения Данте Алигьери, писал свои сонеты Франческо Петрарка, и итальянцы смеялись над фривольными новеллами Джованни Боккаччо. Философы в Парижском и Пражском университетах уже вели богословские и научные споры.

Но в целом жизнь европейцев того времени была тяжелой и беспросветной. После каждой войны территорию Европы наводняли плохо организованные и не подчиняющиеся никаким законам банды наемников. Большая часть государей была совершенно бессильна перед бандитским беспределом и феодальной анархией. Западная Европа была сосредоточена исключительно на своих собственных проблемах. Эпоха крестовых походов закончилась. Везде, где европейцы пытались насадить свое влияние силой оружия, они потерпели сокрушительное фиаско. Единственным жизнеспособным государственным образованием крестоносцев оказался Тевтонский орден. Но и он остановил свое продвижение на восток, столкнувшись с сопротивлением Литвы и Новгорода. В XIV веке немцы предпочитали не воевать с Русью, а торговать с ней. Все большую экономическую и политическую силу набирала Ганза – союз североевропейских приморских

городов.

Императором Германской империи под именем Карла IV в это время был славянин, король Чехии, а папы римские находились под жестким контролем французской короны в Авиньоне знаменитое Авиньонское пленение пап продолжалось с 1309 по 1377 год).

Между Англией и Францией шла начавшаяся в 1337 году Столетняя война. В 1356 году в битве при Пуатье цвет французского рыцарства был разгромлен англичанами, а в 1358 году во многих французских провинциях вспыхнула крестьянская война, вошедшая в историю как Жакерия. В 1360 году в Бертини французы вынуждены были подписать невыгодный для них, а потому временный мирный договор с Англией.

Но все же европейская политика в эту эпоху оказывала существенное влияние на земли, находящиеся в составе Золотой Орды. Предприимчивые купцы из итальянских городов-государств, особенно Венеции и Генуи, стремились не только выгодно торговать со странами Ближнего востока и Причерноморья, но и влиять на них, используя свои политические и финансовые рычаги, преследуя более обширные коммерческие цели.

Наибольшее влияние на Русь эпохи Куликовской битвы оказала Генуя, поэтому мы будем обращать свое внимание в основном на нее. Средневековая Генуя была городом купцов. Вообще, нигде в Европе купечество не достигало тако-

го экономического и политического могущества, как в городах северной Италии. Нигде в торговую деятельность не вовлекались столь широкие слои населения. Путешественник, проезжавший через Венецию незадолго до Великой чумы 1348 года, пришел к заключению: «Весь народ здесь – купцы». О генуэзцах говорили также: «Генуэзец – значит купец». Действительно, именно крупное купечество задавало тон всей экономической, социальной и политической жизни в городах северной Италии.

В XIV веке происходит постепенная смена доминирующего типа крупного купца: странствующий по суше или по воде торговец, подвергающий себя всем опасностям и невзгодам, превращается в предпринимателя, который сидит в своей конторе и ведет дела преимущественно при посредстве агентов и переписки.

Все большее значение для купечества приобретает грамотность, образованность. Развивается математика. Происходит переход с римских на арабские цифры с применением нуля, что значительно упрощает расчеты. В бухгалтерии начинает использоваться принцип двойной записи дебет-кредит). Итальянские купцы ведут запись своих доходов и расходов в журналах, занося туда также и все могущие пригодиться им сведения. Возникают практические руководства по торговой деятельности.

Чтобы в ходе дальнейшего исследования лучше понять мотивы поступков генуэзцев порой шокирующих своей ци-

ничностью), разберемся в морали итальянского купца XIV – XV веков.

У делового человека того времени было два облика. Он сочетал культуру с коммерцией, религиозность – с рациональностью, благочестие – с аморальностью. Освобождая политику от нравственности, он был «макиавеллистом до Макиавелли». Он пытался перестроить отношения между моралью и религией таким образом, чтобы вера в Бога не служила препятствием для не слишком чистых операций.

Во множестве деловых документов, оформлявших сделки, находим мы обращения: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа и святой Девы Марии, и всех святых в раю, да ниспошлют Они нам блага и здоровье, на море и на суше, и да умножатся наши дети и богатства, и да спасены будут наши души и наши тела!»

Портрет генуэзца. Современная реконструкция

В расчетных книгах купцов и торговых компаний велись особые «счета бога». Сюда вносились те суммы, которые купцы жертвовали на бедных и богоугодные заведения, – с тем, чтобы застраховать свои души от посмертных неприятностей. С Творцом обращались, как с членом купеческой компании, и размеры Его доли зависели от величины прибыли, полученной компанией. Таким образом, Бог был прямо заинтересован в том, чтобы даровать предпринимателям максимальный доход. К XV веку в Италии были в ходу выражения «человек, стоящий столько-то тысяч флоринтов». Мышление на коммерческий манер, склонность видеть самые различные стороны действительности сквозь призму расчета проявляются во всем. В расчетной книге венецианца Яко-по Лоредано содержится запись: «Дожд Фоскари-мой должник за смерть моих отца и дяди». После устранения врага вместе с его сыном купец на противоположной странице счета удовлетворенно делает пометку: «Оплачено».

Итак, для генуэзского и венецианского купца добро отождествлялось с пользой, добродетель – с выгодой, а зло – с убытками. Заботы о спасении души не служили препятствием для купцов в их торговле с язычниками и мусульманами. Баснословные прибыли давала торговля рабами-христианами. Так, приток рабов в Геную и Венецию из Причерномо-

рья в XIV веке был огромен и начал сокращаться только с 80-х годов XIV века. Часть рабов оседала в Крыму, остальные переправлялись в Италию и Францию. Характерно, что женщины стоили особенно дорого. По нотариальным актам и другим архивным материалам установлены и цены на рабынь. После русских выше всего ценились черкешенки; татарки стоили дешевле.

Положение рабов было исключительно тяжелым. В Венеции оно закреплялось рядом законодательных актов XIII века. Провинившихся могли подвергнуть любым пыткам и казням. Дети рабыни становились рабами, даже если она вступала в брак со свободным. Католика нельзя было обратить в раба, а относительно других христианских конфессий строгих установок не существовало.

Таким образом, Генуей фактически управляли купцы и финансисты. Генуэзская республика оказалась первым западноевропейским государством, в котором политика и вся государственная машина были направлены на службу торговым интересам купечества.

Так, например, в 1344 году в Генуе был принят закон, который запрещал торговцам отправляться без оружия дальше Сицилии или Майорки. Военные и политические мероприятия Генуи были направлены на повышение прибыльности торговли генуэзских купцов. Таковы были войны Генуи с конкурентами Пизой и Венецией, такова была и политика Генуи в Византии и Причерноморье.

Генуэзцы появились на северных берегах Черного моря еще в XII веке, а в середине следующего столетия в 1261 году) за помощь, оказанную ими императору Михаилу Палеологу в сокрушении латинского владычества в Византии, получили исключительное право торговли на Черном море и одновременно добились запрещения торговать здесь венецианцам это запрещение, впрочем, действовало недолго).

Цели генуэзцев в отношении византийцев можно выразить словами Иоанна Кантакузина императора Византии Иоанна VI): «Задумали они не малое: они желали властвовать на море и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им...»

Между тем Византия в то время страдала от внутренних раздоров и от нападений турок. Гражданская война в Византии закончилась лишь в начале 1355 года, когда император Кантакузин добровольно оставил престол и ушел в монастырь. Вместе с ним оставил престол патриарха и ушел на Афон патриарх Филофей. К власти пришли император Иоанн V Палеолог и патриарх Каллист.

Династия Палеологов удерживала за собой византийский трон и занимала его до последнего дня существования Константинополя. Но сама власть империи была уже очень слаба. В западных владениях страны господствовали сербы, восточные провинции стали жертвой турецкой агрессии. На островах и в самом Константинополе хозяйничали генуэзцы и венецианцы.

Первоначально итальянские купцы появились на Черноморском побережье как покупатели товаров, идущих в Европу по шелковому пути. Завязав торговые связи, они строили свои жилища, которые постепенно превращались в торговые кварталы в городах и в укрепленные поселения. Из гостей итальянцы стремились превратиться в хозяев Черного моря. Для этого им нужно было контролировать все удобные порты и торговые центры, причем не просто контролировать, но и сделать их самообеспечиваемыми, независимыми от Византии и Золотой Орды. Венецианцы острее своей экспансии в Причерноморье направили в Тану нынешний Азов близ устья Дона). Им удалось заселить там ряд кварталов и добиться самоуправления. Генуэзцы в 1266 году добились от ставленника Золотой Орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Кафы.

Вскоре после того как генуэзцы основали в поселке Кафе свою торговую факторию, их давние конкуренты – венецианцы – сумели обосноваться в Солдае (нынешний Судак). Генуэзцы утвердились в Галате (на противоположном от Константинополя берегу Босфора). Отсюда Генуя могла контролировать всю морскую торговлю между Средиземным и Черным морями.

Отношения итальянских колоний с Золотой Ордой не всегда были добрососедскими: нападения на пришельцев из Италии совершались при всех ханах конца XIII – первой половины XIV веков – Токте, Узбеке и Джанибеке. Причиной

негативного отношения татар к итальянским купцам была работорговля, которой те активно занимались, причем продавали в рабство в том числе и татар. Арабский хронист рассказывает, например, как в 1308 году хан Токта собрался отомстить «генуэзским франкам в Крыму, Кафе и северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили, в том числе за захват ими детей татарских и продажу их в мусульманские земли». Но когда к Кафе двинулись войска, генуэзцы «узнали о приближении их, приготовили свои корабли, отплыли в море и ушли в свои земли, так что татары не захватили ни одного из них. Тогда Токта забрал имущество тех из них, которые находятся в городе Сарае и примыкающих к нему местах». Позднее генуэзцы, разумеется, возвратились в Кафу, а Золотая Орда не могла все время держать крупные воинские силы на черноморском берегу. К тому же, постоянно воевать с итальянцами татарским владыкам было просто невыгодно. Подавляющую часть времени между итальянскими купцами и татарами шла взаимовыгодная торговля.

Кроме того, жесткий порядок взимания дани, установленный в Золотой Орде, способствовал работорговле. Вспомним песню о Щелкане – там баскак за недоимки забирает в рабство самих должников или их родственников.

Эль-Омари пишет о татарах Золотой Орды: «Иногда они ставятся данью в трудное положение – в годы неурожайные, вследствие падежа скота или вследствие сильного выпадения снега и утолщения льда. Они продают тогда детей своих для

уплаты своей недоимки».

В 1343 году произошли беспорядки в Тане и в Кафе. Видимо, итальянцы, воспользовавшись смутой в Орде из-за убийства хана Джанибека), решили забрать себе больше власти. В Тане венецианцами в драке был убит наместник хана. Татары ответили посылкой карательного отряда, город был взят приступом и разгромлен. Венецианцам было запрещено впредь посещать Тану. Таким образом, их попытка захвата города провалилась.

Аналогичный инцидент, закончившийся избиением татар, произошел с генуэзцами в Кафе в 1344 году. Хан потребовал от генуэзцев немедленно покинуть город и пристань и, получив отказ, приступил к осаде города. Осада шла очень вяло. В феврале 1344 года осажденные генуэзцы организовали удачную вылазку – сожгли осадные машины и перебили до 5000 татар. Осада города была снята, но война продолжалась. По инициативе папы Климента VI 13 июля 1345 года между венецианцами и генуэзцами, до этого враждовавшими между собой, был заключен союз против хана. Папа объявил крестовый поход против татар. Однако организовать его не удалось.

Следует заметить, что в XIV веке папы объявляли крестовые походы ничуть не реже, чем в веке XII. Но большая часть этих воззваний так и оканчивалась ничем. Желающих отдать свою жизнь за веру в католической Европе становилось все меньше, да и влияние самих пап было в XIV веке невелико.

Итальянские купцы несли большие убытки от того, что была прервана торговля с Ордой. Они стали искать мира с ханом. Переговоры венецианцев с татарами закончились подписанием мира в Сарае в 1347 году. По договору восстанавливались привилегии, данные венецианцам при хане Узбеке; по-прежнему устанавливались льготные торговые условия в Тане и половецкой степи; венецианцам был сделан ряд дополнительных уступок: товары освобождались от весовых сборов, таможенные сборы не должны были превышать 5% стоимости товаров. Текст договора с генуэзцами до нас не дошел, но он, по-видимому, был аналогичен договору с венецианцами.

После гибели Джанибека наступает долгий перерыв в нападениях татар на причерноморские владения итальянцев – до 1396 года. Причина тому – новая политика крымского темника Мамаю – любимца хана Бердибека. Уже в 1357 году генуэзцы, которые в течение почти ста лет своего присутствия в Крыму владели только одной Кафой, основывают свою колонию в Чембало (Балаклава) и начинают возводить здесь неприступную цитадель. По договору 1358 года Ордой были сделаны существенные уступки в пользу венецианцев. Они приобрели право торговать в Сол-дае (Судаке), куда ранее въезд им был запрещен. Кроме того, таможенные сборы, взимаемые в пользу хана, были снижены до 3%.

Но этого итальянцам было уже мало. Почувствовав слабость ордынской власти, во время «великой замятни» они

бросились «ловить рыбу в мутной воде» сетями.

ВРЕМЯ БЕСПРЕДЕЛА

*Все мое! – сказало злато,
Все мое! – сказал булат.
Все куплю! – сказало злато,
Все возьму! – сказал булат.*

А.С.Пушкин

КНЯЖЕСКАЯ ОХОТА

Рассвет позолотил купола церквей Москвы, залил алым светом бревенчатую городскую стену. Зарумянились наличники княжьего терема, веселые блики разлетелись от вывешенных намедни для просушки на тын горшков.

Хлопнула тяжелая дубовая дверь терема. На крыльцо, на ходу завязывая плетеный пояс, вышел отрок в ладных сапожках и расшитой красными узорами белой рубахе. Зевнул во весь рот, поежился от утреннего холодка. Хотел было вернуться за свиткой, но передумал: «Чай не зима, не замерзну. А то еще попадусь на глаза ключнику, мигом осерчает. Дескать, чего без дела лытаешь? У-у, змей подколодный! Нет на него управы... Даром что князь меня жалует. Эх, был бы я боярином, небось не посмел бы мне ключник уши драть!»

Мишка Бренок, княжий отрок, даже зажмурился от удовольствия, представив себе страшную кару злому ключнику. Вздохнул – боярином Мишка был только в мечтах. Отрок мотнул головой, отгоняя напрасные мысли, воровато огляделся и одним махом вскочил на высокие перила крыльца. Опасно балансируя, огляделся. На востоке во всей своей утренней красе поднималось солнце. Осеннее, не жаркое, оно только щекотно гладило лицо тонкими золотистыми лучами.

Мишка тихонько засмеялся от непонятной радости и широко раскинул руки, приветствуя Солнышко. Одними губами торопливо зашептал с раннего детства вытверженную молитву Дажьбо-гу – Солнцу. Боги – они все слышат, а лихим людишкам дворовым вовсе лишнее слышать не надобно. Не ровён час донесут ключнику, что княжий отрок поганым богам молится – несдобровать тогда! И князь от розг не спасет.

Еще раз оглядевшись, Мишка украдкой осенил себя косым солнечным крестом. Виновато глянул на солнышко и спрыгнул с перил. Подумал и перекрестился еще раз по православному обычаю – на всякий случай, чай крещеный все-таки.

На заднем дворе послышался шум – заскрипели засовы, сонные голоса о чем-то вяло переругивались. Мишка тут же вспомнил, что сегодня наконец-то будет долгожданная радость – соколиная охота. В предвкушении потехи крутнулся на каблуке, юркнул в дверь и сломя голову помчался в

княжескую спальню – будить Дмитрия. А то всю охоту проспиг...

Через час они уже мчались по широкому полю на резвых, холеных конях. Справа от Дмитрия скакал Бренок. Сзади ехали младшие сокольники и десяток дружинников, представленных к князю для охраны. А впереди скакали, возглавляя колонну всадников, дядька Плещей и Федор Жила, старший сокольничий – худой, как оглобля, старичок с большим крючковатым носом, вызывающе торчащим над куцей седой бородой и жиденькими усами. На левой руке Жилы сидел белый сокол – царский подарок.

Сокола подарил юному князю сам царь Навруз. Подарил этим летом, когда батюшка Алексей возил Дмитрия в Орду, как он сказал, знакомить с царем. Но с тех пор все как-то не было случая опробовать этот ханский подарок в деле. Сокол – Ак-Темир, белое железо по-татарски, или, как его уже любовно окрестил Жила – Артемий, видно, чуял уже, несмотря на закрывающий глаза колпачок, что везут его на охоту. Артемий нервно пощелкивал клювом и вертел во все стороны головой, а иногда даже перебирал нетерпеливо лапами.

Рядом с князем ерзал в седле, смешно повторяя повадки Артемия, неугомонный Бренок – клацал зубами и нервно вертел в разные стороны головой.

Дмитрий, глядя на выкрутасы Мишки, хотел было рассмеяться, но отчего-то застеснялся. Оглянувшись назад, он окинул взглядом полтора десятка едущих следом всадников

и важно нахмурил брови. Нет. Он смеяться не будет. Бренку можно, он просто отрок, хоть и старше Дмитрия на год. А вот ему, князю, так себя вести неподобно. Однако сердце Дмитрия все же сладко замирало в предчувствии грядущего праздника. Раньше он только однажды видел из окна, как собираются на соколиную охоту. Охотится тогда ездил его отец князь Иван Иванович Красный, а Дмитрия по малолетству решили не брать. А много ли разглядишь из окна? И вот теперь все это – для него! Он целых две недели уговаривал Плещея, а потом Жила обещал ему, что научит, как запускать соколов, и даст ему пару раз пустить красавца Артемия со своей руки.

– Все. То самое место! – Жила осадил коня и оглянулся назад.

– Стоять! Всем стоять! Приехали! – замахал руками Плещей.

Впрочем, вся небольшая кавалькада и без того уже остановилась. Дружинники привычно разъехались в стороны, оцепив место, где остановился князь, широким полукругом, и принялись со скучающим видом осматривать расстилающееся перед ними поросшее камышом болотце. Руки их, однако, привычно лежали на положенных поперек седла луках, со стрелой наготове.

– Видишь, княже, – Федор Жила оглянулся к Дмитрию, хитро, по-стариковски прищурившись, – вот в таких болотцах самая птица и есть. Сей час мы пугнем ее из лука, а как

птички-то взмоют, так и запустим соколиков, – и он посмотрел выжидающе в лицо князя.

Дмитрий хотел было сказать что-нибудь солидное в ответ, но во рту у него пересохло от волнения, и князь лишь утвердительно кивнул.

– Ну, с Богом, – Жила, распустив узелок, отвязал лапку Артемия от своей левой руки. Его примеру последовали и другие сокольники, освобождая от пут своих соколов. Потом Федор Жила решительно махнул правой рукой.

Один из сокольников натянул лук и пустил над болотом пронзительно свиристящую татарскую стрелу со свистком. В камышах тут же шумно забили крыльями, и через секунду над зарослями взлетела целая стая серых селезней.

– Ага! – Жила растянул губы в азартной улыбке и снова махнул рукой: – Пускай по одному!

Одна за другой в небо взлетали быстрые, как молния, хищные птицы. Набрав высоту, они кидались из поднебесья вниз, на беспорядочно мечущихся над болотом селезней. Некоторые утки, сбитые соколами, падали прямо в болото, но большей частью, соколам удавалось удержать добычу в своих когтях, и тогда эти хищные красавцы, стремительно пикируя каждый к своему хозяину, бросали у ног его коня окровавленных уток и селезней, а затем садились на подставленную руку.

У Дмитрия перехватило от восторга дыхание.

– Это что, – бубнил где-то сбоку Жила. – Вот сейчас Хро-

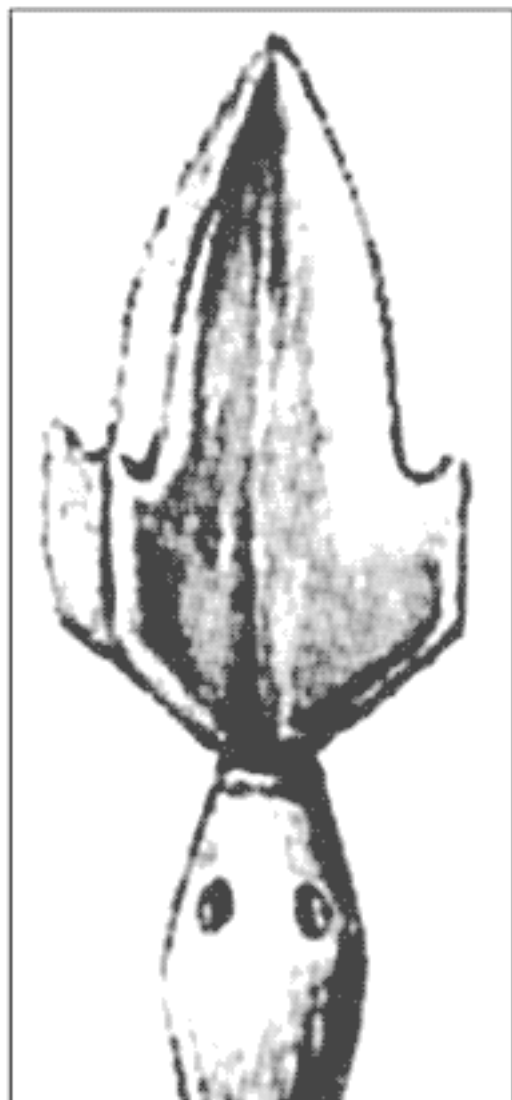
менький по ним вдарит... Хотя и Хроменький тоже... А вот Черкес! Смотри, как Черкес пошел!..

– А когда же Артемия запустать будешь, дяденька?! – любопытствовал неумный Бренок.

– Сейчас, сейчас... Пусть он сперва запах крови почует. Как летает он, ух! Пуще любого прочего... Ну, кажись, самая пора ему развернуться. – И Федор, сняв с головы Артемия колпачок, замахнулся и бросил его в небо.

– Да-а... – только и смог выговорить Дмитрий.

А Бренок, так тот просто открыл от удивления рот. Артемий падал на испуганно мечущихся над болотом.

*Наконечник стрелы со свистком.
Наконечники таких стрел снабжались
костяными свистунками, которые
издавали при полете стрелы пугающий звук.*

Свистящие стрелы использовались для устрашения противника, для подачи сигналов и для спугивания дичи птиц, как стрела, цепко подхватывал их и бросал одну за другой всадникам под ноги. А Федор запускал его снова и снова. Десятилетний князь смотрел на Артемия и, кажется, сам летал вместе с ним, снова и снова с яростью обрушиваясь на бестолковых селезней.

А потом Жила дал ему самому запустить Артемия. Один раз. Больше не разрешил. Сказал, что почему-то нельзя сразу...

Они уже ехали обратно, когда в голову Дмитрию пришла правильная, как он сам сразу оценил ее – княжеская – мысль.

– Какой хороший подарок сделал мне царь... Навруз. Я и не знал, что сокол – это так... Так лепо. Надо мне в ответ тоже какой-нибудь подарок царю сделать.

Услышавший это Плещей как-то странно, нехорошо хмыкнул. А Бренек посмотрел на Дмитрия удивленно.

– Ты что же, не ведаешь еще?..

– Чего не ведаю?

– Ну, про царя Навруза...

– А что я про него должен знать? – пожал плечами Дмитрий. – Хороший такой дядька. Только что татарин. Ну, так у них там, в столице, все татаре...

– Помер он, твой Навруз. Некого благодарить... Ты че, и вправду не слыхал еще?

– Нет, – Дмитрий удивленно уставился на Бренка. – А ты-то откуда?

– Да мне Митяй говорил давеча. Я думал, он и тебе... Там у них снова война была. Из Синей степи пришел какой-то другой татарин, ну и Навруза нашего... – Бренок сделал выразительный жест большим пальцем по горлу. – А потом и всю семью его, и всех деток. И бабушку его, Тайдулу, тоже прирезал, и еще всякого народа тьму... Так что у нас теперь другой царь. Только я имени его не запомнил. Надо будет снова Митяя спросить...

Десятилетний князь прекрасно помнил лицо царя Навруза. Толстые, криво усмехающиеся губы, грустные усталые глаза и холеную руку с пухлыми пальцами, униженными разноцветными перстнями. Царь, беседуя о чем-то татарской скороговоркой с отцом Алексием, все гладил Дмитрия по голове и приговаривал время от времени:

– Якши, якши бола... – хороший мальчик.

А Дмитрию почему-то было страшно стоять рядом с этим, пахнущим одновременно конским потом и какими-то восточными благовониями, человеком. И еще Дмитрий вспом-

нил густую цепь царских отроков – нукеров. Они все время ездили следом за царем и стояли вокруг с обманчиво скучающими лицами. Князь глянул на едущих следом за ним дружинников. У царя Навруза таких вот было намного больше. И во всех церквях молились за царское здравие люди...

– Да верно ли Митяй сказал? – с надеждой в голосе переспросил Дмитрий.

– Вернее некуда, – беззаботно кивнул Бренок. У едущего впереди Федора Жилы к седлу была приторочена целая связка убитых Артемием птиц. И из этой связки сочилась, капала под ноги князьему коню кровь.

ЦАРСКАЯ КРОВЬ

Золотая Орда расплзлась, как истрепавшееся лоскутное одеяло. Читая скупые летописные сведения о захлестнувших Сарай убийствах и изменах, приходишь в ужас. Почти каждый из дорвавшихся до власти ханов устраивал массовое избиение своих ближайших родственников, даже единоутробных братьев, видя в них своих потенциальных конкурентов. Но и это не спасало новых ханов от скорой смерти. Чингизидов было много. Обычай иметь множество жен и наложниц и всех детей от них считать законными привел к тому, что за несколько поколений потомки Чингисхана сильно размножились. И вот уже брат убивает брата, а сын – отца в борьбе за вождеденный ханский трон.

Золотоордынское государство создавалось как мощная система принуждения и управления. Чтобы обеспечить власть немногих монголов над многочисленными чужими для них народами, был создан разветвленный государственно-бюрократический аппарат. Малочисленность принуждала монголов держаться друг за друга и ценить сородичей даже сильнее, чем ранее – у себя на родине. А еще их сплачивали монгольские патриархальные обычаи. Но за годы, проведенные в окружении разнообразных иноплеменных слуг, монголы ассимилировались, не столько в расовом, сколько в культурном смысле. Патриархальный обычай – во всем опи-

раться на своих родичей сменился привычкой доверять специально нанятым для управления государства чиновникам – эмирам. И созданная чингизидами государственная машина обернулась против них самих.

Ханы перестали видеть в родственниках свою опору. Они увидели в них своих конкурентов на трон. Ведь для обладания ханской властью уже не требовалось каких-то особых умственных или душевных качеств. Ханом мог стать, как показали несколько первых переворотов, даже безумец – лишь бы чингизид. Все равно за хана будут править мудрые эмиры. А хану достанутся почет, роскошная жизнь, пышные атрибуты власти... и, в скором времени, нож в спину от следующего, такого же «выдающегося» чингизида.

Бесконечная чехарда ханов у власти показала, что разращенные роскошью и оторвавшиеся от своих национальных корней, проживающие большую часть времени в столице многочисленные царевичи оказались неспособны не только управлять государством, но и просто удерживать власть в руках. И вскоре, когда столичные принцы кончились, перерезав друг друга, в Сарае стали появляться чингизиды из многочисленных провинций Золотой Орды.

Фактически за спиной претендентов на ханский престол за власть дрались между собой столичные эмиры. Об этом говорит тот факт, что сначала во время переворотов убивали лишь предыдущего хана. Потом победивший хан стал уничтожать всех своих вероятных конкурентов – тоже чингизи-

дов. И – пик борьбы за власть – вместе со свергнутым ханом начали убивать и особо рьяно поддерживавших его, выдвинувшихся при нем на первые роли министров – эмиров.

Показательна судьба эмира Мамая. Он и до смуты занимал видные должности в Орде. До прихода к власти хана Бердибека Мамай был крымским темником – то есть командовал расположенным в Крыму и прилегающей к нему степи золотоордынским войском. Хан Бердибек выдал за Мамая свою дочь. По обычаю монголов, женитьба на дочери хана делала его гургеном, то есть ханским зятем, членом царского рода, и давала большие права, за исключением права на трон. Бердибек предоставил ему высший государственный пост беглербека. И Мамай, естественно, переехал в столицу Орды. Несомненно, он участвовал в той или иной степени во всех политических перипетиях Сарая.

Убийство Бердибека, очевидно, прервало карьеру Мамая. Но в условиях «замятни», пользуясь своим исключительным положением в качестве гургена, Мамай пытался сам претендовать на трон ханов и даже выбил в Азаке (современный Азов, он же – Тана в западных источниках) в 1361 году монету с титулом «Мамай правосудный». Однако в своих домогательствах Мамай потерпел неудачу и после 1361 года уже больше никогда не чеканил монет со своим именем. Ведь не принадлежа к роду Чингизидов, Мамай не мог претендовать на официальную верховную власть в Золотой Орде. Вместо этого он в том же 1361 году выдвинул своего «кандидата» в

ханы Золотой Орды – потомка Чингисхана Авду-лу (в русских летописях – Авдуля), который в 1362 году на несколько месяцев стал ханом, будучи в действительности марионеткой Мамаю.

В конце 1362 года Авдула (то есть фактически Мамай) был свергнут другим потомком Чингисхана и, вместе с Мамаем, вынужден был удалиться в Крым. Крымом и прилегающими к нему с севера землями Мамай правил, естественно, самовластно, не оглядываясь на постоянно меняющихся сарайских правителей. Официально он считал легитимным только своего ставленника – Авдулу. Но хан Авдула жил в Мамаевом уделе, «в полной воле» Мамаю.

По примеру Мамаю поступили и князья некоторых других улусов Золотой Орды.

К 1361 году относится отпадение от Золотой Орды Казани, в которой начали чеканить собственную монету. На монете значилось: «Султан покойный Джанибек хан, да продлится царствие его. Булат Темур, сын Нугана». То есть казанский эмир Булат-Темур первым демонстративно отстранился от Золотой Орды. Чеканя такую монету, он декларировал, что последним законным ханом Орды был покойный Джанибек, и самовластно правил в Казани от имени давно погибшего хана.

На мордовских землях, в районе реки Пьяны, в том же 1361 году обосновался еще один ордынский эмир – Серкиз-бей. По словам летописи он «за Пьяна все пограбил»,

а потом «обрыв-ся рвом и ту седе». Но в том же 1361 году Серкиз-бея выбил из его владений и захватил их бежавший из Орды хан Тагай. Он правил мордовским улусом до 1365 года.

Чтобы более не утомлять читателя перечислением многочисленных «самостийных» эмиров и ханов, подведем итог: через несколько лет Сараю не подчинялся уже ни один улус Золотой Орды. Начинается борьба между засевшими в отдельных улусах претендентами на Ордынский трон за столицу и контроль над соседними территориями. Фактически империя распалась на несколько воюющих между собой княжеств.

КАК ВОЕВАЛИ В КОНЦЕ XIV ВЕКА

Здесь мы подробнее остановимся на том, каким, собственно, образом велась война в исследуемую нами эпоху. Для того чтобы наиболее полно осветить этот вопрос, рассмотрим последовательно военное дело западных, потом восточных соседей Руси, а уже затем отличия и особенности военного дела на Руси в эпоху Куликовской битвы.

В Западной Европе XIV века господствовало рыцарство, как основной род войск. Сила армии измерялась не количеством солдат, а числом рыцарей, то есть «копьями». В «копье» был один рыцарь, который, собственно, и считался полноценным воином, и весьма произвольное количество его слуг: сержанты, оруженосцы, коноводы, копейщики и стрелки. Таких слуг могло быть от двух до десяти, в зависимости от достатка рыцаря и от его потребностей. Собственно, слуги являлись при рыцаре вспомогательной силой и редко сражались самостоятельно. Главной их задачей было поддержание боеспособности рыцаря, вооружение его перед боем и посильная военная поддержка в бою. Вооружать и содержать слуг своего «копья» должен был сам рыцарь.

В рыцарской армии не было строгого разделения на рода войск. Каждое рыцарское «копье» представляло из себя особую боевую единицу и большей частью вело боевые действия самостоятельно. Большие сражения между такими ар-

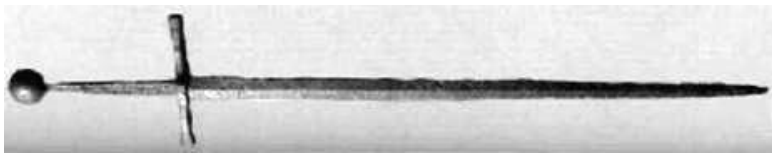
миями были делом нечастым. По большей части война заключалась в грабительских набегах на территорию противника и в осаде укрепленных пунктов. Но даже и во время больших сражений рыцари зачастую сражались не плотным конным строем, а отдельными «копьями». Внутри «копья» была довольно высока слаженность действий – воины были личными слугами рыцаря – прекрасно вышколенными, понимающими своего сеньора с полуслова. А вот взаимодействие рыцарей между собой было проблемой. Дело в том, что рыцарь и его небольшая личная дружина могли довольно много времени уделять совместным военным тренировкам. Но собранное вместе феодальное ополчение, состоящее из сотен рыцарских «копий», было организмом весьма рыхлым, недисциплинированным и непостоянным. Бесплатная служба рыцаря своему сеньору в Европе составляла 40 дней в году, а иногда и меньше. Для того чтобы держать своих рыцарей в строю дольше, призывавшему их на войну властителю обычно приходилось платить им немалое жалованье. Как правило, королям и князьям средневековой Европы не хватало денег даже на то, чтобы вести, собственно, войны. А уж о том, чтобы постоянно собирать рыцарские ополчения ради строевых учений, не могло быть и речи.

Рыцарский шлем. Милан, 1361 – 1366 гг.

Рыцарский доспех. 1390 г.

Меч XIV-XV вв.

Впрочем, иногда рыцари и их наиболее хорошо вооруженные и обученные конные слуги – сержанты выделялись в отдельный конный строй. В таком случае все остальные, пешие воины «копий» либо оставались в укрепленном лагере, либо ставились отдельным от рыцарей строем.

Сами рыцари были вооружены наилучшим, для западноевропейской кавалерии, образом. Корпус закрывался цельной кирасой, бригантиной или кольчугой. Железные доспехи рук и ног крепились к корпусу при помощи кожаных ремней, петель или пряжек. Рыцари XIV века предпочитали носить «бацинеты» – конические шлемы с опускающимся забралом, которые защищали голову и от копейного удара, и от удара мечом. Главным оружием рыцаря было копье. В бою он стремился им убить или вышибить из седла вражеского рыцаря. Если копье ломалось, рыцарь брался за меч. Если

возникала необходимость пробить особо прочные доспехи противника, то он мог использовать булаву, шестопер или клевец.

В одном средневековом романе так описывается бой рыцарей:

*Нет, копья не для красоты!
Удар – и треснули щиты,
Разваливаются кольчуги,
Едва не лопнули подпруги.
Переломились копья вдруг,
Обломки падают из рук.
Но глазом оба не моргнули,
Мечи, как молнии, сверкнули.
Обороняться все трудней.
Щиты остались без ремней,
Почти что вдребезги разбиты.
Телам в сражение нет защиты.
Нет, не вслепую рубит меч,
А чтобы вражий шлем рассечь.*

Булава-шестопер, XIV-XVI вв.

Рыцарская лошадь также была защищена доспехом, зачастую не только стеганым, но и металлическим. Но вообще-то во время рыцарского поединка наносить удары по лошади противника, а не по самому противнику, считалось делом бесчестным. Тем более что обученные рыцарские кони, способные долгое время носить тяжеловооруженного рыцаря, были очень дороги. Такого коня каждый рыцарь стремился взять живым в качестве трофея.

При мастерстве необходимом

Конь остается невредимым.

Противнику пробей броню,

Неповредив его коню.

Незря закон гласит исконный:

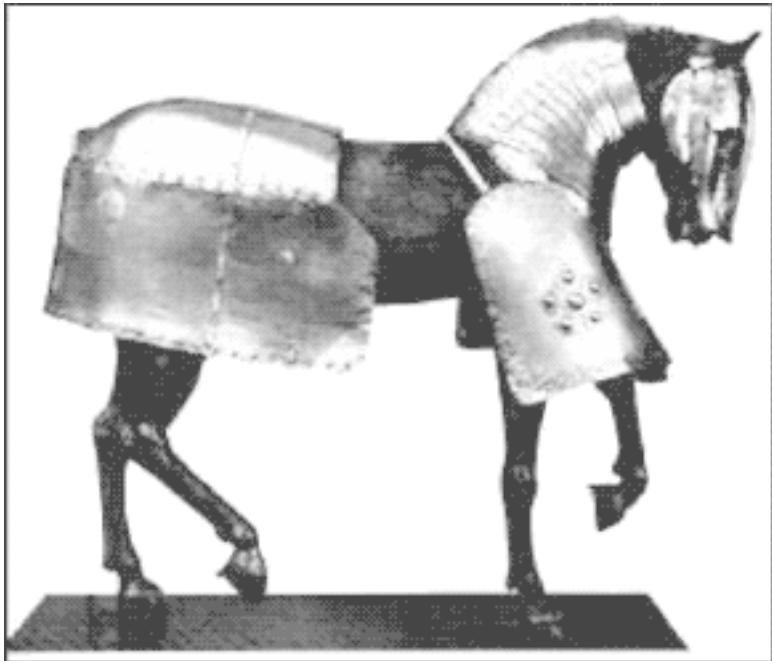
В бою всегда красивей конный.

Бей всадника – коня не тронь!

И невредимым каждый конь

В кровавом этом поединке

Остался, будто на картинке.

Рыцарская лошадь. 1450 – 1460 гг.

На западе войны делились на «благородные» и «смертельные». «Благородная» война была своего рода поединком как между отдельными рыцарями, так и между целыми королевствами. В такой войне обе стороны обычно придерживались ряда условностей, точное выполнение которых превращало войну просто в одно из развлечений знати, лишь немногим

более опасное, чем турнир или охота. Рыцарей противника старались, по возможности, не убивать, а брать в плен. По окончании боевых действий, а иногда и ранее, такого пленного рыцаря отпускали домой, взяв у него в качестве трофея боевого коня и все его военное снаряжение. Зачастую за самого пленного рыцаря брался выкуп. Таким образом, рыцарь-победитель наживался, а проигравший оставался жив, хотя и нес серьезные убытки.

При описании подобных, «благородных» войн, хронисты порой, даже приуменьшали потери проигравшего противника, так как считалось, что убийство благородных рыцарей, пусть даже и вражеских, не делает чести победителям.

«Смертельные» войны велись на Западе против восставших простолюдинов, а также против любых иноверцев, к которым рыцари относили еретиков, язычников, мусульман, православных – короче, всех, кто не подчинялся римско-католической церкви и не принадлежал к избранному кругу европейской знати.

В «смертельных» войнах все средства были хороши, а убийство противника, пусть даже и доблестного, равно как и бесчеловечное обращение с пленниками грехом и позором не считались.

Рыцарь в доспехах. Современная реконструкция

Рыцарь в шлеме. Современная реконструкция

Кроме собственно рыцарского войска, составляющего основную силу, в западных армиях применялось и ополчение: городское или земельное. Оно состояло из пеших вооруженных простолюдинов. Если рыцари и отчасти их слуги, входящие в «копье» имели некоторый боевой опыт и время для во-

енных упражнений, то ополченцы были людьми сугубо гражданскими и почти никакого военного опыта не имели. Боеспособность ополченцев, да и вообще любой пехоты, традиционно считалась в средневековой Западной Европе низкой. Обычно ополченцев, да и рыцарскую прислугу, если она строилась отдельно от своих рыцарей, сгоняли в некое подобие фаланги – в ошестинившийся копьями прямоугольник или каре. Единственной боевой задачей этого строя было – не разбежаться. Приведенные в расстройство отряды рыцарей могли укрыться за подобным построением, а затем, немного отдохнув и придя в себя, снова атаковать противника.

При разгроме рыцарской кавалерии одной из армий, ее построенная таким образом пехота, как правило, обращалась в бегство, а если и оставалась стоять на месте, то не могла оказать длительного сопротивления атакующим ее конным или пешим рыцарям. Иногда, для того чтобы повысить устойчивость пешего строя против вражеских атак, в него вставляли, спешившись, сами рыцари. Именно такой прием обеспечил победу англичанам при Пуатье и Азенкуре. Уверенные, что, когда дело дойдет до рукопашной схватки, рыцари будут сражаться вместе с ними, английские пешие лучники не обратились в бегство при виде атакующей их французской кавалерии и вели стрельбу до последней возможности, с максимально близкого и опасного для противника расстояния.

Но битвы при Пуатье и Азенкуре являются скорее исключением. Да и английские лучники – это профессионалы, наемники, а не ополченцы. Зная о низких качествах мобилизованной ополченческой пехоты, западноевропейские военачальники не стремились без крайней необходимости выводить ее в поле. Зачастую пехота оставлялась рыцарями для защиты укрепленного лагеря. Вообще, ополчение, если его и призывали, старались использовать при земляных работах или в обозе. Основной задачей городского ополчения была защита от врага городских стен.

Городское ополчение было более дисциплинированным и организованным, чем сельское. Горожане, сами производящие оружие и располагающие значительными денежными средствами, были вооружены лучше, чем сельские ополченцы. Вооружение богатых горожан порой было не менее дорогим и хорошим, чем у самых знатных рыцарей. Мобилизовать и организовать городское ополчение тоже было намного проще, чем сельское. Горожане уже были организованы по улицам или цехам и имели привычку слушаться своих начальников. Сбор городского ополчения занимал не несколько дней, а несколько часов или даже минут. Ведь города были самой лакомой добычей для противника и часто подвергались нападениям.

По определенному сигналу – как правило, тревожному набату, горожане собирались на площади, а порой и сразу вставали на городские стены, чтобы защитить от врага

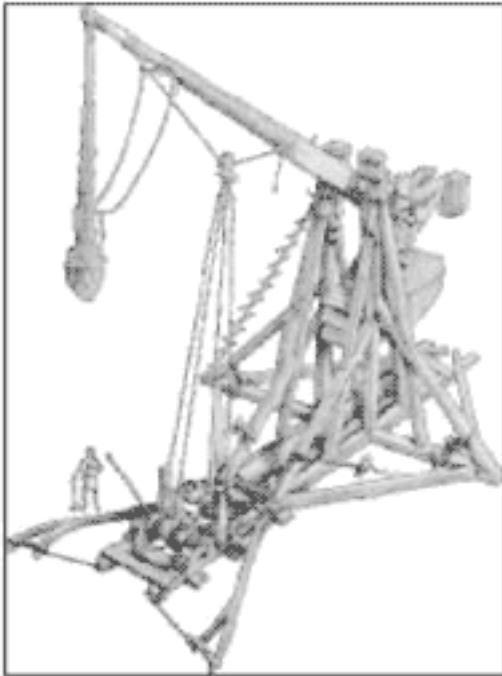
свое имущество и жизнь. Но вдалеке от своего родного города ценность такого ополчения была значительно ниже. Ведь главной силой ополченцев была их численность. Защищая свой город, горожане питались из собственных запасов. Но в походе это было невозможно. Снабжение многочисленного войска – дело весьма хлопотное и трудноосуществимое в условиях средневекового натурального хозяйства.

Таким образом, сельским ополчением в Западной Европе пользовались крайне редко, и почти всегда безуспешно. А городское ополчение применялось в основном для защиты родного города и иногда для военных операций в его ближайших окрестностях.

Еще одним видом западноевропейского войска XIV века были наемники. Как правило, это были отряды профессиональных воинов – выходцев из одной страны. Швейцарцы, фламандцы, бретонцы, гасконцы, шотландцы, албанцы, хорваты, арабы, англичане – вот далеко не полный список тех народов, которые поставляли своих воинов соседним странам.

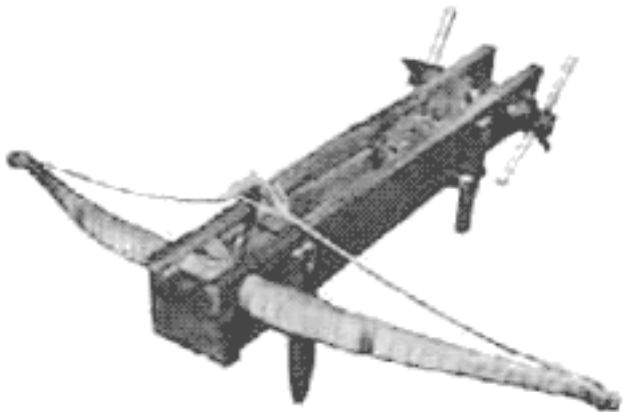
Наемники были специалистами: стрелками, копейщиками, легкими кавалеристами. Военные подразделения наемников были, несомненно, гораздо более боеспособны, чем ополченцы, но все же не могли самостоятельно противостоять главной силе европейского средневековья – рыцарям. Наиболее известные среди этих наемников – английские, а точнее – валлийские из Уэльса) стрелки. Они приобрели

свою славу благодаря победам английской армии при Креси, Пуатье и Азенкуре. Но без деятельной поддержки английской рыцарской армии ни одна из этих побед не была бы реализована. Рыцарская армия в Западной Европе XIV века составляла главную военную силу.

Требушет – осадное орудие для метания крупных камней. Такие орудия использовались при длительных осадах. Их привозили в разобранном виде и собирали, либо строили на месте из подручных материалов

Швейцарская пехота, умеющая организованно, не ломая собственный строй, атаковать противника, вышла на поля сражений Западной Европы лишь во второй половине XV века. Но в XIV веке основной действующей силой Западной Европы, несомненно, являлась рыцарская конница, а пехота была способна лишь на вспомогательные и оборонительные действия. Даже ставшие к этому времени самостоятельной политической силой германские и итальянские города предпочитали нанимать для ведения сухопутной войны соседних рыцарей и вооружать по рыцарскому образцу часть своих граждан.

Аркбаллиста – порок. Использовался для метания небольших ядер. Обычно ядра были каменные или, в отсутствие камней, деревянные, глиняные, иногда свинцовые

С XIV века начинает развиваться в Европе огнестрельное оружие, главным образом – артиллерия. Но в рассматриваемую эпоху артиллерия все еще – вспомогательное оружие, очень несовершенное и громоздкое, дающее пока, скорее, психологический, чем практический эффект. Основной артиллерией XIV века являются разнообразные метательные машины. Главным образом требу-шеты и аркбаллисты в рус-

ских летописях именуемые – пороки).

На Ближнем Востоке и в Великой степи, простирающейся от Балкан до Тихого океана, военное дело строилось на совершенно иных, чем в Западной Европе, принципах. Если в Европе XIV века основным оружием боя были меч и копье, то в Азии и Восточной Европе основным видом оружия можно по праву назвать лук.

Дело в том, что западноевропейские луки в эту эпоху гораздо менее совершенны, чем азиатские и восточноевропейские. Знаменитый, воспетый западноевропейской беллетристикой, английский тисовый лук имел длину от полутора до двух метров и был конструкцией довольно тяжелой и неудобной. Азиатский же сложно-составной лук не превышал длины 107 см и был, соответственно, заметно легче и удобнее. Из длинного цельнодеревянного лука стрелять с коня невозможно. Пехотинец, чтобы стрелять из такого лука, должен упереть его нижнюю часть в землю. А из составного азиатского лука можно стрелять не только с места, но и на бегу, а также двигаясь верхом на коне. Дальность стрельбы из азиатских луков также значительно превышает дальность стрельбы из европейских цельнодеревянных. Если учесть все эти факторы, то получится, что по своим боевым качествам европейский лук примерно вдвое уступает восточному составному композитному) луку.

Внимает он, Потык,

*Из налуча свой тугой лук,
Из колчана – калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу в правую,
Накладывает на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо...
Заскрипели полосы булатные
И завьли рога у туга лука.*

Так описывается русский композитный – составной лук в русской былине о Михайло Потыке. На Руси и в Великой степи применение лука во время боя было делом повсеместным. А в Западной Европе применение лука считалось делом простолюдинов – наемников и ополченцев. Рыцари считали применение лука в бою делом постыдным (хотя во время охоты пользовались луками и арбалетами).

В Западной Европе предпочтение отдавалось решению боя путем рукопашной схватки, а лук рассматривался как не очень-то эффективное вспомогательное средство. Рыцари из европейского эпоса луками не пользуются. А вот русские богатыри и степные батыры, судя по былинам и эпическим преданиям, часто пользуются луком.

Вот как описывается поединок легендарных иранских витязей Рустама и Сухраба в эпической иранской поэме «Шах-Наме»:

Мужи на вызов чести поднялись,

За луки медные они взялись.

*Пошли стрелять. От их пернатых стрел
Степной онагр укрыться б не успел.*

Летели стрелы гуще листопада.

Скажи: «Стрелять друг в друга им отрада!»

Несомненным преимуществом восточных армий было наличие большого количества конных лучников, и вообще большого количества легковооруженной мобильной кавалерии. Конные лучники могли обеспечивать разведку и охранение основных сил своей армии, а также постоянно тревожить противника, осыпая его строй стрелами издали, с дистанции, на которой прицельный выстрел по движущейся мишени невозможен. К тому же, учитывая, что дальность выстрела из азиатского композитного лука больше, чем из европейского, встретившись с европейцами, азиатские воины могли обстреливать даже лучников противника ничем не рискуя.

Единственным спасением от такого утомительного стрелкового боя было – приблизиться к конным лучникам противника и вступить с ними в рукопашный бой. Но монгольские, да и другие азиатские конные лучники были обучены организованно и быстро отступать от превосходящего противника, заманивая его в засаду или в неудобное для боя место, а затем, в нужный момент, снова атаковать. Тяжеловооружен-

ные европейские рыцари на своих крупных, но неповоротливых конях, не могли догнать отступающих легких конников и навязать им привычный рукопашный бой.

Именно поэтому немногочисленная армия Батыя в 1240 – 1241 годах с легкостью расправилась с рыцарскими армиями Польши, Германии и Венгрии. В отличие от европейцев, монголы вступали в рукопашную схватку лишь максимально используя преимущество своего стрелкового оружия.

Противостоять легковооруженным конным лучникам кочевников могла лишь столь же мобильная легкая конница оседлых народов. Оседлые народы, имеющие непосредственную границу с кочевниками, вынуждены были такой конницей обзавестись. Так, еще в домонгольский период у русских князей были соответствующие отряды легковооруженных всадников на быстрых конях, как из собственных дружинников, так и из наемников – половцев, черных клобуков и т. п. Отряды конных лучников также имелись в китайской, иранской, византийской армиях. А западноевропейские государства, не граничащие непосредственно с кочевниками, подобного рода войск не имели.

Обучение и содержание профессиональных конных стрелков в постоянной боеготовности для народов оседлых было делом довольно затратным. Их необходимо было кормить и довольно высоко оплачивать.

Кочевники же, благодаря своему образу жизни и способу ведения хозяйства, были уже готовыми кавалеристами –

лучниками. Земледелец, работающий всю жизнь на пашне, не имел никаких боевых навыков. Кочевник же, принужденный самой жизнью охотиться и охранять при помощи лука от волков свои стада, был уже вполне обученным воином.

У монголов, превзошедших в своем искусстве ведения войны не только оседлые, но и кочевые народы, существовал обычай загонной охоты. Вот как ее описывает известный исследователь Харольд Лем:

«Монгольская облавная охота была той же регулярной компанией, но только не против людей, а против животных. Участвовала в ней вся армия, и правила ее были установлены самим ханом, который признавал их нерушимыми. Воинам (загонщикам) запрещалось применять против животных оружие, а дать животному проскользнуть через цепь загонщиков считалось позором. Особенно тяжело приходилось по ночам. Месяц спустя после начала охоты огромное количество животных оказывалось согнанным внутри круга загонщиков, группируясь около их цепи. Приходилось нести настоящую сторожевую службу: зажигать костры, выставлять часовых. Давался даже обычный «пропуск». Нелегко было поддерживать ночью целостность линии аванпостов при наличии перед ней возбужденной массы представителей четвероногого царства... Понятно, насколько такая обстановка была благоприятна для проявления воинами молодечества и удали; например, когда одинокий кабан, а подавно, когда целое стадо таких разъяренных животных в исступлении бро-

салось на загонщиков».

Загонная охота

По окончании загона, хан первым открывал охоту. Убив лично нескольких животных, он выходил из круга и, сидя под балдахином, наблюдал за дальнейшим ходом охоты. Следом в круг входили царевичи и темники, затем младшие на-

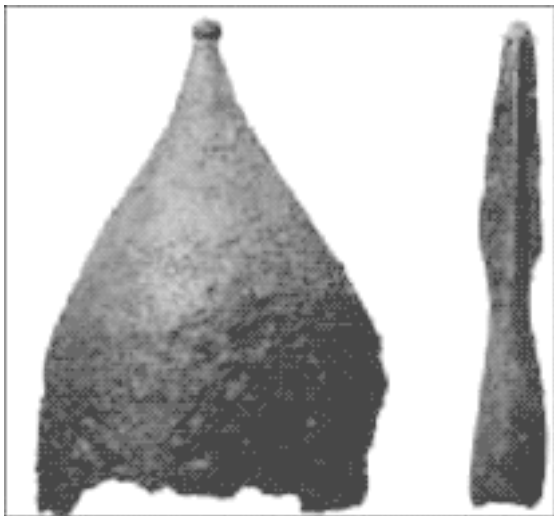
чальники и простые воины. Охота, таким образом, иногда продолжалась в течение целого дня, пока, наконец, согласно обычаю, внуки хана и малолетние княжата не являлись к нему просить пощады для оставшихся в живых животных. После этого кольцо размыкалось, и охотники приступали к сбору туш.

Такая охота была своего рода военными учениями – прекрасной школой взаимодействия в обстановке, максимально приближенной к военным действиям. Проводилась подобная охота ежегодно, а порой и по несколько раз в год.

Вообще, в странах Востока дисциплина и взаимодействие во время боя были гораздо более развиты, чем в Западной Европе. Русские князья, византийские императоры, арабские владыки и монгольские ханы содержали за государственный счет довольно крупные дружины, которые, собственно, и составляли костяк их армии. Европейские государи таких крупных дружин не имели. Их армия большей частью состояла из феодального рыцарского ополчения, в целом весьма не дисциплинированного и не умеющего слаженно действовать во время боя. Именно этим объясняется различная боевая тактика восточных и западных армий.

Западные стратеги, собрав в единый кулак конную рыцарскую массу, предпочитали, обнаружив противника, немедленно бросить на него все свои силы. Почти всегда ставка делалась на первый массированный удар, и именно он решал исход дела. Дело в том, что рыцарское ополчение из-за своей

недисциплинированности было неспособно долго находиться в виду противника, не бросаясь на него в атаку. Рыцари, которых военачальник попытался бы надолго удержать в резерве, просто не подчинились бы ему. Ведь находясь в резерве, они могут остаться без добычи и без славы. В то же время обращенная в бегство рыцарская конница остановиться уже не могла, так как ни один из рыцарей не мог во время бегства рассчитывать на помощь других. Мало того, даже притворное отступление рыцарской конницы, из-за общей ее недисциплинированности, легко могло обратиться в паническое бегство, и потому военачальники Запада почти никогда не решались применять в бою подобный прием.

Татарские шлем и копье XIV в.

Монгольское войско с тактической точки зрения было полной противоположностью рыцарскому. Монголы были приучены атаковать и отступать по приказу военачальника. Притворное бегство с целью заманить врага в засаду было их обычным приемом. Таким же было и применение резерва. Собственно, этих резервов, как правило, было несколько – монголы, постепенно вводя в бой все новые силы, атаковали противника волнами, каждая из которых была сильнее предыдущей. Если атака оказывалась неудачной, они организованно отступали, но, получив подкрепление, тут же разворачивали коней и вновь бросались в атаку на уже празднующего победу неприятеля.

В начале XIII века монгольская армия продемонстрировала всему миру свое превосходство, покорив большую часть Евразийского континента, после чего многие столкнувшиеся с ней народы поспешили перенять боевые приемы монголов. В середине XIII века папский легат Плано Карпини, воочию убедившись в преимуществах монгольской системы ведения войны, уделил существенную часть своей книги ее описанию. В своей «Истории Монголов» он советовал всем европейским монархам и военачальникам изучить и перенять военное искусство монголов, именно в этом видя залог спасения Европы от монгольского владычества.

Но монгольское завоевание Европы, которого так боялся побывавший в Каракоруме папский легат, не состоялось. Империя Чингисхана распалась, и монголам стало не до Европы. А монгольскую систему боя в Западной Европе перенять так и не смогли.

В то же время на Руси, вошедшей в состав Золотой Орды, основные принципы монгольской тактики ведения войны были приняты на вооружение. Впрочем, для Руси это было всего лишь модернизацией уже существующей системы. И в домонгольский период княжеские конные дружины довольно успешно могли противостоять половецкой легкой кавалерии. Против гораздо более хорошо организованных монголов они, правда, оказались бессильны. Но спустя несколько десятилетий дружинники русских князей были вооружены и обучены ничем не хуже своих степных коллег – ханских нукеров.

***Зверства монголов. Иллюстрация
к английской рукописи XIII в.***

В этот период русскими активно применяется конная разведка. Перед каждым военным подразделением движется авангард из подвижных конных стрелков. Рукопашным схваткам, как правило, предшествует интенсивный стрелковый бой, да и сама рукопашная схватка становится более длительной, состоящей из нескольких сходов – суимов, с последовательным введением в дело все новых, находившихся в резерве, сил. При штурме городов начинают массированно применяться самострелы и метательные машины. Кони дружинников, по монгольскому образцу, защищаются доспешными попонами. Все предпосылки для подобного раз-

вития военного дела были на Руси и в домонгольский период, но монгольское нашествие, видимо, дало развитию военного дела на Руси мощный толчок. Сперва сражаясь против монголов, а затем и участвуя в их военных операциях, в составе 30-лотоордынской армии, русские воины быстро переняли все прогрессивные элементы монгольской системы ведения войны.

Основой войска на Руси XIV – начала XV века была дружина. Каждый князь имел собственную дружину. Дружинники-это и телохранители, и непосредственные исполнители княжеских приказов. Князь их кормил, одевал, платил им жалование из своей казны. Наиболее отличившиеся могли стать боярами (изначальный смысл слова боярин – ярый в бою). Собственно, сам институт боярства возник, когда князья стали давать своим старшим, наиболее верным дружинникам дополнительные поручения, особо за это их вознаграждая. Так княжий дружинник да не простой, а ярый в бою – боярин), замещавший князя в городе в его отсутствие, стал княжьем наместником. Другой боярин ставился князем на должность воеводы – предводителя отдельного военного отряда. Третий – на должность кравчего – распорядителя княжских пиров. И каждый из бояр за исполнение этих, особых, обязанностей получал вознаграждение. Например – деревню в кормление или обширный участок незаселенной земли в собственность. Такой боярин продолжал служить князю и выступал по княжескому приказу в поход, но зачастую уже

со своей собственной небольшой дружиной. Можно провести аналогию между дружиной боярина и рыцарским копьем Западной Европы.

Существенная разница заключается в том, что рыцари через 40 дней службы отпускались по домам, а дружина служила князю постоянно. Бояре со своими слугами, конечно, могли быть отпущены в случае необходимости. Но и после этого существенная часть дружины все равно оставалась при князе. Да и бояре были привязаны к князю более крепкими узами подчинения, чем западноевропейский вассал к своему сеньору. Рыцарь служил сеньору 40 дней, а затем располагал своим временем по собственному усмотрению. А боярин постоянно находился у князя на службе. Так что бояре, по княжьему приказу, наверняка участвовали не только в боевых действиях, но и в учениях дружины. По крайней мере, такие факты известны из позднейших источников – конца XV – XVI веков.

Таким образом, князь мог обучить свою дружину организованным действиям во время боя. Уровень дисциплины и слаженности действий княжеских дружин был близок к уровню регулярных армий более позднего времени, а порой и превосходил их, так как почти каждый год князь водил свою дружину в военный поход.

Чем более богатым и значительным был князь, тем более крупной была его дружина. Великокняжеская армия, таким образом, состояла из княжеской дружины и дружин подчи-

ненных ему удельных и служебных князей и бояр. Это были дисциплинированные, профессиональные конные воины, умеющие, однако, сражаться и в пешем строю.

Русский шлем XIII в. Принадлежал князю Ярославу Всеволодовичу

На Руси гораздо более активно, чем на Западе и на Востоке, применялась в полевых сражениях пехота. Эта особенность была свойственна и Руси домонгольского периода. Пешие рати русских князей были довольно многочисленными и боеспособными, и, в отличие от Западной Европы, на Руси им отводилась в бою не второстепенная, а порой решающая роль. Видимо, эта пехота комплектовалась не только и не столько из сельских или городских ополченцев, сколько из профессиональных воинов, так называемых «охотников» или «воев», идущих на войну ради добычи.

В Европе поставщиками наемников были горные или лесистые территории Уэльс, Шотландия, Бретань, Гасконь, Швейцария), жители которых в силу своих основных занятий уже имели военные навыки. Пастуху, охотнику или зверолову проще научиться военному ремеслу, чем мирному землепашцу. Именно поэтому европейским государям было дешевле нанять иноземных солдат, которые уже что-то умеют, чем с нуля тренировать своих подданных.

На Руси же, с ее бескрайними лесами, охотников, прекрасно стреляющих из лука, не раз ходивших с рогатиной, а то и с одним ножом на медведя, всегда было достаточно. Поэтому на Руси всегда находилось много желающих и умею-

щих воевать. Промысловые артели рыболовов и звероловов в случае войны могли легко превратиться в пеших ратников. Ведь эти воины не только умели стрелять из лука, орудовать рогатиной, топором и ножом. Такие охотники умели строить речные лодки – насады и ушкуи, ходить в них по рекам и, в случае необходимости, собственными силами переволакивать эти большие лодки через пороги или даже по волокам в соседние водоемы.

Русские пешие части всегда составляли существенную часть войска. Кроме того, в условиях изрезанной многочисленными реками лесной и лесостепной зоны такой полупрофессиональный «десант» был большим подспорьем для конных княжеских дружин. Да и без княжеской поддержки русское речное пехотное войско было грозной силой, что вскоре показали походы ушкуйников на Волге.

Во время «великой замятни» русские княжества не выставляли своих претендентов на ханский престол. Но тем не менее они активно участвовали в политических перипетиях Золотой Орды, поддерживая того или иного претендующего на трон чингизида. Руководствовались князья при этом сугубо своими собственными интересами, действуя, как мы увидим, не только политическими, но и военными методами. Русские князья вступали в союзы как между собой, так и с властителями нерусских ордынских улусов. Боевые действия русские князья вели также и друг против друга, и против соседних ордынских властителей. И в ходе этой, полной

драматизма, борьбы все большее значение и силу среди русских княжеств приобретала Москва.

МОСКВА: ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИ

В 1364 году в возрасте около 10 лет умер младший брат Дмитрия Ивановича Московского, Иван Иванович Малый. А на следующий год умерла мать Дмитрия, великая княгиня Александра. Еще через год молодой великий князь женился на Евдокии, дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича. Свадьба праздновалась 18 января 1366 года в Коломне. Судя по всему, супруги жили в согласии. Потеряв незадолго перед этим всех своих родных, шестнадцатилетний юноша, видимо, сильно привязался к своей супруге. Она осталась единственным близким для него человеком.

В летописях сохранилось описание внешности Дмитрия Ивановича в ту пору, когда ему было уже около 30 лет. Выглядел он очень сильным и мужественным. Телом был велик и широк, плечист, чреват (т. е. толст), очень тяжел, имел черные волосы и черную бороду. В этом описании бросается в глаза указание на раннюю полноту Дмитрия Ивановича, что объясняет нам его раннюю смерть. В кратких сообщениях можно как будто заметить указание на то, что он умер от болезни сердца. Автор его жития говорит: «Потом же разболелся и тяжко ему велми было, и потом полегчало ему, и возрадовались все люди о сем. И снова в большую болезнь впаде и стенание пришло ко сердцу его, яко и внутренним его торгатися и уже приближался конец жизни его».

***Портрет Дмитрия Донского из
Большой Государевой книги. 1672 г.***

Биограф Дмитрия Ивановича отмечает еще одну деталь – недостаточное образование князя:

«...аще бо и книгам не научен он добре». Впрочем, для князя того времени умение читать Псалтырь было не глав-

ным. Возможно, многие удельные князья тоже грамотностью не блистали. Однако заметим, что политические противники Дмитрия Ивановича – Ольгерд Гедиминович, Олег Иванович Рязанский и Дмитрий Константинович Суздальско-Нижегородский были людьми не только грамотными, но и высокообразованными.

Но Дмитрию Ивановичу больше повезло с помощниками. Митрополит Алексей – один из грамотнейших и умнейших людей своей эпохи, взвалив на себя тяжкую ношу руководства московской политикой, нес ее до самой своей смерти. Для Дмитрия Ивановича-человека властного и порой упрямого, Алексей всегда был высшим авторитетом. Поэтому, даже повзрослев и взяв все бразды правления Московским княжеством в свои руки, Дмитрий продолжал прислушиваться к советам и пожеланиям митрополита и до самой смерти Алексея находился под его влиянием. Можно сказать, что Дмитрий Иванович управлял княжеством под мудрым руководством митрополита, точно так же, как французский король Людовик XIII управлял страной под мудрым руководством своего духовника и первого министра кардинала Решилье.

Впрочем, политика Московского княжества зависела не только от Дмитрия и Алексея. Все, что Алексей задумал, все, чем Дмитрий Иванович руководил, исполнялось непосредственно московскими боярами.

Известно, что в XIV веке из всей массы княжеских бояр

выделяется небольшая группа особо приближенных к князю лиц, которые называются «введенными боярами», т. е. допущенными в княжескую думу, – совет. Боярский совет решал, вместе с князем, все важнейшие дела в государстве. Конечно, бояре имели лишь совещательный голос. Окончательное решение всегда принимал князь. Но он не мог не считаться с мнением тех, кто будет претворять это решение в жизнь.

Даже суд князя не был единоличным – на суде присутствовало большее или меньшее количество бояр, а кроме того так называемые судные мужи.

Судные мужи – чрезвычайно характерный и интересный институт не только русского, но и западноевропейского феодализма. Присутствие их на всех судах, не только княжеских, но и на судах княжеских наместников и волостелей, было исконным обычаем древнего суда вообще и естественно вытекало из самой сущности древнего судопроизводства.

Средневековый суд был в подлинном смысле слова тяжбой, состязанием сторон. Обе стороны назывались первоначально истцами, т. к. каждый искал своего. Роль судьи состояла в том, чтобы наблюдать за состязанием сторон, не допускать не освященных обычаями средств борьбы и взыскивать с виноватого в свою пользу и в княжескую казну установленные пошлины. Судные мужи были представителями общности, свидетелями тяжбы и в случае надобности давали показания по вопросам обычного права.

Из самой сущности древнего суда вытекало чрезвычайно

важное следствие – недопустимость заочного суда и решения.

Таким образом, можно сказать, что княжеский суд был не только публичным, но по существу был выразителем общественного мнения ближайшего окружения князя).

Первое место среди московских бояр в 70-х годах XIV века, без сомнения, занимали Вельяминовы. Старший представитель рода, Василий Васильевич, был тысяцким до своей смерти в 1373 году, его брат Федор Воронеж – боярином, а Тимофей – окольничим. Через сына Василия, тысяцкого Микулу, Вельями-новичи были в свойстве с великим князем, так как Микула и великий князь Дмитрий Иванович были женаты на родных сестрах – дочерях князя Дмитрия Константиновича Суздальского.

Московских боярских родов было немного – около двух десятков. И все они были связаны с князьями и между собой узами родства и свойства. Представители этих родов при дворе великого князя Дмитрия все были наперечет, все на виду. В такой среде сложился обычай местнических родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его бояр.

Родословная таблица рода бояр Вельяминовых

Система местничества предусматривала установившийся порядок старшинства боярских родов. Само название «местничество» возникло от того, что более уважаемые и знатные бояре сидели во время совета и за пиршественным столом ближе к князю – на почетных местах. Сидеть рядом с князем было не только почетно, но и выгодно – ведь это давало возможность подать ему вовремя совет – князь слышит тех, кто ближе.

На каждом княжеском пиру или совете (а порой эти мероприятия совмещались) бояре рассаживались в порядке старшинства.

Но если князь считал, что кто-то достоин сесть ближе к нему, то он при всех выводил этого боярина из-за стола и указывал ему более почетное место. Этот своеобразный ритуал наглядно демонстрировал боярам кого и насколько князь ценит. Для отличившегося боярина, это было наградой, признанием его заслуг. Описание этого обычая сохранилось в былинах:

*Приходит он ко князю ко Владимиру
Тот старый казак да Илья Муромец
Со тем со Добрынюшкой со Никитичем,
Со братом со своим да со крестовым.
Дают тут ему место не меньшее,
Не меньшее место было – большее,
Садят их во большой угол,
Во большой угол да за большой-то стол.
Да как налили тут чару зелена вина,
Несли эту чару рядом к нему,
К старому казаку, к Илье к Муромцу...*

Обычным было постепенное продвижение боярина с дальних мест на ближние. И только за очень выдающиеся заслуги князь мог пересадить боярина с дальнего конца стола на ближайшее к себе место. При этом, естественно, те бояре, перед которыми новый любимец был посажен, оказывались на одно место дальше от князя. Такая система порождала у бояр стремление отличиться на княжеской службе, завоевав

себе более высокое место. Ведь если какой-то боярин долгое время никак не проявлял себя перед князем и не удостоивался подобной милости, то он постепенно отодвигался на дальний конец стола.

Судя по свидетельствам былин, известного богатыря (боярина), пировавшего в княжских палатах, сильнее всего могло обидеть-опечалить, если князь незаслуженно обходил его своим вниманием:

*Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшка во кирпичат пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходил он на улицу на широку,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселый?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?..»*

Незаслуженное, по мнению других бояр, возвышение од-

ного из них считалось несправедливым, «не по правде». Для боярина Алексея Хвоста такая стремительная карьера, как мы помним, окончилась трагически.

Новый боярин, только что пришедший к князю на службу, обычно садился за дальний край стола. Для того чтобы заслужить близкое к князю место, были нужны годы верной службы и неоднократные достижения на этом поприще.

Уже к середине XIV века образовалось основное ядро московского боярства. К концу этого века его можно считать вполне сложившимся. Позже оно обрастает новыми наслоениями, но все пришедшие позже роды, за небольшими исключениями, уже не могут занять видного и прочного положения. Случаи отъездов и выездов, конечно, бывали, и некоторые из них отмечены в родословцах, но подавляющая часть бояр и слуг служили наследственно, из поколения в поколение. После смерти боярина, как правило, его старший сын наследовал должность и занимал его место за княжым столом. Таким образом, почетное место постепенно становилось не только признанием заслуг конкретного боярина, но и констатацией заслуг всего его рода перед княжеской семьей. Эта наследственность в должностях к XVII веку и привела к вырождению боярской думы. Бояре стали больше заботиться о своем месте по роду, чем о государственной пользе.

Но в XIV – XV веках система местничества еще была очень эффективной.

Обособление боярского класса произошло в XIV веке не

только в Московском, но и в других больших княжениях – в Тверском, Рязанском, Нижегородском и т. д. Московские бояре не отъезжают, потому что не желают утратить выгодного положения на службе у растущего Московского великого княжения, а боярам и слугам других княжений нет расчета пользоваться своим правом отъезда по той простой причине, что им нет почти никакой возможности занять в сплоченной среде московского боярства видное место.

К тому же местные бояре, оставшиеся верными своим князьям, тесно связывают свои служебные интересы с землевладельческими и редко решаются покидать своих князей и терять вследствие этого свои отчины. Так, тверские и рязанские бояре, судя по родословцам, поступили на службу московских государей только после ликвидации независимости соответствующих княжеств.

Для правильного понимания взаимоотношений в княжеских дворах Руси XIV века следует помнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи отечества, долга перед родиной, идеи гражданства и гражданских обязанностей были еще неизвестны. Зарождение этих идей становится заметным только в XVI веке. Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская боярская администрация была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей.

БЕЗ ЦАРСКОЙ ЗАЩИТЫ

Ордынская «замятня» заставила русских князей самостоятельно заботиться об охране своих уделов, не рассчитывая на царскую помощь. В это время ханы Золотой Орды не в силах были обеспечить безопасность даже на Волжском торговом пути, хотя Волга была основной торговой артерией империи. Торговый путь по Волге был «курицей, несущей золотые яйца», поэтому в прежние времена нападение на купцов там каралось смертной казнью.

Но уже в 1360 году новгородские речные разбойники – ушкуйники с боями прошли по Волге до устья Камы, а потом взяли штурмом большой татарский город Жукотин. Захватив несметные богатства, они возвратились в Кострому, из которой, видимо, и начинали поход, и стали там «пропивать зипуны». Московские и нижегородские власти начали военные действия против ушкуйников, однако достичь успеха им не удалось. Ушкуйники не только отбились от регулярных княжеских войск, но и ограбили в отместку Нижний Новгород и Кострому.

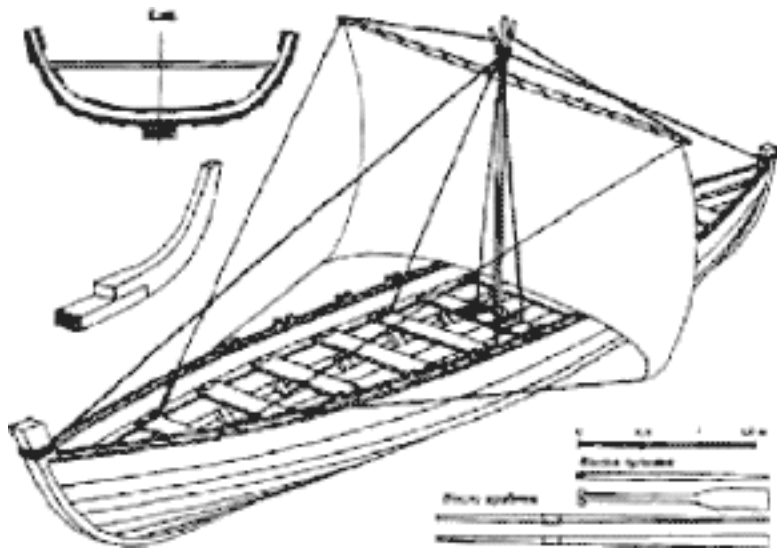
В 1363 году ушкуйники всюду гуляли по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды и Чагатайского Улуса. В 1366 году новгородские бояре, возглавившие ушкуйный поход, громили караваны между Нижним Новгородом и Казанью, ордынские войска опять оказались бессильными перед уш-

куйниками, и хан Золотой Орды обратился за помощью к московскому князю Дмитрию Ивановичу. Дмитрий отправил грозную грамоту в Новгород. Новгородцы ответили, что, дескать, «ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман было делом житейским.

Походы ушкуйников повторялись в 1369, 1370, 1371 и 1374 годах.

Безвластие в Орде развязало руки всем, кто был жаден до чужого добра. В 1365 году ордынский князь Тагай, укрепившийся в Наручадской земле, совершил набег на Рязанскую землю. Он выжег Переяславль-Залесский и «плени все власти и села». Олег Иванович Рязанский вместе с князьями муромским, пронским и козельским пошел в погоню за татарами, настиг их и «побили князи рязанские татар». В результате «злой сечи» Тагай бежал «в большом страхе и трепете, и недоумении, что ему делать, видя всех татар избивенных, и тако рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, и едва в малой дружине убежал».

Речной ушкуй. Так были устроены суда речных разбойников-ушкуйников

Кары со стороны Орды в отношении Рязани не последовало, так как Тагай «сам о себе княжил» «в Наручадской стране» «по разрушении Ордынском».

В 1366 году «князь ордынский, именем Булат Темир, прииде ратью татарскою и пограбил уезд даже и до Волги и до села князя Бориса». Это казанский самовластный князь Булат Темир, правивший самостоятельно, не подчиняясь Сарая, совершил набег на земли великого княжества Суздаль-

ско-Нижегородского. И получил такой же согласованный отпор от нижегородцев, какой прежде получили татары Тагая от рязанцев:

«Князь же Дмитрий Константинович с Борисом и с Дмитрием и со своими детьми, собрали воинов многих, и пошли против Булат-Темира на брань. Он же окаянный не стал сражаться, но бежал за реку за Пьяну, и там множество татар останочных было избито, а другие в реке во Пьяне утонули, и по зажитьям такое множество их было побито, что и не счесть. А Булат-Темир оттуда бежал в Орду, гонимый гневом Божиим и там был убит от Азиза царя».

Таким образом, нижегородцы во главе с великим князем Дмитрием Константиновичем не только отбили набег Булат-Темира, но и полностью разгромили его армию, очистив от татар мордовский край за рекой Пьяной. Как мы видим, татарские набеги на русские земли, о которых вовсе не упоминается в летописях в предыдущую эпоху, теперь происходят со стороны соседних независимых ханов и довольно успешно отбиваются армиями великих князей рязанского и нижегородского.

С первой задачей, которая встала перед русскими княжествами, – самостоятельной защитой своих границ в условиях начавшегося беспредела – они справлялись более-менее успешно. Между русскими княжествами в 60-е годы не шло столь ожесточенной борьбы, как между граничащими непосредственно с Сараем ордынскими улусами. Этому способ-

ствовало и то, что Русь оказалась на периферии борьбы за контроль над столицей, и то, что никто из русских князей не мог претендовать на ханский титул.

Еще одним, до поры сдерживавшим взаимную агрессию русских князей фактором был авторитет Православной церкви.

Так, в 1367 году, когда в Твери возник конфликт между великим князем Михаилом Александровичем и удельными тверскими князьями, они, прекратив начавшуюся было междоусобную войну, решили обратиться с просьбой разрешить их спор по справедливости к митрополиту Московскому и всея Руси Алексию. Несомненно, что при наличии стабильной власти в Орде они поехали бы с этим вопросом туда. Но теперь авторитет ханской власти упал. И единственным авторитетом, стоящим над княжескими распрями, на какое-то время стал митрополит Киевский и всея Руси.

Строительство города. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

В этом же 1367 году в Москве спешно стали строить кремль из белого камня вместо прежнего деревянного. Строительству этому придавали в ту пору огромное военное и политическое значение, поэтому все было тщательно подготовлено и проведено в кратчайший срок. «Князь великий Димитрий Иванович, погадав с братом своим с князем с Владимиром Андреевичем и со всеми боярами старейшими, – говорится в летописи, – и сдумали ставить город каменный Москву, да как помыслили, так и сотворили. Той же зимой повезли камни к городу». А «того же лета на Москве почали ставить город каменный...» Его делали «без престани» и к концу года, видимо, полностью завершили эту работу, обеспечив, таким образом, дополнительную защиту столице.

Каменная крепость, как и раньше деревянная, защищала лишь феодальный центр города. Разросшиеся к этому времени московские посады перешагнули уже и за Яузу, и за реку Неглинную, и за Москву-реку. Их защищали лишь отдельные форты – монастыри. Попытка построить какой-то вал для защиты Великого посада, предпринятая в XIV веке, не завершилась постройкой крепости.

Каменная стена кремля была протяженностью около двух километров и имела восемь или девять башен. Шесть из них

были проездными. Трое ворот кремля выходили на наиболее угрожаемую, но и самую важную для сообщения с посадом сторону – к современной Красной площади.

Чтобы выстроить такие укрепления в одну зиму и одно лето, подвозя камень, должны были работать по крайней мере в течение летнего строительного сезона) ежедневно более двух тысяч человек. Среди них были, разумеется, и специалисты-мастера, которые выполняли работы, требовавшие наибольшей квалификации. Но основную массу строителей составляли, по-видимому, простые горожане и крестьяне, для которых «городоставление»

(как говорили в ту пору) было одной из феодальных повинностей, существовавших на Руси повсеместно.

Немалую роль в строительстве московского белокаменного кремля в 1367 году играло и московское боярство. Само решение о его постройке было принято советом князей – совладельцев Москвы и «старейших бояр». На Руси, как и в феодальных городах Западной Европы, строительство, содержание в порядке и организация обороны городских укреплений были обязанностью представителей знатных городских фамилий. На эту мысль наводят и некоторые древние названия кремлевских башен. Так Чешкова позднее-Тайницкая) и Тимофеевская позднее – Константино-Еленинская) башни названы по именам московских бояр Даниила Чешка и Тимофея Воронцова-Вельяминова. Можно предположить, что эти бояре были обязаны обес-

печить строительство и оборону соответствующих башен, как это делали патриции западноевропейских городов, носившие звание «господ башни». Недаром в XIV – XV веках договоры между русскими князьями, предоставляя боярам свободу служить тому или иному князю, обязывают их участвовать в обороне того города, в котором они живут: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати, кому служит речь идет о военном походе. – *Прим. авт.*) А городская осада, где кто живет, тому тут и сести...»

Итак, огромными усилиями всего московского населения в 1367 году был построен каменный кремль. Несомненно, митрополит Алексий понимал, что мирным путем русские княжества под властью Москвы не объединить. Он готовился к войне. А на войне, как говорится, все средства хороши. Постепенно набирая мощь, московский великий князь, «надеясь на свою великую силу, князей русских начал приводить в свою волю, а которые начали не повиноваться его воле, на тех начал посягать злобою», – писал тверской летописец.

В 1367 году главный соперник Дмитрия Ивановича, тверской князь Михаил Александрович, был приглашен в Москву «любо-вию», якобы для решения спора со своими удельными князьями. Михаил Александрович приехал, надеясь на беспристрастный суд великого князя и митрополита. Но обещание справедливого суда было только приманкой. До-

верившийся митрополиту Михаил был посажен под арест на дворе одного из московских бояр – Гавриила (Гавши) Андреевича. Тверская летопись, повествуя об этом событии, жалуется в первую очередь на митрополита Алексия, как виновника обиды, нанесенной князю. Таким образом, в глазах тверичей авторитет митрополита Алексия серьезно пошатнулся.

Москвичи вскоре выпустили Михаила Александровича, видимо, опасаясь резкой реакции ханского представителя, прибывшего в Москву. Однако тверского князя принудили к подписанию невыгодного ему договора с Москвой.

Что ж, Михаил справедливо счел, что крестное целование, данное им под угрозой расправы, силы не имеет, и уже на следующий год началась война. На стороне своего зятя, Михаила, выступил литовский великий князь Ольгерд.

ЛИТОВЩИНА

Ольгерд, предприняв поход на Москву, действовал скрыто и решительно, так что в Москве очень поздно узнали о приближении литовского войска. Тотчас же из Москвы были разосланы грамоты по городам для сбора рати, но войска не подспели сойтись из отдаленных мест. Поэтому из воинов, бывших в Москве, спешно составили сторожевой полк под воеводством боярина Дмитрия Минина. Тем временем Ольгерд вошел в московские пределы и ознаменовал свое движение пожарами и грабежами, принявшись «...порубежные места жечи, сечи, гра-бити, пленити». Он дошел до реки Тростны, вытекающей из Тростенского озера к востоку от Волоколамска, и тут разбил московский сторожевой полк (21 ноября 1367 года). Пытая пленников, Ольгерд требовал от них ответа: «...где великий князь, есть ли при нем сила?» Пленники единогласно показывали, что великий князь Дмитрий сидит в Москве, а войска к нему еще не успели собраться. Тогда Ольгерд поспешил к Москве и остановился под городом.

В Кремле засел великий князь Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Андреевичем и митрополитом Алексием. Все деревянные строения вокруг города были заблаговременно сожжены, и кремль приготовился к осаде. Построенный по последнему слову тогдашней техники, москов-

ский кремль был неприступной крепостью. Ольгерд простоял под Москвой три дня и три ночи, сжег церкви, монастыри и остатки строений вокруг кремля, но саму твердыню не взял. Он разорил окрестные села и со множеством пленных тронулся в обратный путь.

Поход Ольгерда произвел громадное впечатление на москвичей. «Прежде того столь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, даже и от татар не бывало», – пишет о первой литовщине современник.

«Другая литовщина», как ее называет летописец, произошла почти через два года после первой. Литовское войско под командой Ольгерда выступило поздней осенью 1369 года. С Ольгердом шли его братья и сыновья, тверской князь Михаил Александрович и смоленский князь Святослав «с силою смоленскою». 26 ноября произошел бой под Волоколамском. Ольгерд два дня бился под этим городом и не смог его взять. Защитой Волока руководил князь Василий Иванович Березуйский, погибший от раны, полученной необычным путем. Он стоял на мосту у городских укреплений, когда какой-то литвин пронзил его копьем («сулицею») из-под моста. Раненый князь разболелся и умер. «Тому хоробру такова слава», – восклицает современник об этом мужественном защитнике Волоколамска.

Потеряв под Волоколамском два дня, Ольгерд поспешил к Москве. На зимний Николин день (6 декабря) литовское войско подошло к городу. И на этот раз Ольгерд стоял под

Кремлем восемь дней, «города Кремля не взя». В городе сидел великий князь Дмитрий Иванович, тогда как митрополит Алексей был в Нижнем Новгороде, а князь Владимир Андреевич вместе с подошедшей рязанской помощью стоял в Перемышле, заняв фланговую позицию.

Заметим, что Дмитрию Ивановичу в это время было 19 лет, а Владимиру Андреевичу было около 15-ти. Однако, описывая события Литовщины, летописцы пишут о князьях, как об уже вполне взрослых и умелых полководцах. В то бурное время князьям приходилось рано взрослеть. И конечно же, им помогали словом и делом верные слуги и соратники – бояре.

Копье XIV в.

После первого похода Ольгерд сделал вывод, что малой силой изгоном Москву не взять. В этот раз он собрал большое войско. Однако при этом был потерян фактор неожиданности. Москвичи, заблаговременно узнав о наступлении, не только успели собрать все свои войска, но и призвали на помощь союзников.

Теперь Ольгерд рисковал оказаться в клещах. Литовский князь «убоялся и начать мира просити. Князь же великий Дмитрий взял с ним мир до Петрова дня, а Ольгерд восхотел вечного мира, и хотел дать дочь свою за князя Владимира Андреевича. И так помирившись, отошел от Москвы и возвратился в землю свою, и шел с многим опасением, озираясь и боясь за собою погони».

Летом 1371 года мир был укреплен брачным союзом. Князь Владимир Андреевич обручился с Еленой, дочерью Ольгерда, принявшей в крещении имя Евпраксии.

Этот брак устроил митрополит Алексей, причем в отсутствие Дмитрия Ивановича, который был в это время в Орде. Интересно, что после этого брака Ольгерд и Владимир между собой не сражались. Когда в 1372 году «Ольгерд, князь литовский, собрав воинов многих, в силе тяжкой собрался пойти ратью к Москве», Владимир Андреевич встретил литовцев у Любутска. «И стояли рати против друг друга, а про-

между ними овраг крут и дебри велики зело, и нельзя полкам сняться на бой, и так стояли несколько дней, и взяли мир промежду собою, и разошлись разنو».

Представляется странным, что два выдающихся полководца (Ольгерд и Владимир Андреевич) совершенно случайно привели свои войска к непроходимому оврагу, да так и не смогли его обойти для решительного боя.

В аналогичной ситуации оказались в 1216 году князья Юрий Всеволодович и Мстислав Удатный. Во время междоусобной войны за Владимирское княжество их армии после ряда маневров оказались на двух высоких холмах – на Юровой горе и на Авдовой горе, которые были разделены глубоким оврагом.

Встав друг напротив друга, противники тоже затеяли переговоры. Послы, отправленные Мстиславом к Юрию, предложили:

«Дай мир, а не дашь мира, то отступи далее на ровное место, и мы на вас пойдем, или мы отступим к Липице, а вы перейдете». Но Юрий ответил: «Мира не принимаю и не отступлю. Пришли вы сюда через всю нашу землю долгой дорогой, так разве через дебрь сию, через поток малый перейти не можете!»

Отступление Ольгерда от Москвы. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

И бой состоялся. После однодневного отдыха, на протяжении которого не прекращались мелкие стычки, войска Мстислава Удатного, преодолев труднопроходимый овраг, ударили на армию противника и в кровопролитном рукопашном бою нанесли ему сокрушительное поражение.

Но новоиспеченные родственники Ольгерд и Владимир Андреевич, похоже, не горели желанием победить любой ценой. Они предпочли переговоры.

«Литовщины» причинили большой вред Москве, особенно городским предместьям («посаду») и окрестным селам. Воспоминание о них было настолько прочным, что нашло свое отражение в былинах. Они поют о женитьбе князя Владимира на литовской королеве Апраксии, конечно, давно спутав Владимира Андреевича XIV века с любимым былинным персонажем Владимиром Красное Солнышко. Да и в самой Литве сложился легендарный рассказ об этом событии. В нем говорится, что Ольгерд и Дмитрий поддерживали дружеские отношения. Вдруг Дмитрий Иванович без всякой причины прислал к Ольгерду своего посла с упреками, а с ним огонь т. е. огниво) да саблю, со словами: «Буду в земле твоей по красной весне и по тихому лету». Ольгерд вынул из огнива губку и кремень, запалил губку и отдал ее послу

с обещанием: «Яз у него буду на Велик день и поцелую его красным яйцом-щитом, и с сулицею, а божиею помощью к городу Москве копье свою прислоню». На самый Великий день (т. е. на Пасху) князь великий с князьями и с боярами шел из церкви, а Ольгерд показался под Москвою на Поклонной горе. Испугавшись литовской силы, Дмитрий Иванович сам выехал к Ольгерду, поднеся ему большие дары, и помирился. Но Ольгерд этим не удовлетворился. В знак победы он сел на коня и с копьем в руке подъехал к городу, «...и копие свое к городу приклонил».

В этом рассказе чувствуется отголосок какого-то предания, а возможно, народной песни, сложенной в честь Ольгерда, с языческими мотивами о красной весне и тихом лете. Ольгерд в легенде поступает примерно так же, как древний Олег, повесивший щит на воротах Царьграда.

ПУТАНИЦА С ЯРЛЫКАМИ

Несмотря на пошатнувшийся авторитет ханской власти, русские князья продолжали ездить в Орду за ярлыками. Вот только теперь порой получалось, что ярлыки на одно и то же великое княжение получали сразу два князя из рук разных, враждующих между собой ханов.

Так в «Перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича с великим князем Дмитрием Ивановичем» (июль 1371 года) в «любви и докончани» с князем Дмитрием Ивановичем значатся князья Олег Рязанский и Владимир Пронский, оба названные великими. А ведь в Рязанском Великом княжестве (а Пронск входил в него) мог быть только один великий князь. Причем решение о том, кто будет великим князем, принимали в Орде. Самовольно, не имея на то законных оснований, москвичи не могли в официальном документе именовать Пронского великим князем. Видимо, эта запись отражает конфликт из-за великого Рязанского княжения между Владимиром Пронским и Олегом Рязанским, аналогичный конфликту между Дмитрием Московским и Дмитрием Суздальским и Нижегородским за великое Владимирское княжение. То есть перемирие с Литвой было заключено в тот момент, когда на руках и у Олега Рязанского, и у Владимира Пронского были ярлыки на великое княжение от разных ханов.

Однако между Олегом Рязанским и Владимиром Пронским, несмотря на спор из-за великого Рязанского княжения, в то время не было военного конфликта. Олег даже доверил пронскому князю свою дружину, послав Владимира на помощь Москве против Ольгерда. Возможно, оба князя надеялись решить спор законным путем в Орде.

Так же, опираясь на Орду, задумал получить великое княжение Владимирское князь Михаил Тверской. Отчаявшись захватить Москву с помощью Ольгерда, Михаил едет в Сарай. Там в это время эмир Мамай (в очередной раз захвативший столицу Золотой Орды) посадил нового ставленника – царя Мамат Сал-тана. Михаил Тверской получил от него ярлык на великое княжество Владимирское. Видимо, реальное усиление Московского княжества послужило веской причиной для подобного шага Мамай. Но Дмитрий Иванович Московский отказался подчиниться Орде и не пустил Михаила Тверского во Владимир.

Дмитрий Иванович даже разослал «на все пути заставы», чтобы схватить тверского князя, но «много гонявше за ним, и не обретоша его...». Михаил возвращался через Литву.

Тогда Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем встали с войском в Переяславле-Залесском, перекрыв, таким образом, Михаилу Тверскому дорогу. Михаил, собравшийся было во Владимир, вынужден был отступить. Заметим, что во Владимир крупных военных сил Дмитрий не посылал. Достаточно было уже и того, что там

сидели его наместники. Скрытно пробравшись к Владимиру с малой дружиной, князь Михаил Тверской не смог бы принудить их открыть ворота. А провести незаметно крупные военные силы через Переяславль-Залесский – личное владение Дмитрия Ивановича, он не решился, опасаясь военного столкновения со стоящими там силами Московского князя.

Посол ордынского царя, пришедший с князем Михаилом на Русь, «посылал к великому князю Дмитрию Ивановичу», приглашая его миром приехать во Владимир и присягнуть новому великому князю. Дмитрий отказался, заявив, что «в землю на княжение Владимирское Михаила не пушу; а тебе, послу, путь чист».

То есть Дмитрий, не подчинившись решению царя, все же предпочел наладить хорошие отношения с его послом Сарыход-жей. Князь даже пригласил посла к себе «с великою любовью». И посол приехал в Москву.

«Посол Сарыхожа на Москве у великого князя Дмитрея Ивановича многу честь и дары взял и вернулся в Орду, хваля и ублажая великого князя Дмитрия Ивановича». Да, на Москве не скупилась на посулы и взятки, умело сочетая демонстрацию силы и льстивые уговоры.

Но Михаил Александрович Тверской не сдался. В тот же год он «отпустил сына своего князя Ивана во Орду» за помощью против Москвы. Однако в Орде уже были настроены благожелательно по отношению к московскому князю.

Дмитрий Иванович Московский в это же время сам прие-

хал к царю в Мамаеву Орду с дорогими подарками. Он одарил «добре» и князя Мамаю, и царя, и царицу, и приближенных к царю князей, и в результате «пожалован был опять великим княжением Владимирским...».

А князю Михаилу Александровичу ордынский царь ответил так: «Княжение тебе уже давали великое и давали тебе рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении, и ты рати и силы нашей не взял, а говорил, что своею силою сядешь на великом княжении, и ты сиди с кем тебе любо, а от нас помощи не ищи»...

Дмитрий Иванович вернулся из Орды победителем. Однако он не надеялся окончательно решить конфликт с Тверью по закону. Поэтому, находясь у Мамаю в Орде, он «выкупил» сына Михаила Тверского князя Ивана Михайловича за 10 тысяч серебра, «еже есть тьму рублев». То есть московский князь дал Мамаю взятку в 10 тысяч рублей, и тот, захватив тверского посла – Ивана Михайловича, – выдал его Дмитрию, как простого раба.

Тверской княжич сидел в плену на Москве, у митрополита Алексия на дворе до тех пор, пока Михаил Александрович не выкупил его и не подписал мирный договор с Москвой, отказавшись от великого Владимирского княжения.

Судя по этим свидетельствам летописей, Алексия и Дмитрия Московского можно обвинить в попрании законности, в нарушении писаных и неписанных этических норм и понятий, наконец, в торговле заложниками – даже среди совре-

менных бандитов подобные действия характеризуются емким словом «беспредел». Так что Ольгерд и Михаил Тверской имели теперь крупный счет к Дмитрию Ивановичу и митрополиту Алексию. Но если поступки своего политического противника – московского князя – они еще могли расценить как естественное поведение врага, то действий Алексия, который, в силу своего положения, должен был быть нейтральным и объективным, они не могли ни понять, ни простить.

Ради своих целей митрополит Алексей пожертвовал даже своим добрым именем. Находясь во главе боярского правительства при московском князе, он претворяет в жизнь политику, которую советские историографы именовали «централизаторской». Но точнее говоря, это была политика сосредоточения сил и богатств вокруг Московского княжества. Алексей не рассматривал Тверскую, Рязанскую, Новгородскую и другие земли как будущие составные части единого русского государства. Митрополит Алексей и московское боярство видели в них лишь конкурентов в борьбе за очередной жирный кусок, который хорошо бы прилепить к своим владениям. Основной политической линией Алексия было обогащение московского боярства и рост владений и влияния московского князя.

В этот период русские великие князья признавали хана Мамаевой Орды своим законным царем, платили ему дань, ездили к нему за ярлыками и воевали с его врагами.

Так, в 1370 году по указанию Мамаея князь Дмитрий Константинович Нижегородский «пошел ратью» на болгарского князя Асана. «Князь же Асан послал против них с молением и с челобитьем и со многими дарами. Они же дары взяли, а на княжении посадили Салтана, Бакова сына». В следующем году нижегородский князь предпринял новый поход против казанских татар и на реке Суре основал город Курмыш.

В это же время в рязанской земле обостряется борьба Владимира Пронского с Олегом Рязанским за великое княжение Рязанское. Московский князь Дмитрий Иванович уже применял силу при решении проблемы двух ярлыков. И у него получилось. Уладив вопрос с Владимирским великим княжением, Дмитрий Иванович решил аналогичным образом поступить и с двумя ярлыками на Рязанское великое княжение. Московский князь поддержал Владимира Пронского, потому что Олег Рязанский был слишком сильным противником и неудобным соседом. «Той же зимой (1371 года. – *Прим. авт.*) перед Рождеством Христовым было побоище на Скорнице с рязанцами. Князь великий Дмитрий Иванович, собрав воинов многих, послал рать на князя Олега Рязанского, а воеводу с ними отпусти Дмитрия Михайловича Волынского. Князь же Олег Рязанский собрал воинов многих, и вышел ратью против них. Рязанцы же, сурови суще, друг к другу рекоша: «не берите с собою доспехов, ни щитов, ни копий, ни какого иного оружия, но только берите с собою каждый по веревке, чтобы вязать Москвичей, пото-

му что они слабы и страшливы и не крепки», – пишет московский летописец. Однако рязанцы напрасно храбрились. В бою на Скорницеве они были разбиты, а князь Олег «едва убежал... И сел тогда на княжении великом Рязанском князь Владимир Пронский».

Во время его княжения в Рязани произошло некое народное возмущение, связанное со сбором дани. Судя по всему, рязанцы не хотели платить Владимиру Пронскому ордынский выход, ожидая, что скоро вернется к власти Олег Иванович и, естественно, возьмет дань повторно.

И они не просчитались. Княжил Владимир недолго. В этом же году «князь Олег Рязанский, собрав воинов, прииде ратью на Рязань изгоном, на князя Владимира Пронского, и согнал его, а сам сел на княжении на великом». Вернул Олег Иванович свое княжение с помощью мурзы Солохмира из соседнего с рязанским княжеством улуса Мохши. После чего Солохмир и еще несколько эмиров этого улуса перешли на службу к рязанскому князю. Об этом сообщается в родословных грамотах потомков Солохмира – Апраксиных и Хитровых.

Победив, Олег Иванович «схватил зятя своего князя Владимира Дмитриевича Пронского и приведе в свою волю». Из этой «воли» пронский князь уже не выходил до своей кончины, а умер он зимой 1373 года. Сын Владимира Дмитриевича, Иван Владимирович, был тогда малолетним и вынужден был разделить власть в Пронске со своими родственни-

ками. Пронск, таким образом, оказался «под рукой» Олега Рязанского.

ДЕЛА ЦАРЬГРАДСКИЕ

«По твоему благословению митрополит и донныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит! – благословляет москвитян на пролитие крови, – и ни к нам не приходит, ни в Киев не наезжает. И кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?!» Такое послание получил Константинопольский патриарх в 1371 году от литовского князя Ольгерда. И далее: Ольгерд требует «другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород».

Константинопольским патриархом в это время снова стал Филофей – сторонник идеи объединения всех православных земель Руси (прежний патриарх Каллист умер от чумы летом 1363 года во время путешествия в Сербию. Почти полтора года в Константинополе не было патриарха. Только в октябре 1364 года император Иоанн V согласился на возвращение Филофея).

В 1362 году умер поставленный Каллистом литовский митрополит Роман. Нового митрополита на Литву не назначали, и литовская митрополия прекратила свое существование, а ее территория перешла под опеку митрополита Киевского и всея Руси, то есть Алексия. Но как митрополит Алек-

сий не устраивал уже никого, кроме Москвы.

Глядя на список городов, нелепо утверждать, будто Ольгерд стремился к воссозданию литовской митрополии. Скорее, здесь отражено недовольство промосковской политикой Алексия. Действиями митрополита были недовольны не только литовцы, но также Тверь, Смоленск и даже находившийся в союзе и родстве с Дмитрием Ивановичем Московским, Нижегородский великий князь Дмитрий Константинович.

Видимо, понимая, что вернувшийся к власти патриарх Филофей не сместит поставленного им же митрополита, Ольгерд требует ограничить власть Алексия пределами тех земель, в интересах которых Алексей действует.

Итак, миссия, которую Филофей возлагал на Алексия – замирение и объединение православных земель, – провалена. Патриарх, поставивший ранее Алексия митрополитом, имеет все основания, чтобы усомниться в правильности своего выбора. Но о разделе митрополии он не желает и слышать. По позициям Православной церкви в Византии в последние годы и так было нанесено уже несколько существенных ударов.

Междоусобные и гражданские войны, потрясавшие Византию в середине XIV века, окончательно обескровили империю. На Западе выжидали, кто станет наследником агонизирующей Византии: кто-либо из ее старых соперников – Венеция, Сербия или Венгрия, – или она падет жертвой новых

завоевателей – турок-османов.

Между тем реальная опасность со стороны турок не только для самой Византии, но и для претендентов на ее наследство быстро возрастала. Лишенная союзников империя теряла одну территорию за другой.

Политическая раздробленность, внутренние междоусобицы в балканских государствах, их соперничество между собой, а также с итальянскими республиками и Венгрией облегчили туркам проникновение в глубь Балканского полуострова.

В 1359 году турецкие войска впервые появились у стен византийской столицы. А вскоре султан Мурад правил (в 1362—1389 годах), умный правитель и талантливый полководец, деятельно приступил к завоеваниям на Балканах.

В столь тяжелый для Византийской империи момент среди части придворной феодальной знати усилились латинофильские настроения. Латинофилы видели единственное спасение в помощи Запада. Эти иллюзорные надежды питал и сам византийский император Иоанн V Палеолог. Под давлением латинофилов Иоанн V решился на небывалый поступок: впервые в истории Византии базилевс, признанный глава православного мира, решил покинуть свою страну не для совершения какого-либо заморского завоевательного похода, а для того, чтобы униженно просить католический Запад о помощи против турок.

В следующем году после захвата турками Галлиполи ви-

зантийское правительство возобновило переговоры с папским престолом, находившимся в то время в Авиньоне. Речь шла о союзе против Турецкой державы. Но папство, как и прежде, неизменно условием помощи ставило заключение унии между православной и католической церквями. Но эта идея из-за решительного сопротивления большей части греческого духовенства и народных масс империи была заранее обречена на провал.

Летом 1369 года Иоанн V в сопровождении светских сановников отплыл в Италию. Симптоматично, что в свите императора не было духовных лиц. Константинопольская патриархия была категорически против переговоров об унии. Патриарх Филофей призывал к борьбе с ней не только греческое духовенство, но и православных иерархов Сирии, Египта и славянских стран, в том числе и Руси.

Тем не менее в октябре 1369 года в Риме Иоанн V принял с благословения папы Урбана V католичество, но из-за отсутствия представителей восточной церкви этот поступок императора рассматривался лишь как его личное дело, а не как акт объединения церквей. В конечном счете результаты переговоров Иоанна V с папством были ничтожны. У императора даже не оказалось денег на обратную дорогу. А его сын Андроник, оставленный регентом в Константинополе на время отсутствия отца, отказался выслать своему папочке-католику денег на обратную дорогу. Домой злосчастный император вернулся только в октябре 1371 года, после

двухлетних мытарств.

В таких тяжелых для православной церкви условиях патриарх Филофей просто не мог допустить раздела русской митрополии. Но и проигнорировать жалобы на Алексея он не мог.

В 1372 году патриарх посылает грамоты митрополиту Алексею, Михаилу Тверскому и Ольгерду, убеждая их примириться. Кроме того, Филофей отправляет на Русь «близкого своего человека» Иоанна Докиана с неофициальным посланием Алексею (текст письма не сохранился).

Вскоре патриарх отправил на Русь второго «своего монаха» – Киприана, «человека, отличающегося добродетелью и благочестием, способного хорошо воспользоваться обстоятельствами и направлять дела в нужное русло». Официальной задачей Киприана было «примирить князей между собою и с митрополитом».

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Мысль человека за горами, а смерть его за плечами.

Народная мудрость

КТО ТАКИЕ ТАТАРЫ?

– Так вот они какие, татары, – высокий грек с длинной каштановой бородой во все глаза смотрел на проезжающих мимо всадников.

Почти все они ехали на мерно ступающих двугорбых верблюдах, и только двое галопировали на резвых, арабской породы конях, то обгоняя неторопливо шагающих кораблей пустыни, то снова возвращаясь к ним.

– Смотри, Пердика, – подтолкнул грек своего черноволового шустроглазого помощника, – они все в цветных полосатых халатах. Интересно, все татары так одеваются?.. – И грек вопросительно посмотрел на другого своего попутчика – тучного, лысеющего армянина Ашота. – И вон чалмы на всех... Я слышал, что теперь уже все татары сделались магометанами.

Купец Ашот был человеком богатым и знающим. Раз в год он водил караван из Солдайи в Киев и обратно. Грече-

ского монаха Киприана и его помощника Пердику он взял в попутчики просто как средство от скуки в дороге. Даже не стал брать с них денег за охрану, хотя охранники стоили его каравану немало. Но брать деньги со своих братьев-христиан, а тем более с монахов, купцу было как-то совестно. Тем более что этот Киприан оказался интересным собеседником. Однако Ашот счел, что немедленно отвечать на вопрос византийца будет ниже его достоинства. Сперва армянин тщательно прожевал финик и выплюнул косточку.

– Какие же это татары?.. Это согдийцы, – изрек он наконец, проводив глазами удаляющийся в восточном направлении караван верблюдов. – А полосатые халаты на них, потому что эти купцы из Хорезма. Домой, наверное, возвращаются...

На следующий день, после долгого перехода по выжженной степи они увидели оазис. Несколько зеленых деревьев, а над ними макушку минарета и четыре башенки, увенчанные полумесяцами. Вокруг мечети во все стороны, куда хватало глаз, на земле стояли многочисленные юрты и походные кибитки.

В окрестностях оазиса, вытаптывая пожухлую степную траву, паслись многочисленные стада овец и низкорослых большеголовых лошадок. Тут и там мелькали по степи, верхом на таких же лошадках, пастухи. На головах у них чернели высокие войлочные шапки.

– Вот они, татары! – снова всплеснул руками Киприан. –

Смотрите! Низкорослые лошади, одежда из войлока...

– Какие же это татары? – рассмеялся Ашот, выглянув из-за кожаного полога. – Это кыпчаки. Такие же, как вон эти мои охранники, – он кивнул на радостно ухмыляющегося загорелого верзилу, соломенноволосого Кундуза, едущего рядом с повозкой. – А этот город – Солхат. Кони и другие кыпчакские товары тут стоят дешевле всего. Сейчас большая ярмарка. Задержимся здесь на день. Тут есть караван-сарай и несколько глинобитных домов. А остальное... – армянин пренебрежительно махнул рукой, в сторону юрт и кибиток. – Когда овцы и лошади сожрут всю эту траву, они откочуют в другое место...

Ашот торговал в Солхате недолго. Он продал два маленьких венецианских зеркальца и, купив на вырученные деньги еще дюжину невзрачных кыпчацких лошадок, тут же запряг их в повозки. Теперь все длинные повозки Ашота шли вперед немного быстрее, запряженные не тремя, а четырьмя парами лошадей.

Через несколько дней, миновав Перекоп и засушливую, почти безлюдную степь, в которой только пару раз попадались кочевья кыпчаков, караван подошел к первой на пути полноводной реке. Накатанная колея вела их прямо к воде, мимо нескольких приютившихся у берега мазанок с соломенными крышами.

Заметив приближающийся караван, из мазанок выскочили смуглые от загара, одетые в белые холщовые рубахи люди.

Они радостно обступили первую телегу и, размахивая руками, принялись торговаться с Ашотом о цене перевоза. Говорили они по-славянски, но с каким-то странным акцентом.

Когда последняя из шести телег благополучно переправилась через реку на массивном, скатанном из бревен пароме, Ашот принялся неторопливо отсчитывать перевозчикам маленькие серебряные монетки – аспры. Впрочем, получив серебро, перевозчики почти все тут же потратили, купив у Ашота кое-что из товаров.

Лишь только повозка, в которой ехали Ашот и Киприан, снова двинулась в путь, монах, пригладив тонкими сухими пальцами свою холеную бороду, нерешительно задал караванщику-армянину все тот же вопрос:

– Может, вот эти и были татары? Караванщик удивленно посмотрел на монаха и, насмешливо улыбаясь, покачал головой.

– Они такие же татары, как и мы с тобой, грек... Это бродники.

Дальнейшее путешествие проходило так же уныло-спокойно. Все больше попадалось у них на пути роц и перелесков. Еще несколько раз повозки Ашота переплывали на паромах или вброд переезжали встречающиеся по пути реки, пока наконец не начали появляться в степи распаханное поле.

– Ну вот, – радостно сообщил как-то Ашот заскучившему греку. – Скоро начнутся русские земли. А потом, когда

я приеду в Киев...

Но договорить ему не дал встревоженный крик охранника – кыпчака Кундуза.

Киприан и его товарищ высунулись из-за полога. Вокруг повозок и испуганно озирающихся кыпчаков – охранников гарцевало два десятка воинов. Говорили они не по-славянски и одеты были в кожаные доспехи и островерхие мохнатые шапки. Лишь один из них, видимо, самый главный, сверкал начищенным до блеска коническим шлемом и переливающейся на солнце, словно змеиная чешуя, кольчугой.

Ашот, торопливо запихнув любопытных греков внутрь повозки, сам вылез наружу и вступил в переговоры с незнакомцами, обращаясь к ним на славянском языке. Через некоторое время он снова забрался внутрь, недовольный, красный, как рак. Высунувшись, заорал на возниц и торопливо махнул рукой:

– Трогай! – а потом, обернувшись к монаху, пояснил ему: – Снова таможенную пошлину подняли, лихоимцы... Война у них, видишь ли! А я виноват, что ли, в ихней войне?!

– Татары? – понимающе закивал головой Киприан.

– Да какие это татары... Литовцы... Воюют снова с каким-то русским князем или между собой.

Они не успели еще далеко отъехать, как позади послышался звук трубы и тревожные крики. Киприан снова высунулся из-за полога. Страна, в которой ему предстояло выполнить важную, порученную самим патриархом, мис-

сию, казалась ему сейчас каким-то непостижимо сложным клубком, смотанным из множества разноцветных, перепутавшихся между собой ниток.

Вечерело. На фоне закатного неба по самой гриве близлежащего холма промчались верховые в высоких шапках, во главе с одним, одетым в кольчугу. Те самые, что взяли с караванщика деньги.

Вскоре рядом с греком высунул свою голову и Ашот.

– Что, удрали?

– Ага, – кивнул монах. И тут на самой вершине холма показался еще один всадник.

Замерев на секунду, он махнул торопливо рукой и, прищипнув коня, канул во тьму. А следом за ним на вершине холма замелькали еще какие-то конные силуэты. Закатное солнце багрово-красным алело на их конических шлемах и на остриях поднятых кверху пик. А через миг всадники скрылись из виду, словно их и не было вовсе.

– Кто это был? Тот русский князь, с которым воюют, или снова литовцы? – шепотом поинтересовался монах.

– А черт их разберет, этих татар, – раздраженно махнул рукой армянин. – Лишь бы не пограбили да второй раз с меня пошлин не взяли.

СПЕЦАГЕНТ КИПРИАН

Будущий митрополит всея Руси Киприан родился в 1336 году в Болгарии, в боярской семье Цамвлаков. О первых годах его жизни мало что известно. Есть только сведения о том, что в 1350-х годах он эмигрировал в Византию. С этого момента и началась карьера будущего митрополита всея Руси.

По своим убеждениям Киприан принадлежал к популярному тогда в Византии религиозному течению исихастов, – православных гуманистов своего времени. Это были аскеты-созерцатели, убежденные, что человек способен вступать в непосредственное общение с божеством и что богословие должно основываться не на философских измышлениях и допущениях, а на опыте общения с богом, церковном и личном. Их звали «исихастами», что в переводе с греческого значит «покоиться», «безмолвствовать», «молчать». Вместо того чтобы вести бесконечные богословские споры, они в своей душе разговаривали с богом, пытаясь понять замысел творца, а затем улучшить этот мир.

По мнению историка Г.М. Прохорова, исихасты, начинавшие как отшельники, постепенно вовлекались в политическую жизнь, а к середине XIV века они встали во главе православной церкви – мощной международной организации, в то время более общественно эффективной, чем оконча-

тельно подорвавшее свои силы византийское государство. Во время гражданской войны в Византии в 1341 – 1347 годах исихасты подвергались репрессиям. Но придя к власти, они не уподобились своим противникам. Казней не было. Для Средних веков, надо заметить, это удивительное явление.

Заслуживает внимания отношение исихастов к миру. Когда митрополит Филофей, утомленный борьбой с людьми, «находящими удовольствие в неслыханных притеснениях и ограблениях бедных», решил удалиться в монастырь на тихий Афон, этому решительно воспротивился апологет исихастов-созерцателей Григорий Палама: «Да не возжелает этого занимающийся общественными делами!»

Таким образом, зародившись на Балканах, распространяется по всей Восточной Европе своеобразный тип культурного и общественного деятеля – исихасты шли «в мир». Это были монахи, прошедшие суровую выучку у опытных «старцев», знающие цену культуре, неплохо образованные. Они сочиняли богословско-полемические трактаты, гимны и молитвы, писали иконы, переводили с греческого на славянский священные книги. Исихасты становились во главе монашеских общежитий, церковных общин городов.

Киприан разделял мировоззрение исихастов и активно участвовал в общественно-политической деятельности, претворяя идеи учения в жизнь. Интересны социально-этические взгляды исихастов. Они никогда не стремились к власти ради самой власти. Власть для них была лишь средством

самозащиты. Так, Филофей стал патриархом, чтобы остановить репрессии против исихастов. Он стремился воссоединить православные государства вокруг своей кафедры, чтобы защитить православие от нарастающего натиска католицизма и мусульманства. Исихасты не посягали на чужое – не вели миссионерской деятельности, не насаждали силой своего понимания мира. Насилие, как средство идеологической борьбы, было для них неприемлемо. Они делали ставку на пропаганду, на убедительность своих доводов в ходе открытой полемики. Видимо, именно эту систему ценностей и воспринял Киприан, который вскоре после прибытия в Константинополь был замечен патриархом и вскоре стал его доверенным помощником. Идея Филофея об объединении православных государств стала для Киприана руководством к действию. Эту мечту он будет воплощать всю свою жизнь.

В конце 1372 года Киприан по поручению патриарха Филофея прибыл в Великое княжество Литовское, где сблизился с Литовским князем и с членами великокняжеского совета – «рады». С ними Киприан вступил в «тесный союз». Видимо, наслушавшись, как литовские князья характеризуют митрополита Алексия, Киприан не решился поехать к нему в Москву. Вместо этого он поехал в Тверь к князю Михаилу Александровичу и находился там до весны 1374 года.

Тверь в это время находилась в тесном союзе с Литвой и не прекращала военных действий против московского князя. Так, под 1373 годом Московская летопись сообщает, что

«князь Михайло Тверской подвел рать Литовскую в тайне, князя Кейстута с сыном Витовтом, князя Андрея Полоцкого, князя Дмитрия Друцко-го и иных князей литовских, а с ними Литва, Ляхи, Жемоть. И пришли изгоном, без вести... к граду Переяславлю-Залесскому, и посад около города и церкви и села пожгли, города же не взяли, а бояр и людей множество полонили, а иных побили, а имения пограбили и отошли с великой корыстью».

Однако уже к осени 1373 года между враждующими сторонами устанавливается мир. Возможно, тогда же московский и литовский князья договорились о совместных действиях против Мамаю.

Видимо, полученное до того Алексием неофициальное послание патриарха содержало не только увещания, но и угрозы, которые вынудили митрополита предпринять ряд мер. Алексей снял с князя Михаила Тверского наложенное ранее отлучение от церкви, и тверской князь, как и литовские, с Алексием примирился. В конце зимы 1374 года, в Великий пост, Алексей поставил «епископом Суздалю и Новгороду Нижнему и Городцу» (владения князя Дмитрия Константиновича Нижегородского) «архимандрита Печерского монастыря именем Дионисия». Только после этого митрополит выехал из Москвы в Тверь, где его уже ждал Киприан. 9 марта в Твери Алексей тоже поставил нового епископа – Евфимия.

И Евфимий и Дионисий – сторонники той политической

линии, проводником которой был Киприан. Таким образом, Алексей продемонстрировал свое подчинение указаниям патриарха о примирении. А затем Алексей с Киприаном вместе поехали из Твери в Переяславль-Залесский – город московского великого князя Дмитрия Ивановича. В Переяславле Киприан познакомился с игуменами Сергием Радонежским и его племянником Феодором Симоновским, и, судя по всему, они оказались единомышленниками. В дальнейшем между Сергием Радонежским, Феодором Симоновским и Киприаном завязывается дружеская переписка.

В 1373 году «князю великому Дмитрию Московскому было розмирие с татарами и с Мамаем». Дмитрий прекратил выплату Мамаю ордынской дани.

В «розмирие» с татарами вступила не только Москва, но и Литва. Осенью 1373 года Литва предприняла поход на татар: «ходили Литва на татар, на Темеря, и был между ними бой».

В ноябре 1374 года собирался общекняжеский съезд в Переяславле-Залесском. «Был съезд велик в Переяславле, ото всюду съехались князья и бояре и была радость великая во граде Переяславле». Поводом для созыва князей послужило рождение 26 ноября 1374 года второго сына московского князя, Юрия. Мало сведений сообщается в летописи о представительстве съезда. Известно, что приехал князь Дмитрий Нижегородский «с своею братией и со княгинею и с детьми, и с бояре, и с слугами», а также митрополит Алексей и игумен Сергей Радонежский. Отсутствовал на съезде тверской

князь.

Неизвестно, где в это время находился сам Киприан. Возможно, в это время он был в Литве. Примечательно, что крестил новорожденного княжеского сына Юрия Сергий Радонежский, впоследствии проявивший себя как единомышленник Киприана.

Во время съезда «новгородцы Нижнего Новгорода побили послов Мамаевых, а с ними татар с тысячу, а старейшину их именем Сарайку руками яша и приведоша их в Новгород Нижний и с его дружиною». Таким образом, созданный усилиями патриарха и Киприана антиордынский союз православных князей начал действовать.

ТВЕРСКАЯ ВОЙНА

В 1373 году резко обострились отношения рязанского князя с Мамаем: «Пришли татары ратью из Орды от Мамаю на Рязань, на великого князя Олега Ивановича, и грады его пожгли и людей многое множество избили и пленили, и со многим полоном отошли восвояси».

Интересно, что узнав о набеге Мамаю на Рязань, московский князь Дмитрий Иванович со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем двинули рати к Оке, но не на помощь рязанцам, а для защиты собственных земель. Похоже, Дмитрию Ивановичу было чего опасаться. Ведь к 1373 году московский князь прекратил платить дань Мамаю. Олег Иванович тоже не заплатил татарам. Может быть, какие-то известия об очередной смене власти, пришедшие из Сарая, подтолкнули рязанского князя на этот опрометчивый шаг. По свидетельствам летописей в 1372 – 1373 годах «в Орде замятня была, и многие князья Ордынские между собою избиены были, а татар бесчисленно паде».

Но если Олег Рязанский и договаривался с Дмитрием Московским совместно не платить дань, то помощи от московского князя во время набега татар не дождался. Отношения Москва – Рязань оставались напряженными. Так или иначе, но после 1374 года в конфликт с Мамаем вступили почти все русские великие князья.

В марте 1375 года состоялся новый съезд князей уже в несколько ином составе. Князя Михаила Тверского на нем снова не было. Пока князья совещались в Переяславле, 5 марта из Москвы в Тверь бежали Некомат Суροжанин и Иван Васильевич Вельяминов. Они о чем-то беседовали с князем Михаилом Александровичем и поехали из Твери в Мамаеву Орду. Сам тверской князь после этого срочно уехал в Литву, к своему родственнику великому князю литовскому Ольгерду.

31 марта князь Василий Дмитриевич Кирдяпа, старший сын Дмитрия Константиновича Нижегородского, послал в Нижний Новгород «воинов своих и повелел Сарайку и его дружину розно развести». В более поздней летописи о том же сказано откровеннее: князь послал воинов «убить Сарайку и дружину его». Понятно, что Василий Дмитриевич выполнял общее решение князей, принятое на съезде.

Рассмотрим подробнее ситуацию с Сарайкой. На Русь едет посольство из Орды. Только недавно, в 1371 году, великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович считал Мамаева ставленника в Орде законным государем и ездил к нему, за огромные деньги перекупая ярлык на великокняжеский стол. Значит, это не что иное, как нападение на представителей законной власти. Далее, дружину посла берут в плен. Видимо, на почетных условиях, с сохранением оружия (даже не отняли луки!). Татар не развели врозь, и жили они в черте города, под небольшой охра-

ной. Только этим попустительством можно объяснить, почему пленные татары оказали столь активное сопротивление: Сарайка «взбежал на вла-дычен двор со своею дружиною, и зажег двор и начал стрелять в людей, и многих уязвил людей стрелами, а иных смерти предал, и захотел еще и владыку застрелить и пустил на него стрелу. И прошла стрела, коснувшись оперением только края подола мантии епископа. Это захотел окаянный и поганый того ради, дабы не одному ему умирать; но Бог заступился за епископа... Сами же татары тут все были убиты, и ни один из них не уцелел».

С точки зрения татар, убийство послов – это непрощаемое преступление. Связать князей круговой кровавой порукой – возможно, это была идея митрополита Алексия. Ведь тогда все участвовавшие в съезде князья будут бояться мести Мамая и уже поэтому совместно выступят против него.

Однако в 1375 году мести из Орды за убийство послов не последовало. Дело в том, что в Сарае было не до того. В этот год новгородцы на семидесяти ушкуях двинулись вниз по Волге. Они нанесли «визит» в города Булгар и Сарай. Причем правители Булгара, наученные горьким опытом предыдущих набегов, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай была взята штурмом и разграблена.

Этот поход не был следствием какой-то целенаправленной политики русских князей. Просто поволжские города с самого начала «великой замятни» стали легкой добычей для новгородских речных пиратов. Деятельность ушкуйников при-

носила убытки не только ордынским ханам, но и московскому и нижегородскому князьям, однако никто из них так и не смог эту деятельность пресечь. Богатая добыча с каждым годом привлекала все больше и больше ушкуйников на Волгу. Поход 1375 года был, видимо, самым крупным по численности ушкуйников.

Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили ушкуйникам головы, и, разграбив Сарай, они двинулись еще дальше к Каспию. Когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салгей, правивший Хазтроканию (Астраханью), и немедленно заплатил затребованную дань. Мало того, в честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие воины совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них бросились вооруженные татары. Все ушкуйники были перебиты. Только эта расправа сумела несколько умерить пыл речной вольницы. Но ушкуйные походы на Волгу продолжались и потом, правда, уже без такого размаха.

Тем временем 13 июля 1375 года из Мамаевой Орды в Тверь вернулся Некомат Сурожанин (Вельяминов остался в Орде) с послом Мамая, «ко князю к великому, к Михаилу, с ярлыком на великое княжение и на великую погибель христианскую граду Твери», – как пишет тверской летописец. Князь Михаил чуть раньше Некомата возвратился в Тверь из Литвы. Далее события развивались очень быстро. Михаил Тверской, «имея веру лести бесерменской... нимало не по-

ждав, того дня (13 июля. – *Прим. авт.*) послал на Москву ко князю к великому Дмитрию Ивановичу, целование крестное сложил, и наместников своих послал в Торжок и на Углич Поле ратию».

А уже 29 июля князь Дмитрий Иванович Московский, «собрав всю силу русских городов и со всеми князьями русскими соединившись», миновал Волок Ламский, направляясь к Твери. Под его знаменами шли нижегородско-суздальские, ростовские, ярославские, серпуховской, смоленский, белозерский, кашинский, можайский, стародубский, брянский, новосильский, оболенский, тарусский князья «и все князья Русские, каждый со своими ратями». С севера к Твери поспешила новгородская рать – с Михаилом Тверским у Новгорода были свои счета.

Обратим внимание на сроки. От объявления войны Михаилом Александровичем до наступления на Тверь объединенной армии прошло всего две недели. Возможно ли собрать такую «представительную» армию со всех концов Руси в столь короткие сроки? Уж не была ли эта армия собрана заранее? На съезд князья пришли со своими дружинами (время-то опасное). А после съезда никто не разъехался. Прямо с этими дружинами все князья тут же выступили в поход, возможно, подтягивая по пути дополнительные силы.

И еще непонятно – в чем причина такой спешки Михаила Тверского? Михаил не первый год княжит. Он уже получал от Мамаю обещания помощи и ярлык на Владимир-

ский престол. Однако помощи тогда не дождался, а значит, не имел никаких оснований надеяться на это теперь. Даже с помощью Ольгерда ему не удалось одержать над Дмитрием Ивановичем решительной победы. Почему же он теперь так спешит?

Возможно, ответ следует искать в том, что сказали князю Михаилу Иван Вельяминов и Некомат. Обещали они нечто такое, что позволило Тверскому князю уверовать в свою победу. Это могло быть только одно: якобы готовящийся бунт против Дмитрия Ивановича в Москве. Сигналом к началу этого бунта должны были послужить слова тверского князя о сложении крестного целования. Тогда с ханским ярлыком и поддержкой Ольгерда Михаил занял бы великокняжеский престол. Однако никакого бунта не произошло. Заявление Михаила Александровича поставило его против всей антиордынской коалиции и послужило сигналом для выступления уже подготовленной к войне армии. Все это дает основания думать, что бунт был выдуман не самим Вельяминовым. За спиной Вельяминова и Некомата стоял скорее всего тот же митрополит Алексей. Таким образом, все произошедшее с Тверским княжеством было хорошо продуманной и блестяще проведенной провокацией.

За это Ивану Вельяминову, очевидно, князь пообещал должность московского тысяцкого. А Некомат, как купец-суроужанин, имел некий коммерческий интерес. Как и всегда, провокаторы получили совсем не то, что им обещали. В ле-

тописи сообщается под 1379 годом: «Того же лета пришел из Орды Иван Васильевич тысяцкий, и обольстивше его и перехитрив, поймали его в Серпухове и привели его на Москву», где 30 августа он был казнен. Казнь Вельяминова была, насколько известно, первой публичной смертной казнью в истории Москвы. Некомат Сурожанин будет казнен через четыре года «за некую крамолу бывшую и измену».

Вышло так, что даже Ольгерд не смог помочь своему родственнику – тверскому князю, ведь это означало бы для него выступить против всех русских князей. Не получив поддержки, после месячной осады Твери Михаил Александрович капитулировал. Он признал верховенство московского князя, отказался от претензий на Владимирское княжение и подписал союзный договор с Москвой. Послом о мире выступал тверской епископ Евфимий. 3 сентября 1375 года войска русских князей оставили Тверь.

Докончальная грамота 1375 года третейским судьей по спорным делам между Дмитрием Ивановичем Московским и Михаилом Александровичем Тверским называет великого князя рязанского Олега Ивановича. Выбор на первый взгляд странный, но для тех времен закономерный. Олег был единственным великим князем, не стоящим ни на стороне Твери, ни на стороне Москвы. Более подходящую кандидатуру для исполнения этих обязанностей найти было затруднительно.

НАЧАЛО СМУТЫ НА МИТРОПОЛИИ

Стремление митрополита Алексия к примирению оказалось лицемерным. Константинопольского патриарха и его посла Кип-риана, их идеи и их стремление к объединению всех православных князей Алексей использовал как орудие для решения своих политических задач.

Более того, митрополит Алексей попытался очернить Ольгер-да в глазах православных людей. Всплыла темная история 1347 года, когда трое придворных Ольгерда – Кумец, Нежило и Круглец – были осуждены князем на смерть якобы за нежелание исполнять языческие обряды. Казненные были канонизированы под православными именами – Антония, Иоанна и Евста-фия и стали известны как Виленские святые. Поздние источники прямо говорят о причастности к этой канонизации митрополита Алексия и константинопольского патриарха Филофея.

Но гонений православных людей в Литве при великом князе Ольгерде не было. Более того, сам Ольгерд был крещен по православному обряду и женат на русской православной княжне. Следовательно, митрополит Алексей сознательно искажил историю.

Киприан знал очень многое о митрополите Алексии и о его «стиле работы». Но именно неэтичность митрополита,

столь ярко проявившаяся во время Тверской войны, стала последней каплей, после которой Киприан счел возможным требовать от патриарха Филофея раздела митрополии. От имени литовских князей он написал и доставил в Константинополь грамоту «с просьбою поставить его в митрополиты и с угрозою, что если он не будет поставлен, то они возьмут другого от латинской церкви».

Киприан стал митрополитом Литвы 2 декабря 1375 года. Но патриарх Филофей не отказался от своей мечты объединить Русь: «Чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время, то есть чтобы она опять состояла под властью одного митрополита, соборным деянием законополагает, дабы после смерти кир Алексия кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси».

В начале 1376 года из Константинополя к митрополиту Алексию прибыли два посла – протодьяконы Георгий Пердика и Иоанн Докиан. Они сообщили о решении патриарха Филофея. Судя по дошедшим до нас сведениям, Алексей отнесся к подобному повороту событий спокойно. Конечно, он прекрасно понимал, что Константинополь не будет терпеть вечно его самоуправства в делах митрополии. Кроме того, Алексей был уже стар. Пришла пора думать о преемнике.

Печать Дмитрия Донского

Алексий знал, что князь Дмитрий Иванович прочит в митрополиты своего духовника и по совместительству печатника Митяя.

Митяй начинал свою карьеру коломенским священником, был замечен князем Дмитрием Ивановичем и сумел втереться ему в доверие. Сохранился словесный портрет Митяя: «Возрастом не мал, телом высок, плечист, рожайст, браду имея плоску и велику и свершену, словесы речист, глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, петь горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми делы поповскими

изящен и по всему нарочит был».

Однако главное достоинство Митяя в глазах великого князя состояло, видимо, в том, что он не был связан ни с какой группировкой при московском дворе. Во всех вопросах для него главным было лишь мнение великого князя, «и того ради избран был изволением великого князя во отчество и в печатники, и был Митяй отец духовный князю великому и всем боярам старейшим, но и печатник, так как носил с собой печать князя великого».

Но несмотря на многочисленные достоинства, этот человек, видимо, был для престарелого Алексея еще менее симпатичен, чем Киприан.

Судя по Никаноровской летописи, Киприан в 1376 году сам приехал в Москву. Там князь Дмитрий Иванович ему сказал: «Есть у нас митрополит Алексей. А ты почто встаешь на место живого митрополита?» Он же пошел с Москвы на Киев и там живяше». Но так ли это известие достоверно?

Патриарх Филофей поставил Киприана митрополитом только над литовскими землями, а митрополию всея Руси Киприан должен был унаследовать лишь по смерти Алексея. Представляется странным, что придя на должность, Киприан сразу стал нарушать данные в Константинополе инструкции. Тем более что само его поставление было именно результатом нарушения Алексием соборных правил и установлений патриарха. Скорее, в летописи эта фраза просто отражает точку зрения Дмитрия Ивановича на поставление мит-

рополитом Киприана. Московский князь, готовя почву для Митяя, заостряет внимание на том, что Киприан был «рукоположен впрок», при живом митрополите Алексии. Это, по мнению князя, является достаточным поводом, чтобы сместить Киприана и поставить на его место своего человека.

8 то же время до нас дошло известие о том, что в 1376 году послы литовского митрополита приходят в Новгород и предлагают новгородцам признать над собой власть митрополита Киприана. Им отвечают: «Шли князю великому. Если примет тебя князь великий митрополитом всей Русской земли, и нам будешь митрополит». И слышав ответ новгородский митрополит Киприан, и не слал на Москву к князю великому».

Налицо попытка перетянуть в свою митрополию тех, кто, видимо, высказывал ранее недовольство политикой Алексия. Но новгородцы отказались. Других свидетельств о том, что Киприан предлагал епископиям великой Руси перейти под его юрисдикцию, нет. Видимо, других попыток и не было. Ведь перетянув часть княжеств в свою митрополию, он создал бы опасный прецедент на будущее.

9 июня 1376 года Киприан прибывает в Киев и возглавляет временно отделенную Литовскую митрополию. А в это время в Москве князь Дмитрий Иванович упорно продвигает своего печатника в митрополиты. В начале весны 1376 году Митяй был пострижен в монахи, а затем назначен архимандритом московского Спасского монастыря. Понятно, что

Дмитрию Ивановичу удобно работалось по схеме «князь + премьер министр-митрополит». В паре с Алексием он действовал всю предыдущую жизнь, весьма успешно приращивая московские владения.

Алексий по-своему тоже желал объединения православных земель (вспомним, в начале своей карьеры он пытался наладить отношения с Литвой и ездил для этого в Киев). Но он быстро понял, что просто не сможет угодить всем. Ведь каждый из феодалов раздробленной Руси действовал только в своих интересах и ни в чем не хотел поступаться своими выгодами даже для общерусских целей. Большинству феодалов такие цели были попросту непонятны. Да и сам Алексий, в силу своего происхождения из московских бояр, тоже был не в состоянии полностью воспринять идею объединения всех русских земель. Он был патриот, но патриот Московского княжества, а не всей Руси.

Но никто не вечен. Хранитель княжеской печати, видимо, тоже умелый организатор и администратор, Митяй, по мысли Дмитрия, должен был стать достойной заменой Алексию. Однако Алексий в Митяе своего преемника не увидел. Несмотря на то что Дмитрий «нудил» его, «порой бояр старших посылая, порой сам приходя», чтобы тот благословил Митяя в свои преемники, митрополит отказался, мотивируя это тем, что Митяй «новоук» (новичок) в монашестве. Однако митрополиту не было безразлично, кто займет его место. Он предложил компромиссное решение: сделать митро-

политом опытного в духовной жизни и весьма уважаемого игумена Сергия Радонежского.

Призвав к себе Сергия и не сказав ему, в чем дело, митрополит надел на него, «яко некое обручение», драгоценный крест с мощехранительницей. После этого Алексей объяснил ему, что хочет найти достойного продолжателя своего дела и Сергей кажется ему подходящим человеком. Он точно знает, что с его кандидатурой согласятся все – от первых «и до последних». Для начала Сергию надлежит принять епископский сан.

Крест Сергей отклонил, объяснив, что от юности не был «зла-тоносом», а на предложение «зело оскорбился». И хотя митрополит «много изрек старцу словес от божественных писаний, сим хотя его к своей воли привести», тот «никак не преклонился» и попросил не продолжать, пригрозив иначе уйти из этих пределов. Алексей, ничего не добившись, отпустил его в монастырь.

Наверное, Алексей был очень убедителен в своих цитатах. Но Сергей никогда не был властолюбцем, хотя был приближен к князьям и митрополиту, а порой выполнял их поручения. Он не умел властвовать и не хотел уметь. Сергей был одушевлен идеей любви к ближнему и служил братии «аки раб»: носил воду, рубил дрова, пек для всех хлеб. В отличие от старых монастырей Троицкий не блистал богатством. Сергей с братией вели нищенскую жизнь. Но среди иноков появились и обеспеченные люди. Однажды Сергей из-за от-

сутствия хлеба голодал четыре дня. На четвертый он пошел наниматься в плотники к одному из состоятельных старцев своей обители. Целый день он трудился в поте лица, после чего старец расплатился с ним «решетом хлебов гнилых». Сергей служил всем, не различая на достойных и недостойных, как солнце светит, не различая – кто ближе, тот и греется в его лучах (см. Приложение 3 – Житие Сергия Радонежского).

Портрет Сергия Радонежского

Сергий считал, что у человека нет права на власть над

другими людьми. И он жил по этому принципу. Самой своей жизнью он показал пример бескорыстного служения идее, общему благу – идеал, до сих пор формирующий менталитет русского человека. Для Сергия принять из рук Алексея власть митрополита – значило отказаться от самого себя.

А Киприан, пока жив был Алексей, пребывал в Киеве. Позже он писал о своей тамошней деятельности: «Пока был я в Литве, много христиан из горького плена освободил; многие язычники познали от меня истинного Бога и к Православной вере святым крещением пришли. Церкви святые ставил, христианство утвердил...». И подчеркивал свою лояльность великому князю Московскому: «Не вышло из моих уст слово на князя на великого на Дмитрия ни до ставления, ни по поставлении...»

Киприан даже приказал во время соборных служб петь «многие лета» сначала московскому князю, «а потом иным».

Для священника поминать князя в церкви первым – значит не признавать над этим князем никакой светской власти. То есть Киприан не признавал над Дмитрием Ивановичем власти ордынского хана. Киприан и позже никогда не молился о мусульманских царях. В сочетании с тем, что Киприан стал первым митрополитом всея Руси без санкции хана Орды, эти действия представляют из себя четкую политическую программу.

Утром 12 февраля 1378 года умер митрополит Алексей. Митрополит он так и не благословил, но под давлением князя и

бояр «умолен был и принужен» и перестал против него возражать. Однако были распущены слухи, что Алексей, умирая, благословил Ми-тяя. Киприан этому не верил: «А что клеветают на митрополита, брата нашего, что он благословил его на те вся дела, то есть ложь».

Князь Дмитрий Иванович, видимо, еще колебался в выборе – он уговаривал Сергия Радонежского «восприяти архиерейства сан». Но тот опять отказался. И князь решил: «по великого князя слову» Михаил-Митяй «на двор митрополичий взошел» и стал там жить, не имея на то никакого права.

Возможно, митрополит Алексей, сам того не желая, воспитал в князе Дмитрие Ивановиче пренебрежительное отношение к церковным святыням. Для обычного светского человека и даже для князя общение с высшими церковными иерархами было делом нечастым и потому торжественным, вызывающим «дрожь в коленках». Митрополит всея Руси был для них почти небожителем. Князь же Дмитрий с детства чуть ли не ежедневно общался с митрополитом Алексием по государственным светским вопросам. Поэтому для московского князя стало обыденностью то, что для других было окружено ореолом святости.

Самоуправство Дмитрия Ивановича и его ставленника вызвало общественное негодование в Москве против Митяя: «был на нем зазор от всех человек, и многие негодовали о сем». Видимо, и Сергий не скрывал, что не признает само-

званного митрополита. В ответ Митяй «начал на святого во-
оружаться». Князь полностью находился под влиянием сво-
его духовника. Сергию и его обители грозила опала.

ВОЙНА В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

С 1375 года Нижегородское княжество стало ежегодно подвергаться набегам татар Мамаевой Орды. Походы эти были мстью – за убийство в Нижнем Новгороде послов и за то, что Дмитрий Константинович, вместе с другими князьями, ходил походом на Тверь. Нижегородские войска предпринимали активные ответные действия. Таким образом, с 1375 года в верхнем Поволжье велась почти непрерывная война. В ее рамках зимой 1376 – 1377 года был совершен поход нижегородских и московских сил на подчинявшийся в это время Мамаю Булгар.

Как пишут летописи, «той же зимой князь великий Дмитрий Иванович послал князя Дмитрия Михайловича Волынского ратью на безбожных Болгар, а князь Дмитрий Константинович Суздальский послал сына своего князя Василия и другого сына своего князя Ивана, а с ним бояр и воевод и многих воинов, и пришли они к Болгарам в великое говение, месяца марта в 16 день, в понедельник на вербной неделе. Поганые же бесерменове (так на Руси называли мусульман. – *Прим. авт.*) вышли из града, против них, стали на бой и начали стрелять, а иные с града гром пущаху, стращая нашу рать, а другие самострельные стрелы пущаху, а иные выехали на верблюдах, кони наши полошающе. Наши же никак же устрашились грозы их, но крепко против стояли в бою и

устремились единодушно и поскакали на них; они же, ока-
янные, побежали в град свой, а наши следом, бьючи, и убили
их бесермен числом 70...»

Получается, что город Булгар уже весной 1377 года был
вооружен пушками, которые «с града гром пущаху». Это
первое упоминание о применении пушек в Восточной Евро-
пе. Но оружие это имело лишь психологический эффект. Ви-
димо, русские воины уже были знакомы с действием пушек,
и поэтому не испугались их грохота. Похоже, больше пушек
помешали русским верблюды. Видимо, от незнакомого им
крика и запаха этих животных кони русских дружинников
начали беспокоиться. Но, после взаимной перестрелки бул-
гарские воины обратились в бегство, а русские устремились
за ними и убили семьдесят мусульман.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы сломить волю
булгарских правителей. Видимо, булгарские князья сочли,
что все равно не смогут удержать город, если русская армия
сейчас приступит к осаде. Как сообщает Троицкая летопись:
«И выехали из города князья болгарские Асан и Махмат Сул-
тан, и били челом князю великому и другому 2000 рублей,
а воеводам и ратям 3000 рублей». По сведениям других ле-
тописей, князья московский, нижегородский и сама рать по-
лучили в равных долях – по 1000 рублей. После чего князья
подписали с Булгаром мир на выгодных условиях и возвра-
тились домой. А в Булгаре был посажен русскими князьями
даруга – чиновник, собирающий таможенные пошлины.

К 1377 году основными претендентами на власть в Орде были Мамай, контролирующий почти все территории западнее Волги, и Урус-хан, контролирующий восточную часть Золотой Орды – Синюю Орду. Интересно, что в переводе с тюркского Урус-хан – это «русский хан».

Летом же 1377 года «перебежал из Синеи орды за Волгу некий царевич, именем Арапша, и восхотел идти ратью к Новгороду к Нижнему».

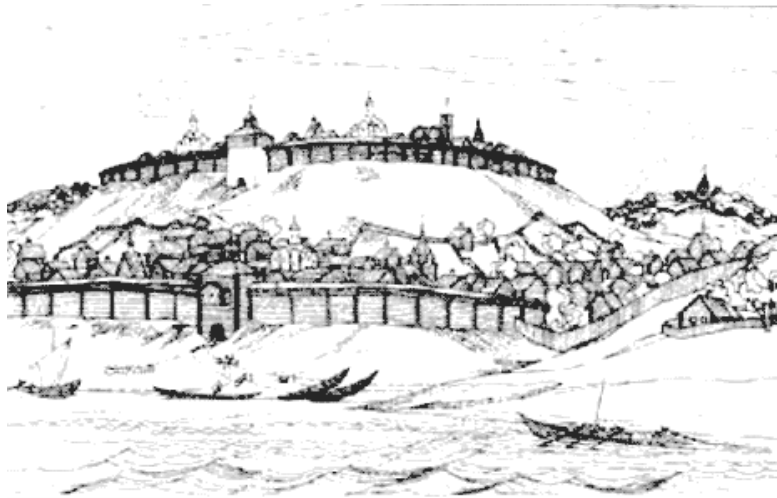
Арапша – это ордынский хан Арабшах. 1375 годом датируются монеты Арабшаха, отчеканенные в Сарае. В 1377 году Арабшах был изгнан из Сарая Урус-ханом и перекочевал в Наровчат. Таким образом, восточный претендент на ханский престол, Урус-хан, на которого, возможно, сделали ставку князя Дмитрий Константинович и Дмитрий Иванович, в этом же году захватил столицу Золотой Орды.

Вероятно, эти действия русских князей и «Русского хана» были как-то согласованы. Дмитрий Константинович Нижегородский неоднократно бывал в Сарае. Наверняка он имел там немало осведомителей и доброхотов.

Так или иначе, но Нижегородский и Московский князья начинают совместные действия и против прежнего врага Урус-хана – Арапши.

Князь Дмитрий Константинович, узнав о появлении Арапши в мордовских землях, послал весть своему зятю – великому князю московскому. «Князь же великий Дмитрий (Иванович) собрал воинов многих и пришел ратью к Новго-

роду к Нижнему в силе тяжкой, и не было вести про царевича Арапшу и возвратился на Москву, а послал на них воевод своих, а с ними рать Владимирскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую; а князь Дмитрий Суздальский послал сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воевод и воинов многих... И пришли они за реку Пьяну, и пришла к ним весть, что царевич Арапша на Волчьей воде».

*Кремль в Нижнем Новгороде
в XIV в. С рис. С. Агафонова*

Получив известие, что враг далеко, русские войска «рас-

слабились». Не выставив охранения, принялись охотиться и пьянствовать, и оказались совершенно не готовы к неожиданной атаке татар. Это общеизвестная история. На Пьяне русские войска потерпели сокрушительное поражение от внезапно напавших татар Мамаевой Орды, которых привели мордовские князья. В битве погиб и князь Иван, сын Дмитрия Константиновича см. Приложение 9 – Битва на Пьяне).

Можно предположить, что с помощью Мамаевых татар мордовские князья попытались избавить свои земли от новоявленного хана Арапши. Но тот бежал и от многочисленной русской армии, и от Мамаевых татар. А пришедшие в мордовский край изгонять Араб-шаха мамаевы татары внезапно напали на армию нижегородцев и москвичей, а затем еще и обрушились на ставший после разгрома русской армии беззащитным Нижний Новгород.

Мамаю необходимо было наказать инициаторов антиордынского союза – московского и нижегородского князей. Кроме того, не забылось еще убийство Мамаевых послов. Возможно, что разорение Нижнего Новгорода было еще и мстью за зимний поход на Булгар и за поддержку заволжского Урус-хана.

Разгромив русскую армию на реке Пьяне, Мамаевы татары «сами пришли к Новгороду к Нижнему изгоном без вести. У князя же Дмитрия Константиновича не было силы встать против них на бой, и он побежал в Суздаль, а люди горожане новгородские бежали в судах по Волге к Городцу.

Татарове же приидоша к Новгороду к Нижнему месяца августа в 5 день» и перебив тех жителей, что еще оставались в городе, весь город сожгли.

Такова была месть за убитых Мамаевых послов. «Изгорело церквей в граде 32» – констатирует летописец.

Арабшах же, переждав грозу, осенью того же года «приходил на Рязань изгоном и много зла сотворил и возвратился восвояси». Новгородско-Софийские летописи сообщают еще, что татары Араб-шаха взяли столицу рязанской земли Переяславль-Рязанский и чуть не пленили князя Олега, но тот «из рук их убежал изстрелян». Однако удержаться в сурских землях Арабшах, видимо, не сумел. Никаких более поздних упоминаний о нем мы не встречаем. Видимо, он был разгромлен войсками Мамаея, так как все его земли попадают под контроль Мамаевой Орды. Олег Рязанский, таким образом, в 1377 году в войне против Мамаея не участвовал, и даже пострадал от его противника – Арабшаха, а потом, возможно, способствовал устранению этого Мамаева врага.

А бедствия нижегородцев с уходом Мамаевой рати не кончились. Осенью 1377 года «нечестивая поганая (т. е. языческая. – *Прим. авт.*) мордва собралась без вести, и ударили они изгоном на уезд и множество людей посекли, а иных полонили, и останоч-ные (видимо, оставшиеся целыми после татарского погрома. – *Прим. авт.*) села пожгли и отидоша».

Но с мордовскими-то грабителями, решившими под шумок тоже безнаказанно пограбить, нижегородские князья

немедленно расправились. Борис Константинович настиг их, уходящих с добычей, у реки Пьяны и там часть мародеров уничтожил. А затем последовала зимняя карательная экспедиция в мордовскую землю: «В ту же зиму снова послал князь Дмитрий Константинович брата своего князя Бориса и сына своего князя Семена ратью воевать поганую Мордву, а князь великий Дмитрий Иванович послал же свою рать с ними, воеводу Феодора Андреевича Свиб-ла и с ним рать; они же придя взяли землю Мордовскую и повоевали всю, и села и погосты их, и зимницы пограбили, а самих посекли, а жен и детей полонили, и мало осталось тех кто спасся, всю их землю пугу сотворили, и множество живых полонили и привели их в Новгород, и казнили их казнию смертною, и травили их псами на льду на Волге».

Так жестоко Дмитрий Константинович отомстил за смерть сына. Однако злоключения нижегородцев продолжались. 24 июля 1378 года под городом вновь появились войска, посланные Мамаем. Они стремительным набегом овладели городом и ограбили его окрестности.

БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ

Война московского князя и его союзников с Мамаем шла своим чередом, а тем временем Киприан, узнав о смерти Алексия, решился на рискованный шаг. Без приглашения московского князя (а, собственно, такое приглашение законному митрополиту, теперь уже всея Руси, и не требовалось) он едет в Москву. 3 июня 1378 года он пишет с дороги игуменам Сергию и Феодору: «...еду к сыну своему ко князю к великому на Москву... Вы же будьте готовы увидеться с нами, где сами погадаете».

Киприан рассчитывал на поддержку московского духовенства, для него главным было попасть в Москву, а там уж авторитет Сергия Радонежского сыграл бы свою роль в утверждении законного митрополита. Но князь начал действовать грубо и решительно. Видимо, он перехватил ответное письмо от Сергия к Киприану и закрыл дороги к Москве – «заставил заставы, рати сбив и воеводы пред ними поставив». Киприана поймали. Некий воевода Ни-кифор ночью у городских ворот или уже в городе захватил митрополичью процессию из сорока пяти всадников. Воевода, явно выполняя княжий приказ, обращался с Киприаном бесцеремонно. «И какое только зло не сотворили надо мной! – писал впоследствии об этом сам Киприан. – Хуленя и надругания и насмехания, граб-ления, голод! Меня в ночи заточили наго-

го и голодного».

Митрополита заперли в одном месте, а его монашескую свиту «на другом месте». Слуг его князь «нагих отослать велел с бесчестными словеси»; у них отобрали коней, их ограбили и раздели, переодели в «обороты лычные» (лыковые пояса на Руси носили только нищие) и, выведя за город, «на клячах хлябивых без седел» отпустили.

Ночь и следующий день Киприан провел под арестом, а вечером за ним пришли в одежде его слуг воевода Никифор и стражники, вывели его из «клетки», сели на коней его свиты и куда-то его повезли. Он думал – «на убиение ли, или на потопление?», но его просто выдворили из Москвы. Так Дмитрий Московский продемонстрировал свое отношение к политике патриарха и к его митрополиту.

Впрочем, Дмитрий мог бы, оправдываясь, заявить, что еще более нелюбезно в 1358 году обошлись с митрополитом Алексием в Литве, захватив его и продержав два года в темнице. Однако для Киприана такое отношение к церковному иерарху было неслыханным святотатством.

В Москве, вероятно, подробностей расправы над законным митрополитом не знали, по крайней мере, не сохранилось никаких летописных свидетельств о реакции горожан и духовенства. Секретность поимки и выдворения Киприана наводит на мысль, что Дмитрий Иванович опасался сторонников митрополита.

Но Киприан не сдался. Первым в истории Московской Ру-

си этот «бродячий интеллигент» XIV века начал борьбу с князем не оружием, но пером – словом. Под впечатлением происшедшего, еще больной («и от тоя ночи студеной и нынче стражду»), 23 июня 1378 года Киприан горячо, сбивчиво пишет послание Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому. Однако предназначалось оно не только им, но и всем их единомышленникам – «аще кто единомудрен с вами».

Цель своей деятельности и прежнее отношение к Дмитрию Ивановичу Киприан рисует так: «добра хотел ему и всей отчине его», «ехал благословить его и княгиню его, и детей его, и бояр его, и всю отчину его»; «хотел, чтобы злоба утишилась».

Большое место в Послании занимает доказательство незаконности назначения Митяя. Собственные права для Киприана несомненны: «Аз Божьим изволением и избранием великого и Святого собора и благословением и ставлением Вселенского патриарха поставлен митрополитом на всю Русскую землю, и то вся вселенная ведает». И заключает письмо страшным проклятием: нарушение «священных и божественных правил блаженных отцов наших» подлежит анафеме – «анафема да будет».

Князь, по мнению митрополита, не имел никакого права на совершенные им действия – «не годится князьям казнить святителей: есть у меня патриарх, больший над нами, есть великий собор, и они бы только судили вины мои...».

Киприан не понимает, почему Дмитрий Иванович отка-

зывается стать верховным светским правителем всей православной Руси. «Князь же великий гадает двоити митрополию. Которое величь-ство прибудет ему от гадкы? Кто же пригадывает ему?».

Относительно Митяя Киприаном выдвинуты следующие обвинения: «...как у вас стоит на митрополичьем месте чернец в мантии святительской и в клобуке, и перемонатка святительская на нем и посох в руках? И где такое бесчинство и злое дело слышалось?.. Никогда прежде до поставления не возлагали ни на кого святительские одежды, их же нельзя никому носить, но только святителям единым? Как же смеет он стоять на месте святительском? Не боится ли казни Божьей? Веруйте, братия, яко лучше бы ему не родиться!»

В своих великорусских сторонниках-монахах, не сумевших прийти ему на помощь, Киприан разочаровался. Он упрекает их в трусости, недостойной монахов. Пусть миряне боятся князя, потому что у них есть семьи и имущество, им, «богатым», страшно это потерять. «Вы же от мира отреклись и живете для единого бога, как же такую злобу видя, умолчали? Если хотели добра душе князя великого и всей отчине его, почто умолчали вы? Растерзали бы одежи свои, говорили бы пред царем не стыдясь! Если бы вас послушали, добро бы. А если бы вас убили, то стали бы вы святыми. Не ведете ли, что как грех людской на князя ложится, и княжеский грех на людей его на падает!».

***Саккос митрополита Алексия – священное
облачение русского митрополита***

За то, что с Киприаном сделали на Москве, все, кто как-то причастен его «иманию и запиранию, бесчестию, и хулению», да будут отлучены от церкви и неблагословенны для

него, «Кипри-ана, митрополита всея Руси, и прокляты по правилам святых отцов! И кто покусится сию грамоту сжечь или утаить, и тот таков».

Итак, великий князь Дмитрий Иванович, его бояре и Митяй – все отлучены от церкви, преданы анафеме и прокляты.

Киприан искренне, совершенно по-детски изумляется тому, как относится к церковным святыням Митяй. Удивление и ужас в его словах. По складу ума Киприан был мистиком. Именно глубокая, искренняя вера давала ему силы и убежденность в собственной правоте. Киприан был уверен в божественном наказании, которое постигнет всех, участвовавших в святотатстве. Он проклинаяет их не потому, что испытывает к ним ненависть, а потому, что они посягнули на основы православной веры, и он уже не может их не проклясть.

Самое интересное, что проклятье Киприана, как будет видно из дальнейших событий, сбылось. Таковы факты. И объяснить это можно, не впадая в мистику. И князь, и Митяй, и бояре были верующими людьми. Они были воспитаны и жили в православном обществе. Поглумившись над митрополитом, они в собственном сознании обрекли себя на проклятье. Кроме того, церковь была одним из столпов того общества. Посягнув на авторитет церкви, они упали в глазах народа и в собственных глазах. Это не могло не повлиять на дальнейшие события.

Заканчивал Киприан свое второе послание обещанием ехать в Константинополь, искать правду. А далее следует

весьма любопытный пассаж: «И те на куны надеются и на фрязы, я же на Бога и на свою правду». Куны – это деньги, фрязы – генуэзцы. Киприан, следовательно, уже в июне 1378 года знал или подозревал, что генуэзцы готовы «спонсировать» Митяя.

Сергий и Феодор Радонежские ответили Киприану, но текст их ответа не сохранился. В октябре 1378 года Киприан пишет своим корреспондентам короткое послание, в котором уверяет, что доволен ими, что все сомнения на их счет у него исчезли. Наверняка и Сергий, и другие церковные иерархи узнали о том, что Киприан был схвачен и выдворен, слишком поздно и не могли уже ничего изменить. А затем Сергий сделал все для распространения второго послания Киприана, несмотря на гонения, которым подверглись монахи-киновиты за чтение, хранение и переписывание Послания.

В этом же письме Киприан подтверждает свое намерение ехать в Константинополь. Но отправился он в Византию только в середине зимы 1378—1379 года и прибыл туда весной 1379 года. Он, видимо, был осведомлен о событиях, происходивших тогда на Балканах.

СТОЛИЦА ЧЕРНОГО МОРЯ

После разгрома на Марице в 1371 году Сербия стала вассалом турок. Вскоре ее примеру принуждена была последовать и Византия. Весной 1373 года император Иоанн V, уже как вассал султана, лично должен был привести византийские вспомогательные войска на службу своему сеньору и принять участие в походе турок в Малую Азию для покорения восставших сельджукских эмиратов. Правитель Фессалоники Мануил Палеолог вслед за своим отцом также выразил покорность туркам.

В это время в Византии с новой силой разгорелась борьба за императорский престол. В мае 1373 года, воспользовавшись тем, что султан Мурад и император Иоанн V были заняты войной в Малой Азии, два мятежных принца, сын византийского императора Андроник и сын турецкого султана Санджи Челеби, совместно подняли восстание против своих отцов. Впрочем, Мурад быстро подавил мятеж и безжалостно ослепил своего сына, предложив сделать то же самое и Иоанну V. Однако вскоре Андроник со своим сыном бежали из темницы и укрылись в Галате. Генуэзцы Галаты, поссорившиеся с Иоанном V, а также сербский король Марко Краевич помогли Андронику захватить власть в Константинополе и в свою очередь бросить в тюрьму Иоанна V и его любимого сына Мануила, которого после первого мятежа Ан-

дроника император сделал своим наследником и соправителем. В 1376 году Андроник IV (правил в 1376—1379 годах) вместе с сыном были коронованы, а отец и брат нового императора три года томились в темнице.

Но по прошествии этого времени пленникам удалось бежать ко двору Мурада. И турецкий султан в 1379 году отрешил Андроника IV от престола. Андроник снова бежал к генуэзцам. Через два года отец простил его и дал ему в удел города на северном побережье Мраморного моря. Таким образом, даже судьбы византийского престола оказались в руках турецкого султана. В результате всей этой чехарды вокруг императорского трона престиж центральной власти в империи окончательно упал.

Зато влияние генуэзцев в Византии и Причерноморье все это время неуклонно росло. Центром всех генуэзских колоний в Крыму стала Кафа (современная Феодосия).

Генуэзцы изгнали из черноморской торговли греческих купцов, а своего кафинского консула именовали «главой Кафы и всего Черного моря». К тому времени Кафа стала крупнейшим городом региона и по размерам уступала разве что самому Константинополю. Еще Ибн-Батута, бывший в Кафе в 30-х годах XIV век, писал, что «чудная Кафийская гавань» являлась «одной из известных гаваней мира», где он застал «до 200 судов военных и грузовых, больших и малых».

В XIV веке в причерноморскую торговлю включилась и Москва. Московские купцы все чаще и чаще ездили в Ка-

фу, прельщавшую их своими международными связями, а греческие, армянские и генуэзские купцы из Кафы ездили в Москву, где они обрели новый большой рынок сбыта для своих товаров. Московские «гости» приезжали в Кафу ежегодно большими караванами, привозили крупные партии северных мехов соболей, горностаев, лисиц) и изделия из них, а также холсты, вооружение колчаны, стрелы и пр.), находившие сбыт главным образом среди татар. В Москву из Крыма они вывозили дорогие шелковые ткани и такие редкие для Руси товары, как мыло, сахар, миндаль, пряности.

Вместе с купцами в Кафу приезжали и русские ремесленники – скорняки, ювелиры, изделия которых, по-видимому, особенно ценились в Крыму. Здесь они работали и имели свои лавки. Как и московские «гости», ремесленники жили в Кафе особой колонией.

Кафа состояла из двух укрепленных частей, защищенных массивными стенами с 26 башнями. Первая из этих частей – внутренняя крепость, цитадель генуэзцев – занимала небольшой приморский участок; другая часть, внешняя, в три раза большая, являлась собственно городом; существовали и предместья – открытая часть Кафы.

Пир в Кафе. Современная реконструкция

Внутри город делился на множество небольших тесно застроенных и густо заселенных кварталов с узкими извилистыми улочками, с каменными лачугами городской бедноты, жившей своими особыми районами, с домами купцов, ремесленными мастерскими, с лавками и базарами. Картину дополняли караван-сарай для заезжих купцов с их товарами и типичные для большого города кабаки и публичные дома

кстати сказать, официально признанные).

В вечерние часы городская жизнь замирала: генуэзцы требовали под угрозой штрафа), чтобы ворота домов запирались и гасился свет в 8 часов вечера летом и в часов вечера зимой; только караван-сарай освещать разрешалось на час дольше.

Кафа была сравнительно благоустроена. В ней имелась развитая водопроводная сеть, по ней подавалась вода из водосборников, расположенных на окрестных открытых холмах. Но использовали и дождевую воду, которую собирали в запруды; добывали воду и посредством дренажа.

Как и во всяком средневековом городе, в Кафе было множество храмов, в большинстве латинских к середине XV века их насчитывалось 17), и два латинских монастыря со школами при них, а также греческие храмы и два греческих монастыря, армянские, русские храмы, мусульманские мечети и синагоги. Латинские монастыри являлись центрами, руководившими миссионерской деятельностью римско-католической церкви на Востоке – в Средней Азии, Персии, Индии и на Дальнем Востоке. Прибыв в Кафу, молодые миссионеры изучали восточные языки, а затем присоединялись к торговым караванам, отправлявшимся в далекие страны.

В XIV веке Кафу населяли преимущественно греки и армяне. В городе жило и много евреев. Документы упоминают среди жителей валахов румын), поляков, грузин, мингрельцев, черкесов (восточные народности генуэзцы объединяли

под названием «сарацины»). Это был большой многоязычный морской торговый и ремесленный город.

В гавани Кафы грузились товары, доставлявшиеся из Поволжья, Средней Азии, из далекой Индии и Руси. Очень большой удельный вес получил вывоз зерна, особенно проса, затем ячменя и, наконец, пшеницы, производившихся в Крыму, на равнинах Приазовья и Прикубанья, и соленой рыбы. Продовольствие направлялось главным образом в Константинополь, который в те времена снабжался преимущественно из Крыма. Перебои в подвозе доводили византийскую столицу чуть ли не до голода; об этом рассказывает византийский хронист Никифор Григора.

Крым снова стал одной из житниц Европы. Добывавшаяся в Крыму соль, торговлю которой генуэзцы монополизировали, шла в рыбацкие поселки северокавказского побережья. Вывозили и строевой лес с южного побережья Черного моря.

Генуэзцы широко вели работорговлю: в Кафе продавали черкесов, абхазцев, грузин, татар и русских. Невольников отправляли египетским султанам для их войска и вывозили на Запад. Работорговля, о которой прямо говорится в Уставе Кафы 1449 года, приносила генуэзцам большие барыши.

Чеканка особой монеты в Кафе началась не позднее конца XIV века и продолжалась возможно, с перерывами) до начала 70-х годов XV века. Основной денежной единицей, имевшей хождение в городе, была мелкая монета – серебряный аспр. На лицевой его стороне помещался герб Генуи и ла-

тинская надпись, на обратной – тамга Золотой Орды и арабская надпись.

Итак, Кафа действительно была своеобразной столицей генуэзской торговой империи в Причерноморье. А стражем феодальных владений генуэзцев, сосредоточенных в Крыму, стала крепость Солдайя (современный Судак).

МАМАЙ – КНЯЗЬ КРЫМА

Именно генуэзцы Кафы и Солдаи оказывали поддержку эмиру Мамаю в его неоднократных попытках захватить Сарай.

В то время Крым являлся центром Мамаевой Орды, то есть Мамай фактически являлся крымским «князем». Тому есть доказательства – «Памятные записи армянских рукописей XIV века»: «...написана сия рукопись в городе Крым... в 1365 году, 23 августа, во время многочисленных волнений, потому что со всей страны – от Керчи до Сарукермана – здесь собрали людей и скот, и находился Мамай в Карасу с бесчисленными татарами, и город в страхе и ужасе». Более поздняя запись: «завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамаия в области Крым...» И еще: «...написана сия рукопись в 1377 году в городе Крыме во время владычества Мамаия – князя князей...»

В 1370 году Мамай счел своего прежнего марионеточного хана Абдуллу Авдула) негодным претендентом на золотоордынский престол и, убив его, стал продвигать другого чингизида – Му-хаммед-Буляка в русских летописях Тюляка, Тюлека). Но надолго захватить контроль над столицей ему не удавалось. Причина неудач была, по-видимому, не в том, что у Мамаия недоставало воинских сил. Согласно исследованию А.П. Григорьева неугомонный темник в течении 1360-

x – первой половины 1370-х годов, обладая превосходными войсками, захватывал столицу Золотой Орды четыре или даже пять раз. Но все-таки вынужден был вскоре покинуть ее. Причину этого помогает уяснить сообщение о том, как позже, в конце 1380 года, Мамай вступил в бой с Тохтамышем, который был «законным ханом»: «Мамаевы же князя, сойдя с коней, изъявили покорность царю Тохтамышу, и поклялись ему по своей вере, и стали на его сторону, а Мамай оставили поруганным».

Вероятно, примерно то же самое происходило и ранее. Мамай неоднократно захватывал власть в Сарае, однако при появлении нового законного хана ему просто переставали подчиняться. Нам могут возразить, что официально власть при Мамае принадлежала Чингизидам Абдулле, а после Мухаммед-Буляку. Однако даже в русской летописи под 1378 годом сказано, что «царь (то есть хан, выдвинутый Мамаем. – *Прим. авт.*) не владел ничем же, и не смел ничто же сотворить пред Мамаем, но всяко старейшинство держал Мамай и всеми владел». В Золотой Орде, несомненно, еще точнее, чем на Руси, знали, кто фактически управляет империей, и не желали признавать над собой власть марионеточного хана.

Но постоянная война, которую Мамай вел за господство в Орде, требовала все новых и новых ресурсов – людских и, главное, денежных. И Мамай, естественно, обращался за помощью к самым крупным ростовщикам того времени – ге-

нуэзцам. Сперва он расплачивался с ними за кредиты плодородными землями на крымском побережье.

Так, Мамай в 1365 году передал под власть генуэзцев город Солдайю, а затем и ее плодородные окрестности. И новые хозяева тут же принялись превращать этот город в неприступную крепость. Солдайя стала военно-стратегическим форпостом генуэзцев в Крыму и оставалась им до турецкого завоевания. Из Солдайской крепости можно было контролировать обширный район, который славился виноградарством, виноделием и садоводством. Земли эти с 18 селениями (протяженностью около 40 км) также были захвачены генуэзцами.

Солдайя имела свою особую администрацию, подчиненную Кафе, во главе с консулом (являвшимся и комендантом крепости и ее казначеем). В обширной каменной крепости находился небольшой гарнизон (20 наемных солдат и 8 конных стражников). Во время военных действий Солдайская администрация, видимо, рассчитывала на поддержку всего населения города. А в случае необходимости крепость могла послужить убежищем не только для самих горожан, но и для тысяч окрестных жителей.

Опираясь на денежную поддержку генуэзцев, Мамай с 1372 года начинает контролировать район Прикубанья. Летом 1373 года он совершает поход на Рязань. Начиная с 1374 года отряды Мамая регулярно совершают набеги на Нижний Новгород. В 1377 году Мамай подчинил себе мордовские

земли. К 1379 году он подчинил себе северокавказский регион, а в 1380 году захватил Астрахань.

Таким образом, Мамай постепенно прибирал к рукам разрозненные территории Золотой Орды. Походы на Русь были частью его завоевательной политики. В 1378 году он впервые решил нанести удар по Москве.

БИТВА НА РЕКЕ ВОЖЕ

«В год 1378 ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река».

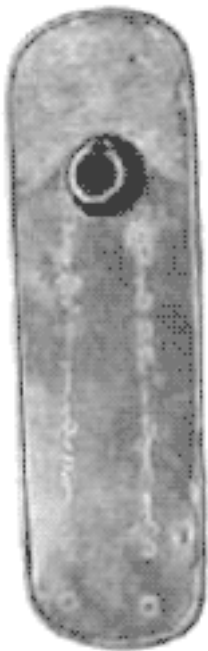
Так начинается Повесть о битве на реке Воже (см. Приложение 4 – Повесть о битве на реке Воже). Как видим, мурза Бегич был послан именно на владения Дмитрия Ивановича, а не на рязанскую землю. Но князь Дмитрий узнал о готовящемся походе и вышел противнику навстречу. Зададим себе вопрос – почему князь не встретил татар на границе своего Московского княжества?

Река Вожа впадает в Оку севернее Переяславля-Рязанского. Перейдя через Оку и встав за Вожей, москвичи утратили то преимущество, которое могла бы им дать более глубоководная Ока. Если целью действий Дмитрия Ивановича и его воевод считать лишь оборону московских земель, то самым разумным для них шагом было бы – встать с войском за Окой и атаковать татар, когда они начнут переправляться через реку. Но Дмитрий Иванович предпочел этот же маневр

произвести не на Оке, а на гораздо менее полноводной Воже.

Если предположить, что Дмитрий Иванович вдруг воспы-
лал любовью к Олегу Рязанскому и решил спасти от татар-
ского разорения Рязанское княжество, тогда опять непонят-
но, почему он избрал рубежом для своих войск именно Во-
жу. Ведь стоя за этой рекой, московские войска не могли по-
мешать татарам грабить большую часть Рязанского княже-
ства. Столица Олега – Переяславль-Рязанский – находилась
южнее Вожи, в 20 километрах к югу.

***Пайца военачальника – такую
мог дать Мамай мурзе Бегичу***

И где был в то время сам Олег Рязанский? Почему ни одна летопись не упоминает о разорении татарами рязанских земель? Ведь прежде, когда татары били рязанцев, летописи всякий раз об этом исправно сообщали.

В войске, которое участвовало в битве, кроме москвичей был еще и князь Даниил Пронский. Но про других рязанских князей, в том числе и про великого князя Олега Ивановича, летопись не упоминает ни словом.

Скорее всего, татары Бегича прошли по рязанской земле, никого не трогая и не разоряя (иначе бы об этом не преминули сообщить летописцы). В этом был свой резон. Во-первых, за год до этого Олег Рязанский воевал с Арапшой – противником Мамай. А во-вторых, Мамай послал своего мурзу на Дмитрия Московского, а не на Олега Рязанского. В подобных условиях для Бегича было бы разумным не настраивать против себя рязанского князя. Мало того, мы считаем, что Мамай, отправляя Бегича на Москву, рассчитывал не только на нейтралитет, но и на деятельную помощь своего союзника – Олега.

Однако в летописных сообщениях о битве на Воже не упоминается ни о какой помощи Олега татарам. Создается впечатление, что Олега Ивановича, да и всего Рязанского княжества (за исключением Пронска) для летописца вообще не существует.

С другой стороны, Даниил Пронский командовал во время битвы целым крылом русской армии, то есть примерно третью или четвертую всего выставленного против Бегича войска. Вряд ли Дмитрий Иванович доверил бы Даниилу командование большим количеством своих, московских сил. Даниил Пронский не был знаменитым полководцем – до

1378 года мы не встречаем о нем никаких связанных с войной сообщений. Возможно, он просто был самым знатным или самым благонадежным князем среди пришедших на помощь москвичам рязанцев. Видимо, он привел с собой не только личную дружину, но и много других воинов с рязанских земель. А вот этого он бы не смог сделать без ведома и согласия Олега Рязанского.

Сам Олег Иванович, видимо, тихо сидел со своей дружиной в столице – Переяславле-Рязанском, и просто ждал, чем все это закончится. Ему не хотелось ни ссориться с Москвой, ни воевать с Мамаем. Олег Иванович прекрасно понимал, что за открытое сопротивление войску Бегича будет тут же наказан Мамаем. А Дмитрий Иванович Московский снова не станет защищать его от татар, как не стал делать этого в 1373 году.

Итак, Олег занял выжидательную позицию. А Дмитрий Иванович выдвинул свои войска в пределы Рязанского княжества, чтобы соединиться с отрядом князя Пронского, и встал так, чтобы Переяславль-Рязанский оказался прямо за спиной татар. Вероятно, Дмитрий Иванович надеялся, что Олег Иванович, когда начнется сражение, атакует татар с тыла.

Битве предшествовало стояние у реки Вожи: «И стояли они, между собою реку имуще. Через несколько же дней Татарове переехали на нашу сторону...» – пишет московский летописец.

Зададимся вопросом – чего татары ждали несколько дней? Возможно, Бегич ждал подкреплений. Но от кого? Мамай уже выделил ему столько войска, сколько посчитал нужным. Может, Бегич ждал, что к его армии присоединится Олег Иванович? Но Олег не присоединился.

И Бегич решается форсировать реку на виду у русского войска. Это шаг очень рискованный. Ведь если войско будет атаковано в момент переправы, то оно может быть легко разгромлено и сброшено в реку. Вряд ли Мамай послал на войну с опасным противником – Московским княжеством – неопытного полководца. И тем не менее мурза решается на переправу.

Единственным мотивом этого поступка Бегича все предыдущие исследователи называют страх перед Мамаем. Но не стал бы Бегич губить себя и всю армию только из страха перед возможным наказанием, тем более что подвергнув вверенную ему армию неоправданному риску, он тоже неминуемо был бы наказан.

Известный историк и исследователь военного дела средневековой Руси А.Н. Кирпичников предполагал, что правое и левое крылья русской армии перед битвой у Вожи были скрыты от глаз татар в прилегающих оврагах и рощах, и ударили по противнику неожиданно, из засады.

Возможно, Бегич, принимая решение о переправе, не видел всех сил русских и именно поэтому рассчитывал на победу. А возможно, его подтолкнула к решительным действи-

ям и непонятная позиция Олега Рязанского. Быть может, Бегич стал опасаться, что Олег, не пришедший к нему на помощь, начнет действовать против татар.

Конечно, стратегически Бегичу было выгоднее не атаковать русские войска в лоб, а маневрировать – попытаться перейти через Вожу в другом месте и навязать русским бой в более удобной для себя позиции. Или просто ждать удара русских войск и во время переправы опрокинуть их самих в реку. Но за спиной у русской армии стояли все продовольственные ресурсы и дружественно настроенное население московского и северной части Рязанского княжества. А за спиной Бегича была рязанская земля. Для длительного стояния на этой земле татары нуждались в продовольствии, лошадях, фураже, то есть в деятельной поддержке князя Олега Ивановича. Вряд ли Олег стал бы им все это предоставлять. Скорее, против задержавшихся на слишком долгое время татар развернулась бы партизанская война. Добывать пропитание им пришлось бы уже с риском для жизни, все время опасаясь внезапной атаки Олеговой дружины из находящегося всего в двадцати километрах к югу от Вожи Переяславля-Рязанского.

Так или иначе, но Бегич рискнул форсировать реку на виду противника и, переправившись с ходу широким фронтом, атаковал русские силы.

«Через несколько же дней татары переехали на нашу сторону и ударили в кони свои, и искочиша быстро, и нюкнуша

гласы своими, и поидоша на грунах и ткнуша на наших.

И ударили на них с одной стороны Тимофей (Вельяминов. – *Прим. авт.*) окольниковый, а с другой стороны князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лице (то есть в лоб. – *Прим. авт.*). Татарове же в том часе повергли копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши после за ними, бьючя их и секучи и колючи...»

Таким образом, русские бросились на атаковавшего их в лоб Бегича одновременно с трех сторон. Произошел встречный кавалерийский бой на копьях. И татары, не выдержав фланговых ударов, побросали копья и бросились наутек.

Битва на реке Воже. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

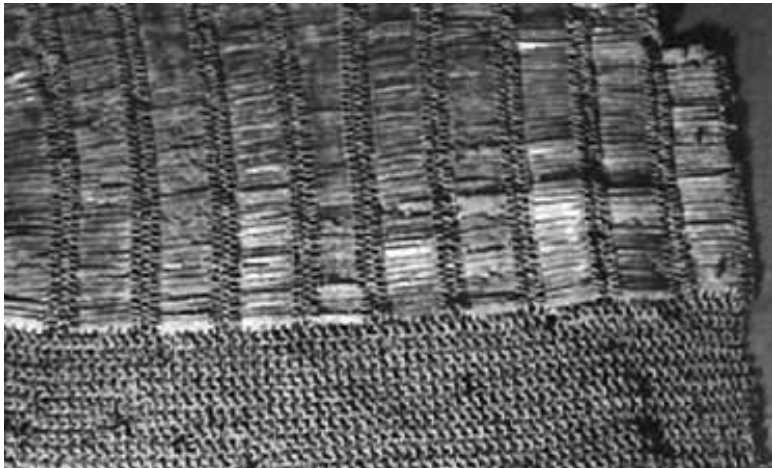
«Вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабу-лук, Костров, Бегичка», – пишет московский летописец. Видимо, эти ордынские князья, для поддержания духа своих воинов, шли в первых рядах атакующей татарской конницы. И татары побежали именно после гибели большинства своих вождей. Русским эта победа тоже досталась недешево. В битве на Воже погибли русские воеводы Монастырев и Кусаков, а с ними большое число простых дружинников.

Однако, разгромив противника, русские не решились немедленно преследовать его. Возможно, русские воеводы и князья опасались, что бегство татар было притворным, и, пустившись за ними в погоню, они попадут в засаду.

«А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать всю ночь. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали...» – пишет далее летописец.

Таким образом, преследовать татар за рекой русские не стали. Некоторые исследователи предполагают, что бой был затяжным и продлился до вечера или даже до ночи. Но

встречный кавалерийский бой просто не может быть затяжным. Это самый скоротечный и самый кровопролитный для обеих сторон вид кавалерийского боя. Скорее можно предположить, что, атаковав войска Бегича с трех сторон, русские справились с ними неожиданно быстро, отчего у них могло создаться впечатление, что они разгромили сейчас не всю татарскую армию, а лишь ее часть. Они заподозрили, что бегство татар было притворным. Именно поэтому князь до обеда следующего дня не решился отдать приказа о преследовании татарского войска.

Бахтерец, найденный на реке Воже

***Разорение татарами Рязани.
Миниатюра из Лицевого свода XVI в.***

И лишь убедившись, что это была действительно вся армия Бегича и что она и в самом деле разгромлена, Дмитрий Иванович приказал начать преследование противника. Татарские русские войска, конечно, уже не догнали. Но зато нашли в степи брошенный ими обоз. Татары, видимо, ни на секунду не сомневались, что русские войска мчатся за ними следом, и именно поэтому бросили все свое имущество.

Той же осенью Мамай совершил опустошительный набег на рязанские земли и разорил столицу княжества. Князь Олег не стал запираяться в Переяславле-Рязанском, а вместо этого, ушел с дружиной в северную часть Рязанского княжества, за Оку.

Мамаевы татары сожгли рязанскую столицу и другие города, и, разорив рязанскую землю, вернулись в степь. По мнению Мамаево, атаковать Московское княжество, и даже преследовать Олега Ивановича за Окой, имея у себя за спиной враждебно настроенную рязанскую землю, было делом бесполезным и даже опасным.

«Олег же Рязанский по отшествии татарском увидел землю свою пусту и огнем сожжену, и богатства его все и имение татарове взяли и опечалился зело, и те немногие люди, что полоната татарского избежали, начали вселяться и жили-

ща сотворять в земле Рязанской, так как вся земля была пуста и огнем сожжена».

Этот разорительный набег, по мысли Мамаю, должен был сделать Олега Ивановича в следующий раз более сговорчивым. Видимо, после набега между Олегом Ивановичем и Мамаем происходила какая-то переписка и обмен послами. По крайней мере, в 1380 году Мамай был убежден, что Олег Рязанский стал его верным союзником.

СКАНДАЛ В МОСКВЕ

В 1378 году к новому константинопольскому патриарху Макарию из Москвы пришла грамота «с жалобой на облако печали, покрывшее их очи вследствие поставления митрополита Киприана, с просьбою к божественному собору о сочувствии, сострадании и справедливой помощи против постигшего их неза заслуженного оскорбления».

Уж не сам Митяй ли был автором этого цветистого послания?

Известно, что, узнав о смерти митрополита Алексия, патриарх Макарий «тогдаш пишет в Великую Русь ни в коем случае не принимать кир Киприана и своими грамотами ту Церковь вручает архимандриту оному Михаилу, о котором знал, что он находится в чести у благороднейшего князя кир Дмитрия, и снабжает его грамотами, чтобы он прибыл сюда (в Константинополь. – *Прим. авт.*) для поставления в митрополиты Великой Руси...»

По прибытии в Константинополь Киприан «нашел обстоятельства неблагоприятными для достижения своей цели» и вынужден был оставаться в томительном ожидании, «питаюсь тщетными надеждами».

Однако ждать пришлось недолго. Весной или летом 1379 года Иоан V с сыновьями бегут из башни Анема к Мураду. Султан в уплату за помощь потребовал с них ежегодной дани

и ежегодного двадцатитысячного вспомогательного войска. Иоанн V согласился и 1 июля 1379 года при помощи турок вошел в Константинополь. В столице начались уличные бои. К 4 августа он добился капитуляции своих противников. Андроник бежал в Галату, а патриарх Макарий был низложен на соборе.

Ничего не зная о переменах в Царьграде, летом 1379 года из Северо-Восточной Руси в Византию почти одновременно отправились епископ Дионисий Суздальско-Нижегородский и Митяй со свитой. Перед этим, весной 1379 года, в Москве «по повелению князя собрались епископы». Дело в том, что, согласно церковным правилам, епископа мог поставить не только митрополит – его могли также избрать другие епископы на соборе. И на Руси такой прецедент уже был. Митяй захотел сидеть на митрополичьем месте не «чернецом», а епископом, чтобы спасти свой авторитет. Конечно, княжий печатник не мог доказать церковным иерархам великой Руси, что он более достойный претендент в митрополиты, чем Киприан. Но собрав их княжим велением, приведя их к княжьей воле, Митяй мог доказать епископам, что только такого, как он, они и достойны.

«Ни один же от них не дерзнул говорить супротив Митяя, но только Дионисий, епископ Суздальский». Дионисий, в отличие от других епископов, не явился на поклон к Митяю и не просил у него благословения по приезде в Москву. На собрании епископов Дионисий «много возбрани князю ве-

ликому, говорил: «Не подобает так делать».

Дмитрий хотел поставить Митяя в епископы законным образом, с соблюдением всех норм. После отказа Дионисия это стало невозможно, так как цена этого епископства была бы такой же, как и цена самозванного митрополитства. Поэтому Дмитрий не стал настаивать.

Но узнав о намерении Дионисия ехать в Константинополь, чтобы обличить Митяя, Дмитрий посадил мятежного епископа под арест. Дионисий прибегнул к хитрости. Он пообещал не ходить в Константинополь без разрешения князя и поручителем в том назвал Сергия Радонежского. Такого поручительства оказалось достаточно, и князь его выпустил. Дионисий же, «не помедлив и недели сбежал по Волге в Константинополь», «подставив» таким образом своего поручителя. Весьма сомнительный с этической точки зрения поступок, который к тому же доставил Митяю удовлетворение: «Митяй же большее оправдание себе и дерзновение стяжал, а на Дионисия поношение и негодование».

Серьезная опасность угрожала Сергиевой обители. Митяй прямо высказывал намерение разорить его монастырь. Но не успел.

«КУНЫ И ФРЯЗИ»

Москву Митяй покинул в двадцатых числах июля 1379 года, а уже 26 июля он переправился через Оку. Провожали его торжественно, многочисленной была и его свита: шесть митрополичьих бояр, три архимандрита, два переводчика, один печатник, множество игуменов, попов, дьяконов, монахов, «и люди дворовые, и слуги митрополичьи». Кроме того, с Митяем в Константинополь поехал посол московского князя «болший боярин» Коче-вин-Олешинский.

Митяй тщательно подготовился к отъезду: «по всей митрополии с попов дань собирал и оброки и пошлины митрополичьи». Запасливый печатник увез с собой немалую казну и ризницу митрополичью. Но этого ему показалось недостаточным. Митяй выпросил у князя «хартии» – чистые листы пергамента, снабженные княжеской печатью, намереваясь, видимо, обратиться в случае нужды к ростовщикам, под княжескую гарантию.

Посольство пошло через Орду. Хан Тюляк (ставленник Мамаю) дал Митяю ярлык на митрополию (см. Приложение 5 – Ярлык Митяю). Митяй в ответ обязался поминать хана Орды в молитвах перед Дмитрием Ивановичем. Это тем более интересный факт, что покровитель Митяя – князь Дмитрий Иванович находился в это время в состоянии войны с Мамаем и за год до того, летом 1378 года, разгромил посланную

Мамаем армию Бегича на реке Воже. Признавая хана Тюляка и управляющего от его имени Мамаю законными правителями Руси, Митяй, выходит, вступил в противоречие с политикой московского князя Дмитрия Ивановича.

Побывав в ханской ставке, посольство двинулось дальше, к Черному морю, вероятно, в Кафу. Генуэзцы дали Митяю корабль, на котором он отправился к Константинополю. Но, уже находясь в Босфорском проливе, Митяй внезапно умер. Судно несколько дней оставалось в море, недалеко от Золотого Рога, так как послы не могли решить, к какому берегу им приставать. Дело в том, что в это время Константинополь очередной раз был блокирован с моря «друзьями» очередного претендента на императорский престол – генуэзцами. Наконец тело Митяя погрузили в барку, «привезоша его мертвого в Галату, и тут он погребен был». То есть Митяй был похоронен на принадлежащей католикам-генуэзцам зе мл е.

После смерти Митяя «бысть в них (послах. – *Прим. авт.*) замятня и недоумение». Скоро, однако, они решили в Москву посла не слать, назад без митрополита Великой Руси не возвращаться, а заменить Митяя другой кандидатурой.

То есть, по мнению верноподданных слуг Дмитрия Ивановича, князю было абсолютно все равно, кто будет митрополитом, только бы не Киприан. Мало того, сама идея, не спросив князя, по подложным документам ставить кого-то случайного в митрополиты всея Руси, отлично характеризует отношение московских послов к своему князю, ко Все-

ленскому патриарху, к Русской митрополии и Православию в целом. Заметим также, что константинопольская патриархия, таки поставившая на митрополичий престол совершенно случайного человека, полностью оправдала такое к себе отношение.

«И была промеж них распря и разногласие: одни хотели Ивана в митрополиты, а другие Пимена». Архимандрит Иван Петровский «был первый общему житию начальник на Москве», т. е. был главой первой в Москве общежительской монашеской обители – киновии. Он был соратником Сергия Радонежского и Дионисия Суздальского. Присутствие такого человека в свите Митяя можно объяснить только тем, что Иван был «молчальником» не только в монашестве, но и в вопросе о митрополии и митрополите, и поэтому ничем не скомпрометировал себя в глазах князя и Митяя.

За Ивана стояли клирики, за Пимена – бояре (неудивительно, ведь он был архимандритом Переяславля-Залесского – города князя Дмитрия). «И много думали меж собой, и встали бояре за Пимена... а Ивана оставили поругана и отринуша его». Иван оскорбился и пригрозил, что расскажет патриарху о готовящемся обмане. Его не сразу, но все же заковали «в железа» и заперли, а затем «написали грамоту на той хартии (с княжеской печатью. – *Прим. авт.*), которая говорила: От великого князя Русского к царю и к патриарху. Послал я к вам Пимена. Поставьте мне его в митрополиты. Его одного избрали на Руси, и кроме него иного не нашли».

Новый Вселенский патриарх Нил был избран только в июне 1380 года, то есть русские послы прожили в Константинополе около восьми месяцев. Когда наконец Вселенскую кафедру занял Нил, послы поспешили к нему со своей грамотой. «Явлена же была сия грамота всему собору, ее же прочитав царь и патриарх, отвечали Руси и рекли: С чего вдруг пишет русский князь о Пимене? А есть на Руси готовый митрополит – Киприан, его же прежде давно поставил пресвященный Филофей патриарх. Того и мы отпускаем на Русскую митрополию. Кроме же того иного не требуем поставить».

Тогда русские послы прибегли к надежному средству решения дел – взяткам: «Рассулили посулы и раздавали и тем и другим, едва утолиша всех».

И патриарх назначил разбирательство.

Киприан тоже явился к патриарху, «прося получить помимо Киева и Великую Русь».

Вот тут-то москвичам пригодились бумаги с княжескою печатью. Они назанимали серебро в долг на имя великого князя у генуэзцев и мусульман под проценты, так как собранной со всей Руси казны на серьезное разбирательство явно не хватало.

Разобравшись, в чем дело, Киприан почти не защищается и не настаивает на своей правоте. Видимо, у него уже не осталось иллюзий относительно хода разбирательства и решения патриарха: «...и через несколько дней, придя в свя-

щенный собор, он заявил, что пришел не для суда, а для того только, чтобы искать и получить, что назначил ему собор своим письменным деянием, если это окажется правильным; в противном случае он готов довольствоваться тою только частью, в которую поставлен, а от прочего уже отказался. Так он сказал и... тайно убежал, ни с кем не простившись».

Киприан знал, что византийские церковные каноны требуют личного присутствия на суде обвиняемого. То есть это бегство было попыткой сохранить за собой хотя бы литовскую митрополию.

Между тем патриарху поступил донос о том, что Пимен – подставное лицо (возможно, его автором был архимандрит Иван). Видимо, столь вопиющий факт смутил даже подкупленный собор. Возмущенный неожиданным обстоятельством патриарх Нил, призвав послов и поставив их перед собором, пригрозил произнести на них самое тяжкое и страшное отлучение. «Они же, треклятые, не убоялись Бога за содеянные ими обманы и не страшась отлучения, утверждали, что и слова и дела их правдивы, и в доказательство принимали отлучение на свои головы».

«Треклятые» – очень удачное определение для московских послов. Так и видятся их нахально улыбающиеся лица – мокрому дождю не страшен! Они уже преступили все запреты, нарушили все законы, поэтому угрозы купленного ими же патриарха Нила им просто смешны.

Возникла заминка. Греки решили быть особо пунктуаль-

ными в следовании протоколу. Собор пригласил Феофана Никейского, одного из советников патриарха Филофея, хорошо посвященного в дело поставления Киприана митрополитом всея Руси. Заранее не предполагалось участие Феофана в соборе, и московских денег он не получал. Поэтому, несмотря на то что патриарх лично дважды объяснял ему, что именно хочет от него услышать, Феофан ответил уклончиво, что поставление Киприана «считал и считаю каноническим. Если же архиереи, которые вместе со мною участвовали в его составлении, признают его незаконным и неканоническим, то я им не противоречу».

Тогда русские послы пустили в ход еще одно средство давления на собор – они пригрозили «латинами», то есть совсем недавно бравшими Константинополь, генуэзцами.

В результате решение собора и патриарха звучало так: «Во-первых: рукоположить Пимена в митрополиты Великой Руси наименовав его и Киевским по древнему обычаю этой митрополии... во-вторых: митрополит Киприан должен быть изгнан не только из Киева, но и вообще из пределов Руси, поелику он получил эту церковь обманом и, как сказано, поставлен неканонически, еще при жизни законного митрополита... Но по снисхождению, имея в виду, что он ушел тайно и не находится налицо, дабы мог быть совершенно осужден по законам, постановляем, чтобы он оставался митрополитом только Малой Руси и Литвы...».

«Если же митрополит Киприан скончается прежде него

(Пимена. – *Прим. авт.*), то он примет в свое управление и Малую Русь с Литвою и, подкрепляемый благодатию всемогущего Бога, будет пасти тамошний христианский народ и один именоваться до конца своей жизни Киевским и всея Руси... А после него на все времена архиереи всея Руси будут поставляемы не иначе как только по просьбе из Великой Руси».

Таким образом, не отбрасывая до конца идею об объединении двух митрополий, патриарх сделал Пимена законным наследником митрополии Малой Руси и Литвы при живом Киприане, хотя по аналогичному обвинению Киприан только что был осужден!

СМЕРТЬ ОЛЬГЕРДА

В 1377 году умер великий князь литовский Ольгерд. Судя по тому, как уважительно отзывается о литовском князе Троицкая летопись, которую редактировал Киприан, Ольгерд был опорой митрополита в Литве. Хотя известно, что великий князь Литвы за свою долгую жизнь (он прожил 82 года) не раз менял веру, крестился, легко переходил из католичества в православие и наоборот, а в душе оставался язычником. Недаром в историю этот князь вошел под своим языческим именем – Ольгерд.

Однако перед смертью, возможно под влиянием Киприана, Ольгерд окончательно принял православие под именем Александра. Вообще, Троицкая летопись, написанная под редакцией Киприана, описывает литовского князя очень уважительно. Наверное, именно таким, как Ольгерд, виделся митрополиту идеальный правитель Единой Руси. «Не столько силою, сколько умением воевал... всех же братьев своих Ольгерд превзошел властью и саном, никогда пива и меду не пил, ни вина, ни кваса кислого, и великоумство и воздержание приобрел себе». Это рассуждение о воздержании Ольгерда от вина, пива и меда приобретало особенно острый характер в связи с тем, что рядом с ним под тем же самым 6885 (т. е. 1377-м) годом был помещен рассказ о сокрушительном поражении, понесенном русским войском на реке Пьяне и

вызванном легкомыслием и невоздержанностью воевод: «А где нашли в закромах мед или пиво и напивались до пьяна без меры, ездят пьяные, по истине за Пьяною пьяные».

После смерти Ольгерда осталось одиннадцать его сыновей, между которыми началась борьба за литовский престол. Известно, что Киприан был противником одного из претендентов – Ягайло. В этом вопросе он впервые сошелся во мнении с князем Дмитрием Московским – тот не только не поддерживал Ягайло, но и оказывал помощь его соперникам.

Зимой 1377 – 1378 года князь полоцкий Андрей Ольгердович, старший сын Ольгерда, из-за столкновения с братьями оставил Полоцк и бежал на Русь, во Псков. Псковичи приняли его у себя князем. «Прия его» и великий князь Дмитрий Иванович. Вспомним, что в 1373 году Андрей Полоцкий вместе с другими литовскими князьями разорял посад и окрестности Переяславля-Залесского. Впрочем, на подобные вещи среди князей было не принято обижаться: у князя работа такая – ходить в походы и грабить соседей. В 1378 году Андрей Ольгердович, изгнанный противниками из родного Полоцка, стал служебным князем Пскова и союзником Дмитрия Ивановича Московского.

Зимой 1379 – 1380 года Андрей Ольгердович вместе с Владимиром Андреевичем Хоробрым и московским воеводой Боброком-Волынским вторглись в Новгород-Северскую землю. Взяли Трубчевск и Стародуб. Дмитрий Ольгердович, князь Трубчевский, выступил на их стороне. Но в целом

поход оказался неудачным, и Дмитрию Ольгердовичу со всей семьей и боярами пришлось бежать в Москву. Московский князь принял его на службу и отдал Дмитрию в кормление тот самый Переяславль-Залесский, который шесть лет назад грабил его старший брат Андрей.

Князя, который получал удел во временное пользование, в уплату за службу, называли служебным князем. Это был в полной мере «князь по найму» – он приходил на службу со своей дружиной и выполнял некоторые обязанности военного и управленческого характера, а в награду за это получал доходы со специально отведенных для него территорий. Так, Дмитрий Ольгердович был служебным князем при Дмитрии Ивановиче Московском. Доходы с личного города Дмитрия Ивановича – Переяславля-Залесского – шли Дмитрию Ольгердовичу как зарплата, за то, что литовский князь со всей своей дружиной нес службу в войсках московского князя. Такие вольные города, как Новгород и Псков, тоже нанимали служебных князей с дружинами для собственной защиты, а порой и для ведения конкретной войны.

МИСТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Летом 1379 года в Троицком монастыре произошло «чудо» – явление Богоматери Сергию Радонежскому. Интересно явное стремление Сергия распространить молву о явлении Богородицы и ее обещании оберегать монастырь. Это нетипичное для Сергия поведение (обычно он стремился либо скрывать происходящие с ним «чудеса», либо ссылаться на их естественные причины) можно объяснить желанием защитить свой монастырь, а также воздействовать на князя, убеждая его, что Божья правда на стороне Сергия и его сподвижников.

С этого чуда начался труднообъяснимый, на первый взгляд, поворот политики московского князя. «Переубеждение» Дмитрия происходило в умело созданной мистической атмосфере, нагнетанию которой способствовала череда неудач, преследовавших князя.

Осенью 1379 года у Дмитрия Ивановича умирает сын Семен. В этом же году, в декабре, неудачей кончается поход Владимира Андреевича и Андрея Ольгердовича на Литву. Кроме того, опасаясь усилившегося Мамаю, Москва возобновляет выплату дани «по старине», но Мамаю этого уже мало. Он собирает огромную наемную армию для разгрома Московского княжества.

В то же время духовник Дмитрия Ивановича – Митяй –

уехал в Царьград. Его место занимает Феодор Симоновский, враг Митяя, сторонник Сергия и Киприана. В отсутствие Митяя князь попадает под влияние своего нового духовника.

Влияние же духовников на своих подопечных в средневековой Руси было очень велико. Своего пастыря следовало «почитать и слушаться... во всем, и каяться перед ним со слезами, грехи свои исповедуя без стыда и без страха, а наставления его исполнять и епитимьи соблюдать по грехам своим. Призывать же его к себе в дом часто, да и к нему приходить на исповедь по всей совести, поученьям его с признательностью внимать, и подчиняться ему во всем, и почитать его, и бить челом ему низко: он учитель наш и наставник... Советуйтесь с ним почаще о житии полезном, чтоб удержаться от всяких грехов. Как мужу наставлять и любить жену свою и детей и слуг, как жене слушаться мужа; обо всем советуйтесь с ним всякий день. Исповедоваться же в грехах своих следует перед отцом духовным и открывать грехи свои все, и покоряться ему во всем: ибо заботятся они о наших душах и ответ дадут за нас в день Страшного суда; и не следует ни бранить их, ни осуждать, ни укорять, а если же станут за кого просить, выслушать это, да наказать виновного, по вине смотря, но прежде все обсудив...»

Таким образом, духовник князя был поверенным во все его тайные дела и замыслы, более того, князь спрашивал у духовника совета, как поступить в сложных случаях.

«Отнесись с доверием и любовью к священникам и мона-

хам, во всем покоряйся и повинуйся им, от них получая спасение души. В трудных делах без стеснения спрашивай их совета и о духовном, и обо всем греховном...

А если что повелят священники, все то исполни, каясь в грехах, ибо они суть слуги и молеельщики у Небесного царя, дано им от Господа дерзновение просить о полезном и добром для душ и для тел наших, и о прощении грехов, и о жизни вечной».

Новый духовник князя Федор Симоновский был, очевидно, умным человеком и талантливым психологом. Под его чутким руководством Дмитрия Ивановича начинает преследовать мысль о том, что сбывается проклятье Киприана. Дмитрий начинает «замаливать грехи» – он тратит огромные средства на церковное строительство, словно надеясь тем умилоствить судьбу.

Но до Куликовской битвы Дмитрий Иванович так и не примирился с митрополитом Киприаном. На войну с Мамаем московский князь отправился, будучи проклят митрополитом всея Руси.

КТО ТОЛКАЛ МАМАЯ НА ВОЙНУ?

Проникнув в черноморский регион ради сверхприбылей от торговли на шелковом пути, генуэзцы постепенно освоили и местные рынки. Политическая раздробленность в Золотой Орде и иранской державе Хулагидов привели к тому, что поток товаров по шелковому пути к концу XIV века сократился, и резко выросло значение местных ресурсов и торговли с ближайшими соседями.

Генуэзцы обращают внимание на богатую Русь. Возможно, именно они были организаторами и «спонсорами» похода Мамаю. В своего рода бухгалтерских книгах Кафы, массариях, нашлись сведения об их переговорах с Мамаем. Генуя в это время располагала огромными средствами, в том числе и для ведения войны. Она была одним из крупнейших банковских центров Европы и успешно применяла свои финансы, торговлю и военные силы для получения еще больших прибылей.

В «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» читаем: «Мамай же, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых, сказал князьям и вельможам своим: «Захватчу землю Русскую, и церкви христианские разорю...» Вместо православных церквей темник Мамай собирался возвести католические храмы: «Где церк-

ви были, тут ропаты поставлю». Таким образом, автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», написанного в 1418 году, прямо указывает на то, что Мамай, идя на Русь, действовал как орудие католиков.

Итак, советники-генуэзцы направляют Мамайя на Русь. Во время Куликовской битвы на папском престоле находился Урбан VI, который издал буллу, предписывающую «магистру Ордена доминиканцев назначить специального инквизитора «для Руси и Валахии». В булле подчеркивалось право и обязанность инквизитора, пользуясь всеми средствами, какими инквизиция располагает, искоренять «заблуждения» на Руси... Тот же папа предложил насильственно обращать в католичество русских на землях, подвластных Литве, Польше и т. п., применяя со всей строгостью принудительные меры вплоть до телесных наказаний. Понятно, что никаких добрых чувств к католикам на православной Руси не испытывали.

Заговор генуэзцев. Современная реконструкция.

По свидетельству летописей, «фрязи» появлялись в Москве и на севере Руси уже в XIII веке. Некоторые из сурожских торговцев, в основном греки и итальянцы, чтобы

приблизиться к русскому рынку, перебравшись на постоянное место жительства в Москву. Таково происхождение ряда московских купеческих династий XIV-XV веков: Саларевых, Ховриных, Шиховых. Гос-ти-сурожане привозили в Москву дорогие восточные шелковые ткани поэтому и закрепилось за ними название – сурожский товар), пряности, вина, а вывозили оттуда меха, воск, мед, льняные изделия. В конце XIV века в Москве сформировалась корпорация богатых сурожан, получавших крупную прибыль от торговли с Золотой Ордой, Византией, странами Средиземноморья, а также Востока. Но для того, чтобы в полной мере развернуть свою деятельность на Руси «фрязям» было мало торговать на общих с прочими купцами основаниях.

Генуэзцы во всех землях, с которыми они имели дело, старались основать фактории с наемной охраной, выборными должностными лицами, с консулом, назначаемым из Генуи, с внутренним самоуправлением, с развитой торговой и финансовой инфраструктурой. Такие фактории сильно облегчали им торговлю и в перспективе способствовали постепенному вытеснению с рынка конкурентов – так, генуэзцы практически вытеснили греков с Черного моря и сильно потеснили там венецианцев.

Но ни один православный князь не позволил бы основать на территории Руси независимую факторию католиков. Генуэзцы, действительно, сотрудничали с агентами Папы – миссионерами и францисканскими монахами. Для генуэзцев

это был выгодный бизнес. Миссионеры и монахи, путешествуя по странам Востока, собирали информацию, в том числе и для купцов. Но в результате в глазах Дмитрия Ивановича и православных священников все итальянцы были папскими шпионами.

Итак, итальянские купцы имели все возможности, чтобы оценить богатство русских земель. Но они также прекрасно сознавали, что для получения этих богатств им гораздо выгоднее применить силу. Такой силой, находящейся практически у них на содержании, был Мамай.

На каких же условиях генуэзцы могли дать Мамаю денег? Ведь к 1380 году он уже отдал им все южное побережье Крыма. Вряд ли итальянцам были нужны еще земли. В то же время ситуация для Мамаю к концу 70-х годов складывалась не лучшим образом: он потерял контроль над русским улусом Московское княжество, а возможно, и другие великие княжества не платили ему дань с 1373 года), не владел Сараем и нуждался в крупных денежных суммах для продолжения борьбы за господство в Орде. Генуэзцы имели возможность финансировать крупные военные мероприятия, такие как найм армии для Мамаю. С 1377 года Мамай начинает действовать все более активно и успешно, наносит удары по Руси, подчиняет себе Сурский край, Прикубанье и Северный Кавказ и, наконец, набирает огромную армию для завоевательного похода на Русь. Мы считаем, что итальянцы не просто давали Мамаю деньги в долг. Они откупали у Мамаю

право на сбор дани в завоеванных с их помощью областях. Так же к 1380 году генуэзцы откупили у Мамаю право сбора ордынской дани с Руси.

Видимо, до Руси дошли известия о планах Мамаю снова отдать откуп ордынской дани иноземцам. И это естественно вызвало бурю негодования не только среди великих князей, терявших существенную часть своего дохода, но и среди простого народа.

И уж не оттого ли не поддержал на Куликовом поле Мамаю Олег Рязанский, что он тоже понимал, кто стоит за Мамаем и чем обернется для Руси его победа?

Лишний довод в пользу нашей гипотезы о генуэзских вдохновителях похода на Русь – поведение Мамаю после поражения на Куликовом поле: он, как говорится в «Сказании о Мамаевом побоище», «прибежал ко граду Кафе... И собрав остаточную свою силу, и еще хотел изгоном идти на Русскую землю». И когда по дороге на Русь он был в причерноморской степи перехвачен и окончательно разбит Тохтамышем, «Мамай же прибежал опять в Кафу... и тут убит был фрязями». Скорее всего, не из-за денег, как говорится в «Сказании» (откуда бы взялись большие сокровища у дважды разбитого полководца?), но или из желания угодить Тохтамышу, или из мести за погибших на Куликовом поле родичей. Вероятно, генуэзцы разочаровались в своем ставленнике, он больше не был им нужен, более того, он мог быть опасен, как беглец от законного хана Золотой Орды. Проще

всего было его убить.

Известно, что вместе с армией Дмитрия на Куликово поле шли 10 купцов-сурожан: «Князь же великий пойдя, взял с собою мужей нарочитых, московских гостей сурожан десять человек виде-ния ради, аще что Бог ему случить, и они смогут поведать в дальних землях, яко гости хозяеве, быша: 1. Василия Капицу, 2. Сидора Олферьева, 3. Константина Петунова, 4. Козму Коврю, 5. Семена Онтонова, 6. Михаила Саларева, 7. Тимофея Весякова, 8. Димитриа Чернаго, 9. Дементиа Саларева, 10. Ивана Шиха». Среди этих купцов были не только русские по происхождению, но и греки, и итальянцы, поселившиеся в Москве и связавшие с ней свои торговые интересы. Это Козма Коврин, Дементий Сола-рев, Иван Ших. Знания и опыт этих купцов, ведущих торговлю с Крымским полуостровом, – вот что учитывал московский князь. Следовательно, Дмитрию Ивановичу была известна роль итальянцев Кафы в стане Мамаю. Видимо, он понимал, что придется склонять к миру не столько самого Мамаю, сколько заплативших ему за поход «фрязей». Он вез с собой людей, которые помогли бы ему вести переговоры. До последнего момента он надеялся склонить Мамаю к миру.

Впрочем, возможно, московские купцы, торгующие с Крымом, со своей стороны также выступили в роли «спонсоров» похода Дмитрия Донского. Ведь если бы генуэзцы получили право на сбор дани с Руси, то пострадало бы в первую очередь купечество русских городов. Генуэзцы постарались

бы захватить монополию на торговлю Руси с Крымом, чем разорили бы московских купцов-сурожан.

На что могли пойти «спонсорские» деньги? Дело в том, что в армии, которую Дмитрий Иванович повел на Дон, значительную часть составляла пехота – городские ополчения Москвы и других городов. Такой дальний поход многочисленного пешего воинства – редкость для тех времен. Их надо было вооружить, и главное, кормить во время всего похода. Возможно, перечисленные московские купцы-сурожане занимались поставкой провианта для многочисленной рати.

Итак, война была оплачена с двух сторон.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

*И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.*
Вл. Соловьев

А БЫЛА ЛИ ИЗМЕНА?

Наступает 1380 год. Олег Иванович узнает о готовящемся походе Мамаю на Русь и, стремясь обезопасить свое княжество, ведет двойную игру: «ссылается» с Мамаем и Ягайло (посылает к ним своего представителя Епифана Кореева), но одновременно предупреждает Дмитрия Ивановича. Такова официальная (московская) версия событий. Интересно, что в Троицкой летописи, в целом недружелюбно отзывающейся о великом князе рязанском, нет указаний, что Олег изначально был сообщником Мамаю и Ягайлы. Никоновская же летопись прямо указывает на Олега, как на инициатора этого «тройственного» союза. Якобы как только Мамай подошел к устью реки Воронежа и расположил свои войска в рязанских пределах, Олег послал к нему и к Ягайло послов с уведомлением о признании власти ордынского правителя и с предложением действовать совместно. Ягайло откликнулся и отправил посольство к Мамаю. При этом Олег Иванович и

Ягайло рассчитывали якобы, что Дмитрий Иванович, узнав об их соглашении, убежит, а они уговорят Мамай вернуть-ся в Орду, а сами разделят с его воевода Московское княже-ние. Судя по «Сказанию о Мамаевом побоище», Олег усту-пал Ягайле Москву, а себе предназначал Коломну, Муром и Владимир (см. Приложение 6 – Повести Куликовского цик-ла).

Мамай ответил, что ему нужна не военная помощь, ему важно, чтобы Литва и Рязань признали владычество Орды. Он потребовал, чтобы ему была оказана честь и оба князя выслали ему навстречу войска.

Нестыковки в летописи видны невооруженным глазом. Там же, в «Сказании о Мамаевом побоище», сказано, что ордынскому эмиру было уже мало возобновленной выплаты дани «по старине». Мамай хотел не только принудить Русь к еще большей дани, но и изгнать князей, поселиться в лучших русских городах и жить там. Это была программа оккупации и колонизации русских земель. Для ее воплощения Мамай собрал огромную наемную армию. Нелепо думать, что он бы позволил себя уговорить уйти с завоеванной Руси и добро-вольно отдал бы ее Ягайло с Олегом. Столь же маловероят-но, что Мамаю не нужна была военная помощь, иначе зачем он терял столько времени на ожидание подхода войск Ягай-ло и Олега Рязанского?

А вот требование признать над собой владычество Орды вполне обоснованно. Литовские князья со времени начала

«великой замятни» не платили дани со своих русских владений в Орду и, кроме того, захватили еще множество новых земель, отторгнув их, таким образом, от ордынских владений. Именно поэтому Мамай, как и любой другой ордынский властитель, стремился хотя бы номинально восстановить свою власть над утраченной ранее территорией. И уж не оттого ли так не торопился к назначенному месту встречи Ягайло, что не хотел эту власть признавать?

Стоит добавить, что «Сказание о Мамаевом побоище» было написано около 1430 года, а в 1427 году великий князь рязанский Иван Федорович заключил «докончание» с великим князем литовским Витовтом, в котором присягал ему на верность, тем самым отказываясь от крестного целования московскому князю. Резкая характеристика Олега Ивановича в «Сказании» («отступник», «поборник бесерменский») – это скорее реакция на поступок его внука, а все «Сказание» приобретает характер политического памфлета, написанного по заказу московского князя.

Но был ли изменником сам Олег Рязанский? Разберемся, что же подразумевалось под словом «измена» в средневековой Руси.

Понятие «измена» в Древней Руси первоначально трактовалось как нарушение присяги на верность, данной вассалом сюзерену, или клятвы, скреплявшей политические договоры. При поступлении на службу князю и бояре и служебные князья давали присягу и целовали крест на верность своему

новому господину. Нарушение крестного целования считалось изменой. Формулы присяги языческого времени сохранились в договоре Руси с Византией 944 года. Согласно им клятвопреступники «не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не защитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими и от стрел, и от иного оружия своего, и да будут рабы в этот век и в будущий».

В Киевской Руси нарушения присяги на верность князю встречались редко. По выражению историка В.А. Рогова, был незыблем догмат о безоговорочной преданности князю. Существенные изменения происходят в период феодальной раздробленности. При постоянных междоусобицах князья клялись и нарушали свои обязательства столь часто, что, по выражению летописца, «уста не успевали обсыхать от крестного целования». Выявить первоначального «преступника» зачастую не было никакой возможности: присягу нарушали все стороны, участвующие в многочисленных конфликтах. В XIII веке «ротник», «клеветник», «поклепник», «лжи послух» были приравнены к «разбойникам» и «грабителям». В церквах от них не надлежало принимать приношения без предварительного покаяния.

Однако данная мера помогала мало. Летописец горестно пишет о кровавых трагедиях, сопровождавших клятвопреступления и вскоре понятие «измена» перестало сводиться только к нарушениям княжьего слова. Измену начинают понимать как сотрудничество с иноземцами в ущерб своей ве-

ре и земле.

В сознании людей XIV века, живущих ожиданием близкого конца света и Страшного суда, особое значение приобретает чувство ответственности за свое поведение, его соответствие христианскому идеалу. Несоблюдение этого идеала означало неготовность ко Второму Пришествию Христа, погубление своей души и тем самым – вольный или невольный союз с антихристом, дьявольскими силами, что и считалось изменой. Таким образом, термин имел и церковное происхождение.

Бесславная сдача врагу и сотрудничество с врагами стали рассматриваться как предательство с XIII века. Так, в 1293 году тверичи в ожидании неприятеля «целовали между собой крест и сели в осаду, укрепившись на том, чтобы биться с татарами, а не предаться».

В XIII – XV веках развитие трактовки изменничества идет двумя путями. В источниках фигурируют два термина, которыми обозначалось данное понятие. Первым – «переветники», «рубеж-ники», «беглецы» – чаще всего назывались лица, вступившие в преступное сотрудничество с иноземными врагами. Сам по себе термин «перевет», видимо, древнее и первоначально использовался для обозначения предателей в ходе междоусобных столкновений.

Второй термин – «измена» – употреблялся реже и был связан с несохранением верности православию, вассалу или освященному крестным целованием соглашению. Напри-

мер, изменниками называли двинских воевод, в 1397 году преступивших присягу, данную Великому Новгороду, и перешедших под покровительство Москвы. Но если такое предательство сочеталось с контактами с иноземцами, его могли назвать и «переветом».

Впрочем, по средневековым законам вассал мог официально сложить с себя клятву верности и оставить службу у сеньора, заранее предупредив его об этом. Такому отречению на Руси точно соответствовали термин «отказ» или выражение: «отложить (сложить) крестное целование». Изменником считался только тот вассал, который оставлял своего сеньора, не заявив ему открыто о своем отречении от договора, о своем отказе. Вольность вассала, как и дружинника, состояла именно в этом праве открыто взять назад свою клятву верности.

Такое право отъезда подрывало политические силы княжеств и земель. Не было никаких гарантий, что в самый ответственный момент бояре и служилые люди не покинут своего господина и на совершенно законных основаниях не присоединятся к его врагам. Поэтому довольно рано начинаются попытки ограничения самовольства «отказников». Одно из первых свидетельств этого – установление в 1368 году Новгородом Великим правила конфискации земель отъехавших бояр. Осуждению отъездчики подвергались и со стороны церкви.

Таким образом, с позиций XV века, когда Рязань была за-

висима от Москвы, переход князя Ивановича Федоровича в 1430 году под власть Литвы действительно мог быть расценен как измена, хотя и тут этот термин представляется сомнительным – ведь Иван Федорович перед этим сложил с себя крестное целование московскому князю и перешел в подданство Литвы открыто, уже не связанный никакими клятвами с Москвой. А Олег Иванович Рязанский был и вовсе суверенным государем своей земли, и изменить московскому князю, и уж тем более не существовавшему еще тогда русскому государству, просто не мог.

Вернемся в конец лета 1380 года. «В то время Мамай стал за Доном, возбужаясь и гордясь и гневаясь, со всем своим царством, и стоял 3 недели (не на то ли он гневался, что никак не подойдут его «союзники»? – *Прим. авт.*). Опять пришла князю Дмитрию другая весть. Поведали ему, что Мамай за Доном собрался, в поле стоит, ожидая к себе на помощь Ягайлу с литвою, да когда соберутся вкупе, и хотят победу сотворить вместе. И начал Мамай слать к князю Дмитрию выхода просить, как был при Джанибеке царе, а не по своему dokonчанию (возможно, имеется в виду dokonчание Дмитрия Ивановича с Мамаем 1371 года, а возможно и более позднее, сведения о котором до нас не дошли. – *Прим. авт.*). Христоробивый же князь, не хотя кровопролития, хотел ему выход дать по христианской силе и по своему dokonчанию, как с ним dokonчал. Он же не захотел, но высокомысляше, ожидал своего нечестивого союзника литовского».

Сохранились сведения о том, что Сергей Радонежский и другие церковные деятели советовали в этот момент Дмитрию Ивановичу заплатить татарам столько, сколько те требуют, чтобы избежать кровопролития. Но, видимо, дело было не только в деньгах. Мамай стремился изменить не только размер дани, но и порядок ее взимания. На то, чтобы выпустить из своих рук право сбора ордынской дани, князья пойти не могли.

Попытка урегулировать отношения миром провалилась. И московский князь собирает на бой с Мамаем свою армию. Заметим, что русские войска шли сражаться вовсе не с Золотой Ордой, не с законным царем. В «Слове о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» про Мамаю сказано, что он «исполнил сердце свое злого беззакония». Мамай, право которого на власть в Орде само по себе было сомнительно, попытался, к тому же, нарушить законный, сложившийся порядок – он шел на Русь войной, чтобы отдать ее во власть иноверцев – откупщиков-католиков.

После победы на Куликовом поле «на ту же осень князь великий отпустил в Орду своих киличеев послов. – *Прим. авт.*) Тол-бугу да Мокшея с дары и поминки». Новый, законный хан Золотой Орды Тохтамыш после своей окончательной победы над Мамаем «послы своя отпусти... ко князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем князем русским, поведав им., как супротивника своего и их врага Мамаю по-

бедил... Князи же русские послов его отпустили с честью и с дарами, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отправили... своих киличеев со многими дарами к царю Тохтамышу».

Итак, русские князья вовсе не ставили перед собой цели выйти из состава Золотой Орды. Битва шла конкретно с Мамаем. Но не только ради денег, ведь Дмитрий Иванович готов был заплатить Мамаю дань «по старине». Неправильно было бы сводить смысл Куликовской битвы к спору о количестве дани. Если бы дело обстояло именно так, то это была бы битва между Мамаем и московским князем. На деле же с Дмитрием Ивановичем на бой вышли многие русские князья и городское ополчение их городов. Борьба с Мамаем была для них борьбой с незаконным царем, пытающимся установить на Руси незаконные и невыгодные им порядки.

Даже сто лет спустя после Куликовской битвы Иван III в 1480 году выступил с мощной военной силой не против Золотой Орды (она уже не существовала, распавшись на несколько самостоятельных ханств), а против хана Большой Орды Ахмата. Очень показательна позиция Церкви в вопросе противостояния Ивана III с ханом Ахматом. В своем послании архиепископ Ростовский Вассиан резко осуждает великого князя, который собирался «смириться и о мире молить». При этом Вассиан явно предвидит возражения Ивана III: «Под клятвою есмы от прародителей, – скажет, мол, в ответ тот, – еже не поднимать руки против царя Золотой Орды, то как я могу клятву разорити и супротив царя стати?»

И Вассиан отвечает: «...не как на царя, но как на разбойника, и хищника...» И нечего «сему богостудному и скверному самозваному царю повиноваться тебе, великому русских стран христианскому царю!»

Так что и в 1480 году Иван III не боролся с законной властью, а сопротивлялся незаконным притязаниям самозванца.

Абсолютно естественным для людей того времени представлялось право отдельных родов на верховную власть. Так, ханами – то есть верховными правителями на территории Золотой Орды, да и других государств, образовавшихся после распада империи Чнгисхана, могли быть только его потомки – чингизиды. Мамай чингизидом не был, а законного царя – чингизида использовал, как марионетку, управляя Ордой от его имени. Именно поэтому власть Мамай представлялась сомнительной всем его подданным. Она оказалась непрочной и рухнула, как только в Золотой Орде появился Тохтамыш – достаточно сильный и самостоятельно управляющий государством хан-чингизид.

Князьями же на Руси и в Великом княжестве Литовском могли быть только Рюриковичи и Гедиминовичи – потомки легендарных князей – Рюрика и Гедимины. В XIV веке нет ни одного упоминания о том, чтобы князем в русских землях назывался выходец из какого-либо другого рода.

Таким образом, мы можем констатировать, что в советской историографии, посвященной эпохе Куликовской бит-

вы, сложилось превратное мнение о русских князьях, как об изменниках. Дмитрий Иванович Московский представляется эдаким лидером русского сепаратистского движения, направленного против центральной ордынской власти. Он якобы восстал против законной власти Золотой Орды, то есть изменил своему сюзерену – ордынскому хану.

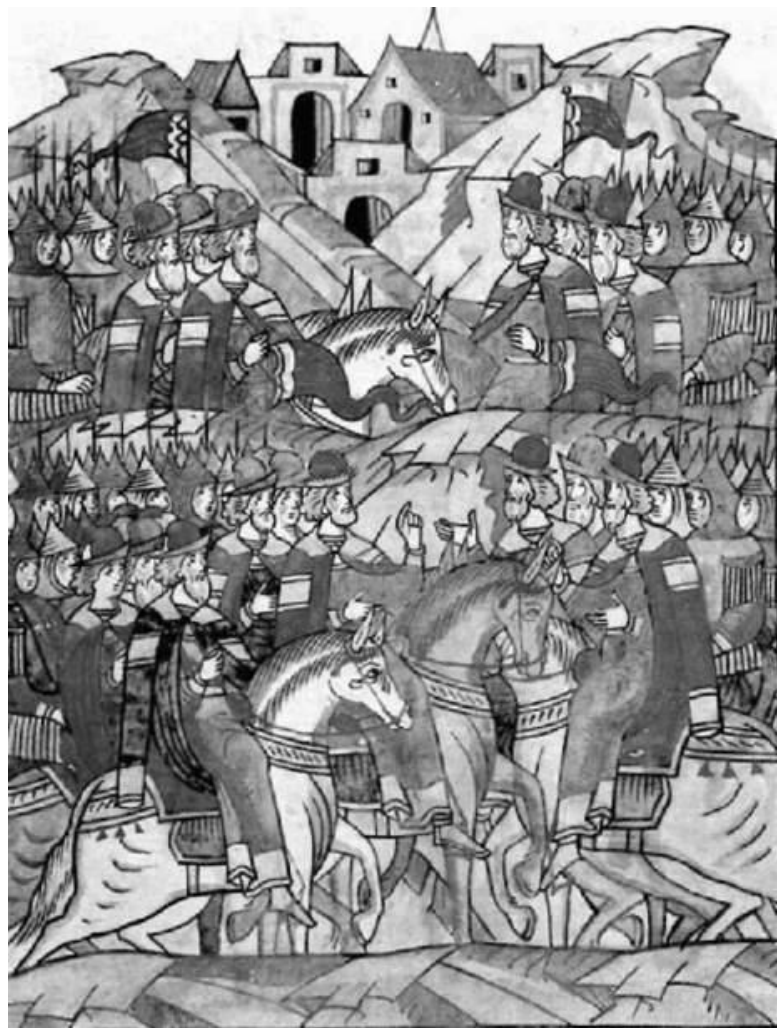
А Олег Рязанский предстает изменником «земли Русской», предавшим своих «родных» русских сепаратистов, в лице Дмитрия Ивановича Московского.

На самом деле никаких измен не было. Оба князя в 1380 году действовали в рамках законности того времени.

ПУТЬ К НЕПРЯДВЕ

Мамай шел на Русь не спеша, словно давая противнику время для подготовки. Скорее всего, Мамай был уверен, что Олег и Ягайло вовремя подойдут к назначенному месту встречи, а кроме того, не сомневался, что их планы неизвестны в Москве. То есть он был заведомо дезинформирован Олегом Рязанским. А вот это уже напоминает сговор московского и рязанского князей против Мамаю.

*Смотр русских войск в Коломне.
Миниатюра из Лицевого свода XVI в.*

Посланные в поле отряды разведчиков Дмитрия Ивановича сообщили, что выступившее ордынское войско не спешит, «ждет осени», чтобы 1 сентября соединиться с литовцами и рязанцами на Оке. Подошедшая к южным границам Рязанского княжества Мамаева армия остановилась в районе устья реки Воронежа. На бесполезное выжидание ушли три недели. Время для внезапного нашествия было упущено. Русские же рати успели собраться.

Заметим, что разведчики Дмитрия Ивановича должны были пройти через рязанские земли. И если бы Олег Иванович действительно был союзником Мамаея, то он бы не допустил утечки информации, а попросту поставил бы кордоны и отловил московских лазутчиков.

Частично собранное в Москве войско «в борзе» двинулось в Коломну, которая была избрана главным местом сбора всех союзных Москве сил. Выдвижение русских войск в Коломну и далее к устью реки Лопасни за неделю до назначенного Мамаем срока объединения его сил смешало планы наступающих. Ордынцы, узнав о движении русских к Дону и так и не дождавшись войск Олега и Ягайлы, решились, наконец, выступить навстречу Дмитрию.

Русское войско выступило из Коломны 20 августа. Вскоре

оно достигло устья реки Лопасни, т. е. вышло к месту предполагаемого соединения Мамаю, литовцев и рязанцев и перерезало главный Муравский шлях, которым татары обычно ходили на Москву. Затем последовала переправа войска через Оку и его движение в глубь Рязанской земли.

Спрашивается, как рязанский князь, предположительно союзник Мамаю, мог спокойно терпеть вторжение в свои земли врага, каковыми были ему москвичи? И все же Олег Рязанский ничего не предпринял, а литовский князь Ягайло, уже подошедший к Одоеву, направил свою армию к Дону, но явно не торопился. Литовскому князю равно не нужна была ни победа Мамаю, ни победа Дмитрия. Ягайло ждал. Возможно, сговорившись предварительно с Олегом Ивановичем добить победителя.

А тем временем Дмитрий Иванович переправился через Оку и получил весть о том, что Мамай все еще «в поле стояща и ждуща к себе Ягайла на помощь рати литовские». Русское командование тогда, вероятно, приняло решение идти навстречу Мамаю к верховьям Дона. Во время кратковременной остановки у устья реки Лопасни к русскому войску присоединились «остаточные вои». После выступления армии на этом месте был оставлен Тимофей Васильевич Вельяминов, «чтобы когда пешие рати или конные пойдут за ним (князем Дмитрием. – *Прим. авт.*), да проводит их безблагно».

Движение московских войск через Рязанское княжество. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

По словам Никоновской летописи, великий князь в то время печалился, «яко мало пешей рати». Эта рать, видимо, не поспевала за конницей и догнала основные силы уже у Дона. Снова заметим, что при активном противодействии Олега, Дмитрий остался бы вообще без пехоты, догонявшей основное войско разрозненными отрядами.

Войско, вступившее 25 августа в пределы Рязанской земли, вероятно, сошло с Муравского шляха и уклонилось в юго-восточном направлении. Очередная остановка была сделана у города Березуя, находившегося в 23 поприщах (около 30 км) от истока Дона. В Березуе к основным силам присоединились князья Ольгердовичи: Андрей и Дмитрий. Приведенная ими «кованая рать» (тяжеловооруженные воины) усилила армию. Некоторые исследователи считают, что братья Ольгердовичи привели свои дружины из своих литовских отчин – Полоцка и Трубчевска. Но это представляется нам сомнительным. Ведь и Полоцк и Трубчевск были в это время захвачены Ягайло. Скорее всего, братья Ольгердовичи пришли со своими личными дружинами. Андрей из Пскова, где он в то время княжил, а Дмитрий – из Переяславля-Залесского. На это указывает и сообщение летописца о «кованой рати». Других, вспомогательных, сил в войсках Ольгер-

довичей, видимо, не было.

В Березуе армия Дмитрия Донского пробыла несколько дней, поджидая отставших и «перенимая вестей». Разведчики сообщили о том, что Мамай, не знавший о местонахождении русского войска, двинулся к верховьям Дона, говоря – «доколе приспееет нам Ягайло». Стало быть, Олег Иванович, который, разумеется, был в курсе передвижений русской рати, не счел нужным сообщить эти сведения Мамаю.

6 сентября московская рать подошла к Дону в месте впадения в него реки Непрядвы. И на этой заключительной стадии похода соединения литовцев и татар так и не произошло. Зато на берегу Дона к русской армии присоединилась пехота. «И тут пришло много пешего воинства, и житейских много людей, и купцы со всех земель и градов». То есть это были обозы и ополчение городов, которые шли, вновь подчеркнем это, по рязанской земле. Но никакого противодействия со стороны рязанского князя не последовало. И еще: присутствие ополчения в русской армии доказывает важность битвы для русских князей – собрали все силы, какие только могли.

Итак, за 20 дней похода русская рать прошла 300 км. С учетом остановок в Коломне, у устья реки Лопасни, в Березуе путь к Дону занял 12 – 13 дней. Численность воинов, составлявших армию Дмитрия Донского, вряд ли превышала 50 – 60 тысяч человек. Если из этого количества исключить обозных и фуражиров, то численность тактических единиц,

непосредственно участвовавших в битве, предположительно 40 – 45 тысяч человек.

О войске Мамай различные летописи повествуют одинаково: «Прииде ордынский князь Мамай с единомысленики своими и со всеми прочими князьями ордынскими и со всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаимовав: бессермены, и арменеы, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы». То есть кроме тяжелой элитной конницы («единомысленники и князья ордынские») и легкой половецкой кавалерии, набранной из своих подданных, Мамай нанял конницу в Поволжье (буртасы), Прикубанье и на Северном Кавказе (черкасы и ясы). Пехотная сила его армии состояла из крымских армян и фрязей и была, видимо, вооружена по западноевропейскому образцу – ростовые щиты-павезы, длинные копья и доспех, закрывающий практически все тело у копейщиков первых рядов. Наверняка крымская пехота была снабжена и знаменитыми генуэзскими арбалетами. Такие воины представляли довольно грозную силу. Вряд ли среди пехотинцев было много собственно итальянцев. Наверное, их количество не превышало пары сотен. Но также наверняка, это были наиболее закаленные воины, занимавшие в пехоте посты десятников и офицеров.

Предводитель татар наблюдал сражение с холма в окружении больших князей и оттуда руководил боем. Его войско, по монгольскому обычаю, было построено в несколько линий в глубину и, несомненно, имело резервные части.

ПЕРЕД БОЕМ

Войска, стоявшие до этого на месте (русские 3 дня, татары – около трех недель), двинулись навстречу друг другу практически одновременно. «И рече Мамай: «Двигайтесь силы мои темные и власти и князи. И пойдём и станем у Дона против князя Дмитрия доколе приспее к нам союзник наш Ягайло со своею силою». То есть у Мамаёв был план – не дать русским перейти Дон и напасть на него. Литовцы не подошли на помощь Мамаю ни 1 сентября, как было у них договорено, ни позже.

Переправа русских войск через Дон. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

«Князь же слыша хвалу Мамаеву, и сказал... «Настало, бра-тие время брани нашей...». И повелел мосты мостить на Дону и броды искать в эту ночь...» То есть Дмитрий практически моментально узнает все, что происходит в ставке Мамаева (ну кто, кроме «изменника» Олега, мог его этой информацией обеспечить?). Сомнения терзали русских воевод – переходить Дон или нет. Однако, в конце концов что-то вынуждает Дмитрия принять решение реку перейти.

То, что русские победили в Куликовской битве, не делает этот шаг менее рискованным. Вся история войн показывает, что гораздо легче обороняться, мешая противнику форсировать реку, чем встречать его в открытом поле. Да и опыт самого Дмитрия Ивановича и его воевод говорит о том же. Упомянем битву на реке Воже. Вспомним и противостояние Москвы и Литвы вдоль крутого оврага в 1372 году, когда ни одна из сторон так и не решилась напасть, и все кончилось миром. Ведь Дмитрий был готов замириться с Мамаем и платить ему большую дань. Ведь он вез купцов-суро-жан для переговоров с генуэзцами, то есть до последнего надеялся на мирный исход.

Что же толкнуло две армии навстречу друг другу, в лобовой бой? Почему Мамай, увидев русские войска перешед-

шими Дон, атакует их? Ведь ему это не выгодно! У него были другие, более успешные варианты действий. Например, имея преимущество в легкой кавалерии, постоянно тревожить русские полки. Расстреливать их издали, используя более дальнобойные луки и более метких лучников, но не бросать в бой основные силы до подхода Ягайло. Почему бы Мамаю, например, не перебросить часть своей маневренной конницы на другой берег Дона и не взять, таким образом, русских в кольцо? Дон в этих местах неширок, и с одного берега легко простреливается другой. Русским пришлось бы даже по воду ходить под обстрелом противника.

Но вместо этого Мамай бросает свои полки на пики стоящего в обороне многочисленного городского ополчения. Мамай крайне неэффективно разбазаривает имеющиеся у него людские ресурсы, пытаясь сломить ошестинившуюся копьями пехоту атаками в лоб. Только крымская пехота, пожалуй, могла успешно бороться с русской. Но, видимо, ее у Мамаю было немного. Когда Боброк-Волынский выводит в бой отборные части – конных дружинников, татары уже ничего не могут им противопоставить.

Весь ход Куликовской битвы наводит на мысль, что внезапное движение войск Мамаю и Дмитрия, и их столкновение были спровоцированы. Заставить Дмитрия перейти через Дон могло лишь известие о том, что Ягайло очень близко и идет на помощь татарам. Тогда маневр Дмитрия понятен – разбить Мамаю до подхода литовцев, а Доном и Непрядвой

прикрыть свои тылы от внезапного нападения Ягайло.

Заставить же Мамаю атаковать русскую пехоту в лоб, на нешироком поле, могла лишь весть о том, что литовцы приближаются, но идут на помощь русским (!) войскам. Только это известие могло заставить его торопиться и бросать свою лучшую конницу в смертельные атаки снова и снова, чтобы сбросить в Дон и уничтожить войска Дмитрия до прихода Ягайло.

Такую дезинформацию мог доставить Дмитрию и Мамаю только Олег Рязанский. Он был сильнейшим образом заинтересован в том, чтобы решающее сражение произошло как можно скорее. Ведь и московские и татарские войска разоряли его землю, принося ей неисчислимые убытки уже самим фактом своего присутствия. Да он просто не мог упустить такого шанса – столкнуть лбами своих самых сильных и опасных соседей.

Ягайло тоже торопился. Пока он бездействовал у Дона, в Литве против него действовал его дядя Кейстут. Поэтому шурин Олега, Ягайло, был заинтересован в том, чтобы содействовать своему родственнику в дезинформировании Дмитрия Ивановича и Мамаю.

Некоторые историки высказывали мнение о том, что Олег Рязанский помешал Ягайло прийти на помощь Мамаю. Однако нам представляется весьма сомнительным, чтобы Олег и Ягайло в 1380 году были по разные стороны баррикад. Между Ягайло и Олегом ни до, ни после Куликовской битвы

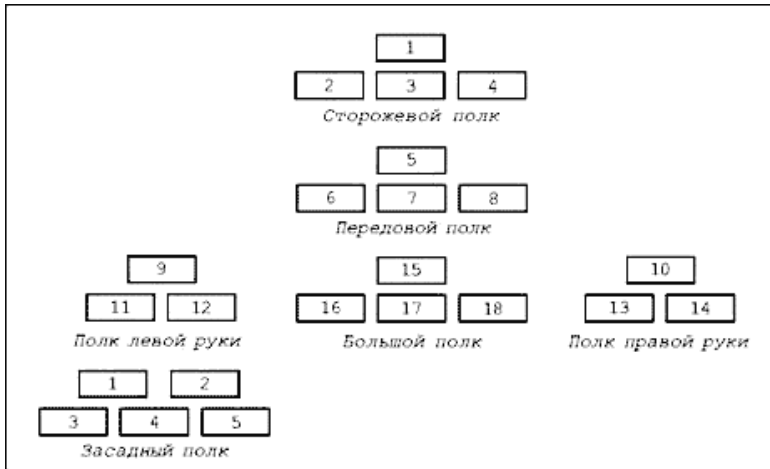
не было ни одного военного конфликта. К тому же Олег был женат на сестре литовского князя. Скорее всего, они и здесь действовали заодно. Просто Ягайло не хотел приходить на помощь к Мамаю. А остаться совершенно в стороне от конфликта он не мог.

Почти перед самым боем, в дороге, русскую армию догнал посланец Сергия Радонежского. Вот какое благословение передал он Дмитрию Ивановичу: «Чтобы еси господине таки пошел, а поможет ти Бог и святая Богородица».

Накануне сражения, перед тем как форсировать Дон, московские воеводы выстроили армию в боевом порядке. Князь Дмитрий Иванович произвел смотр войск. «Сказание о Мамаевом побоище» приписывает ему слова: «Здесь пребудете, братие, на местах своих немятушесь. Каждый из вас ныне учредитесь, утром уже неудобно будет мощно так учредитьсь».

Таким образом, русская армия была подготовлена к тому, чтобы перед атакой противника без лишней суеты развернуть свои боевые порядки в уже «учрежденном» виде.

«Полки же шли, так, как кому повелено было по поучению», – пишет другой летописец, рассказывая о том, как русская армия разворачивалась на самом Куликовом поле. Согласно росписи полков, на берегу Дона их было построено шесть: Сторожевой полк, Передовой полк, Большой полк, полки Правой илевой руки и Засадный полк.

***Построение полков и отрядов на берегу Дона.
 Схема-реконструкция А.Н. Кирпичникова.
 (Номера отрядов даны в предполагаемой
 последовательности их выдвижения к линии боя)***

Во главе каждого полка роспись называет от трех до пяти командиров. Обращает внимание определенное «уставное» распределение начальников. Их число с несомненностью указывает на наличие внутри полков нескольких самостоятельных отрядов. В Сторожевом, Передовом, Большом полках их было по четыре, на крыльях – по три, в Засадном – сразу пять. В общей сложности в войске насчитывались два-

дцать три отряда. Речь несомненно идет об отдельных формированиях – «стягах».

Так, в Передовом полку оказались псковичи, брянцы, бело-зерцы и коломенцы. Состав других был, очевидно, более пестрым. В Большом и Засадном полках находились москвичи, включая двор великого князя, но они не были там единственными.

Мелкие тактические единицы, состоящие из господина и его слуг, в документах эпохи Куликовской битвы не упомянуты. Однако такие единицы, судя по списку убитых в битве «бояр» (то есть мелких и средних командиров), существовали и входили в состав отрядов, образуя их первичные ячейки.

Над каждым из входивших в полк подразделений развевался собственный «стяг». Посреди Большого полка было поднято и общевойсковое, великокняжеское знамя. Оно было красным с изображением Нерукотворного Спаса. Это знамя обозначало место, рядом с которым должен был находиться московский князь Дмитрий Иванович – глава армии.

Впрочем, сохранилось предание, согласно которому Дмитрий Иванович поменялся доспехами, оружием и конем со своим верным слугой – Михаилом Бренком. Бренок, одетый в княжеский доспех, находился в центре Большого полка, под главным знаменем армии. А сам Дмитрий Иванович решил участвовать в конном сражении, встав со своей ближайшей свитой в ряды Передового полка.

Засадный полк русской армии был скрыт в дубраве. Окрестности Куликова поля позволили осуществить эту воинскую хитрость, решающим образом повлиявшую на исход. Несомненно, что место сражения, предоставлявшее русскому командованию определенные преимущества, было намечено заранее и учтено при построении войск и планировании их будущих действий.

Поле для битвы было выбрано, несомненно, русскими вождями. Стесненное с востока и запада лесистыми речными долинами, оно представляло из себя своеобразный замкнутый с трех сторон и открытый только с юго-востока тупик. Пригодное для битвы пространство на Куликовом поле было в ширину не более 2,5 – 3 км при длине (между удобными для наблюдения за ходом боя возвышенностями) около 4 км. Таким образом, фронт боя Куликовской битвы не превышал трех километров, при четырех километрах в глубину. На нешироком, зажатом с двух сторон лесами и оврагами, поле татарская конница лишалась обычных наступательных достоинств, ей нельзя было развернуть свои силы, в том числе лучников, для охвата и окружения. Татары были вынуждены, утратив часть маневренности, принимать фронтальный бой. А в таком бою русские, как правило, были увереннее и упорнее своих восточных противников.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ

– Держи, – Дмитрий вручил Михаилу Бренку свой островерхий, позолоченный княжеский шлем. – Стой крепко, не посрами меня. Оттуда, – он обвел рукой строящиеся на поле рати, – они будут видеть не Михаила Бренка, а одетого в значеный доспех московского князя... Ты все хотел боярином стать, Мишка... Будешь боярином, если сегодня чести моей не уронишь... Так? – князь обернулся на стоящих за спиной воевод и бояр.

– Так, – кивнул старший воевода, Боброк, нахмурившись. – Только ты, княже, лучше ко мне в полк вставай. Оно все надежнее будет. Да не бойся, битва не уйдет от нас. Чую, всем крови придется хлебнуть.

– А, – нетерпеливо махнул рукой Дмитрий. – Пока до вас дело дойдет, татары уж кончатся!

И он, оглядев в порядке выстраивающиеся ряды русской рати, радостно рассмеялся. Никогда еще не было под его началом такой силищи. Разве что под Тверью...

Дружинники, окружавшие Дмитрия, подхватили его смех. Воеводы и князя тоже заулыбались. Многие, проследив взгляд великого князя, тоже гордо приподняли голову, расправили плечи. Армия, перегородившая неширокое поле из конца в конец, казалась немыслимо огромной. А новые отряды все подходили и подходили, становясь под стяги, на

тех местах, что были им указаны вчера, на смотре.

– Нет уж, Волынец. Вперед я поеду... Хватит. Попил Мамай-ка нашей кровушки. И я хочу теперь его крови испить. На Воже я не стоял позади. И ничего. Жив... А воевод тут и без меня хватит. О том и на совете все оговорено.

И князь вскочил на подведенного ему коня. Одел на голову простой железный шишак и, пришпорив коня, помчался вперед – туда, где над клубившимся по земле туманом возвышалось знамя Передового полка и хоругви литовских князей – Дмитрия и Андрея Ольгердовичей.

За переодетым князем немедленно устремилась дюжина хорошо одоспешенных отроков – его личная охрана.

Седовласый воевода Боброк-Волынский переглянулся с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским – двоюродным братом Дмитрия Ивановича.

– А ты-то что молчал? Сказал бы ему! Что он, в самом деле?.. Тоже мне, храбрец нашелся. А ну как мы без князя останемся?

– Не останетесь, – уверенно кивнул Владимир Андреевич и, развернув коня, направил его в сторону дубравы, прикрывающей левый фланг русской рати.

– Да, верно. Что это я? – буркнул себе под нос Боброк. – Князей у нас еще не считано... – И он, развернув коня следом за Владимиром, прошептал совсем уже тихо, чтобы никто, не дай бог, не услышал: – Да вот только шибко умные все. Кто в засадный полк со всей ратью своей встал, – он смерил

взглядом едущего впереди Владимира Андреевича, – а кто и вовсе в своей отчине спрятался... – И Боброку вспомнился недобрый взгляд и лукавая усмешка Дмитрия Константиновича Нижегородского.

– Ладно. На все воля Божия! – воевода, оглядев уже почти построившиеся полки, широко перекрестился.

Туман медленно рассеивался, и перед глазами великого князя московского Дмитрия Ивановича все шире открывалась бескрайняя ковыльная степь. Союзная армия, казавшаяся такой могучей вблизи, теперь выглядела темной полоской с трепещущими стягами и чуть поблескивающей в лучах восходящего солнца щетиной копий. Впереди, вытянувшись в тонкую линию, ждали сигнала к атаке застрельщики из Сторожевого полка. Перед ними уже мелькали первые разезды татар. И сердце щемило в ожидании боя тревожно и сладко, словно в предвкушении соколиной охоты или псовой травли.

– Сигнал! – крикнул кто-то слева от князя.

Один из стягов Сторожевого полка наклонился вперед, и стройные ряды стоявших перед ними всадников рванулись в атаку, с радостным гиканьем рассыпаясь по полю.

Началось...

Выдвинувшиеся было вперед отряды Сторожевого полка опять отступали. Видно, Мамай бросил в бой еще пару тысяч бойцов.

«Удалось, – облегченно вздохнул Дмитрий Иванович. –

Во-лынец верно говорил – главное, их в бой втянуть. А теперь уж завертим, завертим, да на главные-то силы и выведем».

Князь нетерпеливо повел плечами.

– Ну все, Иван, – раздалось справа от него. Это глава первого стяга Передового полка, князь Федор Романович Белозерский обращался к своему юному сыну. – Наша очередь настает. Сейчас я велю, знаменосец качнет стяг вперед, и мы двинемся в бой. Помни, о чем я говорил, сынок. Не подставляйся. И держись все время со мной рядом...

Отступающие под натиском татар всадники Сторожевого полка были все ближе. Федор Романович привстал на стременах, напрягшись всем телом и внимательно всматриваясь в приближающуюся к нему конную лаву. Поднял вверх руку и резко опустил ее. Стоявший рядом знаменосец тут же наклонил вперед стяг.

– Хур-ра! – на татарский манер рявкнули воины и, прищорив коней, рванулись вперед.

Дмитрий, пролетев мимо отступающих конников Сторожевого полка, увидел мчащихся за ними следом татар. Один несся прямо на него. Князь поудобнее перехватил копьё, направив его на приближающегося противника. Тот даже не успел сообразить, что произошло. Получив копьём в живот, он кувыркнулся куда-то вбок, и князь тут же потерял его из виду. Копьё вырвалось из рук. Князь потянул из ножен меч. Другой татарин, верхом на рыжей, большеголовой лошадке,

столкнулся с могучей княжеской лошастью и попытался, вытянувшись в седле, уязвить Дмитрия саблей. Но не достал. Татарская кляча отлетела от княжеского коня, как камень от скалы. Дмитрий вынул, наконец, меч и попытался найти взглядом того татарина, что замахивался на него, но тщетно – того уже изрубили верные отроки, мчавшиеся по обе стороны, чуть поодаль от князя.

Плотная на вид линия всадников, преследовавших русский отряд, оказалась на деле рыхлой и редкой. Те немногие татары, которых не опрокинули встречным ударом бойцы белозерского князя, торопливо разворачивали коней.

– Руби! – по-звериному зарычал князь и направил своего коня на ближайшего противника.

Жаркой схватки не вышло. Татары, как один, старались поскорее уйти из-под удара. Они уже бежали! А русские всадники преследовали их, кое-где настигая самых медлительных.

– Назад! – донесся вдруг до Дмитрия знакомый голос. Это кричал князь Федор Романович.

Стяг торопливо замотался из стороны в сторону, и воины стали натягивать поводья.

Вовремя! – Только что нестройной толпой убегавшая татарская конница развернулась и снова кинулась в бой. Среди татарских зипунов и дубленок замелькали кольчуги и пластинчатые латы тяжелых всадников.

Лавина татарской конницы настигла тех русских воинов,

которые не успели развернуться. Лязг мечей, ржание коней, вопли раненых...

«Ну ничего! Сейчас снова повернем! – подумал Дмитрий и зло оглянулся на несущихся следом за ними татар. – Вот тогда-то я повеселюсь!»

И он принялся выбирать среди преследующих его врагов противника, одетого побогаче.

И они повернули. Потом еще раз отступили. И еще раз повернули.

– Иван! Иван, где ты?! – взывал где-то справа зычный голос Федора Романовича.

Но Ивана, наверное, уже не было в живых. Дмитрий видел, как высокий татарин на буланом коне обрушил на голову юному княжичу свою длинную тяжелую саблю. А через пару мгновений этот татарин сам рухнул с коня, заколотый каким-то литвином из стяга Дмитрия Ольгердовича.

Дмитрий Иванович и сам уже дважды врубался в лихую свалку и, раздавая своим мечом налево и направо тяжкие удары, выходил из конной круговерти живым и невредимым.

– Назад! – заорал где-то далеко слева Дмитрий Ольгердович.

– Иван! Иван!!! – это справа не переставал звать, то и дело яростно матерясь, Федор Романович.

Впрочем, все крики тонули в общем шуме битвы и ржании испуганно мечущихся лошадей. Какой-то всадник без шлема, с расплосованной в кровь шей и круглыми от ужа-

са глазами промчался мимо, истошно вопя.

– Назад! – беспорядочно мотались из стороны в сторону стяги. А спереди грохотала копытами новая волна конников готовых влиться в общую свалку татар.

Вот они выскочили – свеженькие, не помятые и не запыленные, не забрызганные вражеской кровью. Дмитрий, наскочив на одного из врагов, самого ближнего, с оттяжкой рубанул его по шлему. И шлем раскололся, как упавший на землю перезревший арбуз. А вместе со шлемом раскололся и верный княжеский меч.

Дмитрий принялся разворачивать коня, пытаясь увернуться от посыпавшихся со всех сторон ударов. Пришпорил лошадь и вырвался из кольца врагов. Помчался вслед отступающим уже русским всадникам. Ближе и ближе к спасительному строю ошестинившейся копьями пехоты. Только после того, как навстречу им выскочила и обрушилась на преследователей хоругвь Андрея Ольгердови-ча, Дмитрий перевел дух. Развернув коня, огляделся. В сотне шагов от него стоял, нетерпеливо ожидая встречи с татарами, пеший строй. Он тянулся необозримо далеко в обе стороны.

Где-то там, за спинами этих пехотинцев, во главе конного отряда, обступившего алый флаг со Спасом, стоял, сверкая золоченым доспехом, Бренок. А еще дальше, за дубравой, ждал своего часа брат Владимир и воевода Боброк-Волынский.

«Они еще не нюхали крови сегодня», – усмехнулся Дмит-

рий и облизнул запекшиеся губы.

– Вперед! В атаку! Хур-ра! – прохрипел слева надтреснутый голос Дмитрия Ольгердовича. Развернув своих чуть передохнувших бойцов и всех, кто кроме них остался еще живым от передовых полков, Дмитрий Ольгердович повел конников на помощь старшему брату. Судя по лязгу и грохоту начавшегося боя, тот, выскочив татарам навстречу, уже сцепился с ними в яростной схватке.

– Вперед! – взвыл Дмитрий Иванович, срывая с пояса шестиперую булаву – единственное оставшееся при нем оружие, кроме разве что засапожного ножа. Конь уже нес его в битву, когда князь заметил, что вокруг него не осталось ни одного из дюжины телохранителей.

«Неужто все полегли? – с ужасом подумалось Дмитрию Ивановичу. И ком тошноты подкатил к горлу. – Да и белозерского князя, Федора Романовича, что-то давно не слышно... И стяг его пропал...».

Но конь уже вынес князя навстречу врагам. Какой-то степняк, натянув лук, целился прямо в него. Не успел. Подлетев на полном скаку, Дмитрий обрушил на врага свой шестопер. Потом еще на одного.

– Ты бы поберег себя, князь! – услышал он вдруг почти над ухом. – Умрешь, кто с Ягайлой поможет мне драться?

Оглянувшись, Дмитрий увидел рядом с собой знакомые доспехи союзника – бывшего полоцкого, а ныне псковского князя Андрея Ольгердовича. Стальной чешуйчатый панцирь

его был уже густо окроплен кровью.

«Я, небось, не лучше выгляжу, – подумал Дмитрий. И новый приступ дурноты подкатил к его горлу. Шестопер выпал из ослабшей вдруг руки и упал бы наземь, если бы не был привешен к кисти на петельке-темляке. Опустив взгляд вниз, вслед за шестопером, Дмитрий обнаружил, что по ноге его стекает, капая на забрызганную траву, струйка крови. – Это я что же, ранен?» – удивился великий князь.

А тем временем над полем боя разнесся вой новых, только что вступивших в битву татарских отрядов. Ужас захлестнул душу Дмитрия. Показалось вдруг, что никогда не будет этим татарским подкреплениям конца. Или нет – еще хуже. Сейчас Мамай бросил в бой все свои силы. Он сомнет теперь не только утомленную долгой борьбой конницу передовых полков, но и пехоту. И тогда все – конец!

По полю во все стороны метались испуганные, оставшиеся без всадников лошади. Русских конников, словно пену, подхваченную неистовой морской волной, несло на пеший строй.

– Назад! Назад уходим! – заорал Андрей Ольгердович. И следом, откуда-то справа, повторил этот приказ его брат – Дмитрий. Закачались из стороны в сторону, подавая сигнал к отступлению, литовские хоругви, и вся конная масса устремила к неподвижно стоящей, ожидая врага, пешей рати.

Дмитрий Иванович ворвался вместе с другими бегущими всадниками в узкий проход, оставленный между пешими ко-

лоннами для отступающей конницы. И страшная мысль пронеслась у него в голове: «Сейчас татары ворвутся за нами следом – и все пропало!»

Князь мчался мимо своей армии. Голова его кружилась и гудела, словно по ней били молотом, как по наковальне, а с ноги его все капала и капала на землю кровь.

– Владимир! Брат!.. Волынец!.. – Дмитрий, верхом взлетев на поросшую лесом возвышенность, поспешил спрыгнуть с коня. Впрочем, он скорее не спрыгнул, а свалился с седла. Князя тут же подхватили чьи-то заботливые руки.

– Ну что, брат? Навоевался? – спросил, то ли проявляя участие, то ли насмехаясь, Владимир. – Нам-то татар хватит? Или всех извел уже?

– Беда! – прохрипел Дмитрий. – Не выдюжат они! Слышишь?! Ступайте в бой. Все! А то не устоять им...

Владимир Андреевич с сомнением посмотрел на князя. Потом на воеводу Боброка Волынского. Тот, окинув поле битвы наметанным взором, покачал головой.

– Не время еще.

– Вперед! Их же всех там сейчас! Нам же тогда не уйти отсюда, братцы! – уже почти шептал князь Дмитрий.

– Перевяжите его, – кивнул на брата Владимир Андреевич. – А то кровь течет. И оглушен небось – вон, бредит уже.

Боброк, скосив на Владимира Андреевича взгляд, чуть заметно одобрительно кивнул. А с московского князя уже снимали доспехи.

Потом его, стонущего, перевязанного, напоят вином и уложат в тени ветвей упавшего дуба. Он уже не увидит, как во время особенно жаркого натиска татар на Большой полк покачнется багряное знамя со Спасом. Кинется выручать его и пропадет в круговерти тел одетый в сияющий золотом княжеский доспех Михайло Бренок. Потом подойдет к Большому полку почти вплотную сверкающая сталью линия крымской пехоты. И Мамай бросит свежие силы на полклевой руки. Русская армия попятится назад, теснимая опьяненным от близости победы врагом.

Куликовская битва. Татары теснят русских воинов. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Засадный полк. Гравюра XVII в.

А Волынец и князь Владимир Андреевич будут стоять, прикрытые тенью дубравы, напряженно вглядываясь в страшную круговерть битвы и судорожно прикидывая – сколько еще войск у Мамаю в резерве? Хватит ли у русской армии сил, чтобы продержаться еще немного, или уже пора?..

И, наконец, переглянувшись, они молча кивнут друг другу. Пора!

И отборная конница московского княжества ударила в тыл и фланг не ожидавшим такого подвоха татарам, чтобы смять любые попытки сопротивления, разбросать уверенным ударом последние резервы Мамаю и сделать бегство татар необратимым.

А вернувшись после преследования к основным силам, Владимир Андреевич и Боброк обнаружили, что по армии бродят слухи о смерти князя. Ведь все видели, как его золоченый доспех канул в гущу тел во время самой яростной схватки. Даже доспех этот нашли. Ив нем – до неузнаваемости обезображенное, изрубленное тело. И тогда Боброк бросился искать то место в дубраве, где они оставили Дмитрия Ивановича. Верные бояре нашли князя-израненного, перевязанного и спящего в тени поваленного дуба. Позже Дмитрий Донской вспомнил, что обещал Михайло Брен-ку бояр-

ство, если тот будет доблестно биться. И сыновья Михаила стали боярами, положив начало родам Брянчаниновых и Челищевых.

ЧТО ЗА СЕЧА БЫЛА – О ТАКОЙ НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ...

У тех, кто посмотрит на схему расположения русских полков перед боем, может возникнуть ощущение, что Сторожевой и Передовой полки были просто отправлены на убой, навстречу превосходящим силам противника. Но это не так.

Если бы русская армия просто выстроилась в одну линию, ожидая атаки монгольской конницы, то ее наверняка не последовало бы. Ордынцы, подскочив на выстрел из лука своими передовыми отрядами, принялись бы осыпать плотный строй русских стрелами. Стрелковый бой монголы могли вести часами, и в нем они имели бы преимущество перед русской армией. Такой обстрел наверняка спровоцировал бы атаку основных русских сил, а сойдя со своих оборонительных позиций, они сделались бы гораздо менее устойчивы к ответной атаке монголов. Русской пехоте было более выгодно сражаться не сходя с места. Любое резкое движение вперед или назад грозило ополченцам (которых в русском войске было большинство) разрушением строя.

Другой вариант действий – часами стоять, находясь под обстрелом монгольских лучников и в любой момент ожидать атаки с их стороны, тоже был губителен для русской армии. Такое ожидание могло утомить бойцов и подорвать моральный дух русской армии.

Русские воеводы решили, завязав бой, выманить конницу татар на готовую к бою, выстроенную двухкилометровым фронтом, ошестинившуюся копьями пехоту. Именно ради этого Передовой и Сторожевой полки были выдвинуты вперед. Они состояли исключительно из кавалерии, достаточно маневренной, чтобы противостоять татарской коннице. Если не все, то значительная часть русских всадников из передовых полков были конными лучниками.

«Когда пришел срок, прежде всех начали сходиться сторожевые полки русские и татарские. Сам же великий князь ринулся сначала в сторожевых полках на поганого царя Теляка, дьявола во плоти, прозываемого Мамаем; после этого, немного погодя, вернулся князь в главный полк», – пишет летописец в пространной Повести о Куликовской битве.

*Оружие из музея «Куликово поле».
Современная реконструкция*

«И бились они так с шестого часа до девятого, как дождь

из тучи, лилась кровь тех и других – русских сынов и поганых; бесчисленное множество пало убитыми с той и другой стороны: много русских побито татарами, а русскими – татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело христианское... И было видно, как в одном месте русский за татаринoм гонится, в другом – татарин русского настигает. Смешалось все и перепуталось, ибо каждый стремился своего противника одолеть».

С редкой документальностью бой в Куликовской битве описал немецкий историк конца XV века А. Кранц. Имея в виду русских и их противников, он сообщал, что «и тот и другой народ не сражается стоя в позиции) крупными отрядами, а, набегая этими отрядами, по обыкновению бросает метательные орудия, поражает копьями и мечами), а затем отступает назад»

Бой, видимо, начался стандартно для столкновения степных армий – с перестрелки авангардных отрядов и отдельных богатырских поединков. Для русской армии это были передовые отряды конного Сторожевого полка. Раз начавшись, битва уже не прекращалась. Одна из сторон скорее всего, не выдержав стрельбы противника или просто истощив свой запас стрел, бросилась в атаку. И с этого момента перестрелка конных лучников стала перемежаться с рукопашным кавалерийским боем.

Целью двух, выдвинутых последовательно вперед русских полков было – завязать бой и вовлечь в него как можно боль-

ше татарской кавалерии. Русские всадники под натиском татар неоднократно отступали, затем, получив из глубины расположения очередное подкрепление, снова устремлялись в атаку. Мамай бросал в новые отряды, и после очередной перестрелки и рукопашной схватки татары снова теснили русскую кавалерию. Так продолжалось до тех пор, пока русские кавалеристы не откатились к линии, на которой удара ждали Большой полк и полки Правой илевой руки.

Три главных полка состояли большей частью из пехоты, построенной крупными колоннами. Между этими колоннами были оставлены достаточно просторные промежутки для движения конницы. Защищенная щитами, вооруженная копьями, пехота была наиболее сильна в обороне. Отступая перед очередным натиском татарской конницы, русские кавалеристы из передовых полков промчались сквозь оставленные для них проходы, а преследующая их широким фронтом татарская кавалерия со всего маху натолкнулась на поджидующую ее пехоту.

УРЕПАЕДПДОУНАГОАІІДА

Поединок Пересвета и Темир-Мурзы. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Вряд ли собранная из разных городов Руси ополченческая пехота, сумела бы сомкнуться в единую линию перед лицом атакующих ее татар. На такие внезапные перестроения способна не всякая тренированная армия. А для многих из ополченцев это был первый бой. Скорее всего, на протяжении всей битвы русские пехотные отряды так и стояли неподвижно, служа своего рода молотом, об который раз за разом разбивались волны татарской кавалерии. И после каждой татарской атаки, не давая кочевникам обойти пеший строй с флангов и с тыла, на них вновь обрушивалась, выскакивая из оставленных между пешими колоннами проходов, русская конница.

Мамай, узнав о том, что его кавалерия вынуждена атаковать вооруженную копьями русскую пехоту, приказал двинуть вперед своих союзников – крымских армян и генуэзцев.

Вряд ли имело место столкновение двух пеших строев в рукопашной схватке. Скорее, крымская пехота подошла к линии русских войск на дистанцию арбалетного выстрела и принялась осыпать противника снарядами, прикрываясь, в свою очередь, щитами от летящих в ответ стрел.

А ордынская конница теперь могла использовать крымскую пехоту, как прикрытие от очередной контратаки рус-

ских конников.

Впрочем, места для широкого маневра на Куликовом поле было мало. Бой велся со все большим напряжением, и к тому моменту, когда в него с обеих сторон вступила большая часть сил, на месте битвы была уже откровенная давка. Там, где татарам удавалось проломить строй пешей колонны, эта колонна практически полностью уничтожалась. В некоторых местах атаки и контратаки сменились непрерывным встречным боем, потому что из-за многолюдства отступить было уже просто некуда.

В такой обстановке, подкрепляемые новыми и новыми резервами, татары сумели оттеснить русский полк левой руки назад и практически разгромить его, отрезав, таким образом, русских от переправ и бродов. Момент был критический. Русская армия могла быть опрокинута в Дон и Непрядву и полностью уничтожена.

Но у русских воевод еще был в запасе Засадный полк – целиком конный, состоящий из отборных частей, руководимый знаменитыми воеводами – Боброком Волынским и князем Владимиром Андреевичем. И этот полк, выйдя из-за прикрывавшей его дубравы, нанес удар по врагу в самый неожиданный для того момент.

Куликовская битва. Русские войска побеждают татар. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Началось паническое бегство татар. Мамай, видимо, имел еще кое-какие силы в резерве, но их не хватило, чтобы остановить начавшееся отступление и переломить напор атакующей конницы Засадного полка. Вскоре бегство стало повсеместным. Русские воины из засадного полка преследовали татар на свежих, еще не утомленных битвой конях, и рубили их в огромном количестве. Крымская пехота Мамаева, лишившись кавалерийского прикрытия, видимо, была полностью перебита или сдавалась в плен.

Обычная статистика сражений говорит о том, что потери во время собственно боя составляют около 10% от общих потерь. Остальные проигравшие гибнут при бегстве – тонут в реках, погибают от давки или же добиваются преследующими их победителями. А сами победители теряют обычно убитыми не более 10% от своей численности.

Но, судя по летописным данным, русская армия, несмотря на свою победу, потеряла убитыми до 50% личного состава. Общая численность сражавшихся и погибших в летописях сильно преувеличена. Но само соотношение величин – то, что погибла едва ли не половина пришедшей на Куликово поле русской армии, не подлежит сомнению. А татарская армия в результате боя и преследования была, видимо, по-

чти полностью истреблена. Такие огромные потери в армии победителей говорят о небывалой жесточести боя.

Поистине это была ужасная битва. Еще одним доказательством ее небывалой жесточести является дошедший до нас огромный список погибших в битве. В нем перечисляются около 20 князей и около 500 бояр (см. Приложение 7 – Задонщина).

ЭТА БИТВА НА РАДОСТЬ ВОРОНАМ, НА СЧАСТЬЕ ВРАГАМ

После битвы князь Ягайло, узнав о поражении Мамаю, повернул армию и «побежал назад с великою скоростью, никем же не гоним». Чем можно объяснить такую поспешность?

Ягайло и Олег Иванович ждали, кто победит в битве. Им равно не нужна была победа ни Дмитрия Ивановича, ни Мамаю. Добить ослабевшее войско победителя – не такова ли была цель литовского и рязанского князей? Но в Литве после смерти Ольгерда шло противостояние Ягайло и его дяди – Кейстута.

Видимо, ожидая, пока схватятся между собой Дмитрий и Мамай, Ягайло уже получал тревожные известия из Литвы. Полный разгром Мамаю и огромные потери Москвы – такой результат сражения позволил ему облегченно вздохнуть. Именно Ягайло оказался победителем в Куликовской битве, не потеряв ни одного солдата. Узнав о результатах битвы, он немедленно и спешно двигает свою армию на север – в Литву. Кейстут для него теперь опасней, чем Дмитрий, обескровленный тяжелой победой.

Похороны после Куликовской битвы. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Армия Дмитрия Ивановича занималась похоронами шесть дней – все время, пока войско, находясь на поле битвы, «стояло на костях». Дмитрий Иванович оставил армию и с небольшим количеством приближенных бояр уехал в Москву.

Отягощенная добычей и обозами с ранеными, поредевшая русская армия отправилась домой. Путь этот не был легким. Никоновская летопись повествует о событиях после битвы так: «Поведали же великому князю Дмитрию Ивановичу, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переметал, а кто поехал домой с Донского побоища сквозь его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тех велел имати и грабить и нагих пущать. Великий же князь Дмитрий Иванович хотел против князя Олега послать свою рать; но тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и поведали, что князь Олег оставил свою землю Рязанскую, а сам убежал, и со княгинеею, и с детьми, и с боярами, и молили его много о том, чтобы на них рати не послал, а сами ему били челом в ряд, и урядились у него. Великий же князь Дмитрий Иванович послушал их, принял челобитье их, рати на них не послал, а на Рязанском княжении посадил наместников своих».

Далее в той же летописи по этому поводу говорится, что Олег «пришел на рубеж Литовский и тут став и сказал боярам своим: «Я хочу здесь ждать вести, как князь великий пройдет мою землю и придет в свою отчину, и я тогда возвращусь восвояси».

Итак, что же произошло? Почему Олег Иванович, не мешавший до этого войскам Дмитрия и всячески помогавший ему против Мамаю, нападает вдруг на московские обозы и отнимает полон у москвичей? Возможно, между Олегом и Дмитрием существовала какая-то договоренность о совместных действиях против Мамаю. И выполнив со своей стороны условия договоренности, князь Олег рассчитывал на часть военной добычи. Но Дмитрий Московский делиться не захотел – ведь непосредственно на Куликовом поле Олег не сражался. Отказав Олегу Рязанскому в его требованиях, Дмитрий Иванович спешно уезжает в Москву. Он стремится появиться в городе сразу следом за вестью о великой победе, до того, как Москва узнает об огромных потерях. И поэтому брошены на произвол судьбы идущие с Куликова поля войска и обозы. И брошен, как докучливый проситель, взывающий к справедливости Олег.

А Олегу тоже надо было кормить своих дружинников и восстанавливать в очередной раз разоренное княжество. И он приказал грабить идущие по его земле московские обозы и отнимать у них взятый на Куликовом поле полон – то есть добычу и пленных.

Косвенно факт грабежа московской армии подтверждается и известиями немецких хроник конца XIV – начала XV века, в которых говорится, что после Куликовской битвы литовцы нападали на русских и отнимали у них всю добычу. Учитывая, что для немецких хронистов не существовало четкого разделения Руси и Литвы, под именем «литовцы» они могли иметь в виду как войско Ягайло, так и войско Олега Ивановича Рязанского.

Обращает на себя внимание туманный момент с наместниками. Неизвестно, ни кто они были, ни куда делись после возвращения Олега в свою отчину. Спрашивается, а были ли они вообще? Или московский князь просто пообещал отправить на Рязань наместников, дабы успокоить своих ограбленных людей? Дескать, Рязань уже покаялась и примерно наказана. Ведь реально послать рать на Олега Ивановича Дмитрий Московский в то время не мог. Его войско было сильно ослаблено. Победа, доставшаяся такой страшной ценой, едва ли была в радость. И посылать морально угнетенное войско еще на одну войну Дмитрий не мог. Собственно, мифическими «наместниками» московского князя на Рязани могли быть и сами рязанские бояре, с удовольствием вернувшие престол Олегу Ивановичу.

При Олеге рязанское боярство окрепло и усилилось. Источники говорят о таких боярах, как Епифан Кореев, Станислав, Иван Мирославич мурза Солохмир), Сафоний Алтыкулаевич, окольниковый Юрий, стольники Глеб Васильевич и

Александр Глебович Лонгвин, ключник Лукьян и др. Некоторые из них владели огромными землями. Возможно, кто-то из этих бояр вел переговоры с Дмитрием Московским, причем в их интересах было решить дело на пользу Олегу Ивановичу.

Существует предание о возникновении Дмитриевского монастыря в Рязанской области: «Дмитрий Иванович прошедши сорок пять верст от поля Куликова, расположил войска на равнине, по правому берегу реки Верды, около Дмитриевской горы, а свой шатер поставил на самой горе. Здесь он праздновал победу и делал некоторые приготовления на случай неприязненных действий со стороны Олега Рязанского. На ту пору явились к нему рязанские бояре с выражением радостных чувств о победе над общим врагом и принесли ему хлеб-соль. Дмитрий Донской очень обрадован был, что устроилось междуусобие с рязанцами, принес благодарность Богу и приказал устроить на этой горе монастырь и церковь во имя своего ангела – Дмитрия Солунского». Подобное предание существует и о возникновении Скопинского Свято-Духова монастыря.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Куликовская битва оставила неизгладимый след в памяти народа. Сохранилось множество песен и преданий о побоище на Дону. Возможно, что и «Задонщина» – это письменная обработка «песней славы и гусельных словес» сказителей XV века. По мнению ряда историков, первоначальную основу «Повести о Мамаевом побоище» также составили предания и «гусельные словеса» народных сказителей.

Герои Куликовской битвы в песнях и преданиях описываются так же, как легендарные былинные богатыри:

*Иступишися полки, крепко бьющися,
Щепляются щиты богатырские,
Ломаются рогатины булатные,
Льется кровь богатырская
Поседельцам покованым,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шеломя злаченые
Добрым коням под копыта,
Валяются головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю.*

В Тульской области до сих пор бытует предание, рисующее князя Дмитрия Ивановича как эпического героя. Око-

ло деревни Свиридово существует группа родников «Двенадцать ключей». По преданию, русское войско, идя на битву с Мамаем, остановилось у деревни Свири-дово, чтобы утолить жажду. Однако здесь из-под огромного камня бил всего один родник, который не мог напоить всех. Легенда гласила, что если кто-либо сможет отвалить камень в сторону, то забьют еще одиннадцать родников. Многие русские воины пытались совершить это деяние, но все было впустую. Тогда великий князь Дмитрий Иванович сошел с коня и легким касанием руки отвалил огромный валун. Сразу же забило еще одиннадцать родников, и русские воины смогли утолить жажду.

Московские князя Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич после битвы получили в народе прозвища. Отныне их величали Дмитрием Донским и Владимиром Хоробрым.

Кольчуга, найденная на Куликовом поле

С уважением относясь к народным преданиям и позднейшим летописным свидетельствам, следует, однако, подвергать их критическому анализу. Так, и в «Повести о Мамаевом побоище» и в «Задонщине» можно найти ряд вопиющих несоответствий исторической действительности. Поэтому необходимо постоянно сопоставлять эти источники с летописными и археологическими свидетельствами.

Так, в «Задонщине» говорится, что на поле сражения полегло «семьдесят бояр рязанских». Даже если допустить, что в Рязани конца XIV века было семьдесят бояр, сомнительно, что Олег Рязанский отпустил всех своих сподвижников на битву, в которой сам не собирался участвовать.

Еще более недостоверным представляется утверждение, что на Куликовом поле погибли «тридцать новгородских посадников». Если проанализировать «Список посадников новгородских» из Новгородской I летописи XV века, то мы увидим, что от посадника Михаила Павловича Михайло Павшенича – стал посадником в 1309 году, погиб в 1314 году) до посадника Богдана Обакунови-ча стал посадником в 1391 году) в Новгороде всего был двадцать один посадник! Кроме того, даже фольклор сохранил песню о том, как новгородцы «не успели» на Куликово поле:

*В великом Нове-городе
Стоят мужи новгородские
У святой Софии на площади,
Бьют вече великое,
Говорят мужи таково слово:
«Уже нам не поспеть на пособь
К великому князю Димитрию.
Он Оку-реку перевозится,
Тако нам к нему не ехати,
А ему будет непособь,
Ино будет Новым-градом не отсадиться».*
*Борзо мужи наряжались,
Отпущали тринадцать посадников,
С ними силы тринадцать тысячей,
А все люди нарядные,
Панцыри, доспехи давали с города:
«Пойдите с одного на безбожного».*
*И пришла сила новгородская
К великому князю Димитрию,
Рад был князь Димитрий Иванович:
«И сполать вам, мужи новгородские,
Что меня есте не оставили».*

Возможно, именно эти тринадцать посадников, которые не успели на битву, превратились затем в тридцать посадников, которые погибли на Куликовом поле.

Явно преувеличенные списки погибших в «Задонщине» составлялись, видимо, в XV веке или позже, с целью под-

черкнуть значимость Куликовской битвы и единство всех русских земель под рукой московского великого князя. Для современников же это сражение было великой трагедией. Песни о Куликовской битве – это плач о погибших и восхваление павших героев.

С политической же точки зрения эта битва ничем не выделялась среди других крупных сражений своей эпохи, так о ней и пишут летописцы того времени. Даже московские летописи подчеркивают кровопролитность битвы, но не пишут о ней, как об освободительной борьбе против татар. Сразу же после победы над «беззаконным» царем русские князья отправляют послов законному царю Орды – Тохтамышу.

ЭХО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Вскоре после Куликовской битвы, приблизительно за четыре дня до праздника Преображения, то есть до 6 августа 1381 года, было подписано dokonчание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем. Текст этой грамоты заслуживает подробного анализа.

Шлем, найденный на Куликовом поле

«По благословенью отца нашего Киприана, митрополита всея Руси, на сем, брат старший, князь великий Дмитрий Иванович, и брат твой князь Владимир Андреевич, целуйте ко мне крест, к своему брату к младшему, ко князю к вели-

кому к Олегу Ивановичу.

Имети тебе меня себе братом младшим. А брату твоему име-ти меня себе, князю Владимиру, братом. А добра вы мне хотети во всем, в Орде и на Руси, от чистого сердца. А что вы услышите обо мне доброго или худого от христианина или от поганина, то вы мне поведайте в правду, без примышленья...»

То есть Олег Иванович в этой грамоте признает Дмитрия Ивановича (великого Московского и Владимирского князя) «старшим братом», а Владимира Андреевича своей ровней. Требуемое Олегом крестоцелование – это клятвенное подтверждение того, что Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич признают его рязанским князем и находятся с ним в добрососедских отношениях. Московские князья подписали это dokonчание, хотя незадолго до этого Дмитрий Иванович вроде бы посылал на Рязань своих наместников. Значит, наместники эти не удержались, а вести с Рязанью войну Москва сейчас была не в силах.

«А вотчины вам мои блюсти, а не обидети. А мне ваши вотчины блюсти, а не обидети, Москвы, и Коломны, и всех Московских волостей, Коломенских, что сю потягло к Москве и к Коломне, и по реку по Оку, и всего великого княженья под вами мне блюсти, а не обидети.

А между нас раздел земли по реке по Оке, от Коломны вверх по Оке, на Московской стороне, почен Новый городок, Лужа, Верею, Боровеск, и иные места Рязанские, которые ни

будут на той стороне, то к Москве, а на низ по Оке, по реку по Цну вверх по Цне, что на Московской стороне Цны, то к Москве, а что на Рязанской стороне, а то к Рязани.

А Владимирское порубежье по тому, как то было при вашем деде, при великом князе при Иване Даниловиче, и при вашем дяде, при великом князе при Семене, и при твоём отце, при великом князе при Иване.

А что на Рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, почен Лопастна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродеич с местами, как ся отступили князи то-русские Федору Святославичю, те места к Рязани».

Таким образом, в договоре производится территориальное размежевание между Рязанью и Московским княжеством. Причем Рязань сохраняет за собой Лопастну и ряд других спорных городов на северном берегу Оки, между Окой и Цной.

«А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Таидуле, и коли ее баскаки ведали, в то все князю великому Олегу не вступати, и князю великому Дмитрию».

То есть на Тулу (прежде бывшую местом Дмитрия Ивановича) никто из князей, подписавших договор, отныне не претендует и она остается в ведении татарских баскаков!

«А что места Талфица, Выползов, Такасов, те места князю великому Дмитрию, князь великий Олег ступился тех мест князю великому Дмитрию Ивановичу (то есть отступился от

тех мест в пользу Дмитрия Ивановича. — *Прим. авт.*).

А что купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олегу не вступатися по тот разъезд.

А что Татарская места отнимал князь великий Дмитрии Иванович за себя от татар до сего до нашего докончанья, те места князю великому Дмитрию. А что князь великий Олег отоимал Татарское от татар дотоле же, а то князю великому Олегу те места».

Таким образом, в докончании документально подтверждено, что земля южнее московских и рязанских владений не была бесхозным «диким полем», и каждое новое местечко отнималось у татар. Причем здесь виден сговор между князьями: «мы признаем захваченные у татар земли собственностью друг друга и не побежим жаловаться друг на друга в Орду, дабы эти земли у нас не отняли».

«А к Литве князю великому Олегу целованье сложить. А будет князь великий Дмитрии Иванович и брат, князь Владимир, с Литвою в любви, тогда и князь великий Олег с Литвою в любви. А будет князь великий Дмитрии и князь Владимир с Литвою не в любви, и князю великому Олегу быть со князем с великим с Дмитрием и со князем с Владимиром на них с одного».

Итак, Олег Иванович был связан с Ягайло не только родственно, но и крестным целованием, которое он должен, по договору, с себя сложить. Впредь князья обязуются вести со-

гласованную политику с Литвой, точнее Олег обязуется следовать, в отношениях с Литвой, политической линии Москвы.

«А с татарами если будет князю великому Дмитрию мир и его брату, князю Владимиру, или данье, тогда и князю великому Олегу мир или данье заодно с князем с великим с Дмитрием. А будет немир князю великому Дмитрию и брату его, князю Владимиру, с татары, князю великому Олегу быть со князем с великим с Дмитрием и с его братом заодно на татар и биться с ними».

Опять согласованная политика по отношению к татарам, в том числе и по поводу выплаты им дани.

«А с русских князей кто князю великому Дмитрию друг и князю Владимиру, то и князю великому Олегу друг. А кто недруг князю великому Дмитрию и князю Владимиру, а то и князю великому Олегу недруг, идти на него заодно».

Таким образом, это договор о согласованной внешней политике, причем решающий голос принадлежит «старшему брату», но это единственное ущемление суверенитета рязанского князя.

«А что князь великий Дмитрий и брат, князь Владимир, бились на Дону с татарами, от того времени что грабеж или что поиманные у князя у великого люди у Дмитрия и у его брата, князя Владимира, тому между нами суд общий, отдать то по исправе (то есть по решению суда. – Прим. авт.)».

Таким образом, Олег Иванович действительно признает

факт ограбления и пленения людей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, возвращавшихся домой после Куликовской битвы. Причем в договоре не предусматривается безусловного возвращения полна. Решение этого вопроса откладывается до общего суда. Олег Иванович (именно он составитель текста докончальной грамоты), видимо, готов был поделиться с Дмитрием выкупом, полученным за захваченных пленников и Мамаевой казной. Причем, выяснение того, кому какая доля причитается, должно было состояться после подписания докончания, на общем суде князей.

Интересно, что вопрос о донском полоне поднимался и позже во всех последующих докончальных грамотах Москвы с Рязанью до середины XV века.

Так, в «Грамоте князя великого Василия Дмитриевича со князем с Федором с Олеговичем рязанским» от 1402 года подробно перечислены все серьезные конфликты Москвы с Рязанью (Скорнищево – 1371 год, Куликовская битва – 1380 год, Коломна – 1385 год), и обе стороны требуют возвращения полна.

Те же самые требования сохраняются и в договоре с Иваном Федоровичем Рязанским от 1447 года, то есть спустя 67 лет после Куликовской битвы! Итак, ни московские, ни рязанские князья никакого полна не возвращали, однако упорно требовали этого друг от друга на протяжении десятилетий.

В то же время знатных полоняников – князей, их род-

ственников, наместников, воевод, бояр выкупали из плена при первой возможности за огромные деньги, о чем сохранилось множество упоминаний.

Все просто. Рядовые полоняники продавались в рабство. Но о возврате денег, полученных с продажи полона, в договорах речи не идет, а людей вернуть просто невозможно – или их уже выкупили родственники, или они проданы в рабство, в дальние страны. Следовательно, все требования возвратить полон – не более чем старания князя «сохранить лицо» перед своими людьми – показать, что судьба любого попавшего в плен подданного князю небезразлична. Впрочем, простой народ и не надеялся на княжескую помощь. Мечта народа о счастливом возвращении родственников из полона отразилась в исторической народной песне «Авдотья Рязаночка» (см. приложение).

«А что нами ни деялось дотолє, как мы целовали крест, тому всему погреб до Спасова преображенья дня за четыре дня. (Кто старое помянет, тому глаз вон! Дата. Подпись. – *Прим. авт.*). А суд общий меж нас от того праздника всему. А о чем судьи наши сопрутся, едут к третейскому судье, кого себе изберут. А судом общим не переводити. А кто станет переводити, правый у того возьмет, а то ему не в измену. Суженого не посужати (приговор общего суда окончательный – обжалованию не подлежит. – *Прим. авт.*). Суженое, положеное отдать. Холопа, рабу, должника, поручителя, татя, разбойника, душегубца выдать по испра-ве (по постанов-

лению суда. – *Прим. авт.*) ...А боярам и слугам меж нами вольным воля».

Здесь оговариваются судебные отношения (совершенно равноправные) между двумя княжествами. Далее в договоре князья-соседи устанавливают общие таможенные пошлины (их перечень весьма велик и пропущен, чтобы не утомлять читателя) и обязуются не нарушать границ между своими княжествами.

«На сем на всем, брат старейший, князь великий Дмитрий Иванович, и брат твой, князь Владимир Андреевич, целуйте ко мне крест, к брату своему младшему, ко князю к великому к Олегу Ивановичу, по любви, в правду, без хитрости».

«Любовь и согласие» в отношениях Олега Ивановича и Дмитрия Ивановича просуществовали недолго – до похода хана Тох-тамыша на Москву в 1382 году.

С купцами-сурожанами, финансировавшими поход русских войск на Куликово поле, Дмитрий Донской расплатился, даровав им большие привилегии. Известно, что в конце XIV века в Москве сформировалась корпорация богатых сурожан, получавших крупную прибыль от торговли с Золотой Ордой, Византией, странами Средиземноморья, а также Востока. Они пользовались привилегиями и приближались по общественному положению к боярству.

КИПРИАН В МОСКВЕ

На битву с Мамаем князь шел «хотя оборонить свою отчину, и за святые церкви и за правоверную веру христианскую, и за всю Русскую землю». То есть он выполнял программу патриарха Филофея и митрополита Киприана, которая оказалась единственным спасением от нашествия Мамаея на Русь. Подтверждением этому может служить и то, что «после возвращения с Куликова поля Дмитрий Донской «милостыню многу в монастырь Троицкий. – *Прим. авт.*) дал».

В феврале 1381 года «пришла весть князю великому, что «Ми-тяй твой умер, а Пимен стал в митрополиты». Князь великий не восхотел Пимена принять: «Не посылал Пимена в митрополиты, но послал его как одного из служащих Митяю. Что же ими сотворено было, о них же я слышу такое?!» И прежде даже не пошел Пимен из Царьграда на Русь, но пока еще был в Царьграде в то время и медлил, тогда князь великий захотел принять Киприана митрополита, бывшего в Киеве в те дни, и послал за ним игумена Феодора Симоновского, отца своего духовного в Киев, зовя его к себе на Москву. А отпустил за ним о великом заговении (то есть, 25 февраля 1381 года. – *Прим. авт.*)».

Киприан не торопился в Москву. Он решил обставить свой приезд как можно более торжественно, совместив свое возвращение с самым великим христианским праздником.

Киприан торжественно въехал в Москву на Пасху, 23 мая 1381 года, «в самый праздник Вознесения Господня».

Позиция Киприана в первый год его пребывания на московской митрополии видна из его «Ответов» игумену серпуховского Высотского монастыря Афанасию. В этих ответах ясно видно стремление митрополита к упорядочению церковной жизни. Он добивался строгого разграничения функций белого и черного духовенства, соблюдения церковной иерархии, укрепления монастырской дисциплины: «В монастыре же, в мужеском или женском никак же не годится мирское делать, и вспоминать мирские дела».

Митрополит регламентировал финансовую деятельность монастырей и приходов, пресекая воровство и злоупотребления. Он вел борьбу с мирскими грехами священнослужителей – пьянством, обжорством, стремлением к личному обогащению: «пагуба чернецам селами владеть и там частая происхождения творити». Киприан допускал церковное землевладение, смиряясь с ним как со свершившимся фактом, но, понимая, что управление имуществом и власть над людьми отвлекают от духовной деятельности и развращают, требовал, чтобы монастыри управляли своими селами только через посредника-мирянина.

Кроме того, Киприан стремился привести в соответствие с канонами взаимоотношения церковнослужителей с мирянами. Для этого он написал подробные инструкции и разъяснения по поводу спорных моментов в исполнении церковных

тайнств и служб.

В том числе он пытался достичь такого порядка, при котором каждый мирянин имеет постоянного исповедника, а не переходит от одного духовника к другому. Заметим, что последним Киприан стремился закрепить в том числе положение при великом князе духовника Феодора Симоновского, своего сторонника.

В декабре 1381 года из Константинополя возвратился Пимен. По приказу Дмитрия в Коломне его схватили и отправили в ссылку в Чухлому. Все спутники Пимена понесли наказание – от ссылки до смертной казни. Видимо, Дмитрий Иванович подозревал, что Митяя погубили намеренно, к примеру, отравили. Своих бояр князь казнил не только за самоуправство, но и за убийство.

Сергий и его сподвижники стремились сблизить Киприана с московским княжеским домом. Влияние Сергия в Серпухове было очень велико. Князь Владимир Андреевич привлекал Сергия Радонежского. Кроме того, во главе личного княжеского «богомолья» – Высотского монастыря – стоял энергичный помощник Сергия, ставший доверенным лицом Киприана, игумен Афанасий. Так что вскоре по прибытии, Киприан вместе с Сергием крестил сына у князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Однако у Киприана были слишком широкомасштабные для московского князя планы и стойкое неприятие к методам, которыми привык действовать Дмитрий Иванович.

Призвание Кип-риана было для Дмитрия Донского лишь вынужденной мерой, вызванной политической необходимостью. Одержав победу на Куликовом поле, московский князь больше не видел необходимости сдерживать свои амбиции. Он хотел править самовластно, не считаясь с мнением своих подданных и митрополита. Похоже, что после смерти Алексия в Московском княжестве не осталось человека, способного смирить характер Дмитрия Ивановича.

После смерти Василия Вельяминова великий князь Дмитрий Иванович не назначил никого тысяцким на Москву, видимо, решив совсем уничтожить эту должность.

Усиление княжеской власти вызвало недовольство москвичей. В Москве в 1382 году складывается заговор с целью свержения Дмитрия Донского.

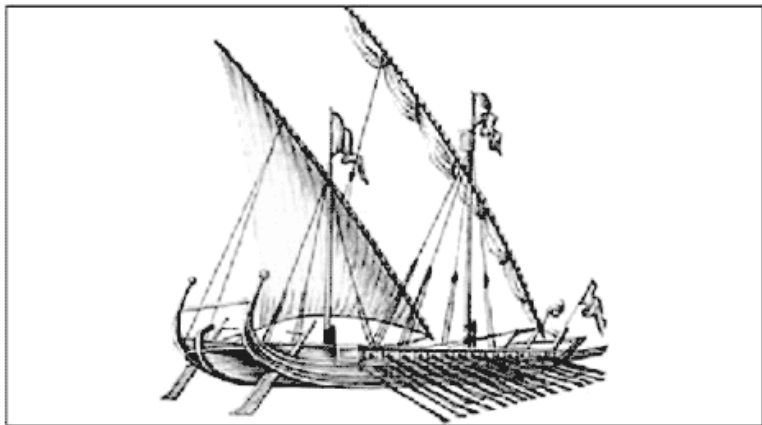
А В ВИЗАНТИИ ОПЯТЬ ВОЙНА!

Во внутренние дела Византии в то время активно вмешивались итальянские города-республики. Династические распри из-за престола в Константинополе переплелись с борьбой Венеции и Генуи за господство в Средиземноморье. Борьба между итальянскими торговыми городами шла за остров Тенедос – важный стратегический и торговый пункт, расположенный при входе в пролив Дарданеллы. Император Иоанн V держал сторону Венеции. Андроник IV помогал своим союзникам-генуэзцам.

В 1379 году началась одна из самых кровопролитных войн между Венецией и Генуей. 29 сентября 1379 года, на виду у всего Константинополя состоялось морское сражение между венецианцами и генуэзцами. В период кратковременного правления Андроника IV Тенедос перешел в руки генуэзцев, но укрепившиеся на острове венецианцы оказали им упорное сопротивление. Ареной войны между Венецией и Генуей стали просторы Эгейского моря, а затем и прибрежные воды самой Италии. В этом же 1379 году генуэзский флот разгромил венецианцев при Пуле, в Адриатическом море. Одержав победу, генуэзский флот двинулся на Венецию.

В 1380 году генуэзцы захватили портовый город Кьоджи, находящийся всего в нескольких километрах от Венеции, и поместили туда крупный гарнизон и флот. Венецианцы уже

не могли чувствовать себя в безопасности даже в собственном городе. Они начали осаду Кьоджи, чтобы выжить оттуда генуэзцев. 24 июня 1380 года генуэзский гарнизон Кьоджи капитулировал. Венеции сдались 19 галер и 40 000 генуэзских солдат и матросов.

Боевой корабль-дромон. Активно применялся в морских сражениях Средневековья до XV в.

В то же время не прекращалась война в Эгейском море и на Босфоре. Венецианцы вместе с Иоанном V неоднократно предпринимали атаки Галаты вплоть до весны 1381 года, когда между враждующими итальянскими городами был заключен мир.

Результаты кровопролитной войны между Генуей и Венецией оказались плачевными для обеих республик: они были настолько ослаблены, что должны были склонить головы перед турками и заключить с султаном Мурадом союзные договоры.

После восстановления Иоанна V на византийском престоле империя фактически распалась на мало связанные между собой уделы. В Константинополе правил сам император, ряд городов находились под властью Андроника IV и его сына. Султан Мурад, боясь полного примирения царственных родственников, неожиданно перенес свои милости на Андроника и заставил признать законными наследниками престола его, а не второго сына императора – Мануила. Отношения внутри правящей династии вновь обострились. Мануил должен был вернуться к управлению одной Фессалоникой. Морея же в 1382 году перешла в руки умного и талантливоего деспота Феодора, третьего сына императора.

Вражда Андроника IV с отцом не прекращалась, и поднять новое восстание Андронику помешала только его смерть в 1385 году. Мануил стал единственным законным наследником престола.

Ни сократившаяся до ничтожных размеров Византия, ни временно ослабленные войнами итальянские республики не могли организовать сопротивления туркам. Мурад начал новое наступление на Балканском полуострове, действуя одновременно против Сербии и Болгарии. В 1383 году турецкие

войска приступом овладели Серрами, в 1385 году – Софией, а в следующем году настала очередь Ниша. Славянские государства тем самым были отрезаны друг от друга, и оба народа изолированы. Однако еще в течение трех лет Сербия и Болгария вели кровопролитные войны с турками, не раз нанося завоевателям чувствительные удары.

ЗАГОВОР ПО-РУССКИ

*Быть было ненастью, да дождь помешал.
Народная мудрость*

ПРИЧИНЫ ЗАГОВОРА

Хан Тохтамыш покорил Мамаеву Орду очень быстро. Похоже, что татарские ханы и князья подчинялись ему без боя. «Хан же Тохтамыш взял орду Мамаеву, жен, казну, улусы и богатство его, злато и серебро, и жемчуг, и камни много зело, раздая дружине своей».

Не сохранилось прямых доказательств того, что между московским князем и Тохтамышем существовала предварительная договоренность о совместных действиях против Мамаева. Но объективно в борьбе с Мамаевым Дмитрий Иванович и Тохтамыш действовали заодно. И обе стороны это прекрасно осознавали. Тохтамыш, сразу после победы на Калке, в 1380 году, посылает на Русь своих послов. В ответ Москва посылает свое посольство уже в Сарай. И, наконец, в 1381 году из Сарая на Русь направляется еще одно пышное посольство из 700 человек.

После победы, одержанной над Мамаевым, Тохтамыш той же осенью отправил своих послов в Русскую землю к велико-

му князю Дмитрию Ивановичу «и ко всем князем русским, поведав им свое пришествие на Волжское ханство и как супротивника своего и их врага Мамаю победил». Русские князья признали власть Тохтамыша, отпустили «с честью и с дарами» его послов, а вслед за ними в ту же зиму и весну послали к хану «своих киличеев со многими дарами». Раньше всех отправил свое посольство в Орду великий князь московский – «октября в 29 день» – то есть всего через полтора месяца после Куликовской битвы.

Решение по вопросу о взаимоотношениях с ханом Тохтамышем было принято князьями совместно. Разумеется, не все русские князья были довольны прекращением «великой замятни» в Орде. Ведь многие уже привыкли к безвластию и приспособились «ловить золотую рыбку в мутной воде». По свидетельству летописи «ноября 1 все князья русские, сославшися между собою, учиниша между собою и закляшася все друг под другом ничего не искати татарам не клеветати и на Русь не наводити, и если на кого будет беда от татар, всем заедин стоять». Впрочем, соблюдать этот договор, как показали дальнейшие события, никто из князей не собирался.

«Киличеи» московского и других князей вернулись от Тохтамыша «со многою честью и пожалованием от хана... И была радость великая на Руси». Вопрос о признании Москвой верховной власти Тохтамыша был однозначно решен. Однако «печаль осталась о избивенных от Мамаю на Дону князьях и боярах, воеводах и слугах, оскудела бо земля

Русская воеводами. Паче же слышали в Орде, как князья Мамаевы, перешедшие к хану, вельми злобствовали на великого князя и прочих князей за избиение многих их сродственников и приятелей, а князь Олег рязанский, боясь, что князь великий Дмитрий воздвигнет на него хана, начал, упряжая, клеветать на великого князя и всех князей русских... и о сем страх и печаль бысть на всей Русской земле».

То есть не успел хан Тохтамыш утвердиться на престоле в Сарае, как вокруг него начали плести интриги и ордынские и русские князья, стремясь склонить хана на свою сторону и с его помощью свести счеты друг с другом.

Однако в целом на Руси эти первые годы правления Тохтамыша прошли мирно. После поражения Мамаея у хана Золотой Орды и великого князя Дмитрия Ивановича Московского остался один крупный противник – Литва. А именно – проводивший активную экспансию в русских землях великий князь Литовский Ягайло. Литва представляла опасность как для Руси, так и для Орды.

Но не было стабильности и в Московском княжестве. Наиболее воинственные и преданные Дмитрию Ивановичу люди пали на Куликовом поле. Потери москвичей, да и прочих подданных и союзников Москвы в этой битве были огромны. Вряд ли эти потери, в том числе и среди городского ополчения, привели к росту популярности Дмитрия Ивановича среди москвичей, да и среди всех воинов и союзников князя.

По какой-то причине расстраиваются отношения между

Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем Хоробрым. Серпуховской князь не встал на путь военного противостояния Дмитрию Ивановичу. Но врагам московского князя было достаточно и того, что Владимир Хоробрый просто перестал деятельно поддерживать своего двоюродного брата.

В самой Москве ширилось недовольство московских бояр, купцов и простых горожан. Их не устраивает жесткое, единовластное правление Дмитрия Ивановича, упразднение должности московского тысяцкого.

Недовольны политикой Москвы были и купцы-генуэзцы. После поражения Генуи в Кьоджанской войне, после разгрома и свержения в 1380 году их ставленника – Мамаю, генуэзцам, чтобы сохранить свои позиции в борьбе с венецианскими и русскими конкурентами, как воздух был необходим новый успех, доходы и новые рынки для торговли. Вспомним, что Дмитрий Донской даровал московским купцам-сурожанам существенные привилегии. И они оказались теперь на Руси в более выигрышном положении, чем сами генуэзцы.

Генуэзцы понимали, что при Дмитрие Ивановиче не развернутся им на рынках Московского княжества, и решили применить силу. Они уже не раз поступали так там, где не получалось подействовать на правителей взятками и разумными (с их, генуэзской, точки зрения) доводами. Почти все предыдущие военные компании (кроме 1380 года) заканчивались для них успешно, так почему бы и здесь не решить дело войной?

Сложился заговор с целью свержения Дмитрия Ивановича. Его возглавил Дмитрий Константинович, князь нижегородский. Кроме того, в заговоре участвовала большая часть служащих Москве, но не подчиняющихся лично Владимиру Андреевичу войск. У Дмитрия Константиновича были весьма веские причины не любить московского князя: вряд ли забылась распря за великокняжеский стол. Были у Дмитрия Константиновича Нижегородского и все предпосылки для успеха. Его дочь – Евдокия, жена Дмитрия Ивановича Московского. Его внук, Василий – наиболее вероятный наследник московского престола (правда, окончательно его первенство в правах на наследование московского престола было признано Владимиром Андреевичем Хоробрым лишь в 1388 году, но Дмитрий Константинович Нижегородский, имея поддержку из Орды, мог добиться такого признания и раньше).

Великий князь Нижегородский Дмитрий Константинович

Таким образом, после «случайной» гибели Дмитрия Ивановича, Дмитрий Константинович Нижегородский вполне мог взять в свои руки власть над Москвой и управлять ею от имени малолетнего Василия, по крайней мере пока тот не подрастет и не проявит самостоятельность. К тому же у Дмитрия Константиновича всегда имелась самая оперативная информация, свежие новости. Нижний Новгород – это крупный перевалочный пункт не только для товаров, но и для всевозможных посольств и известий, в том числе из Орды. Обширные связи Дмитрия Константиновича в Орде неоспоримы. Вспомним, что он два раза получал там ярлык на великое княжение. Итак, у Дмитрия Константиновича были и мотивы и возможности для успешного проведения переворота в Москве.

Этот заговор оказался на руку и соседям Москвы. Может быть, в нем участвовал Олег Рязанский, и уж наверняка великий князь Литовский Ягайло. Ягайло уже вступал с Дмитрием в военные столкновения, но решительных успехов не добился. Он отстоял во время московского вторжения свою власть и литовские территории в 1378 – 1379 годах, но ввязываться в драку на Куликовом поле не стал. Дело в том, что в 1380 году позиции Ягайло в Литве пошатнулись – против

него начал активно действовать его дядя – Кейстут. В ноябре 1381 года Кейстут захватил Вильнюс. Ягайло остались его владения в Витебске и Крево. Ягайлу поддерживал Дмитрий Корибут Ольгердович. Дмитрий Иванович, в знак дружбы с новой литовской властью, принял на Москве пролитовского митрополита всея Руси Киприана.

Ягайло отлично понимал, что не сможет вернуть себе власть над Литвой, пока всех его врагов – дядю Кейстута и младших братьев Андрея и Дмитрия поддерживает московский князь Дмитрий Иванович.

В 1381 году Тохтамыш направил на Русь пышное посольство, которое почему-то не дошло до Москвы и застряло в Нижнем Новгороде. А потом вдруг повернуло обратно. То есть либо миссия посольства была выполнена, либо послы сочли, что выполнить ее невозможно.

Скорее всего, нижегородский князь Дмитрий Константинович сумел убедить послов, что хану лучше иметь дело с ним. Или он выступил как посредник между Дмитрием Донским и посольством Тохтамыша.

Итак, Тохтамыш и Дмитрий Константинович (от своего имени и от имени Москвы) договорились о совместных действиях против Ягайло. Вероятно, через Дмитрия Константиновича Нижегородского, при помощи купцов, торгующих на Волге, между ставками Дмитрия Донского и Тохтамыша поддерживалась постоянная связь.

И Москва и Орда, естественно, были в курсе ноябрьского

переворота 1381 года в Литве. Нельзя точно сказать, с какой задержкой, в пару недель или в пару месяцев, но Тохтамыш узнал, что Ягайло свергнут, но не сломлен, и что в Литве снова готова разгореться гражданская война.

Дальнейшие события изложены в древнерусской «Повести о нашествии Тохтамыша». Рассмотрим подробно этот первоисточник, отмечая доказательства нашей теории.

«ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША»

«И того лета царь Тахтамыш послал слуг своих в град, нарицаемый Булгары, еже есть на Волге, и повелел торговцев русских и гостей христианских грабить, а суда их с товаром отнимать и проводить к себе на перевоз».

Итак, поход готовился заранее. В Булгаре люди Тохтамыша заблаговременно добывали речной флот для организации переправы через Волгу. Соответственно, маршрут движения войск Тох-тамыша проходил из заволжских владений хана до слияния Волги с Камой. Далее – «на сию сторону Волги» и оттуда – на Русь. Заметим, что ближайшие к месту переправы русские земли – это Нижний Новгород, владение князя Дмитрия Константиновича, тестя московского князя Дмитрия Донского.

«А сам потщася яростию, собрав воинов многих, двинулся к Волге, со всею силою своею перевезся на эту сторону Волги, со всеми своими князьями, с безбожными воинами, с татарскими полками, и пошел изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь. Вел же рать внезапно, тайным умением и разбойничьим злохитрием – не давая вести вперед себя, да не услышано будет на Руси устремление его».

Обращает на себя внимание состав Тохтамышева войска:

«безбожные вои» – это, видимо, язычники, «татарские полки» – мусульмане, а «со всеми своими князьями» – означает: со своим основным войском – феодальным ополчением.

Особо стоит отметить термин «изгоном», то есть очень быстро. Татары двигались одвуконь, а то и с большим количеством коней на человека и с минимальными остановками. При таком способе передвижения конная рать движется с такой же скоростью, с какой и гонцы, которые могли бы предупредить о движении этой рати.

Передвижение изгоном исключает любое пешее воинство, а также присутствие каких-либо немобильных частей. Не может идти речи и о судах, некоем флотском компоненте похода. Своего флота у Тохтамыша не было, иначе не стал бы он конфисковывать суда у купцов (это же потеря времени, утечка информации, да и вообще, купцов распугивать не выгодно – они налоги платят).

Итак, у Тохтамыша только мобильное конное войско.

«И то услышав, князь Дмитрий Константинович Суздальский (он же нижегородский. – *Прим. авт.*) послал к царю Тохтамышу двух сынов своих, Василия да Семена. Они же, придя, не нашли его, так как он шел быстро на христиан, и гнались вслед за ним несколько дней, и переяли дорогу его на месте, нарицае-мом Сернач, и пошли по дороге его с тщанием, и настигли его близ пределов Рязанской земли».

Следует обратить внимание на тщетность усилий Тохтамыша добиться скрытности и внезапности своего похода.

Первым о его походе узнает Дмитрий Константинович. Он шлет своих сыновей навстречу Тохтамышу, дабы перехватить его на подходе к Руси. Странно было бы слать своих детей навстречу нападающему на тебя неприятелю. Ведь враг может их убить или взять в заложники. Следовательно, Дмитрий Константинович не считал хана Тох-тамыша своим врагом.

Василий и Семен разминулись с татарами, не сумели их перехватить, но вышли на след армии и догнали ее близ границы с Рязанской землей. Если князя были посланы отцом с единственной целью – умилоствовать Тохтамыша, чтобы тот не нападал на Нижний, то непонятно, зачем братья бросились догонять его воинство. Выходит, целью Василия и Семена было присутствовать в войске Тохтамыша в ходе его действий.

«А князь Олег Рязанский встретил царя Тохтамыша прежде даже, чем тот вошел в землю Рязанскую, и бил ему челом, и был ему помощником на победу Руси, но и спешником на пакость христианам. И иные некие словеса произнес о том, как пленить землю Русскую, как без труда взять каменный град Москву, как победить и издобыть князя Дмитрия (Донского. – *Прим. авт.*). Еще же к тому обвел царя около всей своей отчины, Рязанской земли, ибо хотел добра не нам, но своему княжению помогал», – пишет московский летописец.

Выходит, князь Олег тоже знал о походе Тохтамыша зара-

нее, раз успел выехать ему навстречу. И опять, «выехал навстречу», а не сбежал подальше, бросив Переяславль-Рязанский, не заперся в его стенах, не встал с войском на границах, встречая врага. Русские князья ведут себя с Тохтамышем не как с грозным захватчиком, а как с осерчавшим барином, пытаясь его умиловать, обмануть, оболгать своих политических противников. Да и в самой летописи Тохтамыш именуется не иначе как царь, то есть законный, легитимный повелитель.

Итак, Олег действует на пользу себе и во вред Москве – это естественное его поведение. Но если Тохтамыш пошел в набег на Москву и на всю Русскую землю как на врагов, восставших против владычества Золотой Орды, то непонятно, почему бы ему не рубить и не грабить всех, начав с ближайших к нему Нижнего и Рязани? Однако нет, он обходит стороной рязанские земли и вторгается во владения княжества Московского, напав на Серпухов.

«А в то время немного позже, едва пришла весть князю великому, возвещающая татарскую рать, хотя и не хотел Тохтамыш, дабы кто принес весть на Русь о его приходе, того ради все гости русские пойманы были и пограблены, и удержаны, дабы не было вести на Русь. Но нашлись некие доброхоты на пределах ордынских на то устроенные, поборники земли Русской».

То есть некие доброхоты – то ли русские шпионы в Орде, то ли пограничные заставы «на пределах ордынских» –

сообщают великому князю Дмитрию Ивановичу о татарском походе.

Еще раз достойна восхищения «скрытность» движения войска Тохтамыша! Возникает впечатление, что либо он просто не сумел, несмотря на все усилия, эту скрытность обеспечить, либо вовсе к ней не стремился. Видимо, Тохтамыш скрывал свои перемещения от Ягайло, а не от русских князей, которых он поставил в известность о походе, или же дал им возможность получить такую информацию через их «доброхотов» в Орде.

Против версии, что Тохтамыш просто не сумел обеспечить должной секретности перемещения своих войск, говорит вся его биография. Тохтамыш – весьма умелый военачальник и политик, воссоединивший, казалось бы, совсем уже развалившуюся Золотую Орду и управлявший ею на протяжении 15 лет. Он бросил вызов величайшему полководцу своего времени – Тамерлану и долгое время успешно противостоял ему.

«Услышав же князь великий таковую весть, что идет на него сам царь с множеством силы своей, начал собирать воинов и соединять полки свои, и выехал из града Москвы, хотя идти против татар. И тут начали думу думати князь же Дмитрий с прочими князьями русскими, и с воеводами, и с думцами, и с велможами, с боярами старейшими, и всячески гадали. И обретеса в князья розность, и не хотели пособлять друг другу, и не изволили помогать брат брату..., было же

промеж ними не единачество, но не-имоверство».

Итак, князья уже собрались в поход и выступили из Москвы. И вдруг в рядах подданных московского князя появляется «роз-ность» и «неимоверство». Возникает впечатление, что мы присутствуем при семейном скандале, ведь летописец старается представить случившееся именно как несогласие в большой патриархальной семье. Однако, когда на дом нападают враги, в нем исчезают все внутренние противоречия. Тем более в государстве – отлаженной иерархической феодальной системе, состоящей из московского князя, его союзников (родственники и просто соседи, связанные с ним системой договоров о военной помощи), его подданных (служебные князья со своими дружинами, московские бояре и дружина московского князя, возглавляемая его воеводами). Вот эти-то, клявшиеся, что не нарушат договоров, родственники и союзники, а также вассалы, **обязанные** нести военную службу по приказу князя, и солдаты (дружинники, бояре), находящиеся в его **прямом** подчинении, проявляют «неимоверство». В походе, фактически перед лицом врага, происходит неподчинение приказам командира.

Для характеристики подобных действий летописец явно выбрал **очень** мягкие термины. Думаю, у него были на то причины, но давайте называть вещи своими именами – это был **мятежи измена**.

«И то познав, и уразумеv, и рассмотрев, благоверный был в недоумении и в размышлении великом, и убоился стать в

лице против самого царя. И не встал на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в град свой Переяславль, и оттуда – мимо Ростова... на Кострому».

То есть Дмитрий Донской вывел свои войска в военный поход, но потом произошел мятеж, и великий князь бежал от собственного войска! Заметим, Дмитрий Иванович бежал не в Москву, а в Кострому. И бежал столь быстро, что «забыл» в Москве свою жену, только что родившую ему сына.

Ясно, что подобная трусость совсем не украшает великого князя. Но посмотрим внимательней. Мятежники наверняка знали, на что идут. Сказав «А», надо говорить и «Б». Мятеж против князя должен был закончиться его убийством. Оставшийся в живых князь мог собрать верных людей и вернуться, чтобы покарать мятежников. Дмитрий Иванович для того, видимо, и поехал в свою отчину Кострому.

«А на Москве была замятня великая и мятеж велик зело. Были люди в смущении, словно овцы, не имеющие пастуха, гражданский народ взмятошася и всколибашася как пьяные. Одни сидеть хотели, затворившись в граде, а другие бежать помышляли. И была промеж ими распря великая: одни с рухлядью в град вмещахуся, а другие из града бежали, будучи ограбленными».

Итак, в летописи открытым текстом говорится, что на Москве был мятеж. Мятеж – это неповиновение существующей власти, восстание против Дмитрия. Эту версию подтверждают и другие источники: «Люди сташа вечем, митро-

полита и великую княгиню ограбили и едва вон из города отпустили» (Тверская летопись), а также: «И великую княгиню Евдокею преобидели» (Никоновская летопись). То есть гнев восставших был направлен и на супругу Дмитрия Ивановича.

По сведениям большинства летописей, митрополит Киприан оставался в Москве некоторое время после того, как власть перешла к вечу, но затем ему удалось добиться у горожан позволения уйти из города вместе с великой княгиней.

Интересно, что одни жители, со всем своим имуществом, из мятежной Москвы бежали (видимо, вслед за бежавшим от собственной армии Дмитрием), а другие, наоборот, въезжали в Москву со всеми пожитками. Между теми и другими была «распря», московское общество раскололось.

«И сотвориша вече, позвонили во все колокола. И встали вечем народи мятежници, недобрии человецы, людие крамолници: хотящих выйти из града не только не пускали вон из града, но и грабили, ни самого митрополита не постыдившись, ни бояр лучших не усрамились, не усралившись седин старцев многолетних. Но на всех огрозишася, стали на всех вратах городских, сверху камением шиббаху, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, и не давали вылезти из града, и едва умолены были позднее некогда выпустили их из града, и то ограбили».

Грабят сторонников Дмитрия или же всех, не примкнувших к бунту. Это происходит «не усрамишася» митропо-

лита, почтенных старцев – положим, для взбунтовавшейся черни они не авторитет – и «не усрамишася» лучших бояр! Странно, что бояре поставлены на одну ступень с немощными старцами и митрополитом. Любой боярин, то есть «ярый в бою», куда более дееспособен и боеспособен, чем простой горожанин. Тут не устыдиться мало, тут надо не убояться.

Боярин – это русский феодал, сеньор, имевший социальный статус, сравнимый с западноевропейским бароном. Вспомните известную гравюру XVI века «Нападение крестьян на рыцаря», на которой вооруженная чем попало толпа крестьян опасно топчется, все никак не решаясь наброситься на одинокого, уверенно держащегося воина. А ведь каждый боярин имел челядь и в том числе вооруженных и прекрасно обученных боевых холопов – собственную феодалскую дружину, с которой он и являлся на военную службу. Вряд ли бояре, присутствовавшие, судя по летописи, в Москве, были не в состоянии навести должный порядок. Ведь отправляясь в поход, Дмитрий не мог не оставить в Москве гарнизона, достаточного для защиты города и для исполнения в нем полицейских функций. И если в летописи не упоминается о столкновениях мятежников с этим гарнизоном, значит и гарнизон, и бояре а возможно, именно несколько бояр со своими отрядами и были этим самым московским гарнизоном) либо поддерживали мятеж открыто, либо сочувствовали ему и поэтому не пресекли в корне.

Итак, на наш взгляд, вместо «не устыдившись» следует

читать «при попустительстве», а то и «при подстрекательстве» лучших бояр.

«Приехал к ним в град некий князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов. Ион укрепив народы, и мятеж градный укротив, и затворился с ними в граде в осаде с множеством народа, с теми, сколько осталось горожан, и сколько бежан сбежалось с волостей, и сколько с иных градов и стран. Случилось быть там в то время боярам, сурожанам, суконникам и прочим купцам, архимандритам и игуменам, протопопам, прозвитерам, дьяконам, чернецам, и всякого возраста – мужеского пола и женского, и с младенцами».

Остей – сын Дмитрия Ольгердовича, княжившего в литовском Трубчевске и перешедшего на сторону Дмитрия Ивановича Московского в 1379 году, во время похода москвичей против Ягай-ло. Вспомним, что Дмитрий Ольгердович со всей своей семьей, с боярами и с челядью бежал из Литвы и поступил на службу московскому князю, который пожаловал ему в держание Переяславль-Залесский.

Итак, в Москву приезжает сын Дмитрия Ольгердовича, литовец, только три года проживший на московской земле. Приезжает, наверное, не один, но вряд ли с крупным вооруженным отрядом (иначе в летописи об этом было бы упомянуто).

В летописи также не уточняется, по своей инициативе Остей явился в Москву или его кто-то отправил туда с определенными поручениями и полномочиями. Однако из даль-

нейших событий станет понятно, в чьих интересах он действовал. Обратим внимание, Остей «укрощает» мятеж. Интересно, каким образом? Ни о военных столкновениях, ни об угрозе силой речи в летописи не идет, однако Остей сделал то, чего не смогли или не захотели сделать оставленные в Москве Дмитрием бояре. Москва **сама** покорилась Остею. Он приехал и, не встречая сопротивления, сразу начал ею управлять, приготовляя город «затвориться в осаду». Такое могло произойти только если в Москве не просто произошел бунт против Дмитрия Ивановича, но бунт этот устроили пролитовски настроенные силы. Иначе непонятно, почему оборону восставшей Москвы возглавил именно Остей, а не какой-нибудь другой князь и не воеводы Дмитрия, не московские «лучшие бояре»?

Обращает на себя внимание состав находившегося в Москве на момент осады народа. Здесь и москвичи, не бежавшие из города во время мятежа, и те, кто съехался в Москву из окрестностей (первые не хотели расставаться со своим имуществом, либо сами участвовали в грабежах; вторые спасали свое добро под защитой каменных московских стен), и некие люди «с иных городов и стран» (непонятно, что им понадобилось во взбунтовавшемся городе?), а также бояре и, что самое интересное, «сурожане, суконники и прочие купцы», то есть жители или торговые партнеры генуэзских городов-колоний Сурожа и Кафы. Налицо поддержка московского мятежа западным торговым капиталом. Мос-

ковские купцы-сурожане, поддерживающие Дмитрия Донского, видимо, в мятеже не участвовали и из города бежали, оказавшись в числе тех, кто был ограблен. Впоследствии, после подавления мятежа, они остались в милости у московского великого князя и сохранили все свои привилегии.

«Князь же Олег обвел царя около своей земли и указал ему все броды, бывшие на Оке. Царь же перешел реку и прежде всего взял город Серпухов и огнем пожег. И оттуда пошел к Москве, внезапно устремившись, духа ратного наполнившись, волости и села жгуще и воююще, а народ христианский секуще а иных людей в полон емлюще. И пришел ратью к граду Москве. А сила татарская пришла месяца августа 23 в понедельник. И приехавши не все полки к граду, начали кликать, спрашивая: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из града с заборол отвечали, говоря: «Нет». Татары же, отступили недалеко, и поехав около града, озирали и рассматривали приступы и рвы, и врата, и забралы, и стрельницы. И так стояли, глядя на град».

Впервые на своем пути Тохтамыш встречает сопротивление, видимо, в Серпухове, захватывает и сжигает город. В Рязани он городов не жег. Это логично, если встать на стандартную точку зрения, что Тохтамыш шел войной на Дмитрия Ивановича и на Москву, а Рязань, сдавшуюся ему на милость, пока пощадил. Но на тот момент войско Дмитрия взбунтовалось, а он сам бежал в Кострому. Кто же противостоял Тохтамышу?..

Серпухов был владением князя Владимира Андреевича – двоюродного брата Дмитрия Ивановича. Однако самого Владимира в Серпухове не было, он со всем своим войском, как далее будет указано в летописи, стоял у Волока Ламского.

Таким образом, сопротивление татарам могли оказать либо взбунтовавшиеся против Дмитрия войска, либо сами горожане и гарнизон Серпухова (защита родного города от тех, кто его, по меньшей мере, разграбит – вполне весомый мотив). Тохтамыш мог пожечь город не только в отместку за оказанное сопротивление, но и из-за его важного стратегического расположения – укрепления города позволяли контролировать броды через Оку.

Обратите внимание: подъехав к городу малой силой, татары спрашивают москвичей: «Здесь ли князь Дмитрий?» Им отвечают: «Нет». После чего татары совершают типичную рекогносцировку – осмотр стен и местности, с целью изучения предстоящего места битвы, вместо того, чтобы гнаться за сбежавшим в Кострому князем.

«А тогда в граде добрые люди молились Богу... некие же недобрые человеки начали обходить по дворам, вынося из погребов меда господские и сосуды серебряные, и упивались даже и до пиана, и к шатанию дерзость прилагаху, говоря: «Не устрашаемся нахождения поганых татар, поскольку тверд град имеем, его стены каменные и врата железные. Не утерпят они долго стоять под градом нашим, великий страх имея, изнутри града – бойцы, а извне – князей наших соеди-

нившихся устремления бояться».

По мнению москвичей, каменные стены города были столь неприступны, что можно было ввиду врага смело напиваться и беспредельничать. Вспомним, что Остей якобы их «усмирил». Но если бы он усмирил их силой оружия или угрозами, если бы он был послан князем Дмитрием Донским для организации обороны Москвы от татар, то ни за что не позволил бы твориться подобному опасному безобразию и разгильдяйству. Нет, этот эпизод ясно показывает, что москвичи вовсе не были усмирены Остеем. Они просто подчинились ему, как военачальнику, нужному им для защиты от татар. Москвичи управляли Остеем, а не он ими. Остей обязан был взбунтовавшейся Москве своим возвышением и поэтому позволял «недобрым человекам» мародерство, погромы и дебоши внутри осажденного города.

И еще интересный момент: москвичи были уверены, что татары долго у стен города не простоят, они считали, что извне им кто-то поможет против татар. Но кто? Дмитрий Донской, против которого они восстали, жену которого они ограбили и «изобидели»? Даже по версии официальной, летописной Донской не мог им помочь, так как только что отказался сопротивляться царю и бежал в Кострому. Или они надеялись на войско Владимира Андреевича? Или на брошенную Дмитрием Ивановичем мятежную армию? Но армия эта, если она еще существовала, а не разбежалась в испуге, почему-то не смогла остановить татар у Серпухова, на

Окских бродах, и при их движении на Москву. Так какая же на нее надежда теперь? Может, еще на кого-то?.. Пока просто отметим, что надеялись на очень скорую помощь извне.

«И так влезали на стены, пьяные шатаясь, ругали татар, образом бесстыдным досаждающе, и некие словеса износяще, исполненные укоризны, и хулы, и кидяху на них, думая, что только то и есть силы татарские. Татарове же прямо к ним на град голыми саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека».

Упившаяся чернь, мягко говоря, «дразнит» татар, демонстрируя полную уверенность распоясавшейся толпы в своей безнаказанности.

«И в тот день к вечеру эти полки от града отступили, и на утро сам царь приступил со всею силою и со всеми полками своими под град. Горожане же с града узрев силу великую, убоялись зело. Татарове же таки и пошли к граду».

*Оборона Москвы от хана Тохтамыша
в 1382 году. С картины А.М. Васнецова*

Наконечники стрел XIV в.

Итак, Тохтамыш подводит к Москве все свои войска и бросает людей на штурм каменных стен, зная, что князя Дмитрия в Москве нет, что город взбунтовался против Дмитрия и князь московский сбежал в Кострому. Если предположить, что поход был затеян ради того, чтобы уничтожить лично Дмитрия, то это шаг совершенно бесполезный, ведущий только к ненужным потерям в войске. Впрочем, царь мог счесть Москву легкой добычей. Первый приступ вполне можно объяснить как попытку взять город с налета. Но как объяснить остальные?

«Горожане же пустили на них по стреле, и они тоже стреляли, и шли стрелы их на град как дождевая туча. И многие на граде стоявшие и на заборолах от стрел падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, поскольку у татар стрелки гораздо вельми. Одни от них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку на обе руки, и также вперед и назад быстро без погрех стреляли».

Из описания боя прекрасно видно, что стрельба защитников города была полностью подавлена ответной стрельбой нападающих. Настолько выше был профессионализм и организованность осаждавших, что они сумели согнать обороняющихся с высоких каменных стен, подавить стрельбу го-

рожан с доминирующих над местностью «заборол» (крытых галерей), из бойниц и башен.

Интересно, что среди войска осаждавших обнаруживаются не только конные профессиональные стрелки, но и не менее профессиональные пешие, эффективно стрелявшие как стоя, так и на бегу. Вряд ли татары Тохтамыша, прекрасно стреляющие с коней, на ходу, при скачке как вперед, так и назад, стали бы спешиваться, чтобы стрелять стоя, а тем более на бегу. Так себя вести могли только пехотинцы, но у Тохтамыша в войске, как уже было доказано выше, не было пехоты! Выходит, в осаде Москвы участвовали местные, русские, причем профессиональные «стрелки горазды вельми». Факт, на первый взгляд, удивительный. Но далее из летописи станет понятно, чьи это были войска.

Осада Москвы Тохтамышем в 1382 году. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

«А другие от них сотворили лестницы и прислоняя их, лезли на стены. Горожане же воду в котлах кипятили и лили на них, и так сдерживали их. Отошедши они и снова приступали. И так три дня бились промеж собою до изнеможения. Когда татарове приступали к граду, близ приступая к стенам градским, тогда горожане, стерегущие град, сопротивлялись им, обороняясь: одни стрелами стреляли с заборол, одни же камнями шибали на них, другие же тюфяки пушачу на них, а иные стреляли, натянув самострелы и били из пороков. Были же некие, которые и из самих пушек стреляли».

Итак, осаждающие, с помощью лестниц, пытались влезть на стены. Видимо, Москва давно и усердно готовилась к осадам и штурмам, котлы оказались под рукой, только воду вскипяти. Обычно эти котлы привешивались к специальным передвижным «журавлям», которые позволяли переместить котел так, чтобы вылить кипяток прямо на головы врагам. Еще для ошпаривания врагов использовались специальные желоба, по которым кипяток стекал в тех местах, где было удобно приставлять лестницы.

Оказалось, что уже установлены в нужных местах тюфяки (мелкокалиберная артиллерия, стреляющая обычно картечью) и пушки, и что картечь из этих орудий, нацеленных

по касательной вдоль крепостных стен, легко выкашивает всех, желающих приставить к этим стенам лестницы. В то же время низкие точность, скорострельность и маневренность артиллерии конца XIV века явно не позволяли ей успешно конкурировать в перестрелке с лучниками осаждавших, иначе им бы не дали даже приблизиться к стенам. Самострелы, «пороки» (метательные машины типа арк-баллисты) и просто энтузиасты, кидавшие во врагов камнями со стен, конечно же, тоже сыграли свою роль. И главное – наверняка среди оборонявшихся присутствовали военные, имевшие реальный боевой опыт: князь Остей, бояре, их ближайшие сподвижники и воины. Они смогли организовать и направить в нужное русло деятельность горожан. Где советом, где вовремя подброшенным подкреплением, а где и личным примером они подняли боеспособность горожан до уровня, достаточного, чтобы не допустить прорыва осаждавших на стены.

«Среди них же был один некто горожанин московский, суконник, именем Адам, который был над воротами Фроловскими. Приметив и облюбовав одного татарина нарочитого и славного, который был сын некоего князя ордынского, напугав стрелу самострельную, выпустил ее внезапно, ею же и пронзил сердце гневливое, скорую смерть ему нанеся. И это была великая язва всем татарам, так что и сам царь тужил об этом».

Эпизод сам по себе показательный. Некий суконник Адам, судя по имени католик, генуэзец, изловчился и убил

из арбалета знатного татарина. Видимо, этот меткий выстрел был самым существенным и важным успехом обороняющихся москвичей. Очевидно, что летопись писалась со слов очевидца (или самим очевидцем), так как на протяжении повествования мы не наблюдаем гор татарских трупов под стенами Москвы. Все меры москвичей по обороне не столько уничтожали живую силу противника, сколько отпугивали от стен опытных вояк, защищенных доспехами и умудренных боевым опытом.

«Так царь стоял у града 3 дня, а на 4 день обманул князя Остея лживыми речами и лживым миром, и вызвал его вон из града, и убил его пред вратами града, а ратям своим всем повелел окружить град со всех сторон».

Тохтамыш не ограничился первым штурмом Москвы. Убедившись, что город нельзя взять с налета, он тем не менее штурмовал его три дня. Причем ни слова не говорится ни о попытках блокады Москвы, ни о каких-либо осадных работах. А ведь известно, что Рязань, Киев, Владимир и многие другие русские города татаро-монголы брали с использованием стенобитных машин, «пороков» и прочих осадных технологий еще во времена Батыея. В 1345 году татары осаждали (правда безуспешно) Кафу, используя при этом осадные машины.

Тем не менее Тохтамыш раз за разом бросает своих людей на штурм, не дожидаясь ни сооружения пороков, ни постройки осадных башен. Этим он неизбежно увеличивает

потери среди своих солдат. Торопится? Опасается удара в спину? Того самого удара объединившихся князей, о котором говорили, бахвалясь, москвичи? И именно этой спешкой, видимо, обусловлен последующий обман.

«...а на 4-й день на утро, в полобеда, по повелению цареву приехали татары нарочитые, большие князя ордынские и вельможи его, с ними же два князя суздальские, Василий да Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И придя под град, приблизились с осторожностью к городским стенам, и начали говорить народу, бывшему в граде...»

Итак, вместе с «татарами нарочитыми» и «большими князьями ордынскими» под стены Москвы едут Василий и Семен, сыновья Дмитрия Константиновича, князя суздальского и нижегородского. И выступают как представители Тохтамыша. Значит, именно суздальско-нижегородские дружины наравне с татарами участвовали в атаках Москвы.

«Царь вас, своих людей, хочет жаловать, поскольку неповинны вы, и не достойны смерти, не на вас он воюя пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны быть помилованы. Иного же ничего не требует от вас царь, разве только выйдите навстречу ему с честью и с дарами, все вместе и со своим князем, хочет царь видеть град сей и в него войти, и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему врата градные отворите».

То есть Тохтамыш приехал в Москву как турист. Просто мечтает посмотреть на сей град изнутри! До этого Тохтамыш

атаковал Москву три дня подряд, зная, что Дмитрия Ивановича в городе нет. А теперь от его имени говорится – обознатушки, мол, против Дмитрия пришли, а не против вас...

Байке про то, что царь Тохтамыш столько времени воевал сам не зная с кем, может поверить только весьма безграмотный и далекий от политики люмпен. Понятно, что среди оборонявших Москву таковые составляли большинство. Понятно, что они вполне могли проглотить наживку, но не князь Остей! Не бояре! Не церковные иерархи! Почему они, с тупоумием безграмотного алкоголика, с простодушием сердобольной домохозяйки открыли Тохтамышу ворота? Почему, три дня сражаясь и успешно отбивая противника, они вдруг сдаются и выходят встречать Тохтамыша крестным ходом?

«Такоже и князи Нижнего Новаграда говорили: «Имейте веру нам, мы ваши князи христианские, вам на том правду (клятву. – *Прим. авт.*) даем».

Вот и ответ, который дает на этот вопрос летописец. Сии умудренные жизнью мужи **поверили слову...**

Подождите, может, это мы, современные люди, чего-то не понимаем и, наученные горьким опытом нашей теперешней жизни, ничему не верим. Может, **тогда** все действительно слово держали, и фразы «вам на том правду даем» было вполне достаточно, чтобы добровольно впустить вражескую армию в почти неприступный город?... Летописи свидетельствуют, что и в те времена одно только княжеское слово не было гарантом безопасности доверившимся.

«Народы же гражданские веруя словесам их, подумали и прельстились, ослепила их злоба татарская и омрачила их прелесть бесерменская... И отворили врата градные, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, а после них бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди».

Однако они поверили. Безоговорочно. Никак не подстраховываясь. Раскрыли ворота и вышли навстречу татарам. Вышли все, кто в состоянии был организовать какое-либо сопротивление в городе, если вдруг (конечно невероятно, но вдруг) царь Тохтамыш не сдержит слова, данного двумя русскими князьями. А с чего бы вдруг царю держать данное кем-то другим от его имени слово?

«И в тот час начали татары рубить их по ряду внезапно. Прежде всех убит был князь Остей пред градом, и потом начали рубить попов и игуменов, хотя те были в ризах и с крестами, и черных людей. И то было видно, как святые иконы повержены и на земле лежат, и кресты честные без чести не берегомы, ногами топче-мы, обобраны и ободраны».

Понятно, что первый удар был направлен на то, чтобы обезглавить оборону Москвы. Убит Остей, а потом, видимо, «по ряду», «бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди» – по степени социальной значимости и реальной способности оказать сопротивление. Но зачем татарам убивать попов, игуменов и прочих церковников? Разве не выгоднее взять их в плен, а уж потом отпустить за выкуп или увести в

полон и продать на невольничьем рынке? Неужели безоружные попы, размахивая своими крестами и иконами, оказывали столь сильное сопротивление, что татары вынуждены были их всех перебить?

С точки зрения мусульманина (каковыми на то время были большинство людей Тохтамыша), убийство христианского священника – не столь уж безобидный поступок. Если христиане считали мусульман «пагаными» (т. е. язычниками, не признающими единого бога), то мусульмане считали христиан «неверными» (т. е. молящимися правильному богу, но неверным способом). Так что православные священнослужители даже среди мусульман пользовались уважением. Мало того, среди осаждавших Москву были и русские воины из Суздальско-Нижегородского княжества. Уж у них-то необоснованное избиение православных священников должно было вызвать возмущение, однако не вызвало!

«Татары же пошли в град, продолжая рубить людей, а иные по лестницам на град взошли, никто же не сопротивлялся им с заборол, не было забральников на стенах, и не было избавителей, не было спасающих. И была внутри града сеча велика, а снаружи также. До тех пор рубили, пока руки их и плечи их не обессилили, и сила их изнемогла, сабли их уже не рубили – острия их притупились».

Взяли Москву «месяца августа 26... в 7 час дня в четверг по об еде».

Получается, что после избиения Остея и бояр никто из

москвичей оказать сопротивления не сумел. Часть татар ворвались в ворота, а другие спокойно взобрались на стены, которые никто уже не защищал.

Далее в повести идет рассказ о разграблении Москвы, пожаре и причитания автора по поводу каждого убитого священника... Еще раз спросим себя, зачем священников-то было убивать? Ведь, помнится, именно православная церковь всего за два года до того благословила русскую армию на войну против Тохтамышева противника – Мамаю. Царь должен был быть благодарен, да он и проявлял свою благодарность, но в других местах. С теми же священниками, что оказались сейчас в Москве, его люди жестоко расправились. Вряд ли кто решился бы на такое без попустительства, а то и прямого приказа Тохтамыша.

«Князь же великий с княгиней и с детьми пребывал на Костроме, а брат его Владимир на Волоке, а мать Владимирова и княгиня в Торжке, а Герасим владыка коломенский в Новгороде».

Откуда они и наблюдали, не предпринимая, судя по летописи, никаких активных действий, за тем, как Тохтамыш разоряет Москву.

«Затем царь распустил силу татарскую по земле Русской воевать княжение великое, одни, шедшие к Владимиру, многих людей посекли и в полон увели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие – к Дмитрову, а иную рать послал на град Переяс-

лавль. И они его взяли и огнем пожгли и переяславцы выбежали из града, град покинув и на озере скрылись в судах...».

Заметьте, что взят и сожжен только один Переяславль, причем посланная на него рать упоминается отдельно. За что такая честь? Да очень просто: Переяславль – это владение, данное за службу московским князем Дмитрию Ольгердовичу, отцу Остея. Отец мог (а может и собирался) отомстить за сына. Выходит, это единственное место, откуда Тохтамыш опасался нападения и куда нанес свой превентивный удар.

«Князь же Владимир Андреевич стоял ополчившись близ Волока, собрав силу около себе. И некоторые от татар не ведающие его, ни знающе наехали на него. Он же в Боге укрепился и ударил на них, и так милостью Божьей одних убил, а иных живых поймал, а иные побежали, и прибежав к царю, поведали ему бывшее. Он же с того попудися и оттоле начал помалу поступать от града. Идя же от Москвы, он приступил ратью к Коломне, и так идя, взял град Коломну и отошел. Царь же переправился за реку за Оку и всю землю Рязанскую огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и множество бесчисленное повел в Орду полон а».

Интересно, что Владимир Хоробрый, собрав всю военную силу около себя, не мешал татарам штурмовать и грабить Москву. Еще один интересный момент: татары «не знающе наехали на него». То есть если б они знали, что это именно он стоит с ратной силой, то не стали бы «наезжать»?

И после этого случая (т. е. после разгрома небольшого

отряда татарских мародеров) царь начинает «помалу отступать от града». Ни о каком паническом бегстве речи нет. Идет планомерное отступление. То есть Тохтамыш уходит из Московского княжества ни разу не проиграв, даже не дав генерального сражения, после первой же случайной стычки с людьми Владимира Андреевича. Очень странное поведение для того, кто «пошел изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь». Такое поведение можно объяснить тем, что Тохтамыш выполнил некую задачу, ради которой и отправлялся в поход, либо тем, что он убедился в невозможности выполнения этой задачи.

Ну а то, что татары, отступая, пограбили Рязанскую землю, вполне в порядке вещей. Слабого обидеть может любой. Тем более что у Тохтамыша был на князя рязанского зуб – Олег, когда шла борьба за золотоордынский престол, поддерживал Мамай, а точнее, недостаточно активно поддерживал Дмитрия и Тохтамыша.

«Князь же Олег Рязанский то увидав, убежал. Царь же к Орде идя от Рязани, отпустил посла своего, шурина Шихмата, к князю Дмитрию Суздальскому вместе с его сыном, с князем Семеном, а другого сына его, князя Василия, взял с собою в Орду».

Налицо стандартный обмен заложниками. Таковой происходит обычно между сторонами, давшими друг другу некие взаимные обязательства, как гарантия того, что обязательства эти будут выполнены. Обмен заложниками – явление

обычное и часто применявшееся в древности. Заложники совершенно не обязательно должны томиться в тюрьме. Обычно самые высокопоставленные из них живут при дворе государя, приобщаясь к иностранной жизни, порой самостоятельно интригуя. Им возбраняется только бежать на родину. Так что все это говорит о том, что между Тохтамышем и Дмитрием Константиновичем Нижегородским установились взаимоотношения, которые были настолько серьезны, что требовали взаимных обязательств.

«После того, как татары отошли не по многим дням благоверный князь Дмитрий и Владимир, каждый со своими боярами старейшими, въехали в свою отчину, в град Москву...

И повел тела мертвых хоронить, и давал от 40 мертвецов по полтине, а от 80 по рублю. И всего дано было на погребение мертвых 300 рублей».

Выходит, за счет князя было похоронено 24 000 человек. Так сколько же было у Тохтамыша воинов, что «сила их изнемогла, сабли их не имут – острия их притупились» при посечении 24 тысяч жителей? Либо здесь явное преувеличение, либо татар было очень мало. Ведь чтобы утомиться при резне, каждый должен был убить хотя бы несколько москвичей. А москвичи гибли, как указано в летописи, еще и от огня, и от воды. Получается, что армия Тохтамыша была численностью никак не более десяти тысяч. А вернее всего, она не превышала двух-трех тысяч отборных всадников.

«По прошествии нескольких дней князь Дмитрий послал

свою рать на князя Олега Рязанского. Олег же со своей дружиной едва убежал, а землю Рязанскую до всю захватили и пугу сотворили – пуще ему было, чем от татарских ратей», – злорадно пишет московский летописец.

Тут мы наблюдаем интереснейшую картину. Тохтамыш и Дмитрий Иванович поступают с Рязанью как близнецы-братья. Ну а то, что Дмитрий прочистил рязанские закрома еще тщательней, чем Тохтамыш, – неудивительно. У него было просто больше времени и возможностей для методичного разрушения основ экономики противника и для вывоза награбленных ценностей.

«По делам их узнаете их» – не так ли? По делам получается, что Тохтамыш на протяжении **всего** своего похода действовал в интересах Дмитрия Ивановича. И разгром восставшей против Дмитрия Москвы, и разорение княжества Рязанского можно рассматривать как ответный шаг Тохтамыша, благодарного Дмитрию за те жертвы, которые понесло Московское княжество на Куликовом поле.

И новый царь Золотой Орды, царство которого заработано в том числе и легшими костями у Непрядвы полками Дмитрия, таким образом просто поддержал пошатнувшуюся власть своего верного и очень ценного вассала. И одновременно сохранил власть Орды над Москвой. А ведь власть эта могла бы уйти из Тохтамы-шевых рук, если бы пролитовский переворот в Московском княжестве удался!

«Той же осенью приехал посол на Москву к князю Дмит-

рию от Тахтамышша, именем Карач, яже о мире».

То есть послы с предложением о мире приехали на неостыв-шее еще пепелище. И добились его. И, как известно из истории, получили от Москвы немалую дань. Могло ли быть так, чтобы Дмитрий платил дань царю, сумевшему взять его столицу, обороняемую плохо организованной толпой, только обманом? Царю, захватившему кроме Москвы лишь три городка (Серпухов, Переяславль-Залесский, Коломна), испугавшемуся одного вида случайно встреченного его мародерами отряда Владимира Андреевича и бежавшего, не дав ни одного крупного боя, не потерпев ни одного поражения? Летопись пытается нас убедить, что Дмитрий из страха перед новым нашествием платил дань именно **такому** – царю Тохтамышу. Это очень трусливый и бестолковый Дмитрий, в окружении которого нет ни одного здравомыслящего человека. Да и Тохтамыш не лучше. Оба они представлены персонами, которые совершенно не в состоянии управлять государством. Однако это противоречит фактам. Скорее, можно предположить, что в ходе событий, описываемых в летописи, происходило нечто, очень неприятное летописцу, такое, о чем хотелось умолчать. Именно поэтому реальная мотивация и реальные взаимоотношения между участниками коллизии были сознательно искажены летописцем. Но исказить факты, известные огромному количеству очевидцев, он не мог. Летопись писалась буквально по горячим следам. Пепел Москвы еще не остыл. Можно было

лишь скрыть мало кому известные закулисные переговоры и интриги.

Попробуем представить себе, как все было на самом деле.

МОСКОВСКИЙ МЯТЕЖ

Итак, летом 1382 года Тохтамыш идет изгоном на Русь. Он старательно скрывает свой поход, но тем не менее и новгородско-суздальский, и рязанский, и московский князья узнают о нем заблаговременно. Значит, этот поход скрывался не от них, а от Ягайло.

Мало того, в июле 1382 года литовский князь Кейстут с армией уходит из Вильно и начинает осаду Новгорода-Северского, принадлежащего Дмитрию Корибуту – стороннику Ягайло. Взгляните на карту: Кейстут уводит свои войска с линии Витебск – Вильно, словно бы специально открывая запертому в Витебске Ягайло путь на столицу! Видимо, он надеялся, что Ягайло задержит Андрей Ольгердович, вернувшийся себе к тому времени Полоцк. А Новгород-Северский – идеальное место для того, чтобы объединиться там с союзными армиями Дмитрия Ивановича и Тохтамыша – он равноудален от московских и ордынских владений.

Для того чтобы убедиться в том, что Тохтамыш шел не на Москву, а к Новгороду-Северскому, достаточно проследить маршрут его движения.

Дмитрий Иванович, узнав о том, что Тохтамыш уже выступил, тоже начинает собирать свою армию. И собирает ее, и выступает из Москвы навстречу Кейстуту и Тохтамышу, чтобы, объединившись, расправиться с Ягайло и всеми его

соратниками в Литве.

Прекращение литовской экспансии на восток, православная (или, по крайней мере, не католическая, не папско-польская) Литва, дружественная Московскому княжеству и Орде, а то и зависимая от них, – вот цель этого совместного похода. И она была вполне осуществима. Но...

Заговором против Дмитрия Ивановича руководят два лидера – литовский князь Ягайло Ольгердович и князь Дмитрий Константинович Нижегородский. Цели этих лидеров совпадают лишь частично.

Дмитрий Константинович видит себя во главе Московского княжества – не великим князем, так регентом при наследнике. Он, видимо, рассчитывает, что убрав стоящего у всех заговорщиков поперек горла Дмитрия Ивановича, сможет быстро водворить в Москве порядок и уладить отношения с Ордой (благо сам царь Тохтамыш в этот момент будет близко – в Новгороде-Северском). Легитимизировав таким образом переворот, Дмитрий Константинович смог бы продолжить начатый Дмитрием Донским совместный поход Москвы, Кейстута и Тохтамыша против Ягайло. Либо, если это ему будет выгодно, уклониться от участия в этом походе, сославшись на нестабильность в Москве. Таким образом, программа Дмитрия Константиновича – это в первую очередь смена лидера. Но в то же время это и программа сохранения целостности государства и продолжения почти такой же внешней политики.

Даже если и знал, вряд ли бы это что-нибудь в его действиях изменило.

Наверняка большинство заговорщиков о походе Тохтамышша не знали, иначе бы они не решились на мятеж, отложили бы его до лучших времен. Такое незнание неудивительно. Присутствие на театре военных действий армии Тохтамышша сильно изменяло соотношение сил. Подобную информацию во всех войнах, во все времена принято скрывать до последнего момента. О быстром приближении Тохтамышша знали лишь единицы – Дмитрий Иванович, Дмитрий Константинович и их самые близкие подручники. Собиравшейся в поход армии было объявлено: «Идем на Литву». Может быть, что-то уточняли, но вряд ли это «что-то» выходило за рамки туманного: «Татары обещали помочь».

Обычно столь важные и опасные мероприятия, как восстание, бунт, мятеж, откладываются до последнего, крайнего срока, потому что в обстановке подозрительности, секретности, недисциплинированности, ажиотажа всегда что-то не готово. Поэтому время такого выступления чаще всего обусловлено не волевым решением руководителя, а каким-то экстренным внешним событием, обозначающим, что дальше тянуть нельзя, что «промедление смерти подобно». Так и здесь – наступил крайний срок. Московские силы были собраны, извещены, против кого они идут, и уже выступили из города в поход. Подвернулся удобный случай расправиться с Дмитрием Ивановичем подальше от надежных стен кремля. В то

же время, если бы москвичи вступили в столкновения с войсками Ягайло, если бы была захвачена первая добыча, пролилась первая кровь, была одержана первая победа, то заговор развалился бы сам собой, так как его участники оказались бы в составе обеих враждующих сторон. Вот поэтому-то и произошел тот военный совет, на котором «обретется в князьях розность».

Интересный вопрос: присутствовал ли Дмитрий Константинович на этом военном совете? Его репутация ловкого политика позволяет предположить, что нет. Наверное он неожиданно «захворал», или, что еще более вероятно, спешно поехал навестить князя Владимира Андреевича Хороброго. Где тогда находился сам Владимир Андреевич, тоже не вполне ясно. Скорее всего, уже тогда был «Владимир на Волоке, а мать Владимирова и княгиня в Торжку».

Взгляните на карту, и вам станет понятно, что делал Владимир Андреевич со всей своей военной силой в Волоке Ламском. Этот город как раз на стыке границ Московского, Тверского княжеств и литовских владений Ягайло, так что, вероятно, задачей князя было проводить наблюдение, разведку и в случае чего принять первый удар по Москве, исходящий из Витебска или из Твери. Дмитрию Константиновичу было как раз очень удобно съездить к Владимиру, проверить, все ли на границе в порядке. Тем самым он мог обеспечить себе алиби на случай, если мятеж окажется неудачным, а заодно и посмотреть на реакцию на мятеж

Владимира Андреевича, который, кстати, был женат на дочери Ольгерда Елене и приходился шурином Ягайле. То, что Владимир Андреевич вывез жену из Москвы и мать из Серпухова в Торжок (город, враждебный Твери и нейтральный к Москве), подальше от разворачивающихся событий, говорит о том, что Владимир обладал какой-то информацией и поэтому обезопасил свою семью. Но он не принял участия в конфликте, не поддержал ни одну из сторон, так как не хотел участвовать ни в мятеже, ни в его подавлении.

Цели Дмитрия Константиновича и Ягайло совпадали лишь до момента свержения Дмитрия Донского. Поэтому между ними шла постоянная борьба за сторонников. И в этой борьбе удалось победить Ягайле. Это произошло потому, что недовольство Дмитрием Донским выходило за рамки дворцовых интриг. Жесткая авторитарная политика московского князя вызывала все более нарастающее сопротивление среди привыкшего жить «по старине» купечества, простых горожан и служилой знати. Именно поэтому символом московского мятежа стал вечевой колокол. Именно поэтому, вместо того, чтобы устроить на Дмитрия Ивановича покушение и тихонько прирезать его где-нибудь в закоулках белокаменного кремля (что было бы вполне в традициях дворцовых переворотов), или просто не явиться на призыв князя к ополчению, все заговорщики дружно пришли в Москву, вышли в поход, но открыто выступили на военном совете и против похода, и против всей политики князя, и против са-

мого князя.

С точки зрения эффективности и практической пользы для заговорщиков – все это «глупое славянское простодушие», как сказал бы какой-нибудь иностранец. Действительно, первое впечатление – они вообще ничего не понимали в интригах и дворцовых переворотах! Разве так свергаются самовластные государи?.. Но нет, русские политики XIV века были искушены в дворцовых интригах, отравлениях, доносах и взятках ничуть не меньше, чем французы и византийцы. Тому имеется масса подтверждаемых первоисточниками примеров. И тем не менее заговорщики выбрали не путь саботажа и тайных убийств, а путь открытого неповиновения. Потому что это был не просто мятеж против конкретного князя – это было выступление против складывающейся в Московском княжестве новой системы власти. Налицо твердая убежденность мятежников в том, что народ Москвы вправе открыто не подчиниться своему князю и выгнать его, как не справившегося со своими обязанностями управляющего.

Мятеж, спровоцированный политическими противниками Дмитрия Ивановича, вырвался из-под контроля, превратившись в восстание. И восставшая Москва выдвинула свою программу: москвиты не подданные и не холопы великого князя. Источник власти в Москве – народ, а его выразитель – вече. И народ вправе в любой момент прогнать неугодного князя и пригласить другого. Не трусливо, украдкой уьем,

а открыто выгоним надоевшего нам Дмитрия Ивановича, потому что мы вправе это сделать. И станем поступать так впредь. А жить будем, как жили во всей Руси в домонгольский период, «по старине», по законам и порядкам, принятым и сейчас, в XIV веке, в Новгороде и Пскове, в Кафе и Генуе – по законам феодальной республики. Не нужен нам в князя никакой сильный политический деятель, ни Дмитрий Иванович, ни Дмитрий Константинович, ни Ягайло Ольгердович. А пригласим мы знатного, но безземельного – всем он будет обязан лишь нам, и не сможет помыкать нами, а будет нас слушаться.

ИДЕАЛ КНЯЗЯ

Все русские князья того времени считали себя Рюриковичами – потомками легендарного первого русского князя Рюрика. И друг друга они воспринимали как более или менее близких родственников. Все русские земли Рюриковичи считали своим общим, родовым владением, то есть землей, которую род Рюрика взял под опеку. Дань, которую население платило князьям, считалась более-менее справедливым вознаграждением князю за его защиту.

Идеал справедливого, богоугодного князя был четко сформулирован в русской средневековой летописной и житийной литературе. Князь должен был служить защитником от внешних врагов и гарантом законности в своих землях.

А законность в Средние века была основана в первую очередь на «старине» – традициях и обычаях, сложившихся издревле. До наших дней самым обычным и естественным обоснованием законности и справедливости каких-либо действий является выражение – «всегда так было». Основной свод законов Древней Руси – «Русская правда» – был письменно зафиксированным обычаем древних славян. Изменения в него вносились постепенно, по мере необходимости, и многие нормы «Русской правды», сформулированные в X веке, дошли неизменными до века XVI.

Верховным представителем законности на Руси считался

князь. Он был главой судебной и, одновременно, исполнительной власти. Собственно в средневековом обществе строгого разделения на судебную и исполнительную власть не было.

Народ ждал от князя действий, направленных на соблюдение «старины» и на справедливое решение новых, не регламентированных «старинной» случаев.

Необходимость во вмешательстве судьи – князя возникала, если происходило что-то необычное, выходящее за рамки традиций. Также князя призывали как помощника, чтобы восстановить справедливость в качестве судоисполнителя). Дело в том, что такой организации, как полиция, в XIV – XV веках на Руси не существовало. Общество достаточно эффективно самоуправлялось. Княжеские дружинники призывались на помощь лишь в тех случаях, когда собственных сил деревни или городской улицы для наведения порядка не хватало.

Именно поэтому от князя общество ожидало, что он будет «защитником вдов и сирот», то есть тех, кто сам не в состоянии себя защитить.

Если князь в своих действиях отступал от принятых обществом обычаев, то есть действовал «не по старине», то это вызывало законное недовольство и давало народу моральное право на неподчинение незаконным решениям, и даже на свержение этого «безсудного» князя.

Заметим, что Мамай в «Пространной повести о Мамае-

вом побоище» назван именно князем «безсудным», то есть попирающим старые обычаи, саму законность. То, что Мамай посягнул на сложившийся порядок взимания с Руси дани, сделало его незаконным в глазах русского общества правителем. Именно поэтому русские воины имели моральное право выступить против Мамаю с оружием в руках.

Дело в том, что в XIV – XV веках государство еще не было той мощной административно-бюрократической системой, какой оно является сейчас. Даже если бы князь захотел заставить всех подданных жить по новым законам, он бы просто не смог этого сделать. Общество жило по сложившимся издревле правилам, которые оно считало справедливыми. И князь тоже вынужден был им следовать, хотя бы внешне.

Первые налоги, которые князья начали собирать с подданных, были очень простыми: налог с дыма – то есть с отапливаемого дома. Налог с купцов, собираемый на мостах и переправах, или за право ввоза-вывоза товара из города. Князья начали отдавать городки и деревни в кормление своим верным слугам – боярам и поместным дворянам именно потому, что сами не могли эффективно собирать с населения налоги.

Вообще, княжеская власть распространялась в полной мере только там, где князь присутствовал лично, со своей дружиной, или там, где присутствовал его законный представитель (наместник, даруга, мытарь) с военным отрядом.

Еще одним институтом, обеспечивающим стабильность и

законность в средневековом обществе, была церковь. Религия тогда была действительно совестью общества. Третьей судей в спорах часто становился священнослужитель, для князей – епископ или митрополит. Церковь во многом формировала общественное мнение, поэтому князья были вынуждены постоянно искать поддержки церковных иерархов.

Итак, русский князь XIУ-ХУ веков не был самовластным монархом, источником законности. В глазах общественного мнения князь был тем лидером, который должен за соблюдением этой законности следить. А сама законность – это «старина» – сложившийся издревле порядок, зафиксированный в «Русской правде» и других письменных юридических актах. Но понятие «старина» было гораздо шире, чем все письменно зафиксированные законы. Стариной становились и прецеденты – то есть предыдущие судебные решения, и неписаные, но всеми признаваемые обычаи.

Дмитрий Иванович Донской вступил на путь превращения московского княжества в российское самодержавное государство. Он попытался править самовластно – перестал считаться с общественным мнением, попытался подчинить себе митрополита всея Руси. Такое мог себе позволить Иван Грозный в XVI веке. Но в XIV веке такое поведение князя было воспринято «в штыки».

ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ЗАГОВОРА

Итак, Дмитрий Иванович свергнут и изгнан восставшими подданными. Андрею Ольгердовичу и Дмитрию Ольгердовичу не на кого теперь надеяться в борьбе за литовский престол со своим старшим братом. Сам этот престол уходит под руку дяди Кейсту-та. И братья выступают за Ягайло. Результат – Вильно занят врагами Кейстута, а тот тщетно дожидается войск Дмитрия Ивановича и Тохтамыша, осаждая Новгород-Северский. Положение незавидное.

Ягайле даже на руку то, что мятеж в Москве вышел из-под контроля. Главной цели он добился – Дмитрий Донской свергнут, братья Ольгердовичи теперь за Ягайло, и на пути к власти над всей Литвой стоит только Кейстут. Возможно, приглашение Остея Дмитриевича в Москву было частью плана Ягайло. Послав своего сына князем в Москву, Дмитрий Ольгердович продемонстрировал свою лояльность брату.

Как только Дмитрий Константинович понимает, что заговорщики действуют не в его пользу и что он никак не сможет воспользоваться результатами мятежа, он сразу посылает навстречу приближающемуся Тохтамышу своих сыновей. Цель Василия и Семена Суздальских – перехватить армию Тохтамыша в пути и повернуть ее на Москву. Видимо, Дмитрий Константинович, «лучший друг всех ордынских ханов»,

надеется использовать появление царя в своих целях. Каковы в этот момент его намерения, точно определить невозможно. Может быть, он все еще надеется, теперь уже с помощью войск Тохтамыша, добыть себе великокняжеский стол, а может и нет. В любом случае он рассчитывает использовать ордынцев для подавления вышедшего из-под контроля мятежа. Конечно, его не устраивал самовластный князь Дмитрий Иванович на престоле. Дмитрию Константиновичу казалось (и, видимо, небезосновательно), что он сам с подобной ролью справится куда лучше. Но еще более неприемлемой ситуацией для нижегородского князя была победа Ягайлы, и совсем уж нетерпимой была для него вечевая московская вольница.

Как написано в «Повести о нашествии Тохтамыша», Василий и Семен догнали ордынского царя у границ Рязанской земли. Что братья сказали хану, летопись не сообщает. Но одновременно с ними перед Тохтамышем появляется Олег Рязанский. Летопись подробно описывает его действия и речи. Теперь анализируем. Если бы в сообщениях Олега Рязанского и братьев Суздальских были противоречия, то хан заподозрил бы кого-то из них (а скорее всего, и тех и других) во лжи. Конечно, вряд ли сразу, не разобравшись, велел бы их убить, но уж наверняка приказал бы взять их под стражу, «на всякий случай, до выяснения». Ни того ни другого не происходит. Семен и Василий спокойно перемещаются, участвуют в переговорах с осажденными москвичами (им не позволили

бы представлять в переговорах интересы царя, если бы не доверяли). Олег Рязанский тоже не был взят под стражу. Когда войска Тохтамыша, уходя из Москвы, разоряют Рязань, Олег оказывается во главе войск в своей отчине (то есть, когда он явился перед татарами в начале их вторжения, никто не задержал его и не оставил заложником, поэтому у Олега была возможность спокойно вернуться в Рязань). Значит, Семен с Василием и Олег Рязанский не противоречили друг другу. То есть, когда Олег оговаривал Дмитрия Ивановича, его, по крайней мере, не опровергали, видимо, потому, что и те, и другой участвовали в заговоре против Дмитрия Донского.

В то время когда Дмитрий Иванович бежит в Кострому, когда Семен и Василий ведут Тохтамыша в обход рязанских земель на Москву, когда Кейстут изнывает от ожидания и неизвестности под стенами Новгорода-Северского, разрываясь между желаниями дожидаться подмоги, самостоятельно ударить на Ягайло или вступить с ним в переговоры, – в это самое время митрополит Киевский, Московский и всея Руси приезжает из Твери в Москву. С какой целью, спросите вы? Да ясно с какой – воспользоваться народным движением в своих интересах. Но сочувствия в Москве он, видимо, не встречает. Люди не только не слушают, но и грабят, выгоняют Киприана из города. Выходит, его в Москве не любили. Присутствуют при сем ограблении и изгнании, ухмыляясь и потирая руки (или просто не вмешиваясь, хотя могли бы – митрополит всея Руси – все-таки), «архимандриты и игумены,

протопопы, прозвитеры, дьяконы, чернецы», находившиеся в то время в Москве. Что бы мог сказать про этих священнослужителей Киприан, когда бы его спросили?.. Естественно, то, что они отступники и еретики, не вступившиеся перед чернью за своего митрополита, потерявшие стыд богохульники и негодяи. Естественно, что этим они предали святую православную веру и действуют заодно с генуэзцами, по наущению агентов Римского папы.

Кстати, интересный момент: почему мятежники выпустили из Москвы жену Дмитрия Ивановича Евдокию? Ведь если они боялись мести за бунт со стороны Дмитрия Донского, то могли задержать ее как заложницу – лишний козырь в переговорах. Нет, ее выпускают. Как и Киприана. Уж не потому ли, что за них ходатайствовал один из организаторов мятежа – Дмитрий Константинович Нижегородский? Как же ему не вырвать из рук бесчинствующей толпы свою родную дочь?! Да и митрополит потом на что-нибудь пригодится.

Вероятно, в это время между князем Дмитрием Константиновичем и возглавившими бунт в Москве боярами и купцами происходят некие переговоры. Видимо, нижегородский князь пытается склонить москвичей к подчинению, призывает их отказаться от «старых вольностей», признать его, Дмитрия Константиновича, верховную власть и совместными действиями подавить распоясавшуюся чернь. В ответ на признание его власти, Дмитрий Константинович обещает уладить все вопросы с появившимся «вдруг» у гра-

ниц Московского княжества Тохтамышем.

Но договорится не получилось. Москва уже сделала свой выбор. В город приезжает князь Остей. Бунт сразу прекращается (не бунтовать же им против военачальника, которого они сами призвали). И начинается подготовка Москвы к обороне от татар.

Тохтамыш вступает в пределы Московского княжества. Сколько раз он уже слышал: «Москва взбунтовалась», «предалась Литве», «приняла крыжацкую веру». Он посылает к Москве своих людей – спросить, там ли Дмитрий Иванович? Москвичи же нисколько не боятся прихода татар, громят винные склады, упиваются допьяна, всячески дразнят татарский передовой отряд, и при этом надеются на неких князей, которые вскоре соединятся и ударят в спину татарам. Разберемся, наконец, каких же князей они имеют в виду.

Одним из них был, несомненно, Дмитрий Константинович Нижегородский. Конечно, Остей и московская верхушка не очень ему доверяли. Мало того, когда Дмитрий Константинович предлагал (конечно же, исключительно для усиления обороноспособности кремля) ввести в Москву свои суздальские и нижегородские полки, то бояре вежливо, но упорно отказывали, говоря при этом что-то вроде: «Ты лучше в поле татарам в спину ударь, когда они к Москве подойдут. Ты ж их повадки лучше всех нас знаешь, вот и найди момент. А в Кремль не надо. Тут и так тесно. Мы уж как-нибудь сами». Потому что стоило им пустить войска Дмит-

рия Константиновича в Москву, стоило доверить ему хотя бы одни ворота в Кремле... Нет, ему даже не пришлось бы открывать их и впускать в город своих добрых дружочков – татар. Было бы достаточно одной угрозы сделать подобное. А имея такую возможность, нижегородский князь уже сам назначал бы цену и держал руку на горле у каждого из запершихся в Москве заговорщиков. И не как тогда, все вместе, на совете, сказали князю «вон!», не как тогда, на вече, все вместе, решили, кого призвать князем. К Дмитрию Константиновичу приходили бы поодиночке, предавая и продавая друг друга, лишь бы сохранить свою жизнь, свое имущество, видимость своего доброго имени. А потом, когда бы поток просящих за свою жизнь иссяк, Дмитрий Константинович действительно впустил бы татар, чтобы резать и убивать неугомонную взбунтовавшуюся чернь и самых гордых из мятежников – тех, кто не смог перебороть себя и, вымаливая жизнь, приползти к нему на брюхе.

Ситуация была очень близка к такой мрачной перспективе, и мятежники это понимали. Поэтому и не пустили войска Дмитрия Константиновича в Москву. И вряд ли надеялись на то, что он сам ударит в спину татарам. Вот если только вместе с Владимиром Андреевичем... К Владимиру Андреевичу, видимо, посылали. Просили его встать если не за мятежников, так хоть за Москву, против татар.

Но Владимир Андреевич уже не верил в успех мятежа. В самом его начале он дал им шанс. Когда татары появились у

Оки и стали под стенами Серпухова переходить реку вброд, люди Владимира Андреевича начали по ним стрельбу. Но мятежное войско не пришло на помощь Серпухову. Никто не помешал татарам переправиться через Оку в других – менее удобных местах. А ведь вполне могли помешать – через сто лет на реке Угре русские войска не дадут татарам переправиться через гораздо более мелкую, чем Ока, речку. Но мятежное войско, похоже, просто разошлось, так как его руководители не сумели договориться между собой. Татарские отряды обошли Серпухов со всех сторон и взяли его штурмом, а потом Тохтамыш спокойно переправил основные силы.

Естественно, что Владимиру Андреевичу не хотелось теперь ни подавлять бунт вместе с Тохтамышем, ни защищать мятежников.

Москвичи могли еще рассчитывать на помощь Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и на Ягайло. Но никто из них не пришел.

Когда Тохтамыш подступил к стенам Москвы не только со своими татарами, но и с полками Дмитрия Константиновича, москвичи «узрели силу великую и убоялись зело». Не столько потому, что татар было много (как уже было доказано выше, их численность была относительно невелика), сколько потому, что против них открыто выступил тот, на чью помощь многие все еще надеялись.

Далее происходит штурм Москвы. Дмитрия Константино-

вича, наверное, все время терзает мысль: «Для кого Тохтамыш штурмует город? Понятно, что ради искоренения мятежа. Но кому он отдаст город потом? Мне или Дмитрию Ивановичу?» Нижегородский князь ждет. Он, да наверное и не он один, заглядывает царю Тохтамышу в глаза, стремясь прочесть на непроницаемом, словно каменный идол, лице хоть намек. Только тень неудовольствия в сторону Дмитрия Ивановича, и они бросятся, помчатся. Ведь Дмитрия Донского изгнал собственный народ. Только жалкая горстка сподвижников станет теперь его защищать. До Костромы так близко, и так легко вспыхнут ее деревянные стены. Голову принесут царю на блюде, только намек...

И царь, оторвавшись от созерцания суеты под белокаменными стенами кремля, поворачивает голову. Он спрашивает у Дмитрия Константиновича:

– Как здоровье моего любимого младшего брата, Дмитрия Ивановича?.. Позаботьтесь о его здоровье, любезный мой князь. Берегите его, как свой любимый Нижний Новгород.

Все. Больше нечего ждать. Тохтамыш проницателен. Услужливый, ловкий, приятный в общении и всегда полезный Дмитрий Константинович и так будет ему верно служить. Он всегда верно подчиняется силе, которую не в силах сломать. А на Москве царю полезней простоватый и неуклюжий, упрямый и решительный Дмитрий Иванович, обязанный ему, Тохтамышу, всем – даже Москвой и собственной

жизнью.

Дмитрий Константинович действительно никогда не восставал против необоримой силы. Тохтамыш сейчас – такая сила. Дмитрий Иванович, раз его поддерживает Тохтамыш, столь же силен... Эх, что ж они не убили Донского тогда, после военного совета! Мертвого и царь ордынский не смог бы вернуть... Но теперь сетовать поздно. Пора подумать о себе. И о тех, кто предал его, организатора заговора и мятежа, тех, кто оттолкнул подставленное в трудную минуту плечо, тех, кто ударил кормящую руку... тех, кто потом, проиграв войну, дергаясь от боли на дыбе, подробно расскажет о заговоре и о степени причастности к нему нижегородского князя. Дмитрий Константинович хотел еще жить, а для этого должны были умереть все те, кто мог его выдать.

СТОЯНЬЕМ ГОРОДА НЕ ВЗЯТЬ

Итак, штурм. Тохтамыш снова и снова бросает воинов на белые стены Москвы. Грохочут тюфяки и пушки, вопят ошпаренные кипятком из котлов. Почему Тохтамыш не щадит своих людей? Почему не строит и не применяет ни пороков, ни частоколов, ни фашин, ни крытых галерей и таранов, бьющих в ворота (я уж не говорю про осадные башни)? Может быть летописец забыл о гих упомянуть? Ничего подобного. У москвичей описан весь арсенал применяемых для обороны технических средств. Просто Тохтамыш очень спешит. Он каждый день ждет недобрых вестей, удара в спину, и именно поэтому стремится как можно скорей добиться победы.

Между Ягайло, Кейстутом, Дмитрием Ивановичем, Тохтамышем, Дмитрием Константиновичем, Владимиром Андреевичем, братьями Ольгердовичами... между всеми участниками коллизии рыщут гонцы, шпионы. Ходят слухи. Ведутся как открытые, так и закулисные переговоры. И Кейстут, не дождавшись помощи ни от Москвы, ни от хана, идет на север. То ли мириться с Ягайло, чтобы совместно ударить по татарам, то ли все-таки сражаться с ним, надеясь лишь на собственные силы. Именно в этой обстановке, видя, что без долгой, правильной осады Москву не взять, и опасаясь объединения литовских сил, Тохтамыш торопится, не может

взять кремля и, наконец, идет на переговоры с Остеем.

«Царь вас, своих людей, хочет жаловать, понеже неповинны вы, и не достойны смерти, не на вас царь воюя пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился». Эта версия вполне подходит, чтобы обмануть неискушенных в политике и не обладающих всей полнотой информации горожан-простолюдинов. Но князю, боярам, купцам и церковным иерархам нужно было предложить что-то другое. И тут в игру снова вступает Дмитрий Константинович. Он ведет переговоры через своих сыновей. Для Тохтамыша их цель – принудить город к сдаче. На каких-либо условиях, либо обманом – неважно. Главное – быстро. Захватить контроль над Москвой, замирить ее прежде, чем литовцы успеют объединиться и ударить. У руководителей московской обороны тоже положение не сахар. Придет ли Литва на помощь – неизвестно. К тому же долгой, правильной осады Москва наверняка не выдержит. На какое же предложение Тохтамыша они могли согласиться?

Из требований хана к москвичам обращает на себя внимание следующее: «выйдите к нему навстречу с честью и с дарами, все вместе со своим князем». Что москвичи и сделали, выйдя с крестным ходом ему навстречу. Это должен был быть акт взаимного признания. Такая встреча царя означала, что Москва считает его своим сюзереном, оказывает ему почести и изъявляет покорность.

Гонец. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

В то же время царь, принимающий дары от Москвы, вышедшей со своим князем, признает законность действий мятежников, изгнавших Дмитрия Ивановича и призвавших княжить Остея. Ведь именно его имеют в виду татарские парламентареры, говоря «со своим князем» – другого князя в тот момент в Москве нет, и Тохтамыш это знает. То есть москвичи согласны признать власть царя и покориться ему, обмен на то, что Тохтамыш отдаст ярлык на великое княжение Остею.

Да. На таких условиях москвичи вполне могли бы договориться с царем. Но – взаимное недоверие. И эту проблему решает Дмитрий Константинович. Он вступает в переговоры с москвичами, обещая им, что уговорит Тохтамыша отнять великокняжеский ярлык у Донского и отдать его Остею. И Дмитрию Константиновичу верят, как соучастнику в заговоре против Дмитрия Ивановича. Он лишь потому не пошел с мятежниками до конца, что хотел сам возглавить восстание, а слишком хорошо знающие его нрав бояре не позволили этого. За татар Дмитрий Константинович выступил не потому, что он за Донского, а потому, что не сторговался с московскими боярами. Что ж, теперь, когда военное столкновение показало истинные силы каждой из сторон, и когда ситуация стала похожа на патовую, стороны идут на большие

взаимные уступки. Дмитрию Константиновичу, в обмен на то, что он смирится с проигрышем в борьбе за московский стол и уговорит Тохтамыша дать ярлык на великое княжение Остею, предлагают какие-то владения. А он торгуется с боярами из-за каждого городка, из-за каждой деревни и, наконец, соглашается. И приносит радостную весть – Тохтамыш тоже согласен. Он признает нового князя в Москве в обмен на покорность москвичей.

Ликование на улицах. Для москвичей это – победа. Они получают то, за что боролись, – нового князя. Версия «не на вас царь воюя пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился» – это упрощенная формулировка того же самого. И горожане выходят встречать царя крестным ходом. Остей с приближенными, попы с крестами, а далее горожане по степени значительности. И крестный ход идет меж вооруженных рядов суздальско-нижегородской рати, идет навстречу царю Тохтамышу, неся ему хлеб-соль и символические ключи от Москвы.

Вот только хан Тохтамыш слова не давал. Сейчас он волен встретить их как подданных, признав тем самым, что изгнание поставленного и признанного Ордой князя и избрание нового – это для Москвы теперь в порядке вещей, либо как бунтовщиков, осмелившихся поднять руку на своих законных господ. Естественно, Тохтамыш выбирает второе.

Глаза верных нукеров устремлены на хана. Глаза дружинников впились в лицо Дмитрия Константиновича. И хан про-

водит ладонью у горла. И нижегородский князь, только что приветливо махавший Остею снятой шапкой, бросает ее под ноги коню, в дорожную пыль.

Хэйя! Сотни копий брошены в открытые груди. Сотни сабель взвились над головой. И первыми летят головы тех, кто знатней, а потом – никому нет пощады. Потому что эти, идущие крестным ходом – не люди. Все эти бояре и попы, купцы и простолюдины нарушили крестное целование великому князю, предали православную веру, поддавшись папским прихвостням, еретикам католикам-генуэзцам, – так сказал дружинникам митрополит Киприан, так подтвердил им и великий князь нижегородский Дмитрий-Фома. И не будет пощады никому, даже безоружным попам. От рук своих же, русских, как предателям православной веры. Да и татары не будут жалеть тех, кто восстал против хана и против своего собственного великого князя.

А Семену с Василием Киприан отпустит грех клятвопреступления. Ведь ради святого дела, ради борьбы с католической заразой не пожалели даже собственной бессмертной души!.. А самым верным и рьяным своим людям Дмитрий Константинович точно указал, кого бить в первую очередь, кто не должен уйти навстречу... Что ж, они справились с заданием блестяще. Массовая резня – действительно довольно эффективный способ замести следы.

Далее следует расправа над владениями Дмитрия Ольгердовича, отца Остея. Затем начинаются переговоры Тохта-

мышья с Дмитрием Ивановичем (при посредничестве Дмитрия Константиновича, например). А татарские войска, пока суд да дело, грабят округу... Обычное дело, война кормит войну. Если армия не снабжается централизованно, то она грабит округу. И разоряет ее, и берет полон – нужна же военная добыча, – и убивает всех, кто посмеет сопротивляться. Сбросив с плеч тяжкий груз не взятой Москвы, Тохтамыш отпустил вожжи – дал своей армии расслабиться и обогатиться. Но стоп. Обычно набирают полон и добычу перед тем как отправиться восвояси. Ведь Тохтамыш не затем шел в поход, чтоб окрестности московские грабить. Почему одолев крамолу в Москве, хан не пошел на Литву?.. Да просто было поздно. Пришла, видимо, весть о том, что Кейстут пленен Ягай-лой. Теперь, начав войну с Ягайло, хан будет иметь перед собой всю Литву и за спиной полки Дмитрия Константиновича (которому он только что не позволил сесть на великокняжеский стол в Москве) и Владимира Андреевича (его удел – Серпухов – ханские войска совсем недавно сожгли, а его меч уже обагрился в татарской крови – только ли по ошибке?).

И Тохтамыш «отступает помалу». Что ему еще остается? Да! Олег Рязанский. Если Дмитрий Константинович и интриговал против Дмитрия Донского, то весьма умело. И он многократно искупил свою вину, оказав и Тохтамышу, и Дмитрию Ивановичу неоценимые услуги в деле водворения законной власти. Но Олег-то впрямую оболгал Дмитрия

Донского – есть повод для армии по-настоящему, без оглядки пограбить.

Теперь последствия. Обычно за содеянное наказывают или награждают. Дмитрий Константинович не попал в явную опалу ни к царю, ни к великому князю, но скоропостижно умер в следующем, 1383 году, в возрасте около 60-ти лет. Сын его, Василий Дмитриевич Кирдяпа, помогавший захватить Москву, оставался в Орде до 1387 года. Видимо, Тохтамыш решил подольше не отпускать на Русь чересчур активного наследника нижегородского князя. После смерти Дмитрия Константиновича Нижний Новгород самовольно захватил его брат – Борис.

Генуэзцы, столь геройски оборонявшие Москву от татар, что-то там не прижились. Олег Рязанский был ограблен и разорен еще и московской дружиной – нечего на великого князя царю клеветать. Михаил Тверской, посылавший к Тохтамышу посла с дарами, когда хан стоял под Москвой, и видимо обнадеженный тогдашними переговорами с ханом, лично отправился «окольным путем» в Орду, в надежде получить там ярлык на великое княжение. Он долго отирался в Орде и убыл оттуда несолоно хлебавши: Тохтамыш снова отдал ярлык Дмитрию Ивановичу, когда от того прибыл послом его одиннадцатилетний сын Василий Дмитриевич. Тохтамышу нужно было, чтобы Михаил Тверской, в случае войны с Литвой, помог ему или хотя бы сохранял нейтралитет, что и было достигнуто путем подарков послам и туманных обеща-

ний. Но главным ставленником, на которого царь опирался в Русской земле, остался Дмитрий Донской.

Однако хитроумный хан предпочел обезопасить себя от дальнейших неожиданностей со стороны Москвы. Василий Дмитриевич был оставлен заложником в Сарае.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ – ПАМЯТЬ БЫЛИНЫ

Не найдется на Руси человека, который не слышал бы имени Ильи Муромца. Знакомый с детства богатырь стоит в сознании русского человека в одном ряду с Вещим Олегом, Владимиром Святославовичем, Дмитрием Донским и другими реальными историческими личностями. Однако поиски исторических «прототипов» былинного Ильи Муромца не дали каких-либо осязаемых результатов. Существует единственная мифологическая параллель с языческим богом Перуном, а позднее – с Ильей Пророком. В русских же летописных и литературных источниках не сохранилось сведений о реальном Илье Муромце.

И тем не менее знаменитый богатырь – единственный герой русских былин, причисленный к лику святых, что лишний раз доказывает, что в сознании русских людей Илья Муромец вполне реален.

Былина о татарском нашествии является центральной в цикла об Илье. Среди ее многочисленных вариаций особо интересна одна под названием «Мамаево побоище», которая хотя и является вариантом былины «Илья и Калин-царь», но отличается от других версий целым рядом особенностей.

В этом исследовании сделана попытка провести параллели между былинным текстом и исторической действитель-

ностью, подтвержденной письменными источниками. Зачин былины весьма напоминает начало «Задонщины»:

*Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонники восточныя
Не темная туча поднималась,
С силой Мамай соряжается
На тот ли на крашен Киев-град
И хочет крашен Киев в полон взять...*

В«Задонщине» читаем: «Уже бо, брате, возвеша сильнии ветри с моря на уст Дону и Днепра, прилетяша великиа тучи на Русскую землю; из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому великому на речке Не-прядве, между Доном и Днепром, пасти трупы человеческому на поле Куликове, пролиться крови на речке Непрядве!

Уже бо вскрипели телеги между Доном и Днепром, идут хи-нове на Русскую землю. Ипритекоша серые волки от уст Дону и Днепра ставши воют на реке, на Мечи, хотят наступити на Русскую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лебеди крилы всплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лебеди крилы всплескаша, но поганый Мамай пришел на Русскую землю и воя свои привел. А уже беды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, во-

роны часто грают, а галици свои речи говорить, орлы клекочут, а волки грозно воют, а лисицы на кости брешут».

Невооруженным глазом видна связь между шедевром древнерусской литературы и былиной. Теперь уже трудно установить, знал ли иерей Софоний, создатель «Задонщины», эту былинку, или же она была сложена позже. Вероятно, первоначальный вариант былинки о Мамаевом побоище в то время начало XV века) уже существовал. В дошедшем же до нас варианте наблюдается книжное влияние, что хорошо заметно, например, в реакции князя на известие о походе Мамаева:

*Как в ту пору до во то время
Не ясен сокол да подымается,
А приехал старый (Илья Муромец) во Киев-град;
Забегает старый на красно крыльцо,
Заходит старый во светлу грядню,
А Владимир стольно-киевский
Горючми слезами уливается;
Не подымаются у него белы руки,
Не глядят у него очи ясные...*

Примерно та же сцена описывается в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Слышав же то, князь великий Дмитрий Иванович, что идет на него безбожный царь Мамай со многими силами... Князь великий Дмитрий Иванович опечалился очень о нахождении безбожных...

И пошел в спальню свою, послав скоро за братом своим, князем Владимиром Андреевичем, а он же был в области своей в Боровске, и за всеми воеводами своими местными. Князь же Владимир Андреевич пришел на Москву скоро. Князь же великий, видев брата своего, князя Владимира, и прослезился скоро и, взяв его за руку, пошел с ним в комнату, наедине сказав ему: «Слышал ли, брат, о надвигающейся скорби на нас, о нашествии поганых?..».

Обращает на себя внимание сходство образов Ильи Муромца и князя Владимира Андреевича. Наметившееся в данном эпизоде, это сходство усиливается с развитием сюжета.

«Отвечал же князь Владимир великому князю, сказав: «Ты глава всем главам и государь всей земли Русской. Как объят ты великою печалью об этом?.. Надлежит, государь, всем головам нашим любезно под мечом умереть... нежели нам в рабстве быть под рукою злочестивого сего Мамая, лучше, государь, нам почетную смерть принять, нежели позорную жизнь видеть!»

Почти те же слова произносит в былинах Илья Муромец, обращаясь к богатырям:

*Уж вы удалы добры молодцы!
Постоим-ка-ся мы за веру христианскую,
И за те же за храмы за Божие,
И за те же честные монастыри
И своюю мы кровью горячею,
И поедем мы в далече чисто поле,*

*На рать – силу великую,
Поедем мы все, покаемся...
А не приедем из того побоища Мамаева, —
Похорони (князь) наши тела мертвые
И помяни русских богатырей,
И пройдет славушка про нас немалая.*

Недаром Владимира Андреевича называли главным героем Куликовской битвы. В памяти народа Владимир Хоробрый почти равен Илье Муромцу, великому богатырю русскому.

Не вызывает сомнений, что с былинными богатырями олицетворяли на Руси самых известных князей, причем не только «положительных» героев, но и тех, о ком сохранилась в народе сомнительная, спорная слава. Так обращает на себя внимание необычный персонаж былины – Василий Прекрасный, родственник ордынского хана. Возможно, былина донесла до нас отголоски конфликта 1394 года, когда после смерти Бориса Константиновича (бывшего нижегородского князя) оба племянника его, Василий и Семен Суздальские, бежали из Суздаля в Орду и стали служить там ханам. Обращает на себя внимание тот факт, что Василий Прекрасный описывается в былине не как, к примеру, Тугарин Змеевич, а как типичный русский богатырь:

*Садился тут Василий на добра коня,
Поехал Василий во Киев-град,*

*Не дорогой ехал, не воротами,
Через стены скакал городовые,
Мимо башенки те наугольные,
Подъезжал ко двору ко княжескому,
И соскакивал с добра коня удалой...*

Разумеется, Василий Прекрасный – это собирательный образ, а не конкретный Василий Суздальский, поэтому некое его «раздвоение» в дальнейшем тексте и «временной сбой» не должны сбивать нас с толку. Память былины своеобразна и избирательна, а позднейшие наслоения искажают первоначальный текст, так что с течением времени прошедшие события становятся полусказочными, легендарными.

Историчность былины подтверждают и летописные источники. Так, и в былине и в летописях рассказывается, что великий князь попытался откупиться от Мамаю, решить дело миром. В былине Василия Прекрасного, посла Мамаю, щедро «дарят золотой ка зной»:

*Подарили один кубчик чиста золота,
А другой-от подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хороших.
Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатом дарили красным.
Принимал Василий подарочки великие
И вез к Мамаю в белополотняный шатер.*

Как известно из «Сказания о Мамаевом побоище», возобновление выплаты дани «по старине» Мамаю не удовлетворило, ему этого уже было мало. И тогда собираются под знамена великого князя «князя белозерские с многими силами... Пришел князь Симеон Федорович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Андомский. Пришли же князя Ярославские: князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский, и с ними князя многие, и бояре, и дети боярские».

Собираются на клич Ильи Муромца русские богатыри, названные в былине поименно:

*Самсон Колуван,
Дунай Иванович,
Василий Касимеров,
Михайлушко Игнатъев с племянником,
Поток Иванович,
Добрыня Никитич,
Алеша Попович,
два брата Ивана,
«да еще два брата, два Суздальца».*

Встали русские князя-богатыри на битву с Мамаем, «хотя боронити своя отчины, и за Святыя церкви и за правую веру христианьскую, и за всю Русскую землю».

И все же былина – это истинно народное творчество. В «Сказании» великий князь перед выходом из Коломны «многих князей и воевод позвал к себе хлеба вкусить». В былине это скромное «хлебосолье» разрастается до поистине русских масштабов!

*Садились добры молодцы на добрых коней,
Поехали добры молодцы во чисто поле,
И расставили они шатры белополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвились,
И начали они думу думати, совет советовати...*

Да, широка душа у русского человека – уж гулять, так гулять, воевать, так воевать!

Главный герой былинного Мамаева побоища – Илья Муромец. В одиночку пробирается он в стан татар и убивает самого Мамаю. Но не в силах он был справиться со всей ратью вражеской, и тогда «затрубил старый во турий рог»:

*И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поле быки кормленные,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со края на край.
Не оставляли они ни единого на семена,
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трунья по облака...*

«Черна земля под копыты, а костями татарскими поля на-сея-ша, а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вмести и протопташа холми и луги, и возмутишася реки и потоки и озера. Кликнуло Диво в Русской земли, велит послушати грозным землям. Шибла слава к Железным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле ко Царюграду на похвалу русским князем: Русь великая одолеша рать татарскую на поле Куликове на речке Непрядве».

Все, победа. Но былина не закончена. Два богатыря не принимали участия в битве:

*Оставались только в лагерях у старого
Два брата – два Суздальца,
Чтобы встретить с приездом богатырей кому быть...*

Интересно, что реальная история знает суздальских князей, не принимавших участия в Мамаевом побоище. Это уже упоминавшиеся выше два родных брата – Василий и Семен Суздальские, сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского, тестя великого московского князя.

Дальнейший рассказ о былинных Суздальцах вызывает еще более интересные ассоциации:

*Не утерпели тут два брата Суздальца
И поехали во ту рать – силу великую.
А и приехал тут стар казак со другом,*

*А встретить-то у лагерей и некому.
И ехали от рати великия
Те два брата, два Суздальца,
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И все бы мы побили ее по полю».
Вдруг от их слова сделалось чудо великое:
Восстала сила Мамаева,
И стало силы больше в пятеро...*

*Тут поехала дружинишка хоробрая
Во ту рать – силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А встават силы больше прежнего.
Узнал старьей предсобой вино,
И покаялся старьей Спасу пречистому:
«Ты прости нас в первой вине,
За те слова глупые,
За тех же братьев Суздальцев».
И повалилась тут сила кроволиткая,
И начали копать мать сыру землю
И хоронить тело да во сыру землю,
И протекла река кровью горячею.*

При всей фантастичности сюжета некие исторические аналогии отыскать все же возможно. Обратимся к уже знакомому нам произведению древнерусской литературы – «Повести о нашествии Тохтамышша», в которой рассказывается о

взятии и разорении Москвы ханом Тохтамышем в 1382 году. Видимо, предательства князей Василия и Семена Суздальских не забыли в народе, отголоски тех событий, своеобразно видоизменившись, прозвучали в былине. «Вина братьев-Суздальцев» – это грех клятвопреступления, который герои-богатыри будут замаливать всю оставшуюся жизнь:

*Садилась тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко граду ко Киеву,
Заехали они в крашен Киев-град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во Киевски;
Там они и представилися.
Тут старому и славу поют.*

Впрочем, существуют и другие варианты концовки былины. В одних случаях богатыри побивают восставших татар, но сами в наказание за похвальбу окаменевают, и с тех пор на Руси нет больше богатырей. В других случаях они, побив всех врагов, весело пируют, а есть и такие варианты, в которых Илья после смерти объявляется святым. Видимо, варианты былины зависели от рассказчика, от его идейной позиции.

Мамаево побоище былины – это, разумеется, не реальная Куликовская битва и не рассказ о взятии Москвы Тохтамышем. Былина – не летопись, она следует не букве, но духу истории. Однако не стоит забывать, что «сам фольклор – то-

же документ истории, одна из самых неопровержимых и достоверных летописей внутренней жизни народа, его идеалов и идей», – как метко заметил Е. Калугин. И в этой летописи хранится память о многих славных и горестных событиях русской истории, нужно только уметь расшифровать эти страницы, и тогда в рокоте струн оживет Древняя Русь, удивительная, незнакомая и совсем не похожая на тот лубочный образ, к которому мы привыкли на школьных уроках истории.

ПОД ВЛАСТЬЮ ТОХТАМЫША

*Москва, что доска: спать широка, да везде
знетет.*

Народная мудрость.

ЕДИНСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

После подавления мятежа в Москве Тохтамыш полностью восстановил свою власть над Северо-Восточной Русью. В 1382 году Тохтамыш до Литвы не дошел, но он наглядно продемонстрировал литовским князьям, что в любой момент может это сделать. Поэтому, хотя юго-западная и северо-западная Русь по-прежнему оставалась в составе владений великого князя Литовского, но литовские князья вынуждены были платить теперь дань Тохтамышу за те русские земли, которые раньше были подчинены татарам.

Тохтамышу удалось объединить вокруг Сарая все улусы Золотой Орды. Своими успехами хан был обязан прежде всего Тимуру. «Власть и могущество Тохтамыша стали развиваться, и, благодаря счастливому распоряжению Тимура, все улусы Джучи-евы вошли в круг его власти и господства», – писал один из историков Тимура-Шераф-ад-дин Иезди.

Тимур, или, как его иногда называют, Тамерлан, был властителем Средней Азии – одним из величайших полководцев и правителей своего времени. Он начал создание своей империи в 60-х годах XIV века, объединив под своей властью разрозненные прежде феодальные владения в междуречье Сырдарьи и Амударьи и сделав своей столицей древний город Самарканд. Тамерлан создал одну из самых боеспособных армий своего времени и практически непрерывно вел войны с соседями, расширяя свои владения.

Золотая Орда, с которой его земля соприкасались с севера, была для Тамерлана серьезным противником и конкурентом в борьбе за контроль над приносящими огромную прибыль караванными путями из Китая в Европу.

В 1376 году Тамерлан поддержал одного из золотоордынских царевичей – Тохтамыш, дав ему небольшое войско и область Сауран на севере своих владений. И Тохтамыш начал борьбу за контроль над Синей Ордой. Синяя Орда, ранее бывшая частью Золотой Орды, в 1376 году находилась под властью уже известного нам Урус-хана. В 1376 году произошло первое столкновение войск Тохтамыша с силами Урус-хана, но Тохтамыш был разбит и снова бежал к Тамерлану. Зимой 1377 года во главе огромного войска сам Тамерлан двинулся на войска Урус-хана и после долгой борьбы разгромил его. Урус-хан умер в этом же 1377 году. И Тамерлан поставил Тохтамыша ханом Синей Орды.

Однако несколько месяцев спустя сын Урус-хана Ти-

мур-Мелек напал на владения Тохтамыша и, разгромив его, захватил власть над Синей Ордой.

Зимой 1379 года Тамерлан снарядил против Тимур-Мелека огромное войско, «чтобы они посадили на престол в Сыганке (столице Синей Орды. – *Прим. авт.*) Тохтамыша». Тимур-Мелек был разбит. Большинство эмиров покинуло своего хана. Князья Синей Орды стали переходить на сторону Тохтамыша.

С помощью Тамерлана закрепившись в Синей Орде, Тохтамыш в 1380 году совершил поход на столицу Золотой Орды – Сарай и, разбив осенью этого же года Мамаю на Калке, установил свою власть над всей территорией Золотой Орды.

«Великая замятня» кончилась. Бессмысленная гражданская война всех против всех прекратилась. В Золотой Орде установился долгожданный мир. С облегчением восприняли появление сильного, справедливого царя и на Руси. Тохтамыш правил в Сарае на протяжении 15 лет.

КТО ТУТ В МИТРОПОЛИТЫ КРАЙНИЙ?

После мятежа 1382 года митрополит Киприан не спешил возвращаться в Москву. «Той же осенью был Киприан митрополит на Твери... князь же великий Дмитрий Иванович послал за ним двух бояр своих: Семена Тимофеевича да Михаила Морозова, – зовя его на Москву к себе». Но в Москве Киприан надолго не задержался.

«Той же осенью князь великий Дмитрий Иванович послал за Пименом за митрополитом и привели его из заточения». В Москву Пимена привезли уже после изгнания Киприана, причем привезли его не прямо из Чухломы, а из Твери, о чем свидетельствует Тверская летопись: князь Дмитрий «Пимена с честью привел с Твери на Москву».

Видимо, в Твери Пимен останавливался, дабы утвердить в городе свою власть. Ведь до того здесь долгое время жил Киприан и наверняка настроил тверского князя и архиепископа против Пимена.

Еще до своего изгнания, находясь в Твери и предчувствуя разлад с великим князем, Киприан написал «Повесть о Митяе» – своеобразное предостережение Дмитрию Ивановичу от почти готового решения сменить митрополита. До этого, в 1381 году, в похвальном слове митрополиту Петру Киприан мягко наставлял князя, рисуя благостную картину по-

слушания князя Ивана, отца Дмитрия, митрополиту Петру. Теперь же тон Киприана изменился. В «Повести» он насмехается над своими недругами – Митя-ем, Пименом и продажным патриархом Нилом. Предостережение не помогло – князь выслал Киприана из Москвы. Формальным предлогом могли послужить грамоты против Киприана и в защиту Пимена, которые отправлял на Русь патриарх Нил, прося московского князя избавить Пимена от «телесных бедствий» и принять его как местного архиерея. Впрочем, ранее известие о по-ставлении Пимена не помешало Дмитрию Ивановичу наплевать на решение патриарха и призвать Киприана на Москву.

Таким образом, великий московский князь не отступился от идеи подчинить своей воле Русскую православную церковь. Несговорчивого, самостоятельно действующего Киприана Дмитрий Донской силой заменяет Пименом, полагая, что тот не выйдет из-под воли князя.

За митрополита Киприана никто из церковных иерархов Руси не вступился. Феодор Симоновский, бывший сторонником Киприана, сумел не попасть в опалу и остался духовником Дмитрия Ивановича. Архиепископ Дионисий Суздальский тоже сумел быстро восстановить хорошие отношения с Московским великим князем, а Сергей Радонежский по-прежнему крестил новорожденных княжеских детей. И только игумен серпуховского общежительского монастыря Афанасий по своей воле ушел вместе с изгнанным из Моск-

вы Киприаном.

Итак, осенью 1382 года Русь имела трех митрополитов: Галиц-кая Русь, захваченная Польшей, имела своего митрополита Антония; южная и западная Русь, подвластная Литве, – митрополита Киприана; Великая Русь – митрополита Пимена.

Но такое положение дел сохранялось недолго. Дионисий, архиепископ Суздальский, «...под видом исправления бедствующей русской церкви коварно забирает в свои руки всю власть» – так пишет о событиях в Москве византийский летописец. Видимо, Дмитрий Донской быстро разочаровался в Пимене, а Дионисий сумел втереться в доверие к князю.

Летом 1383 года великий князь Дмитрий Иванович отправляет Дионисия в Византию для того, чтобы константинопольский патриарх поставил его митрополитом всея Руси вместо Пимена. Вместе с Дионисием едет духовник князя Феодор Симоновский. Явившись к патриарху Нилу, архиепископ Дионисий вручил ему грамоты великого князя Дмитрия и других князей, содержащие обвинения против Пимена, а игумен Феодор Симоновский засвидетельствовал, что власть в Церкви по низложению Пимена должен получить, согласно великокняжеской воле, Дионисий. Послы настаивали на немедленном рукоположении Дионисия, патриарх же склонялся к долгому расследованию. От этого послы пришли в ярость и «излили на всех нас (патриарха и собор. – *Прим. авт.*) поток многих ругательств с прибавлением на-

смешек, обвинений и ропота». То есть Дионисий, учтя опыт Пимена, решил, что никаких денег на подкуп византийских мздоимцев все равно не напасешься, тем более что главным аргументом в споре с византийцами являются напор и грубая сила. Исходя из этого он и действовал.

Но согласия не было и среди самих послов. Часто возникали распри, когда они, «разделенные на две, нередко три партии, представляя в одно и то же время противоречащие грамоты, обвиняя друг друга и восставая друг на друга... производили разделение и раздор». Напрашивается предположение, что еще кто-то из послов захотел сделаться митрополитом всея Руси, раз уж все равно приехал в Константинополь.

Патриарх в конце концов выполнил волю великого князя Дмитрия Ивановича и, рукоположив Дионисия в митрополиты отпустил его на Русь.

Интересно, что Феодор Симоновский задержался в Константинополе. Возможно, именно между Феодором и Дионисием возник «раздор» на почве – «а почему это тебя в митрополиты, а не меня?» Но митрополитом Феодор Симоновский так и не стал.

Весной 1384 года «пришел из Царьграда в Киев Дионисий епископ, его же поставили в Царьграде митрополитом на Русь (выходит, на всю Русь? – *Прим. авт.*); и помышлял от Киева идти на Москву, хотя быть митрополитом на Руси».

А вот приезд в Киев был крупной ошибкой новоиспеченного митрополита. «И схватил Дионисия киевский князь

Владимир Ольгердович, говоря ему: Пошел ты на митрополию в Царьград без нашего повеления». Это доказывает, что Дионисий претендовал и на литовскую митрополию. В Киеве он собирался заявить о своих правах и передать Киприану вызов в патриархию для низложения. Киевский князь решил иначе. С согласия или при попустительстве Киприана, он арестовал Дионисия, и тот пробыл в заточении до самой своей смерти (15 октября 1385 года).

Итак, совершенно незаметно, в круговороте политической борьбы, бывший идеалист Киприан начинает действовать методами своих политических противников. Он больше не надеется на правду. Авторитет константинопольского патриарха рухнул в его глазах еще в 1380 году. С тех пор он считает, что на земле над ним нет больше судьи. Киприан принял от Дмитрия московскую митрополию, нарушив таким образом постановление вселенского собора. В 1382 году он не пытался предотвратить избиение не вступившихся за него перед толпой московских священников. И, наконец, он позволяет (а, может быть, и приказывает) киевскому князю загубить своего бывшего сторонника, а теперь конкурента – Дионисия. Это уже поступки жесткого прагматичного политика, а не того мечтателя, каким был Киприан в начале своей карьеры.

До зимы 1384 – 1385 года Пимен оставался в Москве и считался митрополитом всея Руси. Зимой же в Москву приехал Феодор Симоновский и пришли послы от Константино-

польского патриарха. Они расследовали дело Пимена, признали все обвинения против него правильными «и извергли его из церкви».

«...Пимен, изверженный из той церкви, бежал оттуда, сложил с себя монашеские одежды, надел мирские и, после долгих скитаний с места на место, достиг Царствующего града». Маскарад Пимена и его скитания объясняются понятным нежеланием встречаться со своими кредиторами-генуэзцами. Ведь долг Пимена князь Дмитрий Донской так и не оплатил.

В Константинополе Пимену пришлось ждать возвращения патриарших послов, которые из Москвы поехали в Киев, дабы передать Киприану вызов патриарха. Киприан ехал в Константинополь неохотно: «Мне не хотелось от своих детей нигде бывать. Да что взять! Кто меня в труд путный вложил в сие время? Господь пак да подаст ему (видимо, Киприан имеет в виду патриарха. – *Прим. авт.*) познать истину... А лживого человека и льстивого Бог объявит». Киприан уже не верит, что из этой поездки будет какой-то толк. Ему не хочется бросать важные дела, требующие его присутствия.

Лишь к 1386 году оба претендента на роль митрополита всея Руси встретились в Константинополе. Но длительное разбирательство закончилось ничем. Митрополит Пимен не был смещен, несмотря на все выдвинутые против него обвинения. А митрополит Киприан вернулся в Литву. Митрополия осталась разделенной.

Между тем в Константинополе, после отъезда Киприана, произошли очень интересные события. Феодор Симонский, посланный в Византию великим князем Дмитрием с обвинениями против Пимена, неожиданно нашел общий язык с опальным митрополитом и бежал с ним из Константинополя на азиатский берег Босфора. Уговорам императора и патриарха вернуться они «не вняли, но, убежав к туркам и найдя у них поддержку, осыпали многими ругательствами и царство и церковь», а затем «со всею поспешностью пустились в путь, ведущий на Русь». Видимо, ни сил, ни терпения, чтобы выносить долее константинопольское издевательство над здравым смыслом, у спорящих сторон уже не было. Деньги на взятки, видимо, тоже кончились. Возмущение творящимся в Константинополе безобразием примирило бывших врагов. Пимен даже рукоположил Феодора в архиепископы. При этом Феодор умудрился сохранить хорошие отношения с Киприаном.

ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ

Под 1381 годом летописи сообщают: «Был велик мятеж в Литве и встали сами на себя и убили великого князя Кейсту-та Геде-миновича и бояр его, а сын его, князь Витовт, бежал в немцы, и много зла сотворил земле Литовской».

Литовское предание более подробно рассказывает об этих событиях. После убийства Кейстута та же участь ожидала, видимо, и Витовта, взятого Ягайлой в плен вместе с отцом. Жена Витов-та, Анна Святославна, спасла мужа, переодев в женское платье, и Витовт бежал из кревской крепости к мазовецкому князю Яну-шу, своему шурину. Тогда Ягайло заключил Анну в темницу в Вильно.

Витовт обратился за помощью к магистру Ливонского ордена. Тот воспользовался возможностью посеять смуту в Литве и пограбить ее города и селения. Разгорелась междоусобная война, и в 1384 году Ягайло был вынужден заключить мирный договор со своим двоюродным братом Витовтом.

Помирившись, Витовт и Ягайло совместно ударили по ливонцам. После трехнедельной осады они взяли ливонскую крепость Ковно. Орден понес огромные потери. Однако Ягайло не вернул Витовту отцовский Трокский удел. Вместо этого Витовт получил часть бывшего Владимиро-Волынского княжества и ряд других городов и владений.

В 1384 году Дмитрий Иванович Донской предпринимает попытку сблизиться с великим князем литовским Ягайло. Сохранились сведения о московско-литовских договорах 1384 года. Содержание первого таково: «Докончальная грамота великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича с великим князем Ягайло с братьею его и со князем Скиригайло и со князем Корибутом; и против того другая грамота великого князя Ягайла и брата его Скиригайло и Карибута, как они dokonчали и целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу и их детям, лета 6902 года».

Второй договор был предварительным и предусматривал брак Ягайло с дочерью Дмитрия Донского при условии подчинения Литовского князя верховной власти князя Московского и признания Православия государственной религией Великого княжества Литовского. Возможно, оба эти договора были составлены при содействии митрополита Киприана, который в это время находился в Литве.

К 1384 году правящая верхушка Великого княжества Литовского осознала свою неспособность самостоятельно отстаивать целостность собственного государства. Они искали твердой опоры в своих соседях. Был выбор: либо Москва, либо Польша. Но предварительные договоры с Москвой так и не были реализованы. Вместо этого 15 августа 1385 года в Креве в Литве была подписана Кревская уния – событие чрезвычайно важное, решительно изменившее направление

истории не только наших земель, но и всей Восточной Европы. Возможно, если бы Киприану не пришлось в этот момент уехать в Царьград, все сложилось бы иначе.

Еще совсем недавно между Польшей и Литвой шла кровавая борьба за владения в Галиции. И вдруг эта борьба закончилась унией, т. е. объединением Польши и Литвы под властью великого князя литовского Ягайло, который занял польский трон.

Придумали это польские паны. Избрав королевой дочку прежнего Польского короля, француза Людовика, дабы отделиться от Венгрии и избавиться от влияния венгерской аристократии, они стали подбирать своей королеве подходящего жениха, способного защитить польские интересы, но не склонного вмешиваться в польские дела. Правда, польская королева Ядвига была уже просватана за австрийского княжича Вильгельма, но тот не имел за собой никакой военной силы и шляхте не подходил. И поляки обратили внимание на молодого великого князя литовского Ягайло.

Польские паны надеялись, что за честь стать королем Польским он им будет несказанно благодарен и согласится на все их условия. И не ошиблись: Ягайло согласился на все. Он обещал окрестить в католичество всю некрещеную Литву и самому перейти в латинскую веру (до того Ягайло был православным), обещал своими средствами добывать утраченные Польшей земли и – самое главное – обещал «на вечные времена присоединить свои земли, литовские и русские,

к короне Польской».

Договорившись с Ягайло, польские вельможи взялись поженить его на своей королеве. Трудности в этом деле были немалые, так как тем временем мать Ядвиги дала окончательное согласие Вильгельму, тот приехал в Краков, обвенчался с Ядвигой и жил с нею как с женой в Краковском замке. Паны решили разорвать этот брак, ни перед чем не останавливаясь. Они силой схватили Вильгельма и выгнали его из Кракова; Ядвига хотела догнать и вернуть мужа – ее принудили остаться. Брак ее с Вильгельмом признали недействительным, а духовенство принялось убеждать королеву, что для блага Польши и веры она должна выйти за Ягайло.

У Ядвиги уже был другой жених. Кроме того, литовский князь был далеко не красавцем, поэтому понятно, что юная королева не желала этого брака. Ягайло был весьма неказистой наружности. Среднего роста, худощавый, имел небольшую голову клином, покрытую редкими волосами, продолговатое лицо с узким подбородком и маленькие черные глаза с бегающим взглядом; брил бороду и носил длинные, тонкие усы. Он не умел ни читать, ни писать, но кроме литовского языка знал еще польский и русский.

В конце концов Ядвигу «уговорили» и выдали за Ягайло, который короновался под именем Владислава II. Совершив это, поляки прежде всего вернули себе спорные с Литвой Галицкие земли, а потом стали ждать исполнения Ягайловых обещаний – присоединения к Польше всех земель литовских

и русских.

Исполняя взятые перед поляками на себя обязательства, Ягайло приступил к крещению Литвы.

Литовцы в большинстве своем в то время были язычниками. Они поклонялись силам природы, олицетворенным в фигурах божеств. «Также многие леса они чтили как священные, так что ходить туда и уничтожать их, срубая деревья или обламывая ветки, считалось преступлением... Почти в каждом доме они содержали гадов и змей, давая им в пищу молоко, и резали им петухов в качестве умилоостивительной жертвы... Всех покойников они сжигали, а с ними и коня, одежду и утварь, какую умерший ценил больше всего...

Сверх того у литовцев существовал унаследованный от предков... обычай: в начале октября месяца, после сбора урожая, отправляться с женами, детьми и домочадцами в леса, почитавшиеся священными, и приносить в течение трех дней богам быков, баранов и прочих животных в жертву. А после жертвоприношений проводить эти три дня в празднествах, играх и плясках, предаваясь пиршествам... Это празднество было главным и важнейшим, от которого никому нельзя было уклониться».

Ягайло задумал разом уничтожить язычество в Литве. Сразу же по прибытии в Литву король собрал в Вильно съезд. На этот съезд съехались по повелению короля все его братья «и большое число рыцарей и простого люда, и в течение многих дней Владислав, король польский, при содей-

ствии католических князей... прилагал много стараний к тому, чтобы рыцари и простые люди, отвергнув ложных богов, согласились почитать единого истинного Бога и поклоняться ему и исповедовать христианскую веру. Когда варвары оказывали сопротивление этому, король Владислав распорядился потушить на их глазах огонь, почитавшийся ими как вечный в городе Вильно. Капище и жертвенник, на котором совершалось заклятие жертв, король приказал разрушить. Сверх того он повелел вырубить рощи в лесах, почитавшиеся священными, и сломать в них ограды, а ужей и гадов перебить и уничтожить...».

Вельмож Ягайло заманивал в католичество подарками, а простой народ – силой. В Вильно было созвано для крещения множество язычников. Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками; священники кропили их святой водой и давали христианские имена: в одном полку всех называли Петрами, а в другом – Павлами и так далее. Ягайло ездил между ними, объяснял на литовском языке Символ веры и дарил всем белые суконные кафтаны, чему литовцы были весьма рады, так как до сих пор одевались лишь в шкуры и полотняные рубахи и штаны.

Но все же процесс обращения всей страны в христианство осуществлялся медленно. Дольше всего сохраняло язычество население Жмуди, которая официально приняла крещение только спустя два года после Грюнвальдской битвы – в 1412 году. Однако даже в следующем столетии старые об-

ряды продолжали сосуществовать в религиозном сознании и обрядах народа с христианской верой, а «жмудины собирались на потайных собраниях и совещаниях, дабы наново зажечь священный огонь, ибо тлел прах в прежнем месте культа».

Ягайло стремился искоренить в литовских землях не только язычество, но и православие. Тотчас после свадьбы Ягайло велел казнить двоих своих приближенных за отказ перейти из православия в католичество.

Королева Ядвига умерла бездетной в 1399 году (возможно, ее вынужденный брак с Ягайло был фиктивным), после чего Ягайло был женат еще трижды.

Таким образом, Великое княжество Литовское как самостоятельная держава должна была прекратить свое существование. Так это понимали поляки. Ягайло, исполняя их волю, велел всем князьям литовским, правившим в западной и юго-западной Руси, подписаться под тем, что они будут верны Ягайло, его королеве и их детям. Так как князья и раньше признавали Ягайло своим великим князем, такие бумаги для них особого значения вроде бы и не имели – и они грамоты подписали.

Окатоличивая Литву, Ягайло издал грамоту о том, что в будущем всеми правами будут обладать только бояре католической веры. Только католики могли заседать в княжеском совете, занимать высшие должности в государстве и быть допущенными к решению важнейших дел. Православные кня-

зья и бояре, даже князья из литовской династии, обжившиеся в белорусских и украинских землях и слившиеся с местным обществом, не могли теперь принимать участия в политической жизни, если не хотели оставлять своей веры.

В городах заводилось самоуправление по немецкому образцу, как в Польше, по так называемому магдебургскому праву, но это право распространялось только на католиков, так что православные не могли быть выбраны в городскую управу, а порой даже не считались полноправными горожанами. В главных городах Литвы, Белоруссии и Украины основывались католические епископства; они обеспечивались землями, которые нередко отбирались у православных. Православная церковь, привыкшая жить под опекою правительства, теперь ощущала себя покинутой и обделенной.

Особенно тяжело пришлось православному духовенству в тех землях, что были присоединены непосредственно к Польше (в Галичине, Холмщине, Белзской земле). В этих землях Ягайло запретил крестить по православному обряду детей от браков православных с католиками, а уже окрещенных велел силой перекрещивать. В Великом княжестве Литовском он так жестко действовать еще не решался, но разные обременительные для православных людей ограничения вводились одно за другим и там.

Но уже в начале XV века польский король Ягайло мог себе позволить надругаться над православными святынями. Проезжая через Перемышль в 1412 году, дабы похвалиться

перед католическим духовенством своей ревностью к вере, Ягайло велел отобрать у православных священников кафедральный собор, выкинуть из него похороненных там древних перемышльских князей и переосвятить храм, превратив его в костел. Православные священники и народ горько плакали от такой беды, но сделано было так, как сказал король.

Литовские князья и бояре поняли, что теперь ими будут править и распоряжаться краковские паны, после чего в литовских и русских землях началось недовольство. Витовт, опираясь на литовских и русских бояр попытался получить литовский великокняжеский престол, но Ягайло сделал великим князем Литовским своего брата Скригайло.

Витовт на время вроде бы примирился с этим. В 1386 году он совместно с другими литовскими князьями, признавшими власть Ягайло, участвовал в войне против Смоленска: «Узрели Смоляне в поле стяги Литовкой рати. В первом же полку был князь великий Скригайло Ольгердович, а в другом брат его князь Корибут, а в третьем брат их князь Семен Лугвень, а с ними же князь Витовт Кейстутович, и вся сила с ними Литовская идяху же в борзе на поле... И по сем князи литовские Ольгердовичи одолели, а Смоляне побиты были, а иные убежали».

Но мирное сосуществование литовских князей длилось недолго. Вскоре Витовт снова обратился за помощью к Ливонскому ордену, и в Литве снова вспыхнула гражданская война.

РЕВАНШ РЯЗАНИ

После татарского и московского погромов 1382 года Олег Рязанский не был сломлен. Он потихоньку стал копить силы для ответа. На этот раз он подготовился очень тщательно.

В 1385 году «марта 25, в Лазареву субботу, князь Олег взял Коломну изгоном, и наместника захватил Александра Андреевича, и прочих бояр и лучших мужей увел с собою, и злата и серебра и всякого товара захватил, и отошел в свою землю...» Город Коломна до 1301 года принадлежал Рязанскому княжеству. Похоже, что это была грамотная провокация. На такую наглую выходку Москва не могла не ответить немедленным ударом, ведь если бы Дмитрий Донской смолчал, то это бы означало, что он признает права Олега Рязанского на Коломну.

Доспех русского воина XIV в. Современная реконструкция

«Того же лета князь великий Дмитрий Иванович, собрав воинов многих, послал брата своего, князя Владимира, на князя Олега. На той войне убили князя Михаила, сына Андреева Полоцкого Ольгердовича на Рязани...». Такого ответа Олег и ждал. Он приготовил встречу московским войскам и полностью их разгромил. В летописях имеется упоминание, что Дмитрий Иванович послал рать и на Муром, то есть в то время Муром и Рязань воспринимаются если не как единое целое, то как союзники. Факт поражения москвичей в московской летописи затушевывается. Рязанские же рукописи прямо заявляют, что «рязанцы москвичей побили под Перевицким». Очевидно, поражение было столь страшным, что в сентябре Дмитрий Иванович обращается к Сергию «с молением» идти «посольством на Рязань ко князю Олегу о вечном мире и о любви».

«Тое же осени в Филипово говенье игумен Сергей сам ездил на Рязань ко князю Олегу о мире: прежде того многие ездили к нему, и никак же не могли утолити его. Преподобный же старец кроткими словесами и благоуветливыми глаголами много беседовал с ним о мире и любви: князь же Олег сменил свирепство свое на кротость, и умилился душою, и устыдился столь святого мужа, и взял со князем Великим

мир вечный». В результате Олег вернул себе некоторые из тех пограничных с Москвой земель, которые были предметом вечного спора князей.

Таким образом, менее чем за три года Олег Иванович сумел восстановить разоренное княжество и собрать такую силу, которая заставила считаться с Рязанью даже Москву.

На следующий, 1386 год, в сентябре состоялась свадьба Софьи Дмитриевны, дочери Дмитрия Донского, и Федора Олеговича, сына Олега Рязанского.

РАЗЛАД В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В момент смерти великого князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича в 1383 году его младший брат Борис находился в Орде. Там же находился и старший сын Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа. Видимо, оба просили у хана Тохтамыша ярлык на великое княжение Нижегородское. Хан отдал ярлык Борису Константиновичу, а Василия Кирдяпу удержал у себя «в гостях» в Орде. Видимо, Тохтамыш предвидел, что если оба претендента окажутся на Руси, то там снова начнется гражданская война.

В 1386 году Василий Кирдяпа бежал из Орды, но был пойман в пути и возвращен ко двору Тохтамыша, «и за то принял от татар истому великую».

В 1387 году князь великий Борис Константинович Нижегородский послал в Орду сына своего князя Ивана. Видимо, Иван Борисович чем-то не угодил хану, потому что в этом же году Василий Дмитриевич Кирдяпа вернулся из Орды, получив от царя Тохтамыша ярлык на Городец. А этот город прежде принадлежал Борису Константиновичу.

Как пишет летописец, «того же лета князь Василий Дмитриевич Суздальский и Городецкий да брат его князь Семен Дмитриевич Суздальский, собрали воинства много со своей отчины, с Суздаля и Городца, да еще испросили себе у великого князя Дмитрия Ивановича Московского силу в помощь

(видимо, хан Тохтамыш проявил неудовольствие по отношению к Борису Константиновичу, поэтому московский князь и решился поддержать Василия с Семеном. – *Прим. авт.*) ... и пошли на дядю своего, на князя Бориса Константиновича, к Новгороду Нижнему и, придя, стояли у града 8 дней; и потом помирились с дядею своим, с великим князем Борисом Константиновичем. И сказал им дядя их: «Милые мои племянники, ныне я от вас плачу, потом же вы вос-плачете от врагов своих». И отдал им волости свои Новгородские, а они ему отдали его уделы; и так взяли мир между собою».

МИТРОПОЛИТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Киприан возвратился в Литву только летом 1387 года и сразу же окунулся в политическую жизнь. В 1386 году из Орды бежал старший сын Дмитрия Ивановича Василий (уж не вместе ли со своим тезкой – Василием Кирдяпой?). И «прибежал... в Подольскую землю, в Великие Волохы к Петру Воеводе». Он побывал и в Литве, т. к. осенью 1387 года великий князь Дмитрий Иванович посылал «бояр своих старейших за сыном своим князем Василием в Полоцкую землю». Против воли отца и при содействии митрополита Киприана Василий Дмитриевич заключил тайное союзническое соглашение с Витовтом, и совершилось обручение дочери Витовта, Софьи, и Василия.

В 1387 – 1388 годах вокруг Витовта складывается анти-ягайлов-ская коалиция, в создании которой принимает активное участие Киприан. Митрополит тем самым отказался от сотрудничества с Владимиром Ольгердовичем, князем киевским, который активно поддерживал Ягайло.

Только в январе 1388 года Василий возвратился в Москву, а с ним туда приехали «князи Ляцьские и панове, и Ляхове, и Литва». В более поздних летописях указывается, что с князем Василием на Москву приехал и митрополит Киприан, «и не принял его князь великий». То есть Дмитрий Донской

опять не оценил проделанной Киприаном работы по объединению двух государств.

Митрополит Пимен вернулся в Москву 6 июля 1388 года. А в феврале 1389 года в Константинополе сменился патриарх. Новый патриарх Антоний был давним сторонником Киприана. В тот же месяц в Константинополе было принято решение об окончательном (не требующем даже явки на суд) низложении великорусского митрополита Пимена и о восстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси.

13 апреля 1389 года, видимо получив извещение из Константинополя, Пимен втайне от князя покинул Москву. Перед отъездом он запасся деньгами. Митрополит Пимен беззастенчиво торговал церковными должностями, занимал у кого только мог и просто грабил собственные церкви. Видимо, на эти деньги Пимен рассчитывал подкупить священный собор в Константинополе. «Князь же великий Дмитрий Иванович вознегодовал за это на митрополита, потому что он пошел без его ведома; была ведь некая распря между ними», – пишет Игнатий – один из спутников Пимена – в своих «путевых заметках».

Так началось третье путешествие преступного митрополита в Цареград. В святую неделю Пасхи князь Олег Иванович Рязанский с большой честью встречал в своей земле митрополита Пимена. В Переславле Рязанском князь устроил пир в честь гостя и даже выделил дружину для охраны мит-

рополита, на пути до Дона. «И отпустил (рязанский князь) ... боярина своего Станислава с достаточной дружиною, и велел нас проводить до реки до Дона, с великим опасением из-за разбоев», – пишет в «Хождении Пимена» его биограф.

Видимо, в противостоянии на митрополии (Пимен против Кип-риана) великий князь рязанский держал сторону незаконного митрополита – Пимена, может быть именно потому, что тот находился в опале у Дмитрия Донского.

Через два дня пути митрополит Пимен со своими спутниками достигли Ельца. Князь Юрий Елецкий уже был оповещен о приближении «высоких гостей» – «послал к нему вестника князь великий Олег Рязанский». Елецкий князь «исполнил повеление и воздал нам честь и радость и утешение великое». То есть в то время князь Ельца подчинялся приказам великого князя рязанского. Вряд ли Елецкое княжество входило в состав великого княжества рязанского. Скорее, Юрий Елецкий подчинялся Олегу Рязанскому, как его родственник. Возможно, он был связан с Рязанью докончальной грамотой, так же, как муромский и пронский князья.

На княжеских пирах митрополит Пимен, видимо, совсем забыл о своих кредиторах-генуэзцах и о так и не оплаченном долге. В прошлый раз он отправился в Константинополь тайно, переодетый, и поэтому сумел проскочить мимо своих кредиторов. Но в этот раз все получилось совершенно иначе.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

День был солнечный, и, если бы не прохладный ветерок, то даже под навесом было бы жарко. Корабль неторопливо шел на веслах по Меотийскому озеру, постепенно приближаясь к устью Танаиса, или, как называли его местные жители – Дона.

– Скоро приедем, сеньор Луиджи, – отрапортовал боцман вышедшему из каюты хозяину судна. – Вон, видны уже полумесяцы на мечетях Азака.

Азак был татарским торговым городом в устье Дона. Корабль сеньора Луиджи ди Геццо вез туда сто сорок два бочонка с недорогим вином из Кафы. Впрочем, татары в винах разбирались плохо, а для немногих настоящих ценителей Луиджи прихватил еще дюжину бочек калабрийского полусладкого вина. В Азаке была фактория венецианских купцов. Многие из них втридорога переплатят, чтобы почувствовать во рту вкус настоящего итальянского солнца...

Так размышляя, Луиджи стоял у борта, лениво озирая морскую гладь и постепенно приближающийся берег. Ничто сейчас не тревожило его взгляд. Несколько рыбацких лодок выбрасывали почти возле самого берега сети, да шел, точнее, медленно полз, рассекая воды широким неповоротливым брюхом, груженный венецианский неф. Видимо, он вышел из Азака поутру.

«Вот она, несчастливая доля, – вздохнул сеньор Луиджи. – Если бы сейчас со мной были те десять тысяч дукатов, что я так опрометчиво отдал в рост, я бы, наверное, не плавал сам на корабле, подвергая себя постоянному риску, а уже обосновался бы где-нибудь в Кафе, в Галате, а может быть, даже и в Генуе, и посылал бы в опасные путешествия своих младших компаньонов»»

*Генуэзский торговый корабль
XIV в. для каботажного плавания*

Неф тем временем подошел ближе и на нем уже были отчетливо различимы фигурки людей.

«Интересно, что за товар везет эта посудина? – заинтересовался Луиджи. – Уж не нагружена ли она по самые борта шелками?»

И он принялся внимательно вглядываться в очертания приближающегося корабля.

«А корабль не бедный. Люди одеты хорошо. Если они скупали все это время китайские шелка, то цена на них в Азаке, наверняка, сильно поднялась, – по лицу судовладельца пробежала тень беспокойства. – Или, может, они закупали там меха из северных стран?»

Вдруг словно что-то кольнуло сеньора Луиджи. На палубе подошедшего уже совсем близко нефа он заметил до боли знакомый силуэт. И в голове сами собой всплыли слова стряпчего.

«Дело верное. Клянусь святой Магдаленой! Как только синклит назначит его епископом всех Татарских и Литовских земель, этот ловкач вернет нам всю сумму с процентами. Да как вернет! Мехами и шелком! Вот, у него даже княжеская печать на пергаменте. Это даже вернее, чем дать взаймы самому Московскому князю!»

– Не может быть, – всплеснул руками сеньор Луиджи ди Геццо.

– Что вас так удивило? – поинтересовался, подойдя к хозяину, сеньор Адальберто, с недавних пор компаньон Луиджи, бравый вояка, заведующий охраной корабельного имущества.

– Мне кажется, я вижу привидение. Или мне показалось?.. Посмотрите, дорогой мой Адальберто. Вон тот человек, сутулый, с длинной седой бородой. Тот, что с посохом и все время кутается в синий татарский халат. Я его, кажется, знаю.

Седобородый человек, заметив, что на него указывают пальцем с другого корабля, переменялся в лице и поспешно отошел подальше от борта.

– Это он! Он! – возбужденно запрыгал на месте Луиджи. – Попался, гаденыш!.. – И судовладелец, свесившись с борта заорал во всю глотку, обращаясь к людям с проплывающего мимо нефа: – Стойте! Остановитесь именем Генуи!!!

Пассажиров как ветром сдуло с борта грузового корабля, а через секунду с него донесся свисток боцмана, и гребцы, до этого лишь вяло шевелившие веслами, теперь заработали ими гораздо быстрее.

– А! Знает кошка, чье мясо съела! – сеньор Луиджи погрозил кулаком проплывающему мимо кораблю. – Я узнал вас, сеньор Пимено! Я узнал вас и требую назад свои десять тысяч дукатов!

– Да что, в самом деле, случилось, сеньор Луиджи? – подбежал к хозяину корабля боцман.

– Поворачивай корабль, дурень, а не то они уйдут!

– Кто уйдет? – захолопал боцман глазами. – А как же полтора бочек молодого Кафинского вина? Оно же может прокиснуть прежде, чем мы впарим его татарам!

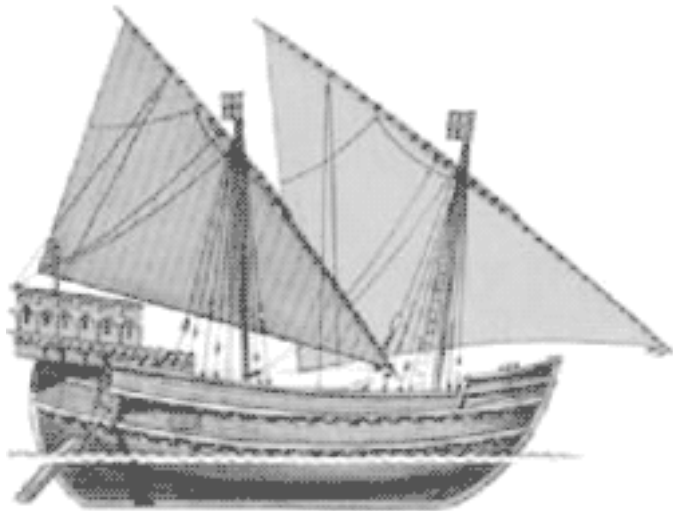
– И черт с ним, с вином! На том корабле плывет негодяй, который должен мне десять тысяч дукатов!

В ответ боцман ошарашенно присвистнул и через секунду разразился потоком ругательств и команд на страшной смеси греческого и итальянского языков. Корабль сеньора Луиджи стал медленно разворачиваться.

– А если они не захотят остановиться и выдать тебе этого сеньора Пимено? – поинтересовался у хозяина корабля сеньор Адальберто.

– А ты мне на что? – удивленно приподнял тот брови. – Если они не захотят выдать мне должника по-хорошему, то ты возьмешь этот корабль на abordаж!

Погоня продолжалась уже два часа. Азак скрылся из вида, а корма венецианского нефа была уже так близко, что до нее можно было добросить abordажный крюк.

Венецианский торговый неф XIII-XIV в.

– Стойте! Если вы не остановитесь, то я прикажу стрелять из арбалетов! – рычал, срывая голос, сеньор Луиджи. А его компаньон Адальберто сурово топорщил усы и уже битый час целился из арбалета в высывающуюся из-за борта седую лысеющую голову.

В ответ на угрозы голова «сеньора Пимено» разразилась потоком русских ругательств.

– Что он говорит, Адальберто? Переведи. Ты же знаешь кое-какие слова из их варварского языка.

– Видно, он и вправду татарский епископ. Орет что-то непотребное про нашу богоматерь, – пояснил вояка и снова прицелился в голову из арбалета. Голова, охнув, немедленно скрылась за бортом. – Сдавайтесь! Иначе я прикажу стрелять! – снова пригрозил Адальберто на итальянском. Затем он крикнул то же самое по-гречески и по-русски.

Сеньор Луиджи поспешил повторить те же самые угрозы по-кумански, возблагодарив мысленно Бога за то, что сподобился-таки выучить некоторые выражения из этого татарского языка. Но неф и не думал останавливаться.

Гребцы обеих кораблей уже изрядно устали, а сеньор Адальберто никак не решался пустить в ход арбалеты. Но тут на сцене появилось еще одно действующее лицо. Наперерез кораблям шла патрульная генуэзская галера.

– Уж эти-то точно станут сейчас стрелять, – присвистнул Адальберто. – Луиджи, ты точно уверен, что на этом нефе скрывается твой должник?

– Именем Генуи, приказываю остановиться! Кораблям лечь в дрейф. Капитанам приготовить корабли к досмотру! В случае неповиновения мы будем стрелять! – донеслось с приближающейся галеры. Над ее высоким бортом замелькали железные каски стрелков и напряженные для выстрела дуги арбалетов.

Вдруг кто-то заверещал с кормы преследуемого нефа по-итальянски:

– Помогите! Спасите! Эти пираты преследуют нас от са-

мого Азака! Этот корабль принадлежит его милости верховному епископу всея Руси и Татарии Пимену! Помогите нам спокойно проследовать мимо, иначе у вас будут крупные неприятности!

– Этот корабль принадлежит мне! А ваш верховный епископ должен мне десять тысяч дукатов! – взревел в ответ сеньор Луиджи.

При этом ни на одном из кораблей гребцы не сбавили темп.

– Ничего! Сейчас мы всех вас пришвартуем, а там уж разберемся, кто кому должен! – донеслось с патрульной галеры, настигшей уже оба грузовых корабля. И на борт обоих идущих рядом судов полетели абордажные кошки.

– Фы не имеее пфава! Я фас пфоклянуп! Ана-афема да буде-ет! – вопил, срываясь на визг, и брызгая кровью изо рта седобородый старец, пока стражники волокли его по улицам Кафы к цитадели. – Отпфутите! Я никакой не епифкоп! Я в первый раз фижу этого феловека!

– Ах в первый раз видишь?! Да я тебе пасть порву, негодяй! – снова вскипел сеньор Луиджи ди Геццо. Кулак его сильно саднил, однако душу негоцианта радовало то, что в общей свалке, произошедшей, когда генуэзские солдаты ворвались на их корабли, он сумел добраться до гладкого и благообразного лица «сеньора Пимено». – Ты ходишь в моем халате и ешь на мои деньги! Так имей совесть сознаться в этом, мошенник!

– Не волнуйтесь понапрасну, сеньор Луиджи, – доброжелательно одернул его один из стражников. – Мастер Гвидо выслушает обе стороны и разберется, кто кому должен.

Мастер Гвидо разобрался. Его племянник, торговавший в то время в Галате, тоже давал полторы тысячи флоринов в долг будущему архиепископу всех Татарских и Литовских земель Пимену.

– Приставы осмотрели и оценили все то имущество, что было конфисковано на вашем корабле. Вместе с кораблем они оценили его в двенадцать тысяч семьсот флоринов.

– Но это федь гораздо больфе, чем тот долг, в невыплате которого обффиняет меня этот Луиджи! – радостно всплеснул руками Пимен.

– Стало быть, вы признаете, что этот долг имеет место? – с иезуитской улыбкой уточнил кафинский консул, мастер Гвидо.

– Так заберите тогда то, что фам причитается, а остальное отдайте мне! Я должен сфочно отплыть в Цареград!

– Но это будет несправедливо, сеньор Пимено, – консул снова гнусно улыбнулся. – Судя по утверждениям истца, сеньора Луиджи ди Геццо, общий ваш долг гражданам Генуи составляет не менее сорока тысяч дукатов. И это не считая процентов. А проценты, под которые вы взяли эту сумму...

– Помилуй! Какие пфоценты?!

– Проценты за восемь лет...

– Фемь с половиной!

– Почти восемь, сударь... Итак, они составляют... – Сеньор Гвидо углубился было в расчеты, но тут Пимен, вырвавшись из рук держащих его стражников, бухнулся перед консулом на колени.

– Во имя хрифтианского милофердия!.. Я фсе отдам. Я напишу бумаги... Доход за дефять лет с трех, нет, с четырех приходов!.. Отпужти меня, сеньор Гвидо, и я сделаю тебя или любого тфоего родственника епифкопом Ростовским... Нифегородским...

Гвидо, глянув сверху вниз на трясущегося старца, дернул плечами и отвернулся.

– Ладно. Бросьте его пока в башню папы Климента. Пусть пару денечков подумает и поточнее сформулирует все свои предложения по выплате долга. Да. Не забудьте дать ему перо и бумагу. А я пока пойду разошлю письма, чтобы известить остальных его кредиторов.

Пимен действительно придумал, как рассчитаться с кредиторами. Дело в том, что, на свою беду, в Кафу в это же время приехал Феодор Симоновский, которого Дмитрий Донской отправил в Константинополь вслед за Пименом, с обвинениями против этого авантюриста. Видимо, князь снабдил Феодора немалой суммой денег на дорогу. По указке Пимена Феодор был схвачен и ограблен генуэзцами. После чего кредиторы выпустили Пимена на свободу, а Феодора Симоновского оставили у себя в темнице.

Пимен отплыл в Константинополь, и тут в Кафу приехал

митрополит Киприан, который тоже ехал в Царьград для того, чтобы окончательно решить вопрос с Пименом. Видимо, у Киприана, в отличие от Пимена и Феодора, были в Кафе какие-то связи. Только этим можно объяснить то, что он не только не попал в кафинские застенки, но и вызволил оттуда Феодора Симоновского.

Сразу по приезду в Константинополь явиться в патриархию Пимен не решился. Поэтому Киприан и вырученный им из кафинской темницы Феодор успели прибыть в столицу и подать на Пимена жалобу. Судя по дальнейшему поведению Пимена, пережитые потрясения сказались на его рассудке. Он трижды отказался явиться в суд, убегал от церковников, которые его на суд звали, и они вынуждены были выслеживать его «словно же некие ловцы». В конце концов Пимен был осужден заочно и отлучен от церкви. Умер он, видимо, от лихорадки 11 сентября 1389 года в Халкидоне. «И привезли тело его, положили вне Царяграда, на берегу моря, напротив Галаты, в церкви Предтечи». Так закончились приключения злосчастного митрополита Пимена.

1 октября 1389 года Киприан со спутниками выехал из Царьграда на Русь.

В этом же 1389 году, после победы турок на Косовом поле, окончательное завоевание ими Балканского полуострова было предрешено. Побежденные сербы стали данниками султана Баязида.

Султан решил посеять новые раздоры в императорской

семье и опять, как десять лет назад, поддержал притязания на престол сына Андроника IV Иоанна. При помощи султана 14 апреля 1390 года Иоанн неожиданно захватил Константинополь и сел на трон своего деда. Ему оказали помощь также генуэзцы и сильная партия его приверженцев в самой столице. Но правление узурпатора оказалось кратковременным: второй сын Андроника – Ма-нуил, собрав войска, подступил к Константинополю и в сентябре того же года возвратил трон себе и своему престарелому отцу. Эти события вызвали недовольство султана. По его приказанию Ма-нуил должен был явиться к турецкому двору и принять участие в войнах турок в Малой Азии.

16 февраля 1391 года умер Иоанн V, и Мануил II Палеолог (1391 – 1425) унаследовал престол. Это был император, полностью зависимый от турок.

«ПОРЯДОК» НА МИТРОПОЛИИ

19 мая 1389 года, спустя месяц после бегства из Москвы Пимена, в возрасте 40 лет умер князь Дмитрий Иванович Донской. 15 августа 1389 года великим князем Владимирским, согласно завещанию Дмитрия Ивановича, стал 17-летний Василий Дмитриевич см. Приложение 10 – Завещание Дмитрия Донского). Его права не для всех были бесспорны. Владимир Андреевич предъявил свои претензии на великокняжеский стол. Однако именно Василия признала Орда – на вокняжении присутствовал «царев посол» Шихмат Шейх-Ахмед). Разобиженный Владимир Андреевич «поехал с сыном своим князем Иваном и с боярами старейшими в свой град Серпухов и оттуда в Торжок, и там пребыл некоторое время в Терябнеском, донде же умиришася». Конфликт с Владимиром Андреевичем Хоробрым уладил Сергей Радонежский, уговоривший Владимира Андреевича не начинать междоусобной войны. «Зимой той же по крещению смирился князь великий Василий с князем Владимиром Андреевичем и дал ему к его отчине Волок и Ржеву».

*Василий Дмитриевич и Софья
Витовтовна. Фрагмент большого
саккоса митрополита Фотия. XV в.*

6 марта 1390 года Киприан явился на свою митрополию в Москву, «и прекратился мятеж в митрополии, и была единая митрополия Киеву, и Галичу, и всея Руси». Вскоре митрополит венчал великого князя московского Василия Дмитриевича и дочь Витовта – Софью. Приезд литовской княжны в Москву был обставлен весьма торжественно. Однако о ее браке с великим князем московским на Руси отзывались по-разному и не всегда лестно. Тверская летопись весьма своеобразно в ту пору говорит о Софье: «женился князь великий Василий Дмитриевич, Софью поня добрую; добрый нрав име отцов, не сыта бе блуда». То ли тверской летописец старался очернить новую московскую княгиню, то ли о ней действительно ходили какие-то грязные слухи.

Летом 1390 года, вскоре после прибытия в Москву, Киприан совершает поездку в Тверь для расследования многолетней вражды между тамошним епископом Евфимием Висленем и тверским великим князем Михаилом Александровичем. В Твери Киприан был принят весьма торжественно. «И встретил внук князя великого, князь Александр, за 30 верст от града митрополита с боярами с великою честью. На другой день старший сын князя великого князь Иван

встретил митрополита за 20 верст от града... И в день субботний по вечеру встретил сам князь великий митрополита за 5 верст от града с боярами с великою честью». Три дня прошли в мирских и церковных празднествах. Торжественные службы в кафедральном соборе сменялись роскошными приемами в княжеском дворце и доверительными беседами Киприана с князем Михаилом. Целью приезда Киприана было удержание Твери в сфере своего влияния. Намерению этому препятствовало, с одной стороны, стремление Ягайло подчинить себе Тверь, а с другой – распространение в городе ереси стригольников.

Последователи ереси стригольников отказывались от услуг священников, как от самозванных пастырей, поставленных на свои должности за мзду. Стригольники осуждали церковное землевладение, укоряли все духовенство в том, что оно берет поборы с живых и мертвых и ведет праздный и распутный образ жизни.

Исходя из этого стригольники делали вывод, что священнослужители вовсе не нужны и что все церковные таинства недействительны. Каяться, – говорили они, – можно и без священника, – припадая к земле. Причащение следует понимать в духовном смысле, а другие таинства и обряды вовсе не нужны.

В морали стригольники придерживались идей аскетизма и отличались строгостью жизни и почти постоянным постом. В своих религиозных рассуждениях они дошли до отрицания

загробной жизни.

Понятно, что эта ересь была популярна среди простого народа. Удивительно, что в Твери стригольников поддерживал епископ. Впрочем, многие из идей стригольников были близки и митрополиту Киприану. Он тоже считал недопустимой распущенность церковников и осуждал монастырское землевладение.

Когда состоялось судебное разбирательство по жалобам, поступившим на Евфимия, Киприан не нашел оснований для отстранения Евфимия от сана. Однако «князь великий начал просить инога». Тверской князь обвинил Евфимия в каких-то особенно тяжелых преступлениях. «И была вражда и брань люта зело, и по сем много смутился Киприан митрополит и не мог вражды утолить и мира и любви сотворить».

Похоже, что Киприан стригольников не преследовал. И Евфимия еретиком он не признал. Однако под давлением тверского князя и бояр Киприан вынужден был убрать Евфимия с епископии, однако никак не стал наказывать и оставил жить при себе в Чудовом монастыре. На епископство же Киприан назначил инока Печерского монастыря Арсения. Однако Арсений как пришел из Москвы с Киприаном, так и вернулся с ним в Москву, «боясь владычество принять в Твери, видя там вражду и брань многую, и смутился и ужаснулся».

На соборе против архиепископа Евфимия выступали в первую очередь власть имущие – князь, бояре, церковники.

Причем выступали они единодушно. Следовательно, Арсений мог рассчитывать на их поддержку. Однако он отказался от высокого поста, – значит не верил, что тверская знать сможет защитить его от гнева толпы. Налицо социальный конфликт между властью и простым людом, на стороне которого стоял Евфимий. Михаил Тверской пытался погасить народное недовольство при помощи авторитета митрополита. Встав на сторону Тверского князя, публично осудив как еретика и казнив Евфимия, Киприан мог бы этого добиться. Но он счел, что князь сам должен налаживать свои отношения с подданными, и не захотел приносить Евфимия в жертву политической выгоде. Вынужденный все же снять Евфимия с поста епископа, Киприан не оставил нового епископа в Твери. Для по-ставления Арсения в епископы ему понадобился вторичный приезд в Тверь, в сопровождении двух греческих митрополитов и четырех русских епископов.

На западе Руси в это время было неспокойно. Недовольные политикой короля Владислава-Ягайло, многие литовские князья практически начали войну против поляков и поддерживающих Ягайло литовцев. Во главе вооруженной оппозиции встал Витовт, пользующийся поддержкой немецкого Ордена и своего зятя – нового московского князя Василия Дмитриевича.

Но и Ягайло не сидел сложа руки. В 1389 году в Новгород приехал князь Симеон-Лугвений Ольгердович. Он был принят новгородцами «с честью» и за эту честь дал брату сво-

ему королю Ягайло следующую запись: «Так как господин Владислав, король польский, литовский, русский и иных земель многих государь, поставил нас опекуном над мужами и людьми Великого Новгорода, то мы королю и Ядвиге королеве вместе с новгородцами обещались и обещаемся, пока держим Новгород в нашей опеке, быть при короне Польской и никогда не отступать от нее». Таким образом, митрополия всея Руси снова оказалась расколотой надвое.

После того как новгородцы приняли к себе литовского князя Лугвения Ольгердовича и подписали договор с Ягайло, обострились отношения Москвы с Новгородом. Новгородцы отказали Киприану в «месячном суде» – праве пересмотра митрополичьим судом решений суда новгородского архиепископа во время совершавшихся раз в четыре года месячных поездок митрополита в Новгород с этой целью. Великий князь в это же время не мог добиться от Новгорода выплаты очередного «черного бора».

«Черным бором» назывался на Руси чрезвычайный налог, который собирал великий князь Владимирский и Московский в Новгородской земле, чтобы заплатить увеличенный выход в Золотую Орду. «Черный бор» брался с «сохи по гривне» и с промыслов, причем к сохе, как единице обложения, приравнивался чан кожевнический, невод, лавка, кузница, а ладья и црен (большая сковорода для выварки соли) – к двум сохам.

В 1391 году митрополит Киприан приехал в Новгород и

две недели уговаривал граждан разорвать грамоту – договор с польским королем Ягайло. Новгородцы отвечали одними устами: «Целовали мы крест заодно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали». Митрополит говорил им на это: «Целова-нье крестное с вас снимаю, у грамот печати порву, а вас благословляю и прощаю, только мне суд дайте, как было при прежних митрополитах». Новгородцы отказались. Митрополит поехал от них с большим гневом и отлучил Новгород от церкви. В этом же году московское войско во главе с князьями Владимиром Андреевичем Хоробрым и Юрием Дмитриевичем вступило в новгородские пределы. Были заняты Торжок, Волок Ламский и Вологда. Не выдержав двойного натиска, Новгород уступил, и князь Симеон-Лугвений Ольгердович был вынужден уехать обратно в Литву. Новгородцы прислали в Москву своих послов «бьюще челом за свои вины и за грубости и за неисpravления свои, а к митрополиту послали грамоту целовальную. Пришедше же их послы заключили мир по старине...». Новгородцы дали великому князю московскому черный бор «по всем волостям новгородским», а великий князь вернул Новгороду отнятые земли. Митрополит Киприан со своей стороны «простил и благословил» новгородского архиепископа Ивана и весь Великий Новгород.

ВОЙНА НА РЯЗАНСКИХ КРАИНАХ

Тем временем на южных окраинах Рязанского княжества снова началась война. У Олега Рязанского от первой жены было два сына – Федор и Родслав и две дочери. Вторым сыном Олега Ивановича, Родслав, до 1387 года находился в Орде, вероятно, как заложник. Зимой 1387 года он оттуда бежал.

В этом же году «перед Петровым днем собрались татары, изгоном безвестно придя на Рязань и повоевали ее, да и Любутск повоевали, а Олега князя едва не схватили». Видимо, Родслав бежал неспроста – он узнал в Орде нечто важное о действиях против Олега Ивановича. И княжич вовремя предупредил отца.

В следующем, 1388 году, «месяца августа изгоном налетели татарове на окраины Рязанские». Каких-либо значительных последствий, достойных упоминания в летописях, этот набег не имел.

В 1390 году «снова татары Рязань воевали». А в следующем 1391 году, «тоя... осени в Филипово говение снова воевали татары Рязань» и «того же лета татары воевали Рязань». То есть с 1387 года набеги ордынцев на Рязань следуют ежегодно. Такого постоянного натиска от татар Рязань не испытывала даже при Мамае.

Возможно ли, чтобы эти набеги на Рязань осуществлялись

без ведома Тохтамыша? Видимо, нет. Однако это не была война всей Орды с Рязанью. Скорее всего, у Олега в Орде завелся какой-то высокопоставленный враг. Вспомним о самовластно захваченных татарских местечках, которые Олег и Дмитрий Иванович упоминают в докончальной грамоте 1381 года. Олег проводил планомерную политику постепенного захвата и освоения пограничных с Ордой земель. Нами уже упоминались татарские мурзы, в 1371 году вместе с землями перешедшие на службу к Олегу. В 1385 году в состав Рязанского княжества вошел ордынский город Наровчат. Эта колонизация не встречала отпора, пока в Орде происходили постоянные перевороты. Ханы-неудачники, да и просто разбойничьи шайки пытались захватить власть в приграничных с Русью землях. Русские князья, защищая свои законные владения от их набегов, порой расширяли границы своих земель. Но с приходом к власти Тохтамыша наступила стабилизация на границах с Русью. Рязань, имеющая наиболее протяженную границу с Ордой и, видимо, совершавшая наибольшее количество захватов, наконец встретила отпор со стороны каких-то татарских князей. Наверняка князья эти действовали если не по поручению Тохтамыша, то с его ведома.

Война эта заканчивается только в 1393 году, когда «князь великий Олег Иванович побил татар Тохтамышевой Орды, которые приходили изгоном на Рязанские волости». Таким образом, Олег Иванович вышел победителем из этого погра-

ничного конфликта.

Справившись с теми татарами, которые досаждали ему на южных границах, Олег Рязанский открывает военные действия против Литвы. Он вступается за своего союзника и зятя Дмитрия Корибута, с которым в это время воюет Витовт. В том же 1393 году «Олег ходил ратью к Любутску, а Литва Рязань воевала». Из этого похода Олег Иванович «со многим полоном возвратился восвояси». Зять Олега, князь Черниговский и Новгород-северский Дмитрий Корибут, был пленен Витовтом, но отпущен под поручительство Олега.

Татарский топорик XIV в.

Поражает энергия рязанского князя. С 1385 года он успешно воюет, побеждая одного за другим трех своих великих соседей – Москву, Орду и Литву. Зададимся вопросом – откуда в маленьком княжестве силы, чтобы одержать ряд

столь блестящих побед?

По своему геополитическому положению Рязанское княжество расположено очень выгодно, с точки зрения контроля над торговыми путями, проходящими из Руси на Юг и Восток. Однако из-за этого самого геополитического положения Рязанское княжество было наиболее уязвимо перед набегами как из степи, так и с территории своих московских и литовских соседей. Стены не были надежной защитой для рязанских горожан: Переяславль-Рязанский, как и многие другие рязанские города, брался врагами и предавался разграблению неоднократно. Видимо, Олег Иванович даже не пытался оборонять свою столицу от сколько-нибудь крупных сил противника. Сельских жителей Рязанского княжества дружинники Олега уж тем более не могли защитить. Суровые условия жизни заставили рязанцев применять оригинальные способы выживания. Похоже, рязанские жители, наученные частыми набегами, умело прятались, имели надежные схроны, запасные пастбища для скота и делянки в лесах. Основной заботой местных жителей была не оборона от противников, а система наблюдения и оповещения, позволяющая вовремя скрыться и с минимальными потерями пережить лихие времена.

Сам князь тоже основное внимание уделял разведке и контролю над дорогами – шляхами, по которым перемещались в мирное время купцы, а в военное – захватчики. Основным козырем дружины Олега была быстрая конница, ви-

димо, более быстрая, чем у любого из соседей Рязани. Олегу неоднократно удавалось самому спастись и спасти практически всю свою дружину от превосходящих сил противника. Князь отступает, скрывается, уклоняет ся от боя, а если нападает, то стремительно, «изгоном». Умелая разведка, нападение на противника, отягощенного добычей, нарушение его коммуникаций – вот методы, с помощью которых Олегу не раз удавалось побеждать. Кроме собственной дружины Олег опирался также на бродней – вольных жителей пограничья. Видимо, именно они несли охрану границы.

Вряд ли сельские жители Рязанского княжества несли в пользу князя особо тяжкие повинности. С них, разоряемых постоянными набегами соседей, можно было взять не так уж и много. Основной налоговый груз скорее всего ложился на идущих по рязанским землям купцов. Ведь все дороги контролировались дружиной Олега. А владения по обе стороны Оки позволяли Олегу брать пошлины и со стругов, идущих из Москвы-реки в Волгу. Именно за счет купцов и для купцов снова и снова отстраивался после очередного разгрома Переяславль-Рязанский и другие города.

ВОЙНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С ТАМЕРЛАНОМ

Возможно, Олегу Рязанскому не удалось бы победить в пограничной войне с татарами Тохтамыша, если бы не одно важное событие. В 1391 году хан Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение от своего бывшего покровителя Тамерлана.

Вспомним, что своим приходом к власти хан Золотой Орды Тохтамыш был обязан Тамерлану. До 1384—1385 годов отношения между ними оставались безоблачными. «Между нами права отца и сына», – говорил Тамерлан, под «отцом» подразумевая, естественно, себя. Но как только Тохтамыш почувствовал себя на золотоордынском троне уверенно, он стал проводить собственную политику, не оглядываясь на своего «отца».

Интересы Тамерлана и Тохтамыша пересеклись в Иране. В конце XIV века основной поток товаров с Востока шел через Иран. И контроль над этой торговлей приносил огромные прибыли. Тамерлан начал завоевательную деятельность в Иране еще в 1380 году. В 1385 году войска Тимура вторглись в Центральный Иран и Азербайджан. Захватив эти районы, Тимур-Тамерлан нанес чувствительный удар по золотоордынской торговле. Не желая допустить Тимура в Азербайджан, хан Тохтамыш направил туда крупное войско. Тимур

дал указание своим эмирам не вступать с воинами Золотой Орды в открытое сражение, «так как у нас с царем Тохтамышем есть договор и соглашение, и мы соблюдаем этот договор». Тем не менее произошла стычка между их войсками. Сын Тамерлана захватил в плен нескольких знатных лиц из армии Тохтамыша. Тимур оказал пленникам большой почет. Он мудро заявил: «Из-за нескольких дураков почему погибнет столько людей? Следует, чтобы мы впредь соблюдали условия и договор, и не будили заснувшую смуту».

Избегая прямых столкновений, Тамерлану все же удалось вытеснить армию хана Тохтамыша из Ирана и Закавказья. В 1386 году Тамерлан захватил Грузию и закрыл Тохтамышу все пути в Иран.

Тохтамыш тем временем заключил союз с врагами Тамерлана в Средней Азии и в 1387 году совместно с ними совершил поход на владения Тамерлана. Большой опасности подверглась даже столица Тамерлана – Самарканд. Были разорены многие окрестные города и разрушены несколько дворцов Тамерлана.

Тамерлан срочно вернулся из Ирана и двинулся к Самарканду. Воины Золотой Орды отступили. Армия Тамерлана преследовала врагов и нанесла им большой урон. В 1388 году Тамерлан захватил принадлежавшую прежде Золотой Орде область Хорезм. В ответ на это Тохтамыш собрал большую армию и снова повел ее на Среднюю Азию. В этом походе участвовал русский князь Борис Константинович Нижегородский.

городский, который после смерти Дмитрия Донского отправился в Орду хлопотать о возвращении отнятых земель. В Сарае Борис Константинович Тохтамыш уже не застал и поехал за ним вслед. Догнав армию хана, нижегородский князь был вынужден присоединиться к нему, ехал с ним около месяца, и лишь потом «царь пощадил его и отпустил его назад от места, нарицаемого Уруктана, и повелел ему дожидаться в Сарае, а сам шед воевать...»

Война продолжалась до весны 1389 года. Тамерлан вынужден был снова защищать свои владения и столицу. Но разгромить Тамерлана Тохтамыш не смог. Русские летописи дипломатично пишут о результатах похода: «Царь Тохтамыш пошел на войну ратью на Темир-Аксака (так в русских летописях называют Тамерлана. – *Прим. авт.*) ...и град его дальний повоевал, а до самого не смог дойти и возвратился снова в свой улус». Но то, что можно было утаить от русских князей, нельзя было скрыть от татарских феодалов. В самой Орде хорошо знали о неудачах Тохтамыша. Среди татарских князей сразу же возникло оппозиционное движение. Тохтамышу даже пришлось подавлять несколько заговоров против себя. Один из главных заговорщиков – эмир Едигей бежал от расправы к Тамерлану и впоследствии продолжал интриговать против Тохтамыша, подбивая к измене других его князей.

Источники говорят об Едигее, как о большом интригане, хитром и коварном дельце. Попав ко двору Тимура, он при-

менил все свои старания, чтобы возбудить Тимура против Золотой Орды. Едигей заверял от себя и от имени своих сторонников о всяческой помощи Тимуру в предстоящей войне. Он говорил Тимуру, уговаривая того напасть на Золотую Орду: «Ты устремляешься в страны дальние да в местности дикие и заброшенные; из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты и пустыни и перебираешь книги путешествий, а вот добыча холодная перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно, для чего же мешкать и дремать? Поднимись с твердою решимостью, и я тебе порука в том, что нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит... Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся угону и сокровища придут к тебе на своих ногах!»

Едигей добился своего. В 1391 году, 21 февраля Тамерлан созвал курултай и, посоветовавшись с царевичами и эмирами, выступил в поход на Золотую Орду. Появление Тимура оказалось для Тохтамыша неожиданным. В Сарае о нем узнали только 6 апреля, когда перебежчики из лагеря Тимура принесли первые известия о движении войска, «которое многочисленнее степного песку и древесных листьев. От этого известия у Тохтамыша-хана огонь запал в душу, дым пошел из головы, он сказал: «Я соберу вдвое такое же войско».

Битва произошла 18 июня 1391 года у реки Кондурча поблизости от современной Самары. «Храбрецы обоих войск ветром натиска разожгли пламя битвы, и запылал и засвер-

кал огонь сражения и боя».

Армия Тохтамыша значительно превосходила армию Тамерлана по численности, но не по качеству. Тамерлан привел с собой испытанных бойцов. Среди его войск была и пехота. Пехотинцы вышли на поле боя «с окопными щитами и турами» – то есть у них были переносные укрепления, за которыми можно было укрываться от конных атак противника. За таким пехотным строем укрывались и потом контратаковали собственные конники Тамерлана.

Некоторые историки считают, что в этом сражении принимало участие до четырехсот тысяч воинов, если считать обе стороны. Стрелковый, перемежающийся рукопашными стычками, бой длился три дня. Территория, на которой происходило сражение, превышала сто квадратных километров.

После ожесточенного боя большая часть армии Тохтамыша обратилось в бегство. Этому способствовала и измена некоторых феодалов Золотой Орды – хорошо поработал Едигей.

«Все эмиры и вожди победоносной армии сцепились с войсками противостоящими и смешали поля битвы с одного конца до другого с кровью неприятеля».

Тохтамышу с частью своего отборного войска удалось пробить строй армии Тамерлана и прорваться к нему в тыл. Любая европейская армия, оказись противник у нее в тылу, была бы разгромлена. Но резервные части Тамерлана успели развернуться и встретили Тохтамыша лицом к лицу. Полу-

чив об этом известие, сам Тимур «с отрядом храбрецов» – видимо, со своей гвардией, повел атаку на прорвавшийся в тыл отряд Тохтамыша.

«При виде победоносного знамени у Тохтамыш-хана исчезла стойкость... он поневоле потерял надежду на царствование и властвование и, страшась за жизнь свою, оглушенный и растерявшийся, отпустил поводья быстрого коня и с сотней уловок спасся с того поля сражения».

Большая часть отрядов армии Тохтамыша была уничтожена преследователями, так как бежать им было некуда – с одной стороны их гнали победоносные войска Тамерлана, а с другой у них на пути лежала полноводная Волга. Военные силы Золотой Орды были серьезно подорваны. Но и армия Тамерлана была сильно потрепана в кровопролитной битве. После победы Тамерлан провел в этой местности двадцать шесть дней, давая армии отдых, а затем пустился в обратный путь. Историки Тамерлана описывают этот поход, как победу, однако эта победа не была полной. В этот раз Тамерлан не смог свергнуть своего противника – Тохтамыша. Несмотря на «победу» Тамерлана, многие из тех эмиров и мурз, которые перебежали к нему от Тохтамыша, поспешили вернуться к своему прежнему господину, или просто заявили о самостоятельности своих территорий. Откочевал от Тамерлана и «главный смутьян» Едигей.

Мятежные эмиры не стремились сменить одного царя другим. Они хотели лишь ослабить чрезмерно усилившуюся

ханскую власть в Золотой Орде. Потерпев поражение в войне, Тохтамыш, был вынужден пойти на уступки своим феодалам. Стремясь удержаться у власти, он стал раздавать своим вассалам многочисленные привилегии, освобождая их от налогов и прочих государственных повинностей. И люди к нему потянулись. К началу 1393 года почти вся территория Золотой Орды вновь оказалась в руках Тохтамыша.

В 1393 году от Тохтамыша в Литву отправилось посольство с ярлыком. В русских летописях сохранился текст этого ярлыка: «Бог нас пожаловал опять, наших неприятелей-врагов, дал нам всех в наши руки. Мы их казнили так, что опять не будут нам пакостить». Одновременно хан просит своего «брата» Ягайло, чтобы он «с подданных нам волостей», захваченных Литвой, «собрав выходы (дань. – *Прим. авт.*) вручил идущим послам для доставления в казну». Этот ярлык подтверждает тот факт, что во время правления Тохтамыша литовцы платили Орде дань. Далее в ярлыке предлагается восстановление торговых отношений между государствами «без приим», то есть без пошлин! Кроме того, предлагается заключить военный союз.

Военного союза добивались в 1394 году послы Тохтамыша и от египетского султана.

ПРАВОСИЛЬНЫХ

Под 1392 годом в летописи записано: «Того же лета сложил князь великий Василий Дмитриевич крестное целование к великому князю Борису Константиновичу (Нижегородскому)... и пошел в Орду к царю Тохтамышу со многою честью и с дарами; и начал просить великого княжения Нижнего Новгорода... к своему великому княжению к Москве, и умзди (забашлял, как сказали бы сейчас. – *Прим. авт.*) князей царевых, чтобы печаловались о нем царю Тохтамышу; они же взяли многое золото и серебро и великие дары, так же и царь их Тохтамыш взял многое золото и серебро и великие дары. И дал царь Тохтамыш... великое княжение Новгородское к Москве великому князю Василию Дмитриевичу, и пошел князь великий Василий Дмитриевич из Орды от царя Тохтамыша с радостью, с послом царевым, на Русь, и пришел на Коломну, и оттуда сам пошел к Москве, а посла царева Тохтамышева отпусти в Новгород Нижний с боярами своими».

То есть Василий Дмитриевич самовольно, без каких-либо причин разорвал мирное докончание с великим князем Нижегородским Борисом Константиновичем, поехал к Тохтамышу и купил у него чужое великое княжество, при живом великом князе! Прежде такого беспредела на Руси не случилось. Но в 1392 году, после поражения на Кондурче, хану

Тохтамышу очень нужны были поддержка и деньги великого князя московского.

«Слышав же это князь великий Борис Константинович Нижнего Новгорода... созвал бояр своих и начал их молить с плачем и со слезами, говоря: «господа мои, и братья, и бояре и друзья! Вспомните, господа, крестное целование, как вы крест целовали ко мне, и любовь нашу и усвоение к вам». Был же тогда у него старейший боярин его, ему же имя Василий Румянец, и сказал он господину своему, князю Борису Константиновичу: «не скорби, ни печалуйся, господине княже! Все мы единомыслены к тебе и готовы за тебя главы свои сложить и кровь пролить». Это же говорил, обманывая господина своего, и ссылаясь с великим князем Василием Дмитриевичем, и хотя господина своего выдать ему».

Борис Константинович не захотел добровольно сдать город послу Тохтамыша и московским боярам. Но «сказал ему старейший его боярин Василий Руменец: «господине княже, это царев посол Тахтамышев, а с ним великого князя Василия Дмитриевича Московского бояре, хотят мир заключить и любовь утвердить вечную, а ты сам брань и рать начинаешь; пусти их в град, ведь мы все с тобою, и что могут они сотворить?» И так Татары вошли в град, и бояре Московские, и начали в колокола звонить, и собрались люди. Князь великий же Борис Константинович посылал к своим боярам, говоря: «господа мои и братья и милая дружина, вспомните крестное целование, что вы целовали ко мне, и не выдай-

те меня врагам моим». И отвечал от них один старейший боярин Василий Румянец: «господине княже, не надейся на нас, уже мы отныне не твои, и не с тобою, но на тебя мы». И так пойман был князь великий Борис Константинович Нижегородского».

Весьма показательно предательство нижегородских бояр и переход их на сторону Василия Дмитриевича. Силу Москвы действительно признали все соседи, и бояре-изменники поторопились перебежать на службу к великому князю московскому.

Вскоре в Нижний Новгород приехал сам великий князь Василий Дмитриевич и посадил в городе своих наместников, а князя Бориса Константиновича с женой и с детьми, а также немногих оставшихся его сторонников приказал заковать в кандалы «и в великой крепости (строгости. – *Прим. авт.*) держать их».

Василий Дмитриевич еще раз ездил к царю Тохтамышу, и, видимо, снова не с пустыми руками. «И дал ему царь Тохтамыш Новгород Нижний и Городец со всеми волостями, и Мещеру, и Тарусу; и много любезно его жаловал и отпустил его на Русь».

Но племянники Бориса Константиновича – сыновья Дмитрия Константиновича не сдались. Они начали войну за свою отчину. В 1393 году великий князь Василий Дмитриевич ходил ратью к Нижнему Новгороду на Василия Дмитриевича Кирдяпу и на брата его Семена Дмитриевича.

И братья не сумели устоять перед московскими силами. Тогда они попытались искать правды в Орде. В 1394 году «побежали в Орду князья суздальские и Новгорода Нижнего и Городца, Василий Дмитриевич Кирдяпа да брат его князь Семен Дмитриевич, к царю Тохтамышу, добиваясь своей отчины Нижнего Новгорода и Суздаля и Городца, и послал за ними князь великий Василий Дмитриевич Московский погоню, и много трудились, но не настигли их».

С этих пор братья Суздальцы на долгое время становятся головной болью московского князя. Они служат ордынским ханам и периодически тревожат набегами московские владения.

Так в 1399 году князь Семен Дмитриевич напал на Нижний Новгород вместе с татарским царевичем Ейтяком, у которого было 1000 человек войска. Три дня длился бой. Город сдался под слово Семена, что грабежей не будет. Однако татары стали грабить. Семен оправдывался перед горожанами, «что де он над татарами не волен». Потом пришло известие о приближающихся московских войсках, и Семен спешно отступил.

Но братьям Суздальцам так и не удалось вернуть свою отчину. Нижегородское великое княжение прекратило свое существование.

Присоединив в 1392 году Нижний Новгород и Городец с помощью Орды к своим землям, князь Василий Дмитриевич был заинтересован в том, чтобы связать их и в церковном от-

ношении непосредственно с Москвой. Митрополит Киприан отнял эти города у суздальского епископа и включил в свою митрополичью епархию. Оскорбленный епископ пожаловался патриарху. Однако явившиеся на Русь в 1393 году патриаршие послы окончательно решили дело в пользу митрополита.

В это же время Муром становится союзником Москвы. Видимо, муромский князь был вынужден подписать с Василием Дмитриевичем окончательную грамоту, не отменившую, однако, его договорной зависимости от Рязани. С этого момента муромский князь ходит в походы как в составе войска Олега Рязанского, так и войск московского князя.

Успехи Киприана и Василия Дмитриевича усилили и позиции Витовта в Литве. В 1392 году в городе Белзе между Ягайло, Скри-гайло и Витовтом заключается соглашение, суть которого – прекращение войны, раздел Литвы на сферы влияния и признание Витовта наместником Ягайлы в Литве. После этого в 1392 – 1393 годах войска Витовта и Ягайло уже совместно сражаются с Дмитрием-Корибутом и другими не признавшими соглашения князьями.

В результате этого соглашения Витовт разорвал свой договор с Ливонским Орденом. В 1394 году немцы пришли ратью на Литву, на князя Витовта. У города Вильны состоялось сражение, и немцы отошли, не взяв города.

Амбиций у Витовта было не меньше, чем у его зятя – Василия Дмитриевича. Великий князь Литовский еще более

энергично, чем московский князь, принялся расширять свои личные владения. Когда князь Свидригайло, владевший Витебском, восстал против Витовта и обратился за помощью к рыцарям, войска Витовта разбили его. Свидригайло был изгнан, а Витебское княжество Витовт присоединил к своим великокняжеским владениям. После смерти сыновей Ольгерда – Вигунда и Нариманта – Витовт присоединил к своим землям и их уделы, а также Киевское княжество, которым владел Скригайло. У Дмитрия Корибута Витовт отнял Северское княжество. У князей Кориатовичей забрал Подольскую землю.

ЧУДЕСА «ОТ КИПРИАНА»

25 октября 1392 года умер Сергей Радонежский. На Руси теперь не осталось церковных деятелей, столь же авторитетных, как Киприан.

Митрополит начинает восстанавливать привилегии, которыми пользовалась церковь при митрополите Алексии. Сохранилась договорная грамота великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1392 года «о домах о церковных, и о волостях, и о землях, и о водах, и о всех пошлинах о церковных». Есть основания утверждать, что в 1402 году митрополит добился от великого князя подтверждения целого комплекса княжеских уставов церкви и во время своих епархиальных объездов заботливо снабжал местное духовенство документами, подтверждающими церковные привилегии.

Киприан не забывал наблюдать и за практическим осуществлением этих привилегий. Известна его грамота, воспевавшая любому князю «вступаться» в село Вельское, принадлежность которого владимирскому монастырю Рождества Богородицы Киприан доказывал, ссылаясь на «старые грамоты» великих князей. Однако в целом дух стяжательства не был присущ Киприану. Митрополия при нем не получала ни значительных земельных пожалований от великого князя, ни богатых вкладов частных лиц и укрепляла

свое экономическое могущество в основном за счет восстановления прежних привилегий. Характерным для этой деятельности Киприана является приобретение им у великого князя богатой Карашской волости в Ростовском уезде. Взамен князь получил митрополичий городок Алексин, который имел весьма большое значение для великого князя как одна из крепостей на Оке – тогдашней южной границе Московского княжества.

Особое внимание уделял Киприан налаживанию внутрицерковных порядков. При нем продолжалось интенсивное распространение общежительного монастырского устава, был принят ряд мер для повышения «квалификации» духовенства, началось приведение русских богослужебных книг в единообразие путем сверки их с новейшими константинопольскими образцами. Киприан сам вновь перевел с греческого языка Служебник. Он не сделал обязательным для всех делать списки именно с его Служебника, а заметил только в своей приписке: «Если кто захочет эти книги переписывать», тот не должен изменять в них ни одного слова, ни одной даже черты. Однако известно, что с этого Служебника действительно снимались списки, дошедшие и до нас от XV века.

Около 1393 года «...приехали на Москву три татарина ко князю великому в ряд рядится и били ему челом, хотя ему служить... и восхотели креститься... и позвонили во все колокола, и собрался почти весь град, и сошлись на реку Моск-

ву, тут был и князь великий... и тут на реке Москве сам митрополит крестил их... и наречены они были Анания, Азария, Мисаил, и была радость великая в граде Москве».

Вообще, переход знатных татар на службу русским князьям был делом довольно обычным. От перешедших на службу русским князьям татар произошли такие известные дворянские фамилии, как Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин, Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Вельяминов, Гоголь, Годунов, Горчаков, Горшков, Державин, Епанчин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Куракин, Курбатов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строганов, Таганцев, Талызин, Танеев, Тащицев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Ханыков, Чаадаев, Шаховской, Шереметьев, Шишков, Юсупов.

Символика имен, которые Киприан дал татарским вельможам при крещении, может быть объяснена по-разному. Согласно библейскому преданию во времена вавилонского пленения три юноши: Азария, Анания, Мисаил, взятые ко двору царя Навуходоносора вместе с пророком Даниилом, не подчинились приказу поклониться золотому идолу, были помещены в раскаленную печь, но не сгорели, спасенные ангелом. Смерть самого Навуходоносора означала закат его дер-

жавы и близкое освобождение пленников. А пророк Даниил, трактуя сыну Навуходоносора царю Валтасару явившиеся тому слова: **мене, текел, упарсин**, предрек конец царства Вавилонского и «разделение» его на части.

Кульτ «трех отроков» был известен на Руси и до монгольского нашествия. Но мотив вавилонского пленения и его скорого окончания для митрополита Киприана, лелеявшего мечту об единой независимой Руси, был особенно актуален. Торжественное крещение трех татарских вельмож (при незримом присутствии четвертого имени Даниил – основателя династии московских князей) могло символизировать скорое окончание «пленения» и возрождение «царства русского». Вторая трактовка возникает при сопоставлении этого события со «Сказанием о Вавилоне-граде», составленным, по-видимому, между 1393 и 1408 годами автором «круга митрополита Киприана». Сюжет сказания строится на доставлении тремя послами (греком, русским и грузином-обяжанином) царского венца Навуходоносора византийскому императору Василию. Венец необходим Василию как знамение, символизирующее православный характер его царства. Знамение дается «молитвами» трех «святых отроков» Анании, Азарии и Мисаила, могилы которых находятся в месте обретения двух царских венцов. Исполняет волю Божественного провидения патриарх, возлагая доставленные послами венцы на головы Василия и его супруги.

«Три отрока во печи огненной».
Новгородская икона XV в.

Мотив богоустановленной власти звучит в сказании предельно ясно, и обряд крещения знатных «выходцев» из Орды, проведенный лично митрополитом и подробно описанный в митрополичьем своде 1408 года, сохранил для нас дату начала замены отчинной легитимности на легитимность богоустановленную. С этого момента православная церковь начинает продвигать идею о том, что власть московских князей над всеми русскими княжествами – от бога.

Киприан в очередной раз показывает себя мастером «религиозной магии». В этот же период Киприан восстанавливает культ митрополита Петра. В «Повести о Петре» Киприан откровенно проводит параллель между судьбой Петра и своей. Видимо, он верил в свою богоизбранность и заражал этой верой других.

СМЕНА ЭПОХИ

*Кровавыми глазами ран заплакала война.
Колючий ряд ее зубов улыбкой обнажен.
Ибн-Хамдис*

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ

Тамерлан вошел в историю как выдающийся военачальник и жестокий правитель. Так, в начале своей военной карьеры он был однажды застигнут тысячной армией противника. У самого Тимура в то время было всего 60 воинов. Но он не побоялся вступить со своим маленьким отрядом в бой и победил – после кровопролитного сражения у него осталось лишь десять человек из шестидесяти, а у его противников 50 человек из тысячи, после чего враги Тимура обратились в бегство.

В 1395 году Тамерлану было около шестидесяти лет. Он был человеком среднего роста, но крепкого телосложения. Одна нога у него была еще в молодости повреждена, но хромоту его окружающие почти не замечали. Голос у Тимура был громкий, далеко разносящийся по округе, что немало помогало ему руководить своими воинами в грохоте битвы. До старости он имел, несмотря на постоянные бои и похо-

ды, хорошее здоровье. Только зрение его к семидесяти годам стало ухудшаться.

В торжественных случаях Тимур надевал широкий шелковый халат, а на голове носил высокую войлочную шапку с продолговатым рубином на верхушке, осыпанную жемчугом и драгоценными камнями. Бушах он носил большие и дорогие серьги по монгольскому обычаю. Вообще, в мирное время он любил украшения и пышность. Во время же военных походов он всегда служил образцом спартанской простоты.

В характере его удивительно сочетались строгие суфические воззрения на жизнь с порывами дико-воинственного духа и необузданного властолюбия. Последние качества, кажется, в нем преобладали, так как он сам говорил: «только с мечом в руке можно утвердить господство».

За свою жизнь Тамерлан совершил десятки походов и покорил силой своего оружия огромную территорию. Сам Тимур говорил: «При помощи доблестных вождей и моих воинов я сделался властелином 27 государств (далее перечисляются все эти 27 стран. – *Прим. авт.*). Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы». – Чтобы держать покоренный народ в повиновении он порой проявлял неслыханную жестокость. Так, в иранском городе Исфахане в отместку за восстание по его приказу на центральной площади была воздвигнута пирамида из 70 тысяч отрубленных голов восставших, а другой раз, во время его похода в Индию, опасаясь бунта военнопленных, он приказал убить 100

тысяч индийских пленников, что и было исполнено в тот же день. Таким образом, жестокая расправа над непокорными и массовые убийства в покоренных землях были для Тамерлана и его армии делом привычным.

В то же время Тимур лестью и подарками привлекал к своему двору ученых. Он вступал в богословские диспуты и по-царски награждал мыслящих не так, как он. Тимур всегда считал самой дорогой частью захваченной в какой-нибудь стране добычи художников и искусных ремесленников. Он даже приказал перевезти на вьючных животных целую библиотеку из Бруссы к себе в Самарканд.

В 1394 году возобновилась пограничная война между Золотой Ордой и державой Тимура. Разгромив Тохтамыша в 1391 году Тамерлан не добился умиротворения Золотой Орды. Подчинить своей власти степных кочевников и удаленные от Средней Азии городские центры Золотой Орды он больше не надеялся. Однако для того чтобы спокойно продолжать свои завоевания на юге, Тамерлану необходим был прочный мир на своих северных границах. И Железный хромец нашел для этого способ – такой, от которого содрогнулись все окрестные народы. Он решил уничтожить Золотую Орду, уничтожить буквально, стирая города с лица земли, вырезая народ, оставляя за собой выжженную землю.

Обстоятельно подготовившись к новому походу, Тамерлан вторгся с основными силами в пределы Золотой Орды весной 1395 года. На этот раз армия Тамерлана двигалась

на Тохтамыша с юга, через Азербайджан, по побережью Каспийского моря.

Армия Тохтамыша попыталась воспрепятствовать переправе войск Тамерлана через Терек. Три дня шли бои на переправах. На третий день, под прикрытием ночи, войска Тимура перешли через реку и напали на Тохтамыша. После кровопролитного двухдневного боя Тамерлан одержал победу. Тохтамыш с остатками сил бежал на север, в район Булгара.

Разгромив армию Тохтамыша, Тимур двинулся по территории Золотой Орды, методично разрушая или грабя все встречающиеся ему золотоордынские города. Так были разрушены города Булгар, Жукотин, Кременчук, Астрахань, Аккерман.

После похода Тамерлана большинство городов Орды так и осталось лежать в развалинах посреди степей, так как ни средств для их восстановления, ни ремесленников уже не было. Вся градостроительная золотоордынская культура была уничтожена в течение одного года.

Маршрут войск Тимура исчертил территорию государства во всех направлениях, нацеливаясь на разрушение и грабеж. Это была богатая и легкая добыча, так как большая часть городов Золотой Орды не имела фортификационных сооружений. Отсутствие стен вокруг городов было предметом гордости монголов. Они считали, что их надежно оберегает многочисленная конница и бескрайние степи. Что приводило

в крайнее изумление иностранцев. Жители всех государств Европы и Азии в то время соревновались между собой в возведении как можно более высоких и толстых стен из камня и дерева, а здесь среди ровной степи стояли огромные открытые города, буквально набитые сокровищами, свезенными со всех сторон света.

Правда, во времена Мамай наиболее крупные города государства были обнесены земляными валами с бревенчатыми стенами поверху, но эти сооружения не остановили Железного хромца.

Овладев Крымом, войска Тамерлана разрушили Солхат. Потом они 18 дней осаждали Кафу. Город был взят, и все его христианское население было ограблено и захвачено в плен.

Затем завоеватели двинулись к верховьям Дона. Пока Тимур шел на север, его сын, Мираншах, захватил торговый город Азак и находившуюся в нем венецианскую колонию – Тану. Овладев венецианской крепостью, он сжег дома и предал все немусульманское население смерти. Затем Мираншах разорил Кубань и уничтожил ее главный город Маджар. На обратном пути в Среднюю Азию Тамерлан разрушил оба Сарая и все другие крупные города Золотой Орды.

Великая Русь составляла часть Тохтамышева улуса. Ее ждала та же участь, что и богатые золотордынские города Поволжья. Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестности и двинулся на Москву. Но до города он не дошел. Постояв в пределах Рязанско-

го княжества пятнадцать дней, Тамерлан 26 августа ушел обратно (см. Приложение 11 – О Тамерлане).

Владимирская Богоматерь. Икона XII в.

Моление Владимирской иконе Богоматери. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

Согласно церковной легенде, дабы спасти Москву от нашествия, митрополит Киприан приказал перенести в Москву почитаемую икону Владимирской Божьей Матери, «заповедав тогда всем людям поститься и молиться».

Посланцы Москвы прибыли во Владимир 15 августа, в

день Успения Пресвятой Богородицы. Отслужив молебен, икону вынесли из Успенского собора и по Владимирской дороге крестным ходом двинулись к Москве. Весь город вышел на проводы иконы. Одиннадцать дней крестный ход с иконой шел по Владимирской дороге. 26 августа вся Москва от мала до велика во главе с митрополитом Киприаном встречала икону за городом на Кучкове поле. Икона была поставлена в Успенском соборе. Вскоре по всей Москве разнеслась весть, что в день встречи иконы Тамерлан снялся со стоянки на Дону и ушел в степь. Якобы ему приснился страшный сон, и он увел свои войска.

Несомненно, Киприан был талантливым организатором «чудес». Он устроил пышное мистическое действо. В то же время к войне были изготовлены войска Василия Дмитриевича, уже вышедшего из Москвы навстречу Тимуру. Пройдя Коломну, московский князь занял оборонительные позиции на берегу Оки, а своим наместникам и городским воеводам приказал «укрепить осаду». В это же время великий князь литовский Витовт собрал свои войска, повсеместно распуслав слух, что он идет на татар. Таким образом, Тамерлану наглядно продемонстрировали, что, напав на Москву, он будет иметь дело не с остатками Тохтамышевых владений, а с силами всей православной Руси. Именно эта демонстрация единства русских и литовских князей послужила причиной «страшного сна» Тамерлана.

А затем Киприан инициировал утверждение нового обще-

русского праздника – Сретенья иконы Божьей Матери.

ВОЙНА «ЗА СТАРИНУ»

Зимой 1395 – 1396 года в Смоленске произошла «брань» и «розность» между смоленскими князьями, братьями Святославичами из-за великого княжения Смоленского.

Родословная таблица князей Смоленских

Тем временем Витовт, собравший армию якобы против Тамерлана, двинулся на Смоленск «наводить порядок». Заметим, что в это время Смоленским княжеством владел

князь Глеб Святославич. Он поехал навстречу Витовту, а тот встретил его с большой честью и сказал: «Выйдите ко мне все князья с любовью, слышал я, что промеж вас недружба великая, и если между вами будет спор или распря, обратитесь ко мне, как к третьему (как к третейскому судье. – *Прим. авт.*), и я меж вами в правду (по закону. – *Прим. авт.*) рассмотрю».

Смоленские князья, находившиеся в городе, поверили Витовту и вышли с дарами из города, думая, что великий князь литовский их и вправду рассудит. Они прежде уже не раз обращались к нему как к третейскому судье. Так, в 1392 году Витовт уже вмешивался в конфликт смоленских князей. Тогда он сместил с великого княжения Юрия Святославича и поставил на его место нынешнего великого князя смоленского – Глеба Святославича.

Но в этот раз Витовт пришел к Смоленску не судить, а захватывать. Великий князь литовский приказал схватить всех явившихся к нему смоленских князей и бояр и отослал их в Литву, сжег смоленский посад, полонил многих людей и объявил Смоленск и Смоленское княжество своим владением. Затем он ушел, оставив в городе своих наместников – князя Ямонта и Василия Борейкова. То есть Витовт продолжал энергично собирать земли «под свою руку».

Князь Юрий Святославич в это время гостил в Рязани у своего тестя, князя Олега Ивановича Рязанского. В правилах Олега было заступаться за своих родственников и союз-

ников.

«Тое же зимы князь великий Олег Иванович Рязанский с зятем своим, с великим князем Юрием Святославичем Смоленским, и с братией своею, с пронскими князьями и с козельским, и с муромским, пошел ратью на Литву и много зла сотворил им». Это был ответ Витовту Олега и его сторонников на захват Смоленска. С этого момента фактически началась открытая война Рязани с Литвой. Литовцы ответили:

«Тое же зимы ходил Витовт Кейстуович, князь великий Литовский, ратью на Рязань и волости повоевал, а Олег Рязанский великий князь в то время еще не пришел в Рязань и услышав это, оставил полон в некоем месте, и пришел на загонщиков и многих избил, а иных поймал. Услышав же это, Витовт убоился и скоро на бег устремился и возвратился во свояси. Олег же со большой выгодой и богатством вошел в свою землю и удержал у себя зятя своего князя Юрия, который тогда был в скорби и сильно тужил о братьях своих и об отчине своей». Никогда раньше со смоленскими князьями не случалось такой беды, чтобы все они пострадали «от Витовта лукавого и ненасытного чужое похищать».

Известно, что нападение литовского князя на Рязань не вызывало протестов со стороны Василия Дмитриевича, князя московского. В этот период он дружески пересылается с Витовтом, а в 1396 году даже приезжает к нему в захваченный Смоленск. В 1396 году Василий вместе с Киприаном «поехал из Москвы в Смоленск видеться с тестем своим Ви-

товтом», праздновал здесь Пасху и вернулся в Москву, а Киприан «оттуда пошел к Киеву и там пребывал полтора года».

Во время встречи в Смоленске московский и литовский князья утвердили границы своих владений. В переговорах участвовал и митрополит всея Руси Киприан. Митрополит поставил в Смоленске своего епископа Насона. Предыдущий епископ смоленский Михаил был смещен Киприаном, отправлен в Москву, заточен там и через несколько лет умер в темнице.

Во время совместного празднования Пасхи в Смоленске, а возможно и раньше, произошел раздел сфер влияния между Москвой и Литвой. Видимо, все мелкие владения попали в ту или иную сферу влияния. Смоленск был отдан Литве. К тому времени Витовту уже принадлежали почти все уделы черниговских князей. Владения великого князя литовского простирались от псковских границ до Галичины и Молдавии, доходили до берегов Оки, Сулы и Днепра.

Но Олег Рязанский не мог согласиться с подобным переделом. Ведь следом за Смоленском, Витовт или Василий Дмитриевич могли захватить и поделить и Рязанское княжество. В 1396 году рязанский князь вновь вошел в литовские земли и осадил Любутск. Но на это моментально среагировал Василий Дмитриевич. Он послал к Олегу Ивановичу боярина с укоризной, что, дескать, великий князь Олег нарушает условия договора – у нас с Витовтом мир! И Олег отступил, понимая, что бороться еще и с Москвой ему не

по силам. Но отступил он, надо заметить, «со многим полным», по свидетельству Никоновской летописи.

Однако, когда осенью 1397 года Витовт вошел в рязанские владения и «пролил здесь кровь, как воду», по выражению летописей, «и людей побивал, сажая их улицами», вынудив Олега укрываться в лесах, то из Москвы не было Витовту никакого препятствия. Напротив, зять его, Василий Дмитриевич, встретил Витовта в Коломне, поднес ему дары и оказал большую честь.

КОЗНИ ВИТОВТА

Киприан тем временем развил бурную деятельность в Литве. Осенью 1396 года в Киеве состоялась встреча польского короля Ягайла, великого князя литовского Витовта и митрополита всея Руси Киприана. Обсуждались проекты объединения сил Польши, Великого княжества Литовского и Московского княжества против Орды, а также возможности заключения церковной унии и включения в состав митрополии Руси Молдавии и части Болгарии. Однако Ягайло отвечал уклончиво, к тому же Константинопольский патриарх Антоний в посланиях к Киприану и к королю Польскому назвал проект неуместным и требовал от Ягайла военной помощи Византии против турок и только после этого соглашался начать переговоры. Киприан так и не смог воплотить в жизнь свои грандиозные планы по немедленному объединению всех православных земель.

В 1397 году назрел конфликт Москвы с Новгородом. До того в 1394 году Новгород воевал с Псковом. На стороне Новгорода выступил Ливонский Орден. Псков же поддержала Москва. Когда в 1395 году митрополит Киприан приехал в Новгород вместе с патриаршим послом и запросил суда, новгородцы суда ему не дали, тем самым не подчинившись самому патриарху. Но несмотря на это при отъезде митрополит благословил владыку Ивана и весь Великий Новгород,

не желая, видимо, обострять до крайности отношения.

В 1397 году оба князя, и московский и литовский, заодно требуют от новгородцев, чтоб те разорвали мир с немцами: «прислали послов своих с единого в Новгород, веля им мир разорвать с Немцами. И не послушались новгородцы, но так ответили: «Нам, господин, князь великий Василий Дмитриевич, с тобой мир свой, а с Витовтом иной, а с немцами иной».

В это же время Витовт требовал от новгородцев, чтобы те перешли под руку литовского князя. Таким образом, Витовт действовал вероломно по отношению к своему зятю, пытаясь вывести Новгород из сферы влияния московского князя. Василию Дмитриевичу об этом стало известно. Великий князь Московский начал военные действия против Новгородской республики. Он «на крестном целовании у Новгорода отнял Волок Ламский с волостями». Город Волок Ламский находился в совместном владении Москвы и Новгорода. Таким образом, захватив все волости Волока, московский великий князь нарушил все прежние договоры с Новгородом. Затем Василий Дмитриевич послал своих бояр с войском и присоединил к своим землям новгородские волости – Вологду, Великий Устюг и Бежецкий Верх, пообещав защищать их от Новгорода.

В этом же году Киприан через специального посла пригласил в Москву новгородского архиепископа Ивана. Вместе с владыкой в Москву отправились новгородские послы к Василию Дмитриевичу «мира ради». Князь «миру не дал».

А Киприан отпустил в Новгород архиепископа и послов с честью и благословением. То есть новгородцы требовали от князя возврата захваченных территорий и получили «вежливый» отказ.

Тогда в 1398 году новгородцы послали войско в Заволочье и с минимальными потерями отняли все захваченные Московской территории. Василий Дмитриевич был вынужден заключить с новгородцами мир «по старине». Брат великого князя московского Андрей отправился для выполнения условий договора в Новгород, где «...бояре даша князю честь великую». Вероятно, выбор Андрея в качестве главы московского посольства не случаен. Владея пограничным Белозером, Андрей был в курсе новгородско-московских проблем. Однако мир, достигнутый Андреем, не вполне удовлетворил обе стороны, и пограничные конфликты продолжались. Москва продолжала считать Бежецкий Верх своим, а Новгород – своим.

Отношения Москвы и Литвы тем временем внешне остаются дружественными. В 1398 году в Москву по татарским делам ездил смоленский наместник князь Ямонт, а в 1399 году к отцу в Смоленск приезжала Софья Витовтовна. Однако сам Витовт в это время задумал захватить власть в Московском княжестве. Для этой цели он использовал обратившегося к нему за помощью Тохтамыша.

Дело в том, что царь Золотой Орды Тохтамыш не смог справиться после Тамерланова разгрома 1395 – 1396 го-

дов. Власть над остатками Золотой Орды захватили сразу несколько ханов, поделивших между собой бывшие владения Тохтамыша. Тохтамыш бежал в Литву к Витовту. Витовт принял его в Киеве и дал в кормление город Лида, оказывая при этом беглецу ханские почести.

В 1397 году Витовт с Тохтамышем двинулись к Азову, разбили татар нового хана Золотой Орды Темир-Кутлука и награбили несметные сокровища. Витовт захватил в этом походе несколько улусов мелких татарских князьков и переселил всех находившихся там людей в Литву.

Вместе Витовт и Тохтамыш составили план по новому «переделу мира».

«Похвалялся Витовт, говоря: пойдём и победим царя Темир Кутуя, возьмём царство его, посадим на нём царя Тохтамыша, а сам сяду на Москве, на великом княжении, на всей русской земле».

В 1398 году Витовт обещал помогать Ливонскому Ордену в завоевании Пскова, за что Орден обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода.

В результате в начале 1399 года резко ухудшились русско-литовские отношения. Москва начинает укреплять связи с Новгородом, Псковом и Тверью. Витовт посылает в 1399 году в Новгород грамоту разметную (объявление войны).

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

А в это время на юге набирала силу Турецкая держава. Была подчинена Македония и Болгария. В 1394 году турецкий султан задумал нападение и на самую столицу Византии. Первым шагом к этому была блокада Константинополя. В течение семи лет турки блокировали столицу Византии, надеясь взять ее измором. Связь Константинополя с внешним миром поддерживалась лишь морем.

Одновременно турки, воспользовавшись междоусобицами греческих и латинских феодалов, начали вторжение в Фессалию и Грецию.

Не менее трагические события разыгрывались на севере Балканского полуострова. В 1395 году после героического сопротивления покорилась туркам Валахия.

Было похоже, что на мир идет новый Батый. Непрерывные успехи турок обеспокоили западные державы. Там, наконец, поняли, что волны турецкого завоевания могут докатиться до Центральной и Западной Европы. После падения Болгарии и Валахии на очереди была Венгрия. В то время как мольбы о помощи византийского императора остались «гласом вопиющего в пустыне», призыв венгерского короля Сигизмунда к крестовому походу против турок нашел отклик на Западе. В 1396 году при содействии папского престола был организован крестовый поход против Османской дер-

жавы. Главой крестоносного ополчения был избран венгерский король Сигизмунд. Под его знамена собрались рыцари из Венгрии, Чехии, Германии, Польши и Франции. На помощь крестоносному ополчению пришла Венеция, которая послала свою эскадру, чтобы блокировать проливы и обеспечить связь между Византией и войсками Сигизмунда.

25 сентября 1396 года при Никополе на Дунае произошло одно из самых грандиозных сражений европейских народов с турками. Вражда между венгерскими и французскими рыцарями, бездарность и самонадеянность венгерского короля Сигизмунда, несогласованность действий огромной крестоносной армии привели к поражению европейцев.

Битва с сарацинами. Миниатюра из Жития св. Елены. Брюгге, около 1460 г.

В 1397 году войска султана Баязида вторглись в Венгрию и в последующие годы продолжали совершать на нее грабительские набеги, уводя в рабство десятки тысяч мирных жителей. В том же 1397 году Афины на время попали в руки турок.

В 1398 году войска турецкого султана Баязида «со всех сторон перекрыли пути и по морю и по суху – и так стояли долгое время», осаждая Царьград.

В это тяжелое для Византии время великий князь Василий Дмитриевич Московский послал императору и патриарху много серебра с чернецом Родионом Ослябятею не родственник ли он летописному богатырю Куликова поля Ослябе?). Отправил деньги и тверской князь Михаил Александрович.

Понимая неизбежность нового столкновения с турками, византийский император Мануил II решил по примеру своего отца вновь обратиться за помощью к иноземным правителям. Он обратился к папскому престолу, венецианскому дожу, к королям Франции, Англии и Арагона. Мануил II решил лично отправиться в Западную Европу и попытаться склонить европейские державы к новому крестовому походу против турок.

10 декабря 1399 года император и его свита отплыли из Константинополя и взяли курс на Венецию. В Италии византийский император, кроме Венеции, посетил Милан и Флоренцию, надеясь получить помощь у богатых итальянских городов. Затем он направился ко двору французского короля. За Парижем последовал Лондон, но никакой реальной поддержки Мануил не получил.

«ВЕЛИКИЙ» ПОХОД НА САРАЙ

Весь 1399 год прошел для Руси под знаком войны с Ордой. Витовт собирал огромную армию для похода на Сарай и возвращения Тохтамыша на трон. Василий Дмитриевич Московский в этом походе не участвовал. Видимо, он не верил в успех затеянной Витовтом и Тохтамышем авантюры, а кроме того, Василий, наверное, уже знал о коварных планах своего тестя.

Московский князь сумел по-своему воспользоваться этим походом. Зная, что основные силы Орды были отвлечены на Литву, Василий Дмитриевич послал большую рать на Волжскую Болгарию. Были взяты города: Болгары, Жукотин, Казань, Кремен-чук. Через три месяца московская армия возвратилась домой с большой добычей.

Тем временем в Киеве Витовт собрал огромное войско: кроме руси, литвы, жмуди и тохтамышевых татар здесь были полки волошские, польские и немецкие. Одних князей летописцы насчитывают до пятидесяти.

Еще в 1398 году «Тахтамышев царев посол Темирхозя был на Рязани у великого князя Олега Ивановича Рязанского, а с ним много татар и коней и гостей». Возможно, посол прибыл с предложением выступить на стороне Витовта и Тохтамыша против тогдашнего хана Золотой Орды Темир-Кутлуя. Если так, то Олег, очевидно, отказал, т. к.

в 1399 году он не принимал участия в сражении у реки Ворсклы. Это и неудивительно, Олег не мог простить Витовту набегов на Рязань и захвата Смоленска.

Перед выступлением Витовта в поход к нему прибыл посол Темир-Кутлуга с требованием выдать ему Тохтамыша. Но великий князь литовский передал в ответ: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

18 мая 1399 года войско Витовта выступило в поход. Но только 5 августа армия достигла реки Ворсклы, где их уже встречали татары. За почти 3 месяца похода Витовт прошел чуть больше 300 км! С такой «мобильной» армией он дошел бы до Сарая ровно за год.

Навстречу великой армии Витовта вышел татарский хан Темир-Кутлуг. На помощь к хану уже спешил эмир Едигей. Ожидая подмоги, хан вступил с Витовтом в переговоры. Послы Темир-Кутлуга спросили от имени хана у Витовта: «За что идешь на меня? Я не вступал никогда на твою землю с оружием!» Витовт расценил это как слабость противника и в ответ высокомерно заявил: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и плати мне ежегодно дань; а не захочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет предана огню».

Ожидая подхода Едигея и желая потянуть время, Темир-Кутлуг согласился платить Витовту дань и признал его отцом. Великий князь литовский, видя такую уступчивость,

настолько обнаглел, что выдвинул новое дерзкое требование: «Во всей Орде быть на деньгах ордынских знамению Витовта». То есть он потребовал, чтоб хан Золотой Орды признал над собой власть Литвы и стал печатать на своих деньгах знак великого князя литовского.

*Герб Великого княжества
Литовского (с рисунка 1575 г.)*

Темир-Кутлуг не отказался прямо чеканить на своих монетах изображения Витовта и литовский герб, но попросил три дня на размышления для окончательного ответа, и Вито-

вт дал ему эти три дня. Тем временем к хану Темир-Кутлугу подходили союзники. Пришел и эмир ногайской орды Едигей с большим войском. Переговоры тут же приняли другой оборот. Узнав об амбициях Ви-товта, Едигей пожелал лично увидеться с ним. Они съехались на противоположных берегах Ворсклы, и Едигей насмешливо начал свою речь: «Князь храбрый, наш царь справедливо мог признать тебя отцом, он моложе тебя годами, но зато я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцом, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на литовских деньгах мою печать». Едигей также потребовал у Витовта: «Выдай мне царя беглого Тохтамыша, ибо он враг мой, и не могу я терпеть, слыша, что он жив и у тебя живет».

Слова эмира привели Витовта в ярость, и он приказал тотчас же готовиться к битве. Краковский воевода Спытко, видя большое число воинов у Едигея (по некоторым явно завышенным данным их было около 200 тысяч человек), советовал Витовту не вступать в бой, а попытаться замирииться с татарами. Однако остальные воеводы возмутились его словам, причем один из польских панов, некто Щуковский, хвастливо упрекнул Спытко: «Если тебе жаль расстаться с твоей красивой женой и с большими богатствами, то не смущай по крайней мере тех, которые не страшатся умереть на поле битвы». На это Спытко с достоинством ответил ему: «Сегодня же я паду честной смертью, а ты трусливо убежишь от неприятеля». Предсказание его сбылось.

12 августа начался бой, в результате которого истощенные Тамерлановым разгромом татары Золотой Орды без особого труда разбили огромную армию, объединявшую силы почти всей Восточной Европы. «Побили татары на том великом побоище много князей литовских и воевод, и бояр великих, и христиан много и Литвы, и Немец, и Ляхов, и иных людей многое множество бесчисленное пало тогда, и мало осталось их».

Видя, что литовцы проигрывают, Тохтамыш первым обратился в бегство и, отступая с поля боя, принялся по дороге грабить литовские земли. Он справедливо счел, что раз литовцы проиграли битву, то их земли все равно будут ограблены татарами. Так пусть уж будут воины Тохтамыша! Потом Тохтамыш со всей своей родней и военными силами откочевал из владений Витовта в неизвестном направлении.

Следом за ханом с поля боя бежал пан Щуковский, а воевода Спытко пал смертью героя. Источники сообщают, что в сражении погибли тридцать из пятидесяти участвовавших в нем литовских и русских князей. На берегах Ворсклы сложили головы герои Куликовской битвы, приехавшие на помощь Витовту: Андрей Ольгердович Полоцкий и Дмитрий Ольгердович Брянский. Некоторые историки считают, что на Ворскле погиб и боярин Боброк-Волинский.

А Едигей и Тимур-Кутлуг, разгромив литовскую армию, захватили весь обоз Витовта. Сам великий князь литовский едва успел убежать с небольшой дружиной. Татары гнались

за ним до самого Киева.

Став под Киевом, хан Темир-Кутлуг распустил свою силу воевать Литовскую землю, и «ходила татарская рать до самого Луцка», опустошая все на своем пути. Киев откупился тремя тысячами рублей, чтобы татары не брали его штурмом.

Витовт долго не мог оправиться от разгрома. Ему пришлось отказаться от своих грандиозных планов. В 1400 году Витовт заключил с новгородцами мир по старине. А на следующий год состоялась Виленская уния – формальное включение Литвы и ее владений в состав Польского королевства.

А хан Темир-Кутлуг недолго правил Ордой. В том же году однажды ночью, немного времени спустя после одержанной победы, он умер с перепоя. Фактическим главой Золотой Орды стал эмир Едигей. Он посадил на престол чингизида Шадибека, при котором в последний раз произошло объединение всех прежних улусов Джучи.

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ

Вернемся к митрополиту всея Руси Киприану. К началу девяностых годов XIV века его авторитет на Руси был непре-рекаем. Его милости ищут, его советам внимают. С этого времени во всех договорных грамотах московского князя в качестве обязательной формулы появляется фраза о благословении митрополита Кипри-ана. Это уже официальное признание того, что все договоры московского князя могут быть заключены лишь с благословения митрополита всея Ру-си.

Киприан, наконец, получает то, за что боролся всю преды-дущую жизнь, – возможность воплотить в жизнь свою мечту о единстве Руси, основанном не на крови, а на общности ин-тересов, на силе убеждения и дипломатическом искусстве. И ему многое удается.

Отношения Киприана с константинопольской патриархи-ей в это время безоблачны. Около 1398 года Киприан орга-низовал сбор и отправку крупной денежной помощи, «милос-тыни», в Константинополь. Благодарный патриарх прислал в Москву и Тверь иконы византийского письма. Когда князь Василий Дмитриевич запретил помянуть Византийского им-ператора во время богослужений, Константинопольский пат-риарх Антоний написал великому князю письмо, убеждая его не противиться поминовению императора за литургией

в русских церквах. Киприан добился возобновления поминовения Византийского царя. Свои тесные связи с патриархатом он старался использовать и для присоединения к русской митрополии галицкой. Киприан дважды, в 1392—1393 и 1397 годах, усиленно хлопотал об этом перед патриархом, но оба раза, несмотря на сочувственное отношение Константинополя к его притязаниям, вынужден был отступить ввиду того, что польский король, во владениях которого находилась значительная часть галицкой митрополии, поддерживал своего кандидата, некоего Иоанна, епископа Луцкого. Впрочем, Киприан уже не стеснялся брать силой то, что не дается по праву. С молчаливого согласия патриарха он включил в свою митрополию те епархии Галицкой митрополии, которые находились под властью Литвы (Владимир, Холм, Туров), и даже сумел поставить своего епископа в одну из двух оставшихся епархий – Перемышль.

До конца своей жизни Киприан поддерживал единство русской митрополии. С этой целью он часто совершал длительные поездки по юго-западным епархиям.

Приведя к власти в Москве Василия Дмитриевича и связав его родственно с великим князем литовским Витовтом, Киприан добился долгого мира и сотрудничества между Москвой и Литвой. Совместная внешняя политика союзников стала грозной реальностью для соседей. Развернул свою армию уже шедший на Москву Тамерлан. Витовт безнаказанно разорял извечных врагов Москвы – рязанцев. Москва

усиливает свое давление на Новгород.

К 1396 году Киприан был настолько уверен в своих силах, что предложил немислимый еще за пять лет до того проект – унию с католической церковью в рамках своей митрополии. Битва на Ворскле стала естественным продолжением этой идеи Киприана (вспомним состав войска Витовта). Видимо, Киприан собирал земли как вокруг Литвы, так и вокруг Москвы ради будущего единого государства, во главе которого встал бы сын Василия – внук Витовта. Окрыленный своей идеей Киприан не учел только одного: Московский и Литовский князья были обычными людьми. Они хотели власти себе и сейчас! Самоотверженное служение идее грядущего объединения, столь естественное для митрополита, было им совершенно чуждо. Мечта Киприана рушилась у него на глазах. В 1398 году испортились отношения Москвы и Литвы, а в 1399 году «крестовый поход» Витовта закончился сокрушительным поражением на Ворскле.

Киприан вернулся в Москву. Теперь уже навсегда.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ОЛЕГА

В 1400 году «в пределах Червленого Яра и караулах возле Хопра по Дону князь великий Олег Иванович с пронскими князьями и с муромскими и козельским перебили множество татар, и царевича Мамат-Салтана захватили и иных князей ордынских поймали».

Муром в то время зависел от Москвы, Козельск – от Владимира Андреевича Серпуховского. Возможно, имеет смысл предположить, что отношения великого князя рязанского с московским и серпуховским князьями в то время были дружественными. Это предположение подтверждаются двумя свадьбами: в этом же году в Москве Юрий Дмитриевич, брат великого князя московского, женился на дочери князя Юрия Смоленского Настасье. А в 1401 году в Москве Иван Владимирович, сын Владимира Андреевича, женился на дочери Федора Олеговича Рязанского Василисе.

В 1400 году «доброхоты» великого князя Юрия Святославича тайно приехали к нему в Рязань, желая видеть его на смоленском престоле. Юрий просил Олега о помощи, и тот согласился помочь. Собственно, война с Литвой для Олега Ивановича и не кончалась. Он просто ждал удобного момента, чтобы нанести удар.

В 1401 году Олег Рязанский вместе с Юрием, князьями пронским, муромским и козельским отправился к Смолен-

ску. Время он улучил удобное, говорит летописец, потому что Витовт «оскудел тогда до конца людьми после побоища при Ворскле, и в Смоленске была крамола: одни хотели здесь Витовта, а многие другие – своего отчича, старинного князя Юрия. Пришедши под Смоленск, Олег велел оповестить его жителей: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню; выбирайте между животом и смертью». Смольняне сдались, и многие из них были рады князю своему Юрию, но другие ненавидели его. Вошедши в город, Юрий начал тем, что убил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича брянского, с его боярами, а потом перебил и смоленских бояр, преданных Витовту. Олег, возвративши зятю его отчину, не был этим доволен, но вошел со всем войском в литовские владения и возвратился оттуда с большою добычею».

В августе месяце утвердился в Смоленске Юрий, а осенью того же года Витовт уже стоял с полками под городом. В Смоленске поднялась сторона, преданная Витовту; но противники Литвы осилили, перебили много ее приверженцев, и Витовт, простояв четыре недели понапрасну, заключил перемирие с Юрием Святославичем и отступил от Смоленска.

Осенью 1401 года «приходили изгоном татары на рязанские окраины и много зла сотворив, возвратились восвояси». Похоже, в этом году начался новый виток пограничной войны рязанцев с татарами.

В 1402 году Олег Рязанский посылает своего сына Родслава в поход: «Того же лета князь Родслав Олегович Рязанский пошел ратью на Брянск и встретили его князи литовские, князь Семен Лугвений Ольгердович, князь Александр Патрикеевич Стародубский и был между ними бой у Любутска, и побила Литва рязанцев, а князя Родслава схватили и привели его связанного к Витовту и сковали его, ввергнув в темницу, и пребыл в нужде той великой 3 лета, потом же Витовт взял за него 3000 рублей откупа и отпустил его».

Олег Иванович не дожил до освобождения сына. В том же 1402 году «месяца июля в 5 день, преставился князь великий Олег Иванович Рязанский во иноках и схиме, нареченный в святом крещении Иаков, а в монашеском чину Иаким, и положен был в его отчине и дедине на Рязани, за Окою-рекою, в монастыри его называемом Солотчша. И пошел сын его князь Федор во Орду ко царю Шадибеку с дарами и со мною честию, возвестив ему отца своего Олега Ивановича смерть; и пожаловал его царь, дал ему отчину его и дедину великое княжение Рязанское улус свой и отпустил его. Он же пришел из Орды в свою землю и сел на отчине своей и дедине, на великом княжении Рязанском».

Точность даты и конкретность описания свидетельствуют о современности записи и ее рязанском происхождении.

Итак, перед смертью Олег Иванович вдруг ушел в монахи. Существует интересное предание о святом князе Олеге Рязанском:

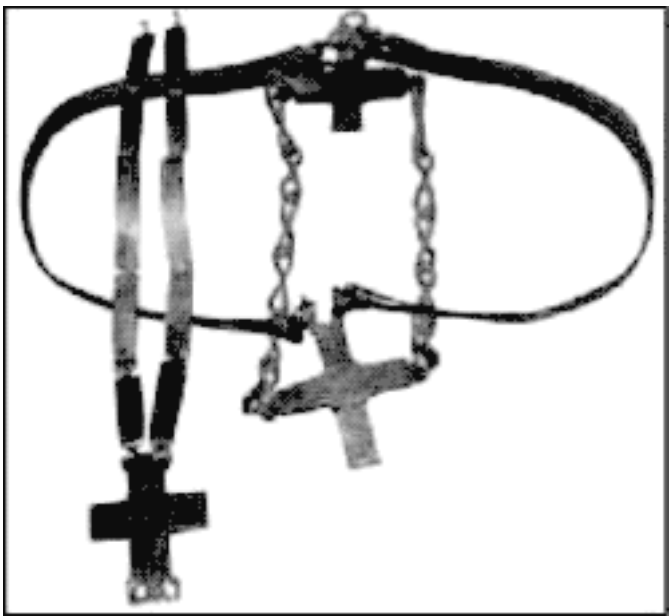
«Среди современных Димитрию Донскому русских князей замечательна судьба князя Олега Рязанского. Бодрый, способностей выдающихся, он постоянно враждовал с великим князем, и когда Димитрий пошел на Мамаю, Олег ссылался с союзником Мамаю, королем польским, и не пристал к Димитрию. Незадолго до смерти Димитрия, преподобный Сергей Радонежский ходил в Рязань, чтобы примирить Димитрия с коварным и мятежным Олегом. И тут умягчилось бурное сердце: он заключил с Димитрием искренний союз. Вероятно, воздействию тихой святыни дивного старца нужно приписать перелом, происшедший в жизни Олега.

Пред концом ее, мучимый раскаянием за все, что было в ней темного, он принял иночество и схиму в основанном им в 18 верстах от Рязани Солотчинском монастыре. Там жил он в суровых подвигах, нося власяницу, а под ней ту стальную кольчугу, которую не захотел надеть, чтобы оборонять отечество против Мамаю. Инокинею закончила жизнь и его супруга княгиня Евфросинья. Их общая гробница в соборе обители. Многие жители Рязани и соседних уездов бывают тут на поклонении иноку-князю и служат по нем панихиду, испрашивая себе его молитв, причем обыкновенно надевают на себя его кольчугу».

В этом рассказе легко найти ряд несуразиц. Во-первых, князь Олег во время Мамаева побоища хотя и не участвовал в битве, но стоял с войском своим наготове и кольчугу уж наверняка надевал. Во-вторых, обыкновенно иноки в знак са-

моуничжения и раскаяния носили под власяницами вериги, которые весили намного больше кольчуги.

Даже неподготовленный человек способен долгое время носить кольчугу, не снимая, что уж говорить о князе-воине XIV века, сызмальства приученном к тяготам военной жизни? Стоит задуматься, а не носил ли князь Олег кольчугу, опасаясь за свою жизнь? При этом он не надеялся ни на защиту монастырских стен, ни на собственный монашеский чин. На первый взгляд, мысль нелепая, однако не будем торопиться. Давайте вместе постараемся разгадать загадку кончины великого князя Олега Рязанского.

Вериги

Что могло заставить Олега Ивановича уйти в монастырь в тот момент, когда вновь началась пограничная война с татарами, в момент, когда шла война с Литвой и когда в плену у литовцев оказался его сын Родслав?

То, что Олег Иванович до своих последних дней, находясь в монастыре, носил под власяницей кольчугу, на наш взгляд, говорит отнюдь не о самоуничижении и раскаянии за грехи. Это говорит о том, что князь, даже находясь в монастыре, боялся за свою жизнь. Он опасался покушения и именно поэтому носил под одеждой кольчугу. И тем не менее погиб через несколько месяцев или даже недель после того, как заперся от кого-то в не так давно построенном на собственные деньги монастыре.

Кто мог покушаться на жизнь Олега? Для кого он был опасен даже в монастыре? И что заставляло этого князя сражаться, возможно, до последних дней своей жизни? Мы не найдем в летописях прямого ответа на этот вопрос. Но ответ вырисовывается сам из логики происходивших вокруг князя Олега событий.

Олег отличался от своих противников – Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича Московских. Он не концентрировал в своих руках крупных земельных владений, не пользовался в своих целях церковной пропагандой, не стре-

мился объединить вокруг себя Русь. Он выступал против этого объединения, воспринимая его как порабощение. Всю свою жизнь он заботился о Рязанском княжестве. Вся его внешняя политика сводилась к тому, чтобы окружить свои земли владениями дружественных ему князей. Он использовал для этого родственные связи и договоры. Если мирного сосуществования с соседом не получалось, Олег применял военную силу, заставляя себя уважать как в случаях с Москвой и Ордой) или сменяя неудобного ему князя Муром, Пронск, Смоленск). Подчеркнем, что Олег Иванович не захватывал побежденные города под свою руку, не ставил там своих наместников, как это делали московские князья и Витовт.

В конце XIV века на Руси очень многим власть имущим стало очевидно, что страна стоит на распутье. Оказалось, что объединение Руси возможно лишь вокруг жесткой авторитарной власти, такой как власть московского князя. Но это в свою очередь лишало власти, имущества, жизни очень многих. Оказалось, что Русь может объединиться только пожирая, уничтожая свободу городов, князей, бояр, приводя всех к общему знаменателю. Не воля и старинные демократические устои, а покорность и безропотное служение государю, порядок беспрекословного послушания и раболепства, перенятый в Орде, – вот что было нужно растущему, превращающемуся в новую Россию Московскому княжеству.

Основой правящего класса, его военным фундаментом и

интеллектуальной элитой на Руси было боярство. Бояре и приближающиеся к ним по социальному статусу мелкопоместные князья и старшие дружинники – вот кто делал в описываемую эпоху политический выбор. Многие из бояр связали судьбу своих родов со служением московскому князю. Но не все. Кое-кто из них, может и не вполне осознанно, но пришел к выводу, что растущее Московское государство своей политикой разрушает ставшие привычными с прошлых веков устои. И против этого процесса началась борьба.

К началу XV века Олег Иванович представлял собой, пожалуй, единственного великого князя, успешно противостоящего политике объединения русских земель любой ценой, которую проводили московский князь Василий Дмитриевич и митрополит Киприан. И этой своей успешностью, наглядно демонстрирующей, что можно жить, не прогибаясь ни под Москву, ни под Литву, – этим он был опасен митрополиту Киприану, московскому и литовскому великим князьям. Нет, он не был очень уж опасен сам по себе. Олег не стремился создать обширных земельных владений, так их и не создал. А ресурсы собственно Рязанского княжества не были велики. Его сила была в другом – репутация успешного полководца, многочисленные родственники и союзники среди мелкопоместных князей как на Руси, так и в Литве.

К концу своей жизни Олег стал своего рода идеалом, флагом, вокруг которого могли объединиться недовольные мос-

ковским князем русские князья и бояре. Когда Москва в 1395 году позволила Витовту захватить Смоленск, возглавляемые Олегом князья в ответ начали с Литвой войну. Василий Дмитриевич, действуя в рамках достигнутых с Витовтом договоренностей, старался принудить Олега и его союзников к миру с Литвой, но тщетно. И когда после битвы на Ворскле вся политика Витовта терпит фиаско, Олег Рязанский, Юрий Смоленский, муромский, козельский и пронский князья совершают дерзкое нападение на Смоленск, вырывая его из цепких лап Литвы, при молчаливом попустительстве Москвы. Василий Дмитриевич на этот раз не помешал Олегу Рязанскому, так как отношения московского и литовского князей испортились.

Однако в Москве понимали, что Олег Иванович не позволит себя использовать. Возвращением Смоленска война рязанского князя с Литвой не закончилась. Противостояние Олега Ивановича и его союзников с Литвой в 1395 – 1402 годах показало всей Руси, что можно побеждать и не опираться на обширные земельные владения, что можно проводить независимую от сильных соседей, и тем не менее успешную политику. Олег Иванович Рязанский стал слишком опасным и непредсказуемым противником, как с политической, так и с военной точки зрения. И главное – у Москвы не было практически никаких рычагов давления на него. Последние войны с Рязанью оканчивались неизменной победой Олега. В Москве, в Литве и в Орде Олега Рязанского просто боя-

ЛИСЬ.

ТАК МОГЛО БЫТЬ

В 1402 году Олегу Ивановичу было далеко за 60. Он княжил уже 52 года и всю свою жизнь провел в походах, на коне. Предположим, что весной 1402 года он заболел. Настолько серьезно, что бояре решили – князь умирает. Перед ними встал вопрос – что будет дальше? Кто будет следующим великим князем Рязанским – молодой отчаянный Родслав или Федор, женатый на сестре московского князя? Произошел раскол боярства. Партия крупных землевладельцев, заинтересованных в стабильности, стояла за прекращение войны с Литвой, за союз с Москвой, то есть за Федора. Те, кому война была все еще выгоднее мира, стояли за Родслава. Видимо, поход рязанского войска на Брянск планировался еще до болезни Олега. Когда князь заболел, Родслав вызвался повести войска вместо него, увидев в этом шанс – доказать рязанскому боярству, что он более достойный претендент на великокняжеский престол.

Но многие бояре за ним просто не пошли. Не пошли с ним в поход и союзные князья – козельский, муромский и пронский. Итак, Родслава поддерживали только самые рьяные его сторонники. И всего один вестник, посланный, Витовту, решил дело. Кто предупредил Литву? Мы не знаем имен. Знаем лишь, что Родслав был перехвачен и разгромлен у Любутска, на самой границе с Литвой, литовскими князьями

– заместниками Витовта. То есть его, идущего внезапно и скрытно, ждали. Кто состоял в заговоре? Не знаем. Но разгром Родслава был выгоден всем рязанским боярам из партии мира, был выгоден Федору Олеговичу и, несомненно, Москве. Если бы Родслав погиб в этой битве, а Олег Иванович Рязанский так и умер, то все были бы довольны. Но Родслав оказался в плену. Витовт мог держать княжича, но мог и отпустить за выкуп. Тем временем Олег Иванович стал выздоравливать. И понял, что в его окружении есть предатели. Причем кто – доподлинно неизвестно. Все, кто не пошел в поход с Родславом, были у него на подозрении. Он ни сыну Федору, ни боярам своим уже не мог верить. Олег испугался, что заговорщики выздороветь ему не дадут. И скрылся в монастыре. Чтобы прийти в себя после болезни. Все обдумать. Выяснить, кто именно предал. А разобравшись – наказать. Ведь не мог же он по одному только подозрению учинить расправу над своим сыном и над лучшими своими боярами.

И Олег стал разбираться. Он, скрывшись за стенами монастыря, видимо, с немногими личными телохранителями, вызывал к себе бояр, слуг. Беседовал с ними. А под власяницей носил кольчугу – вдруг кто из вызванных для беседы кинется на князя с оружием.

Заговорщики испугались. Потому что при живом Родславе и при выздоравливающем Олеге, у них не было шансов. Бояре верили князю Олегу. И в огромном большинстве были ему верны. Они примкнули к партии Федора Олеговича

лишь по необходимости, думая, что Олег Иванович уже не поднимется. Узнав, что Олег снова в состоянии править, они, не задумываясь, схватили бы Федора Олеговича и всех других, на кого указал бы Олег.

Олег должен был умереть «естественной смертью». В этом был заинтересован не только Федор Олегович и непосредственные участники заговора, но и Москва. Совершить такое тайное убийство в монастыре могли только монахи. Возможно, его отравил человек, подосланный митрополитом Киприаном, который к тому времени, в своем стремлении к объединению Руси уже перестает стесняться в средствах. К тому же в свое время Олег Рязанский поддерживал врага Киприана – митрополита Пимена. Так что никаких симпатий к рязанскому князю митрополит Киприан не испытывал.

Олег Иванович, спрятавшись в монастыре, не отказался от княжеской власти и не передал княжение преемнику. Федор ездил в Орду за ярлыком только после смерти отца. То есть Олег, видимо, собирался вернуться из монастыря и снова взять власть в свои руки.

Возможно, Олег принял постриг уже перед самой смертью. Такая практика в отношении князей, а позже и царей была распространена на Руси. А легенду о святом князе-монахе придумали потом.

Рязань унаследовал Федор. Он в 1402 году подписал докон-чальную грамоту с московским князем. Своего брата Родслава Федор выкупил лишь через три года, когда здоро-

вье того было окончательно подорвано пленом. Еще через год, в 1406 году, Род-слав умер.

Летописи пишутся под диктовку победителей. Современники, прочитав явную ложь в официальных документах, посмеются над убожеством и нелогичностью текста. А историки, через 500 лет прочитав этот же текст, примут его за чистую монету. И герой превратится в предателя. Так не должно быть.

ЗАКАЗ ОПЛАЧЕН

«Но человеколюбивый Бог захотел спасти и освободить род христианский, молитвами пречистой своей матери, от рабства измаильтян, от поганого Мамая и от союзников его – нечестивого Ягайла и лживого Олега Рязанского...»

Отец Матвей отложил в сторону гусиное перо и утер рукавом выступившие на лбу капельки пота. Работа монаха была трудная. В обители он слыл в сочинениях искусным, и поэтому именно ему поручили свести воедино и «обработать должным образом» все записи о Задонщине. Поглядывая на разложенные на столе летописи и разрозненные пергаментные свитки, монах переписывал понравившиеся ему абзацы на листы бумаги. Потом переписчики размножат его труд и разошлют во все монастыри московской Руси.

Работа у Матвея была творческая. Факты-то были всем известные. Но подать их так, чтобы понравилось московскому князю, – вот сложность!

«Нет. «Лживый» – это не пойдет. Лживый – это как-то несолидно. Поругал, а на деле все равно что погладил. Коли князь не лжив, то какой же это, к лешему, князь?.. Вот и наш благоверный Василий свет Васильевич... – Матвей мысленно осекся и испуганно огляделся. – Вслух я сказал или подумал? – он пристально посмотрел на двух отроков, сидящих в углу на лавке, над книгой. – Не оглянулись даже. Нет, не

вслух сказал. Подумал только. Лучше и не думать такое! А князь Василий-то давеча на рязанского князя, на Ивана Федоровича, страсть как изволил гневаться. Знающие люди говорят – аж весь покраснел, как ему об измене доложили. Еще бы не покраснеть, коли Иван Федорович со всем своим княжеством из-под нашей руки ушел – да к Литве отложился... А я про деда его, Олега, – «Лживый». Само собой, лживый. В наше-то время иначе и не проживешь... Посильнее теперь всех рязанских князей припечатывать надо! Олег-то Иванович, дедушка нашего изменника, перед битвой на Дону с татарами сношение имел. Вот мы этим-то его и подденем!»

И Матвей, схватившись за перо, принялся бойко водить им по бумаге, дополняя написанное: «...льстивого и лживого Олега Рязанского, который не соблюл своего христианства...»

Ненадолго задумавшись, Матвей приписал к характеристике Олега Рязанского еще одно пожелание: «Ожидает его ад и дьявол в день Великого суда Господнего».

Монах удовлетворенно поставил точку и с натугой разогнул спину.

«Великий князь Василий Васильевич изволил заказать нашему, Богоявленскому монастырю труд о славном подвиге деда его, Дмитрия Ивановича, о Задонской битве его с незаконным царем Мамаем. Тому уж пять десятков лет минуло, как славный подвиг сей совершен. А в летописях и прочих письменах про те дела все разное написано. И решил Вели-

кий князь, и повелел собрать все сведения о той битве великой и записать их в одной повести, пространно и подробно, и с великим старанием. Даже деньги за труд сей изволил вперед дать. А коли понравится, еще наградить обещал...»

Матвей облизнул губы и принялся усердно переписывать из прежней летописи абзац про гнев бессудного царя Мамаю и про его подготовку к походу.

Два отрока, сидящие за книгой в углу, тем временем усердно счищали ножами с пергаментных листов старые чернила. Один уже справился со своим листком и теперь нетерпеливо толкал в бок своего напарника, торопя его работу.

– Ну же, Кирилка! Я уж заждался весь, а ты все копаешься...

– А ты не торопи его, Мефодий. Не торопи, – назидательно изрек Матвей, оторвавшись от своего письма. – Старые знаки сводить со всем тщанием надобно, а то начнут потом в этой книге новую летопись писать, а старые-то знаки, плохо соскобленные, глядь, и проступят. Ты бы лучше, пока Кирюша работает, еще раз свой лист осмотрел. Везде ли гладок пергамент? Не забыл ли где каких знаков ты соскоблить?

– Хорошо, отче, – с притворным смирением кивнул Мефодий и, опустив очи на книгу, снова незаметно пихнул в бок своего напарника. – Давай скорее, копуша.

«И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и лукавому Олегу...» – вывело тем временем перо Матвея.

«Лукавому... Маловато как-то. Великий князь на внука

его гневаться изволил!.. Лукавый, стало быть, дьявольский. То есть отлученный от Господа...» – И монах, макнув перо в чернильницу, принялся яростно изливать на бумагу новую волну вдохновения. Сперва зачеркнул «лукавому Олегу», а затем, вместо того, размашисто вписал: «...к льстивому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от Сына Божия»

– От как его! – аж подпрыгнул на жесткой скамье инок. Отроки, сидящие в углу, удивленно подняли на него глаза. – Ну как, Кирилл? Дочистил страничку?

– Почти, – нервно кивнул Кирилл.

– Да он потому долго копается, что читает! – возмущенно взмахнул руками Мефодий. – Я не читаю, а он читает перед тем, как соскоблить. Оттого и не поспеваешь за мной!

– Ну и читаю! И что?! – вскинул голову и зарделся от смущения Кирилл. – И прежде я читал. Отчего не читать, коли я и так за тобой поспеваю? Ты только сотрешь, а я и прочту и сотру за тот же срок!

– Вот как?.. – удивленно поднял бровь инок Матвей. – Говорил мне брат Григорий, что ты в чтении горазд, но чтобы так...

В слух словеса не произносишь, и губами не шевелишь. Что же, в уме все слова складываешь?

Отрок в ответ только кивнул. И инок посмотрел на мальчика уже совершенно другими глазами. Читать про себя, не проговаривая в слух слова и не шевеля губами, умели не все взрослые монахи обители.

– И что же ты, весь свой лист успеваешь прочесть?

– А почти весь поспеваю, – Кирилл, заметив, как уважительно глянул на него старец, гордо улыбнулся и выпятил грудь.

– Так отчего же тогда Мефодий торопит тебя? – лукаво сощурился Матвей.

– Да задумался я. Вот и не поспел за ним, – снова потупил глаза Кирилл. – Уж больно интересно написано было, будто и не царь татарский всему виной, а... да вот.

И он принялся читать, водя пальцем по нескольким несоскобленным строчкам рукописного текста.

– «Бояре и вся дружина его и братия его, многие хулы и зло-речения говорили на князя, и замыслили некие из них убить его до смерти. И в страхе с тремя лишь верными слуги в свой град Кострому едва утече благоверный князь Московский Дмитрий Ивановичи...

– Прекрати! – испуганно зашипел на него старец Матвей. – Прекрати читать сию книгу, а надпись эту срамную соскобли немедля!

– Так ведь... Я подумал... Я же только спросить хотел, – пролепетал Кирилл, испуганно вжав голову в плечи. – Может, она это... Может, важная запись? Князя нашего... Убить ведь хотели, а?..

– Книга сия ненужная и зловердная! Врагами нашими писанная. Это летописание княжества Нижегородского. А как княжества того не стало, а стала эта земля нашего князя,

Московского, так те записи летописные все были позаброшены. А потом перевезли сию книгу сюда, на Москву, и святые отцы церкви нашей изволили всю ее прочесть. Все, что тут писано про стародавние дела, в нашем, Московском летописании, изложено верней и подробнее! – голос старца Матвея постепенно окреп, словно он не с отроком разговаривал, а вещал с церковной кафедры.

– Т-так сия книга же про другой город писана... – попытался возразить Кирилл. – Как же у нас про другой город выйдет подробнее?

– А все, что тут было подробнее, уже прочтено святыми отцами, и в наш свод переписано! – сердито отрезал Матвей. – А ты стирай давай. И не читай более. А то опять задумаешься... А от великого знания великие печали, мальчик. Давай стирай. А то скоро уж писать на этих листах надо будет, а на них еще записи старые... Да повнимательней стирайте! Чтоб ни черточки от старых словес не осталось!

И старец вновь углубился в работу. Однако вдохновение не шло. Но тут взгляд его замер на зажатых в левой руке листах. Осененный внезапной мыслью, монах кинулся к столу и принялся торопливо записывать.

«И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и к льстивому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от сына Божия, омраченному тьмою греховною и не желающему слышать голоса разума, Олегу Рязанскому, прислужнику басурманскому, лукавому сыну. Как сказал Хри-

стос: «От нас отошли и на нас ополчились». И заключил старый злодей Мамай нечестивый уговор с поганой Литвой и с душегубцем Олегом, чтобы соединиться им против благоверного князя у реки Оки на Семенов день. Душегубец же Олег начал зло к злу присовокуплять: стал посылать к Мамаю и к Ягайлу своего боярина единомышленника Епифана Кореева, антихристова предтечу, призывая их прийти точно в назначенный срок и, как договорились, стать у Оки с трехглавыми зверями – сыроядцами, чтобы кровь пролить».

Инок устало выдохнул и, поднявшись с деревянной скамьи, размял уставшие пальцы.

«Как поперло! Ух, как пошло, полилось! Теперь-то великий князь уж точно будет доволен».

Матвей оглянулся на двух отроков, сидящих в углу тише воды и ниже травы. Оба они усердно выскабливали следующий разворот ненужной Москве нижегородской летописи. Мефодий, подняв испуганный взгляд на монаха, тут же опустил его, буркнул что-то, и оба отрока чуть слышно хихикнули.

Старцу захотелось всыпать розг мальчишкам или просто накричать на них, чтобы другой раз неповадно было безобразничать, но он, поборов в себе это желание, снова уселся за работу. Сейчас нельзя растрачивать по таким пустякам драгоценную злобу. Предстоит написать еще пару абзацев об Олеге Рязанском. Надо поторопиться. Ведь заказ уже оплачен, а великий князь Василий Васильевич ждать не любит.

СМЕРТЬ КИПРИАНА

После 1400 года политика Москвы изменилась. Кажется, что правят теперь не Киприан с Василием, а Алексей и Дмитрий Донской.

В 1401 году Василий Дмитриевич посылает своих воевод в ордынские земли – искать князя Семена Нижегородского, его жену, детей и бояр. Воеводы отыскали жену Семена, княгиню Александру. Ее ограбили и привели вместе с детьми в Москву, где держали до тех пор, пока ее муж не покорился великому князю. Через пять месяцев бывший суздальский и нижегородский князь Семен умер.

В этом же году владыка новгородский был позван к митрополиту Киприану в Москву для святительских дел, но задержан там и брошен в заточение на три года.

В то же время великокняжеские полки неожиданно появляются в Двинской земле (владениях Новгорода) и берут ее всю «на щит». Одновременно великий князь посылает своих людей в Торжок, где они захватывают двоих бояр новгородских и имение их, хранившееся в церкви.

Итак, Киприан сам совершает все то, что в свое время ставил в вину Алексею. Видимо, митрополит понял, что помочь исполнить его мечту – объединить Русь – может только беспринципная грубая сила. Именно на эту силу он теперь и делает ставку.

Вспомним, что в 1389 году происходит битва на Косовом поле. С 1386 года в Армении и Грузии ведут завоевательную войну войска Тамерлана. В 1393 году турки завоевывают Болгарское царство, родину Киприана. В 1394 – 1402 годах султан Баязет несколько раз блокирует и осаждает Константинополь, оказавшийся теперь островком в море азиатских и балканских турецких владений. В 1396 году страшным поражением в Никейской битве оканчивается антитурецкий крестовый поход, возглавленный венгерским королем Сигизмундом. Осажденная турками Византия оказывается в зависимости от католиков.

Киприан не мог отказаться от своей мечты о едином православном государстве, понимая, что теперь его митрополия остается единственным оплотом православия в мире. Но он начинает действовать методами, соответствующими суровой средневековой реальности.

И эта жесткая политика срabатывает. Новгородцы заключают с московским князем новый договор на его условиях. В 1402 году великий князь отпускает новгородских бояр, захваченных в Торжке. В 1404 году был отпущен и владыка Иоанн. А около 1406 года в Новгород приезжает в качестве наместника князь Петр, брат московского великого князя Василия.

Но Киприан до конца жизни не переставал верить в силу слова. Под его руководством начинает писаться первый общерусский свод. В его основу легли: тверской великокня-

жеский свод, московская летопись Ивана Калиты, летопись митрополита Петра, летописные записи Ростова и Владимира. Также в Троицкую летопись была включена и написанная самим митрополитом «Повесть о Митяе».

Для митрополита Киприана было важно не только мнение современников, но и потомков о происходивших вокруг него событиях. В Троицкой летописи обнаружилось политическая позиция и литературные вкусы Киприана.

Официальная история, какой она должна быть с точки зрения Киприана, – вот как следует оценивать Троицкую летопись. На важнейшие события XIV – начала XV века составитель летописи смотрит с позиций своего патрона, митрополита Киприана. Именно поэтому полная лояльность по отношению к Василию Дмитриевичу соединяется в своде с довольно недоброжелательным отношением к его отцу – Дмитрию Ивановичу.

Особое отношение у Киприана к Ольгерду. Наверное, именно таким виделся митрополиту идеальный правитель Единой Руси, о которой он мечтал.

Похоже, что сводчиком Троицкой летописи был не кто иной, как единственный верный друг и последователь Киприана тверской епископ Арсений. На это указывает то, что летопись заканчивается в 1408 году, когда умер Арсений, а также характер его отношений с Киприаном и Михаилом Тверским.

Интересна подача летописцем рассказа о нашествии Еди-

гея в 1408 году на Москву. Осадивший Москву Едигей потребовал от тверского князя военной помощи. Помощи просил у него и московский великий князь. Но Иван Михайлович Тверской «не хотел сего сотворить, не хотел и изменить крестному целованию и давнему миру с великим князем», пошел к Москве «не с многой дружиной» и не дойдя, вернулся в Тверь. Летописец явно одобряет это «премудрое коварство»: «Ни Едигея не разгневал, ни великому князь не погубил. Это же створил по истине умело».

Читая московские летописи в наши дни, мы видим историю Руси XIV – XV веков глазами Киприана и его последователей.

16 сентября 1406 года умер митрополит Киевский и всея Руси Киприан. Уходя «в страну, где нет ни болезни, ни печали, ни въздыхания», как и Алексей, Киприан не назвал кого-либо своим преемником.

В Троицкой летописи сохранился текст прощальной грамоты Киприана, которую он написал за четыре дня до смерти. По завещанию митрополита эта грамота была прочитана у его гроба. Он просил прощения у всех, кого он обидел, и сам прощал своих врагов. Но в своей грамоте Киприан называет Василия князем всея Руси. И на смертном одре он не изменил своей мечте: «Я всех прощаю, и прошу вас простить меня, но... я все делал правильно». – таков был смысл его последнего послания.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

В 1402 году умер главный соперник Витовта на востоке – Олег Рязанский, и литовский князь снова двинул свои войска на Смоленск. Первая осада города в 1404 году завершилась для Витовта неудачно. Литовское войско семь недель безуспешно осаждало крепость, обстреливая ее из пушек, а затем отступило. Отразив натиск, смоленский князь Юрий поехал в Москву за поддержкой. В отсутствие князя некоторые недовольные им смоленские бояре, желавшие сами править городом, тайно призвали Витовта. Когда войско литовского князя вновь подошло к стенам Смоленска, бояре открыли ему городские ворота и сдали город вместе с княгиней. Войдя в Смоленск, Витовт казнил всех бояр Юрия. Надежды же изменивших бояр на управление городом не сбылись, поскольку Витовт везде поставил своих наместников, хотя и даровал горожанам некоторые льготы, чтобы привлечь их на свою сторону. Так один из крупнейших русских городов на 110 лет вошел в состав Великого княжества Литовского.

царяи :

Часы в Москве. В 1404 г. «на Москве Лазарь Сербин поставил часы в Кремле»

После падения Смоленска границы подвластных Витовту территорий вплотную приблизились к московским владениям. Москва, от которой литовские рубежи находились теперь всего в двух сотнях километров, продолжала безмолвствовать. Видимо, Василий все еще соблюдал договоренность с Витовтом о разделе сфер влияния. Но Витовт про этот договор, похоже, забыл. Ободренный смоленским успехом, он в следующем году напал на Псковское княжество, определенно входившее в сферу влияния Москвы. Псковичам с помощью новгородцев удалось отбиться. Но ни те, ни другие не надеялись справиться с Литвой собственными силами и потому послали просить защиты у московского князя. Реальная опасность перехода огромных русских территорий на севере под власть Литовского княжества заставила Василия Дмитриевича пересмотреть союзные отношения со своим вероломным тестем. На сей раз Москва стала вооружаться, разорвала союз с Витовтом и открыто выступила против Литвы. В 1406 году московское войско, на помощь которому прислал свои полки и ордынский хан Шади-бек, встретилось с армией Витовта на реке Плаве. Но битвы не произошло. Было заключено временное перемирие. Однако уже в следующем году литовские войска взяли Одоев, а московские

вторглись в литовские владения и захватили город Дмитровец. Витовт «со многой силою» встретил Василия Дмитриевича у Вязьмы, но сражаться не стали и снова взяли перемирие.

В этом же году, 1 сентября, московский князь снова пошел против своего тестя. Противники встретились на Угре: «на одном берегу – Василий, на другом – Витовт во главе литовцев, поляков, жемайтов, немцев и татар». Настала решительная минута, когда могли повернуться судьбы народов Восточной Европы. Однако после нескольких стычек ни одна из сторон не решилась форсировать реку на глазах армии неприятеля. Видимо, и те и другие прекрасно помнили, чем кончилось такое форсирование для татар при Воже. Простояв много дней друг напротив друга, враждующие стороны заключили перемирие. Оно предусматривало установление границы по реке Угре. В следующем году Витовт еще дважды вторгся во владения Московского княжества. Только в 1409 году «псковичи взяли мир с Витовтом и с немцами».

Осада города. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Впоследствии Витовт уже не предпринимал серьезных наступательных движений против Московской Руси. Важной причиной, вынудившей Витовта пойти на мировую, была нестабильность в его собственном княжестве. Московско-литовский конфликт вызвал там серьезное брожение и дал возможность многим русским князьям, недовольным польско-литовским сближением, открыто поддержать Москву. Любое крупное поражение Витовта от князя московско-

го могло вызвать в Литовском княжестве выступление сторонников русской ориентации, которых там было немало. Кроме того, у Витовта оставались напряженные отношения с братьями. Один из них – Свидригайло находился в московских владениях и с нетерпением ждал возможности свергнуть своего соперника. Немалую роль играл и моральный надлом Витовта после пережитого страха на берегах Ворсклы. Так что у литовского князя имелось достаточно причин проявлять осторожность.

Кроме того, Ливонский Орден, помогавший Витовту воевать против Москвы, требовал от великого князя литовского Жемайтию (часть Литвы, граничащую с Ливонским Орденом). Витовт, нуждавшийся в помощи немцев, обещал им эту область. Немцы исправно воевали за него и под Ворсклой, и под Смоленском, и в стычках с Москвой. Но Витовт выполнять свое обещание не спешил. Более того, он послал жалобу Римскому папе, в которой писал, что поскольку Литва находится теперь в лоне католической церкви, ливонские рыцари не имеют права совершать на нее набеги и требовать ее земель.

Папа урезонил крестоносцев, и они на время притихли, но вскоре опять принялись требовать Жемайтию, грозя войной. Витовту было трудно воевать на два фронта, и он окончательно примирился с Москвой. А конфликт с Ливонским Орденом кончился в 1410 году Грюнвальдской битвой.

Тем временем на востоке сгустились тучи. Во время битвы

1396 года при Никополе цвет европейского рыцарства был легко разгромлен армией турецкого султана Баязета. Через два года объединенные силы Литвы и ряда соседних с ней западных держав потерпели полное фиаско под рекой Ворсклой, не сумев победить войска истощенной и практически разрушенной Тамерланом Золотой Орды. Таким образом, Европа показала, что совершенно неспособна защитить себя от военной угрозы с Востока. И тем, что она не была покорена одним из восточных владык, ее жители обязаны лишь случайному стечению обстоятельств.

После успешного похода в Индию, завершившегося в 1399 году, Тамерлан начал подготовку к длительной войне на Западе. В 1400 году он двинул свою армию на Ближний Восток. Там он разгромил армию турецкого союзника – египетского султана, взял Дамаск и Мосул, а затем и Багдад. После этого Тамерлан двинул свою армию на Турцию.

Под Анкарой, в 1402 году в яростной схватке сошлись армии двух крупнейших завоевателей своего времени – победителя Европы – Баязета и победителя Азии – Тимура. Численность сражающихся армий исчислялась сотнями тысяч.

Часть армии Баязета, состоявшая из туркмен и татар, перешла на сторону Тамерлана. Видимо, хорошо поработали агенты Железного хромца. Впрочем, немаловажным был еще и тот фактор, что Тамерлан, содержащий все время огромную армию, тем не менее исправно платил ей жалование. Такое могли себе позволить далеко не все азиатские вла-

дыки, а европейским королям в начале XV века о подобном приходилось только мечтать.

Итак, часть турецкой армии перешла на сторону Тамерлана. Яростнее же всего с Тамерланом сражались сами турки, янычары, набранные из европейцев, и двадцатитысячный сербский корпус, входивший в армию Баязета. Однако после жестокой схватки войска Тамерлана стали одолевать. Часть турецкой армии обратилась в бегство, но сам султан Баязет счел для себя позорным отступить и, заняв с главными силами оборонительную позицию на возвышенности, окруженный со всех сторон войсками Тамерлана, сражался до последней возможности. Лишь после полного разгрома своих сил он попытался спастись, но уже не сумел, был захвачен и, связанный, приведен в тот же день к Тамерлану.

Сохранилась такая история о первом свидании этих двух соперников славы и могущества: «Тимур, призвав Баязета в день его пленения, посмотрел на него очень внимательно и рассмеялся. Турецкий султан сказал ему в негодовании: «Тимур! Не смейся над моим несчастьем. Бог раздает государства; Он может и у тебя отнять то, что дал тебе сегодня». Тимур, приняв тотчас же ласковый и серьезный вид, сказал: «Я это знаю. Не дай Бог, чтобы я захотел насмеяться над твоим несчастьем! Когда я увидел тебя, вот что заставил подумать меня твой вид: как видно, Бог ни во что не ставит государства, ибо Он их отдает таким уродливым существам, как я с тобой. Ты – кривой, ая – хромой».

Тамерлан проявил уважение к попавшему в плен противнику. Он общался с Баязетом почтительно и постоянно держал его при своем дворе, однако назад, на родину, не отпустил.

Во время войны с Турцией Тамерлан вступил в дружественную переписку с рядом европейских владык, в том числе и с королем Франции Генрихом IV. В Париже византийское посольство, отправившееся туда, чтобы просить о помощи против турок, узнало радостную весть о разгроме империи Баязета I войсками Тимура. Однако византийские феодалы не сумели воспользоваться этой передышкой для укрепления своего государства. Распри в их среде продолжались. Во внутренние дела Византии постоянно вмешивались венецианцы и генуэзцы, вражда между которыми также не прекращалась. Но тем не менее Византийская держава просуществовала еще почти 50 лет. Туркам было не до нее.

А король Испании поспешил направить посланников к новому повелителю мира – Тамерлану. До нас дошла книга испанского посла Г. Клавихо «История Тамерлана», в которой он красочно рассказывает о дворе нового повелителя Азии в годы его наивысшего расцвета.

Вот так, придя из глубин Азии, Железный хромец спас Европу от турецкого нашествия. После войны с ним Турция долго не могла оправиться, и ее властители на время перестали помышлять о новых захватах на Европейском материке.

Разгромив Турцию, Тамерлан обратил свой взор на Восток. Следующий свой поход он готовил на Китай. Зимой 1405 года великий завоеватель двинул армию из Самарканда к восточным границам своих владений, но, заболев лихорадкой, скончался в том же году.

Примерно в это же время погиб и его противник, наш старый знакомый, хан Тохтамыш. Удрав из Литвы от преследовавших его татар Едигея, злосчастный хан нашел себе приют в верховьях реки Тобол. На месте его новых владений позже возникло Сибирское ханство. Вражда между Тохтамышем и Едигеем, чьи владения простирались между реками Волгой и Уралом, не прекратилась. Они то и дело совершали набеги друг на друга и плели интриги. Судя по сообщению Клавихо, Тохтамыш снова подружился с Тамерланом, надеясь от него получить помощь против Едигея. Впрочем, Тамерлан теперь был умнее. Он не давал усилиться ни одной из враждующих сторон, предпочитая, чтобы они сражались не с ним, а друг с другом.

Тохтамыш был убит в 1405 году во время одного из набегов Едигея на его владения.

1405-1406 годы можно считать условным рубежом, на котором заканчивается эпоха Куликовской битвы. К этому времени ушли из жизни почти все главные действующие лица, участвовавшие в золотоордынской гражданской войне 1359-1380 годов и так или иначе повлиявшие на один из ее драматических эпи-

зодов – Куликовскую битву.

На политическую арену вышли другие лидеры. Изменяется соотношение сил в мире. Меняются сами эти силы. Лишилась своей государственной независимости Литва, присоединившаяся к Польскому королевству. Окончательно потеряла свой политический вес Византия, полностью зависящая теперь от военной и финансовой помощи извне. На время утратила наступательный потенциал растущая Турецкая держава.

Государство Тамерлана в начале XV века оказалось самой сильной в военном отношении державой Евразии. Впрочем, для Руси и для Европы такое положение дел было спасительным. Европа получила еще век передышки перед предстоящей борьбой с Турецкой империей.

Золотая Орда была разорена среднеазиатским завоевателем. Единственной не пострадавшей ее частью оказалась Русь. Соотношение сил в Золотой Орде, таким образом, резко изменилось. Ни один из последовавших за Тохтамышем ханов не смог надолго восстановить единство державы. Власть ордынских ханов над Русью все в большей степени становилась номинальной. Ордынский выход из налога, собираемого сильной центральной властью, превратился во взятку, которую богатые русские княжества давали воинственным степнякам, откупаясь от возможных набегов.

Русские князья теперь все чаще самостоятельно решают вопросы войны и мира. Власть ханов постепенно становит-

ся фикцией. На месте Золотой Орды возникают несколько суверенных государств: Казанское и Крымское ханства, Литовское, Московское, Рязанское, Тверское княжества и множество других более мелких владений. Каждое из этих государств пытается выстроить собственную систему власти.

Но владычество Золотой Орды не прошло бесследно для Руси. Произошло взаимопроникновение культур. Русский язык обогатился многими татарскими словами, которые сейчас мы уже воспринимаем как исконно русские – «ямщик», «сундук», «кулак», «караул», «таз», «чашка», «алтын», «башмак», «собака», «тулуп», «калита», «карман»... список можно продолжать очень долго.

Восточная мода также прижилась на Руси: русские начали носить кафтаны с запахом, сапоги татарского кроя, тибетейки на Руси их называли тафьи или скуфьи).

Многое Московское государство переняло от Золотой Орды в военном искусстве и государственном устройстве. Царская пышность, раболепство и беспрекословное повиновение государю не были свойственны домонгольской Руси. Все это русские великие князья получили от ордынских ханов.

Познакомившись с монгольским уголовным правом, русские князья приняли некоторые его принципы. В домонгольской Руси на преступников налагался денежный штраф в пользу пострадавшего или его родственников. Законным признавалось право кровной мести за убитого, а вор мог быть убит на месте, если его поймали с поличным. Но если

дело доходило до суда, то преступник платил штраф и возмещал украденное.

Смертная казнь и телесные наказания применяемые только к рабам в Киевской Руси) были включены в право Московии под влиянием монголов. Вспомним, что в 1379 году в Москве был казнен Василий Вельяминов – это была первая публичная смертная казнь на Руси. В соответствии с Двинской уставной грамотой 1397 года, выданной московским великим князем Василием Дмитриевичем, каждый вор должен был быть заклеямен; третья кража каралась смертной казнью.

На основе монгольских принципов была создана в конце XIV – начале XVI века система налогообложения и организации армии Московского государства.

Как показала история, Московское княжество оказалось более жизнеспособным государством, чем Золотая Орда, и в жестокой конкурентной борьбе сумело объединить вокруг себя те земли, которые позже стали Великой Россией. Но это уже совсем другая история...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зеленых побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.*

В. Высоцкий

Изучая взаимоотношения великокняжеской власти с Ордой в эпоху Куликовской битвы, приходим к выводу, что политика Дмитрия Донского и других московских князей XIV века не была направлена на освобождение Руси от ордынской власти. Открытые столкновения с ордынскими ханами носили скорее вынужденный характер. Противоположную позицию в этом вопросе занимал митрополит всея Руси Киприан, который проводил идею создания независимого единого русского православного государства.

Особо стоит подчеркнуть, что действия митрополита Алексия и московского князя Дмитрия Ивановича, а позже Василия Дмитриевича и митрополита Киприана часто шли вразрез с этическими нормами того времени. Московские князья и митрополиты ради достижения своих целей не останавливались перед попранием сложившихся общественно-политических устоев. С одной стороны, это давало им преимущество, а с другой стороны – вызывало законное воз-

мушение их политических партнеров.

Московские князья создавали новую систему отношений, на которой позже выросло централизованное московское государство. Но в то время действия Дмитрия Ивановича и митрополита Алексия, разрушающих сложившуюся систему социально-политических отношений, воспринимались многими современниками как преступные.

Дмитрий Иванович добивался единовластия в пределах своего княжества, однако глобальные планы Киприана по образованию единого православного русского государства были ему чужды. Ради утверждения своей личной власти Дмитрий Донской стремился подчинить церковь, и этого церковные владыки ему не простили.

Когда в XVI веке расписывался Архангельский собор Московского Кремля – усыпальница великих князей, – на стенах и массивных столбах были помещены фрески, изображающие князей, торжественно шествующих по направлению к алтарю.

Усыпальница князей в Успенском соборе

Очевидно, что в настенной росписи Архангельского собора воплощена идея богоосвященности русской монархии. Размещение фресок подчеркивает преемственность власти московских правителей от владимирских и киевских князей. Фигуры московских князей расположены вдоль южной, западной и северной стен церкви. На первом ярусе опорных столбов изображены владимирские и суздальские князья, на втором – киевские правители, а также князья, канонизированные православной церковью.

Почти все князья представлены вполоборота к зрителю, с поднятыми вверх головами. Они как бы просят помощи у небесных сил. И небесные силы не оставляют без своего внимания просьбу земных правителей – над каждым из них в круглом медальоне помещен образ святого покровителя.

Некоторые правители, например Иван Калита, Иван III, Василий II, Юрий Галицкий, занимают в общем шествии особое положение. Их фигуры изображены фронтально. Они обращены к зрителю и как бы беседуют с ним. Именно эти князья, на взгляд церкви, внесли наибольший вклад в становление самодержавия на Руси.

Разительный контраст в этом ряду представляет собой фигура Дмитрия Донского – он единственный стоит, повернувшись спиной к алтарю, лицом к идущему в общем на-

правлении своему сыну Василию Дмитриевичу. Взгляд Донского устремлен на западную стену храма, где помещена фреска «Страшный суд». Великий князь московский, победитель татар на Воже и Куликовом поле, идет в ад!

Получается, что Дмитрий Иванович, посягнувший на авторитет церкви, отказавшийся от церковного объединения русских земель в былых границах Киевской державы, проклятый митрополитом Киприаном князь, недостоин небесной милости. Не случайно в росписи напротив Дмитрия Донского, как бы споря с ним, стоит его сын Василий. По мысли создателей росписи правда на стороне Василия – с ним целый ряд идущих в общем направлении к одной цели князей. И только один непокорный великий князь Дмитрий Донской выбивается из него. Куликовский победитель был, таким образом, осужден церковью. Этот факт в отечественной историографии старательно затушевывается.

Дмитрий Донской. Фреска Успенского собора

Герб Рязани (утвержден 29 мая 1779 г.): «В золотом поле стоящий князь, держащий в правой руке меч, а в левой ножны; на нем епанча червленая, а платье и шапка зеленые, обложенные соболями»

Митрополит Киприан в 1472 году был причислен к лику

святых. 29 сентября (16 сентября по ст. стилю) – день его памяти. В том же XV веке святыми стали митрополит Алексий и игумен Сергей Радонежский.

Князь Олег Рязанский не стал общерусским святым, но до наших дней рязанцы помнят своего великого князя. В Рязани бытует легенда, что на гербе города изображен именно князь Олег Иванович.

По окончании эпохи, которую мы рассматривали в этой книге, Москва становится общепризнанным политическим центром Северо-Восточной Руси уже не в результате усилий выдающихся политических деятелей, таких, как Иван Калита или митрополиты Алексий и Киприан. Она приобретает такой политический и экономический вес, потому что постепенное объединение русских земель именно вокруг нее становится неизбежным. В московской политической элите XV века возникает идея о том, что Москва – Третий Рим – единственный оплот благочестия и правильной, православной веры. А миссия Москвы – объединение вокруг себя всех русских земель.

Так политическая доктрина византийского императора Иоана Кантакузина и Константинопольского патриарха Филофея пережили саму Византийскую империю. То, что встречалось с непониманием и порой с открытым противодействием во времена митрополита Киприана, в XV веке будет взято московскими политиками на вооружение. Собственно, Российская империя до последних лет своего суще-

ствования руководствовалась идеей объединения вокруг себя всех православных народов.

Куликовская битва, которую современники восприняли как величайшую трагедию, не была забыта в веках. Потомки стали идеализировать эту битву и придавать ей большее значение, чем современники. Мамаево побоище воспевали поэты Н. Языков, К. Рылеев, А. Блок. В XIX веке возникла традиция ежегодного празднования годовщины Мамаева побоища на Куликовом поле. Епифанский помещик, директор училищ Тульской губернии С.Д. Нечаев дал подробное топографическое описание места исторической битвы и выступил с инициативой создания памятника павшим воинам. Памятник-монумент Дмитрию Донскому, работы архитектора А. Брюллова, был торжественно открыт и освящен 8 сентября 1850 года. 16 июня 1913 года была осуществлена закладка храма-памятника на Куликовом поле в память преподобного Сергия Радонежского. К 1918 году строительство храма было в основном завершено.

Витязь XXI века на Куликовом поле

В 1965 году на Куликовом поле был создан филиал Тульского областного краеведческого музея. В филиале со временем появилась постоянная экспозиция. Стали проводить-

ся экскурсии. Музей «Куликово поле» был торжественно открыт в 1980 году, в год 600-летия со дня знаменитой битвы.

Сотрудники военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» придумали гениальную вещь – создать не просто музей битвы, а музей **поля разных народов**. Тех, что начинали заселять эту землю, тех, что приходили сюда с огнем и мечом, тех, что сражались здесь по обе линии фронта, тех, что жили здесь и после. Ведь битвы не случаются сами по себе, отдельно от общего хода развития цивилизации. Они изменяют этот ход, они – результат становления одного государства и умирания другого.

С 1997 года одним из главных мероприятий ежегодных торжеств стал Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово». Фестиваль традиционно проводится в третью неделю сентября и собирает на берегах Дона и Непрядвы представителей военно-исторического движения России.

И оживают картинки из прошлого. Военно-исторические клубы показывают сценки из средневековой жизни. Проходят конкурсы, турниры и показательные сражения. Апофеозом праздника является большое показательное сражение – реконструкция боя эпохи Куликовской битвы. На этот спектакль приезжают полюбоваться туристы из Тулы, Москвы и других городов.

А после сражения вместе сидят у ночных костров, разговаривают об истории и о жизни «русские богатыри», «татар-

ские воины» и «европейские рыцари»... И поют песни.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Повесть о царевице Петре – один из интереснейших памятников житийной литературы эпохи монгольского владычества. Эта повесть прекрасно иллюстрирует отношения между православной церковью, русскими людьми и золотоордынской властью. Показательны два момента – царевиц Петр стал святым не за какие-то сверхъестественные заслуги. Он не был монахом, отшельником или чудотворцем. Он просто всей душой принял православную веру и, приехав на Русь, действительно стал жить по церковным заветам. Но, видимо, это было таким редким явлением, что Петр сразу стал выделяться среди остального народа.

Русские ростовские князья в повести представлены по-разному, то с хорошей, то с плохой стороны, но все они не лишены обычных человеческих слабостей. А ордынский хан в повести представлен как высшая земная справедливость. Обращение за судом в Орду всегда приводит к законному, справедливому решению.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

Как Петр, племянник хана Берке, узнал страх Божий, приехал в Ростов в 1253 году и там крестился; как явились ему апостолы Петр и Павел на поляне, где теперь стоит церковь их имени и построен монастырь Епископ ростовский Кирилл отправился в Золотую Орду к хану Берке просить на храм святой Богородицы. От него хан услышал рассказ о епископе Леонтии, родом греке, который крестил Ростов в православную веру, получив на то благословение патриарха и князей русских, а еще раньше – благословение от греческого царя, от патриарха и от вселенского собора. Рассказал епископ Кирилл и о чудесах, которые доньше совершаются от мощей святого Леонтия у его гробницы. И много проповедовал епископ Кирилл евангельское учение. Хан Берке охотно слушал эти поучения, полюбил епископа Кирилла, пожаловал ему все, чего тот просил, и отпустил его домой. Напомню здесь, что по повелению хана Берке ярославские князья после смерти епископа Кирилла ежегодно присылали дары на украшение его гробницы.

В то время заболел единственный сын хана. От врачей не было никакой пользы, и тогда хан послал за ростовским епископом, обещая ему богатые дары, прося вылечить сына. Епископ велел служить молебны о здоровье больного по

всем ростовским церквям, а сам освятил воду и отправился в Орду; там, окропив святой водой ханского сына, исцелил его. Обрадовался хан Берке, и весь дом его, и вся Орда его, и приказал каждый год посылать дары в Ростов на храм святой Богородицы.

Один молодой татарский князь, племянник хана Берке, находившийся всегда в свите хана, слушал поучения епископа Кирилла и был взволнован ими до слез. Он убежал в степь, чтобы наедине размышлять о слышанном, и думал так: «Наши ханы веруют в солнце и месяц, в звезды и огонь. А где же истинный Бог?» Он рассуждал так же, как когда-то праотец Авраам. Но тот был потомком благословенного рода, а этот юноша – благородный отпрыск злого племени. Решил он уехать из Орды вместе с епископом, посмотреть храмы Русской земли, увидеть чудеса, производимые святыми. «Ведь в наших краях не бывает чудес от солнца, от месяца, от звезд или от огня», – говорил он. В то время отца у него уже не было, а овдовевшая мать распорядилась всеми богатствами их дома. Узнав о замысле сына, мать залилась слезами; она показала ему отцовские сокровища, чтобы отвлечь его от страшного намерения. А он роздал эти богатства бедным татарам, много сокровищ отдал епископу Кириллу. Он скрылся от своих близких, снискав тем Божию благодать еще раньше, чем принял крещение. Так древний Мельхиседек, царский сын, убежав из дворца, стал священником. О таких сказано в Евангелии: «Многие из первых станут последними, а

из последних станут первыми».

Приехал он в Ростов, увидел храм, великолепный в своих золотых и жемчужных украшениях, сверкающий драгоценностями, как невеста. Услышал церковное пение, подобное хору ангельскому. В те времена в храме Богородицы левый клирос пел по-гречески, а правый – по-русски.

После церковной службы юный татарский княжич, хоть и язычник, воспламенился верой: огонь был в его сердце, свет луны в мыслях, солнце засияло в душе. Он упал к ногам епископа и сказал: «О праведник Божий, я размышлял о вере моих родителей и моего государя – о солнце, луне и огне, я понял, что это сотворено Богом, что ваша вера правая и благая, что ваш Бог истинный. Прошу тебя, дай мне святое крещение!»

Епископ с почетом выслушал его, беседовал с ним, велел ждать: он еще подумает о желании юного княжича.

Вскоре после этого умер хан Берке, в Орде началась смута, и там забыли о племяннике умершего хана. Тогда владыка крестил юношу и назвал его Петром. Долго жил княжич Петр у епископа, учась христианской вере. Скончался владыка Кирилл, похоронили его с почестями, вечная ему память. На епископский престол в Ростове вступил владыка Игнатий. Он принялся перестраивать собор Богородицы, крышу перекрыл оловянными плитами, а полы – мраморными. Потом епископ Игнатий отправился в Орду за дарами для своей епархии. А Петр, княжич татарский, день и ночь

молился и соблюдал пост, как научил его епископ Кирилл.

Но не забыл он и своих княжеских обычаев: иногда ездил на соколиную охоту в леса, что вокруг Ростовского озера. Раз, утомленный охотой, помолившись, как обычно, он уснул. Был поздний вечер, совсем стемнело, – тут явились ему два человека, лица их светились как два солнца; они разбудили княжича и сказали:

– Друг Петр, щедрая милостыня твоя и молитвы твои дошли до Бога.

Разве не чудо, дорогие читатели! Язычник роздал все богатства, а приняв веру христианскую – услышан милостивым Господом. Так же в древности Евстафий Плакида щедро подавал милостыню, когда еще был язычником, а приняв христианство, вознагражден был за подвиги и при жизни, как Петр, и после смерти – царством небесным. Сказал об этой милости Божьей сам Христос так: «За одну денежку продаете вы пять этих птичек, но ни одна из них не забыта Богом». За щедрые подаяния татарского княжича бедным услышал Бог молитвы его после крещения. Проснулся Петр, увидел двух исполинов, высотой чуть не до облаков, сияющих как небесные светила. Упал он пред ними, объятый ужасом, потом встал, но в страхе опять пал на землю. И в третий раз поднялся и еще поклонился им до земли. Тогда светлые мужи подали ему руки и сказали:

– Друг Петр, не бойся! Мы посланы Богом, в которого ты уверовал и крестился. Бог укрепит род-племя твое и потом-

ков твоих до конца мира, он вознаградит тебя за милостыню, а за труды свои удостоишься вечных благ!

Потом дали они ему два кошелья и говорят:

– Возьми эти кошелья, в одном тут золото, в другом – серебро. Завтра пойдешь в город и выменяешь три иконы: пресвятой Богородицы с младенцем, святого Дмитрия и святого Николы. Отдашь за иконы столько, сколько спросит иконник.

Петр поглядел на них, показалось ему, что они действительно люди, взял кошелья, подумав, что хотят они возвеличить в Золотой Орде его род-племя, ибо не мог он сразу понять смысла их речи. Подумал и, набравшись смелости, спросил:

– А что же я отвечу, господа мои, если иконник спросит, откуда у меня кошель золота? Кто вы такие?

Они отвечали:

– Кошелья эти спрячь за пазуху, чтоб никто не знал о них. Апоп-росят у тебя за иконы девять серебряных монет, а десятую золотую, так ты отсчитаешь им по одной. Потом ступай к епископу с иконами и говори ему так: «Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтоб ты построил церковь над озером там, где я спал. Аэти иконы – знамение от них, и вот дали они мне кошелья с золотом и серебром; что велишь с ними делать?» Как он прикажет, так и сделаешь. А мы – Христовы апостолы, Петр и Павел.

И не стало их.

В ту же ночь и епископу явились оба апостола, приведя его в трепет. Они сказали: «Ты должен построить на средства епархии церковь княжичу Петру, он много золота пожертвовал епископу Кириллу на церкви. Новую церковь освятишь нашим именем. А если не сделаешь, как мы велим, то смертью казним тебя!» И, сказав это, стали невидимы. Встал епископ Игнатий и стал размышлять о ночном видении. Много было у него в епископской казне серебра и золота.

Велел вызвать к себе князя Ростовского и сказал ему:

– Не знаю, что и делать. Явились мне Петр и Павел – точь-в-точь как на иконе – и устроили меня. Приказали строить церковь их имени, а где строить, так я и не уразумел!

– Вижу, что ты, владыка, от страха голову потерял! – говорит ему князь.

Поглядел он в окошко и видит, из собора святой Богородицы идет к дому епископа княжич ордынский, Петр, несет иконы, а от тех икон сияние, как огненный столб, выше колокольни. Испугался князь, говорит:

– Гляди, владыка, что там за огонь! Им показалось, что Петр объят пламенем, но кроме них никто не видел этого огня. А Петр еще рано утром вернулся в город, выменял иконы и понес их к епископу. Принес, поставил перед епископом и князем и говорит так:

– Вот, владыка, иконы, посланные тебе апостолами Петром и Павлом, чтобы ты построил церковь там, над озером, где я спал, когда они мне явились. А эти иконы – их знаме-

ние тебе, да еще вот дали они кошель эти, что велишь с ними делать?

Время было раннее, перед службой церковной. Князь и епископ встали и поклонились святым иконам, дивясь, откуда они, ибо не было в их городе иконописцев. А Петр был еще юношей, не мог он их написать, да и знали они, что он из татар. Спросили его:

– У кого же ты добыл эти иконы?

– На базаре выменял! Задумались они о ночном видении епископа: значит, являлись апостолы. И снова иконы засияли таким светом, будто солнце вошло в палату, где они были. И снова ужас охватил всех от этого знамения.

После утрени владыка Игнатий пел молебны святой Богородице, святому Дмитрию и святому Николе. Потом запрягли колесницу по повелению епископа, княжич Петр вынес иконы и поехал к тому месту, где он спал. А владыка, князь и весь город шли за колесницей с пением. На месте сна Петрова они отслужили молебен апостолам, призывая их со слезами, и пожертвовали дому их окрестные хутора и поля. Отслужив молебен, горожане по повелению князя поставили часовню, перевезенную из города, а Петр внес туда иконы. Потом огородили часовню забором и вернулись в город.

Садясь на коня, князь промолвил в шутку:

– Вот владыка построит тут тебе церковь, а я земли не дам! Что ты тогда будешь делать?

Петр ответил:

– По повелению святых апостолов Петра и Павла, князь, я куплю у тебя земли столько, сколько выделит для этого твоя милость.

А князь еще в доме епископа видел Петровы кошель с деньгами, вспомнил о них теперь и подумал: «Надо бы у тебя побольше выделить из дара святых апостолов, пока не опомнился епископ от ночного страха и не прибрал его себе». И пришло ему на ум: «Может ведь и так быть, как Илья-пророк сказал:

– И у нас горсть муки на каждый день не умалится, и ушат воды не опустеет, и горшок с маслом все полон будет».

Подумав так, ответил он Петру будто в шутку:

– Скажи-ка, Петр: можешь ты за землю отдать мне, как за иконы, – девять гривен серебра, а десятую – золота, только выложи их так, чтоб всю между покрыть? Согласен так?

Петр ему в ответ:

– Приходившие ко мне апостолы наказали – как повелит епископ, так и делать. Как изволите, владыка?

Епископ благословил своим крестом Петра и говорит:

– Господь нас учил, дитя мое Петр: всякому просящему у тебя дай. Так не жалея ты богатств родительских, для чего они, ведь сказано: «горшок с маслом полон будет, и горсть муки не умалится». А за щедрость твою по молитве святых апостолов – род твой будет благословен. Отдай за землю князю столько, сколько он хочет.

Петр земно поклонился владыке, слова его принял покор-

но, подошел к князю и говорит:

– Пусть исполнится воля святых апостолов – и твоя, князь! И приказал князь окинуть мерной веревкой место под церковь:

от озера до ворот часовни, от ворот до угла, а потом опять до озера, место просторное. Петр и говорит:

– Прикажи, князь, чтобы все это место рвом окопали, как мы в Орде всегда делаем, чтобы потом не урезывали участок церковный.

Так и сделали. Горожане, что с крестным ходом пришли, провожая иконы, принялись за дело и быстро окопали рвом ограду. Сохранился этот ров и донныне. Тогда Петр начал выкладывать монеты одну к другой – от самого озера, сначала девять серебряных из одного кошелья, потом десятую золотую – из другого. И когда выложил он по всей меже девять гривен серебра и десятую золота, то княжьи слуги, собрав их, наполнили воз Петровыми деньгами, да еще и ту колесницу, на которой часовню с иконами везли. Кони едва с места сдвинули эту поклажу.

Увидев такое множество серебра и золота, в десять раз больше, чем следовало выплатить за этот участок, князь и епископ изумились: столько монет он выложил, а кошелья его все так же полны, и подумали: «Что же это такое, господи! По нашим грехам мы бы того не получили, а этот человек дивную милость Божию заслужил помощью святых апостолов!»

С великим почетом посадил князь Петра Ордынского на коня; проводили его в город всем народом, принесли ему многие дары, возле дома его поставили стражу. Город радостно праздновал этот день, много дней служили молебны и восхваляли Бога и святых апостолов за чудо, а Петр щедро раздавал милостыню и кормил убогих.

Княжич Петр все размышлял, не понимая, как же свершилось это чудо, молчал на людях и любил уединяться. Когда заметили епископ и князь, что Петр приумолк и томится, стали они меж собой говорить:

– Ведь Петр ханского рода. Если уйдет он от нас в свою Орду, может произойти от этого большой вред нашему городу.

Петр был тогда уже – ростом высок, лицом красив. Призвали они его и сказали:

– Ачто, Петр, не хочешь ли ты жениться? Найдем тебе невесту!

Петр в волнении ответил князю и владыке:

– Я полюбил вашу веру и покинул веру родителей. Переселился к вам, так будь теперь, как Богу угодно и как вы изволите!

Князь сосватал за него дочь большого вельможи. В Ростове тогда еще жили ордынские вельможи. Владыка обвенчал Петра, и построил над озером церковь, и освятил ее во имя святых апостол ов.

Князь Ростовский часто брал Петра с собой на ханскую

забаву – на ястребиную охоту за озеро, чтоб не тосковал он по родине, чтоб в нашей вере остался.

Раз как-то говорит ему князь:

– Великая благодать Божья на тебе и на нашем городе из-за тебя. Сказано в святом Писании: «Отдам Богу от всех благ, как он дал нам». Подарю я тебе надел земли небольшой из своей вотчины против церкви святых апостолов, у самого озера, и напишу тебе дарственную грамоту!

Отвечал княжич Петр:

– Я ведь, князь, сроду не владел землею, и предки мои никогда не владели. А зачем еще писать грамоты?

Говорит ему князь:

– Я все сделаю, Петр, как у нас водится. А грамоты надобны вот зачем, – чтоб не отнимали твоих поместий мои дети и внуки у твоих детей и внуков.

– Пусть будет, князь, по-твоему, на то воля Божья! – поклонился Петр.

И распорядился князь, чтобы перед епископом были составлены грамоты Петру на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, а те грамоты и по сей день сохранились. И настроили Петру хором по его землям. А Орда тогда в набеги не выходила многие годы.

Такой хороший нрав и обычай был у Петра, так обходителен и учтив он был, что князь полюбил его, как родного, всегда его при себе держал и за стол без него не садился. Попросил он владыку, чтобы связал он их в церкви обрядом

побратимства. И стали звать Петра братом князя. А у Петра тогда уж и дети подрастали.

Через несколько лет умер епископ Игнатий и получил царство небесное, вечная ему память! А несколько дней спустя после владыки умер и князь Ростовский. Дети его звали всегда Петра дядею до самой его старости. Мирно прожил Петр свою жизнь и скончался глубоким стариком, приняв монашеский чин; и похоронили его на том самом месте, где спал он, когда явились ему апостолы, у самой их церкви. И со дня его погребения начали строить там монастырь.

Внуки же старого князя Ростовского стали забывать, чем обязан был их род Петру, княжичу Ордынскому, и начали отнимать луга, угодья и земли у Петровых детей. Тогда сын Петра поехал в Орду, рассказал там, что он внук хана – по его брату. Обрадовались его дядья, одарили его богатыми подарками и попросили хана отправить с ним своего посла. Приехал ханский посол в Ростов, позвал на суд внуков ростовского князя: показаны были ему грамоты Петра Ордынского, данные старым князем, и по этим грамотам уставил он рубежи владений сыну Петра, дал ему грамоту с золотой печатью, какая давалась по повелению хана, и уехал в Орду.

А молодые князья, злобствуя, вели меж собой и своими боярами такие разговоры: «Слыхали мы, что наши родители звали дядей его отца, Петра, что дед наш получил от него много серебра, что он братался с Петром в церкви. Да ведь род-то их татарский – не наша кость! Какая ж они нам родня!

Серебра ведь нам ихнего не досталось от родителей наших!».

Вот такие у них были речи, и не думали уж о чуде святых апостолов Петра и Павла, позабыли о дружбе и любви прародителей своих. Долгие года завидовали они тому, что Петровых детей в Орде принимали с большим почетом, чем их. А сын Петра дожил до глубокой старости и умер, окруженный большой семьей, сыновьями и дочерьми.

Внук Петра, Юрий, как и его родители, много жертвовал собору святой госпожи Богородицы в Ростове, устраивал пиры владыке и клиру в поминальные дни по своим родителям и прародителям и в праздник святых апостолов Петра и Павла.

Замечено было, что Юрьевым рыбакам удаются большие уловы, не то что остальным ловцам. Будто играя, рыбаки петровских тонь чуть заведут невода – и вытаскивают несметное число рыбы, а городские рыбаки как ни быются – все впускают!

И пошли городские рыбаки с жалобой к своим князьям: «Господа наши, князья! Если Юрьевы ловцы не перестанут ловить, запустеет Ростовское озеро! Они всю рыбу переловят!»

Тогда правнуки старого князя Ростовского призвали Юрия и говорят:

– Давно слышали мы, что дед твой получил владенные грамоты от прародителя нашего на место под монастырем, на земли и угодья, но озеро Ростовское – наше, на озеро грамо-

ты вы не получили. Потому запрещаем ловить вашим рыбакам!

Так сбылось предсказание старого князя, побратима Петрова, об обидах, что будут чинить его внуки, из-за которых он и велел писать грамоты.

Выслушал их Юрий, внук Петра, и отправился в Орду – искать правды. Дядья его приняли с честью, одарили богатыми подарками и снарядили с ним ханского посла.

Приехал ханский посол в Ростов, остановился у озера в монастыре Петра и Павла и позвал князей на суд с внуками Петра Ордынского. Испугались князья ханского посла. А Юрий положил перед послом все Петровы грамоты. Переглядел посол эти грамоты и спросил князей:

– Не ложно ли эти грамоты написаны? Ваша ли вода в Ростовском озере? Есть ли под вашей водой земля, которую продал прародитель ваш? Можете ли вы свою воду снять с той земли?

И отвечали князья:

– Ей-ей, не ложны эти грамоты, господин! И вода тут наша, и земля под нею есть! А снять ее с земли не можем, господин!

Тогда приговорил ханский посол так:

– Если снять эту воду с земли не можете, почему же свою ее называете? Создана она Богом на службу всем людям! Если куплена земля, то и вода на ней куплена!

Так присудил он воды озера по границам земельных вла-

дений Петрову внуку, Юрию. И дал Юрию грамоту с золотой печатью по повелению хана, да с тем и уехал. Так и не могли князья Ростовские никакого зла причинить Юрию. При-
смирели они на долгие годы. А Петровы внуки праздновали чудо святых апостолов, как повелось в роду их, и поминали каждый год своих родителей раздачей большой милостыни беднякам.

И вырос уже правнук Петра, сын Юрия – Игнат. В его время пошел как-то походом на Русские земли из Орды Ахмыл. Сжег он Ярославльскую крепость и повел свои полчища на Ростов. Ужас овладел всеми, бежали от него князья Ростовские, побежал и владыка ростовский Прохор. Тогда Игнат настиг владыку, извлек свой меч и говорит:

– Если ты не пойдешь сейчас со мною навстречу Ахмылу, я сам изрублю тебя! Там наше племя, там мои сродники!

Послушался его владыка, вернулся в Ростов и вышел навстречу Ахмылу в ризах с крестом, со всем клиром, с хоругвями. А Игнат вышел вперед крестного хода с горожанами, вынес потеху ханскую – охотничьих кречетов, вынес шубы и хмельные меды, стал на колени перед Ахмылом у самого Ростовского озера и, приветствуя его, как потомок брата древнего хана, сказал:

– Здесь вотчина ханская и твоя, Ахмыл! Купил эту вотчину прадед наш затем, что тут чудеса совершались!

Смело говорил он, а горожане и церковный люд с ужасом озирали несметное войско Ахмылово. И спросил его Ахмыл:

– Ты меня утехой ханской даришь, – а кто же те, что в сверкающих одеждах с хоругвями стоят, не хотят ли они биться с нами?

Игнат объяснил ему:

– Нет, господин, они Бога молят за хана и за тебя, а вынесли они божницу, чтобы благословить тебя по закону здешней веры!

У Ахмыла как раз в то время под Ярославлем тяжело заболел сын. Он вез его при своем войске на возу. И приказал подвезти его сюда, чтобы владыка благословил его. Епископ Прохор освятил воду, дал испить ее больному и благословил его крестом. И выздоровел сын Ахмыла. Увидев это чудо, сошел с коня Ахмыл, поднял руки к небу и говорит:

– Благословен верховный Бог, что внушил мне мысль идти к этому городу. Праведник ты, владыка Прохор, раз молитва твоя воскресила моего сына. Благословен и ты, Игнат, за то, что спас людей своих и этот город. Ханской ты крови, наше племя, если будет тебе здесь от кого обида, не ленись прийти к нам в Орду!

И дал Ахмыл сорок мер серебра владыке, да тридцать мер серебра его клиру. Взял кречетов у Игната, поцеловал его, поклонился епископу, сел на коня и ушел назад в Орду. Игнат проводил Ахмыла вместе с владыкою и с горожанами. Потом вернулись в Ростов и служили молебны, прославляя Бога за чудесное избавление.

Пошли, Господь, утешенье читающим и пишущим о делах

древних наших прародителей! Дай им здесь покой и в будущей жизни! А всему роду Петрову дай умножение и бережение! И не оскудеет в нем радость без печали, не исчезнет его память до кончины мира.

Господу Иисусу Христу слава, честь и поклонение ныне и во веки веков. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

По легенде, первый охранный ярлык русской православной церкви выдал сам Чингисхан. В книге государственных законов – Ясе Чингисхана сделано нарочитое узаконение о том, что все веры должны быть терпимы и что служители всех вер, равно как врачи и нищие, ученые и подвижники, молитвосозыватели и гробохранители, должны быть освобождены от всяких податей и налогов.

Первый сохранившийся ярлык относится предположительно к 1270—1276 годам – от хана Мангу Тимура. Все последующие ярлыки составлялись по этому образцу.

Вначале XIV века митрополит Киевский и всея Руси Петр получил охранный ярлык от хана Золотой Орды Узбека.

ЯРЛЫК, ДАННЫЙ ОТ КЫПЧАКСКОГО ЦАРЯ УЗБЕКА ПЕТРУ МИТРОПОЛИТУ РОССИИ... (ОКОЛО 1313 ГОДА)

Вышнего и бессмертного Бога силою и волею и величеством и милостию Его многою Азбяково слово... Да никто же обидит на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей и церковных его, да никто же взимает ни стяжания, ни имении, ни людей; а знает Петр митрополит вправду и право судит и управляет люди своя вправду, в чем-нибудь, и в разбое, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам Петр митрополит един, или кому прикажет; да все покоряются и повинуются Митрополиту вся его церковные причты, первым из начала законом их и по первым грамотам нашим, первых царей великих грамотам и дефтерем записям. – *Прим. авт.*), да не вступаются в церковное и митрополичье никто же, занеже то Божие все суть; а кто вступится, а наш ярлык и наше слово преступит, тот есть Богу повинен и гнев на себя от него примет, и от нас казнь ему будет смертная. А Митрополит правым путем ходит, да правым путем пребывает и тешится, да правым сердцем и правою мыслию вся своя церковная управляет и судит и ведает, или кому повелит таковая деяти и управляти, а нам в то не вступатися ни

во что, ни детям нашим, ни всем нашим князем нашего царства и всех наших стран и всех наших улусов, да не вступаются никто же ничем в церковныя и в митрополичьи, ни в города их, ни в волости их, ни в села их, ни во всякие ловли их, ни в борти их, ни в земли их, ни в улусы их, ни в леса их, ни во ограды их, ни в волостные места их, ни в винограды их, ни в мельницы их, ни в зимовища их, ни в стада их конные, ни во всякие скотские стада но вся стяжания и имения их церковныя и люди их и вся причты их и вся законы их уложения старые от начала их: то все ведает Митрополит или кому прикажет... А поедут наши баскаки и таможенники, данщики, поборщики, писцы по сем нашим грамотам, как наше слово молвило и уставио, да все будут целы соборные церкви митрополичьи, никем ни от кого не избижены, вся его люди и вся стяжания его, как ярлык имеет, и Архимандриты и Игумены и попы и вся причты церковные ничем никто да не будет избижен, дань ли на нас емлют, или иное что-нибудь, тамга ли, поплужное ли, ям ли, мыт ли, мостовщи-на ли, война ли, ловитва ли какая-нибудь наша, или когда на службу нашу с наших улусов повелим рать собирать, где восхотим воевати, а от соборные церкви и от Петра Митрополита никто же да не взымает от их людей и от всего его причта, те бо за нас Бога молят...

И мы Богу моляся, по первых царей грамотам, грамоты мы давали жалованные, а не изиначевали ни в чем, как то было прежде нас, так молвя и наше слово уставио по пер-

вому пути, которая дань наша будет, или запросы наши накинem, или по-плужное, или послы наши будут, или кормы наши и коней наших, или подводы или корм послов наших, или наших Цариц, или наших детей, и кто ни есть и кто-нибудь, да не взимают, да не просят ничто же;...и да не взимают у них деланных орудии, да не отнимают ничего же... А что попы и диаконы их един хлеб ядят и во едином дому живут, у кого брат, или сын, и тем по тому ж пути наше жалованье; ож кто будет от них не выступил, а Митрополиту не служит, а живет себе, тот именем поповским да не отнимается, но дает дань... А кто вступится в церковное и в Митрополичье, и на того будет гнев Божии, а по нашему великому истязанию не извинится ничем же и умрет злою казнию...

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Житие Сергия Радонежского – типичный пример житийной литературы своего времени. Жития – интереснейший исторический источник, но к фактам, приведенным в них, надо относиться весьма осторожно, подвергая их тщательному анализу. По утверждению известного историка и исследователя В. Ключевского, разница между житием святого и биографией примерно такова же, как между иконой и портретом. «Качество исторического материала, представляемого житием, зависело главным образом от обстоятельств, при которых писалось последнее, и от литературных целей, которые ставил себе его автор», – писал Ключевский.

Таким образом, жития не могут быть использованы, как основной источник исторических фактов. Составители житий не гнались за достоверностью и всеохватностью описания личности, которой это житие посвящено, и связанных с ней исторических событий. Составителей жития интересовали только строго определенные качества героя, которые, по их мысли, приближали его к идеальному образу святого. Именно эти факты из жизни и эти черты характера святого описываются в житиях. Все остальное составителям жития было неважно.

Жития – не биографические описания жизни святых. Это образец для тех, кто стремится к праведной жизни. Это яр-

кий пример церковной назидательной литературы. И потому составители жития зачастую поступались исторической правдой – в куда большей степени, чем авторы летописных сводов.

В житиях мы находим отношение церковников к окружающему их миру, те идеалы, к которым они призывали стремиться.

И лишь в последнюю очередь там можно найти точные биографические факты из жизни реальных людей.

Однако мы должны признать и то, что люди, про которых писались жития, были незаурядными, выдающимися личностями. И порой, кроме житийной литературы, почерпнуть подробности о жизни таких людей, как, например, Сергей Радонежский, нам просто негде. В этих-то случаях жития служат нам существенным подспорьем к сухим фактам, изложенным в летописных хронологических записях.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Преподобный Сергей родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были всякими добродетелями украшены. (...)

И свершилось некое чудо до рождения его. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды в воскресенье мать его вошла в церковь во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, когда должны были приступить к чтению святого Евангелия, и все стояли молча, младенец начал кричать в утробе матери. Перед тем, как начали петь херувимскую песнь, младенец начал вторично кричать. Когда же иерей возгласил: «Возьмем, святая святым!» – младенец в третий раз закричал. (...)

Когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божию. (...) Иерей окрестил его именем Варфоломей. (...)

Отец и мать рассказали иерею, как их сын, еще в утробе матери, в церкви три раза прокричал: «Не знаем, что означает это». Иерей сказал: «Радуйтесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы». (...)

У Кирилла было три сына: Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать. (...) Отрок со слезами молился: «Господи! Дай мне выучить гра-

моту, вразуми меня». (...)

Печалились родители его, огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить. (...) По усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил. Скажем, как научился он грамоте.

Когда он послан был отцом своим искать скот, он увидел некоего черноризца на поле под дубом стоящего и молящегося. Когда кончил молиться старец, он обратился к Варфоломею: «Что хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа желает знать грамоту. Учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Святой Отче, помолись, чтобы смог я научиться грамоте». И ответил ему старец: «О грамоте, чадо, не скорби: с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты». С того часа он хорошо знал грамоту.

Раб божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, владел большим богатством, но к концу жизни впал в бедность. Скажем и о том, почему он обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за набегов татарских, из-за даней тяжких ордынских. Но хуже всех этих бед было великое нашествие татар, и после него продолжалось насилие, потому что княжение великое досталось князю Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское отошло к Москве. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали. Из-за этого Кирилл переселился в Радонеж.

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а стремился к иноческой жизни.

Стефан же немного лет пожил с женой, и жена его умерла. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова святой Богородицы в Хотькове. Блаженный юноша Варфоломей, пришедши к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинувшись, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место и полюбили его, а главное – это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее.

И освящена была церковь во имя святой Троицы. Стефан недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни – во всем нужда, лишения. Стефан ушел в Москву, поселился в монастыре святого Богоявления и жил, весьма преуспевая в добродетели.

В то время Варфоломей хотел принять пострижение монашеское. И призвал он к себе в пустыньку священника, игумена саном. Игумен постриг его месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано

было имя ему в монашестве Сергей. Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, — ведь много зверей в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два, или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Среди них один медведь имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать; не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и

зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить.

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях.

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыне: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому.

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Не можете выжить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыне: голод, жажду, неудобства и бедность». Они же отвечали: «Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем». Преподобный же еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?» Они же ответили: «Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Преподобный же Сергей, убедившись в вере их и усердии,

удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный.

Собралось монахов не очень много, не больше двенадцати человек: среди них был некий старец Василий, по прозвищу Сухой, который в числе первых пришел с верховьев Дубны; другой же монах, по имени Иаков, по прозвищу Якута – был он за посыльного, его всегда посылали по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись; еще один был по имени Анисим, который был дьяконом, отец дьякона по имени Елисей. Когда кельи были построены и тыном ограждены, не очень большим, поставили и привратника у ворот, сам же Сергий три или четыре кельи сам своими руками построил. И в прочих всех монастырских делах, нужных братии, он участвовал: иногда дрова на плечах своих из

леса носил и, разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям. Но зачем я вспоминаю о дровах? Ведь удивительно поистине было видеть то, что у них было тогда: был от них недалеко лес, – не так, как теперь, но где кельи строящиеся были поставлены, здесь же над ними и деревья были, осеняя их, шумели над ними. Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень.

Но вернемся снова к оставленному рассказу о подвиге преподобного Сергия, он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех колот, и толок зерно, и хлеб пек, и еду варил, обувь и одежду шил, и воду в двух ведрах на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил.

Долго принуждала его братия стать игуменом. И он наконец внял их мольбам.

Не по своей воле Сергий игуменство получил, но от Бога поручено было ему начальство. Он не стремился к этому, не вырывал сана у кого-нибудь, посулов не сулил за это, платы не давал, как делают некоторые честолюбцы, вырывающие все друг у друга. И пришел преподобный Сергий в свой монастырь, в обитель святой Троицы.

И начал блаженный учить братию. Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним. По-немногу монастырь увеличивался, братья умножались, кельи строились.

Преподобный Сергий труды свои все более умножал, ста-

рался быть учителем и исполнителем: и на работу раньше всех шел, и на церковном пении раньше всех был, и на службе никогда к стене не прислонялся.

Такой был обычай у блаженного сначала: после повечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же в темные и долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергей заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святыя книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. «Претерпевший, – сказано, – до конца – спасется».

Если же Сергей слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется – негодовал он об этом, и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и уходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал.

Прошло много лет, я думаю, больше пятнадцати. Во время княжения князя великого Ивана начали приходить сюда христиане, и понравилось им здесь жить. Начали по обе стороны места этого селиться, и построили села, и засеяли по-

ля. Начали они часто посещать монастырь, принося различные нужные вещи. А была заповедь у преподобного игумена для братьев: не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре и ждать милости от Бога.

Устанавливается в обители общежительство. И распределяет блаженный пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся. Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбие увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительность и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: «Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется, и дол-

гие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа». Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время он ни оставался здесь из-за такого ненастья, – все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные – все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного его угодника святого Сергия.

Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тоща прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию,

потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергей – муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утрущаясь, – обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полно-

му разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов. Великий князь Дмитрий, славную победу одержав, пришел к Сергию, благодарность принеся за добрый совет. Бога славил и вклад большой в монастырь дал.

Сергий, видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же Иисусу передать, призывает братство и беседу повел подобающую, и, молитву совершив, душу Господу предал в год 6900 (1392) месяца сентября в 25-й день.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Повесть о сражении великого князя московского Дмитрия Ивановича дошла до нас в списках XVI века. Данный источник интересен не только описанием сражения. Из текста видно, что на Руси прекрасно понимали – реальная сила в Орде принадлежит Мамаю, а не его марионеточному хану.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

В год 1378 ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.

Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река.

По прошествии немногих дней татары переправились на эту сторону реки, и, нахлестывая коней своих и закричав на своем языке, пошли рысью, и ударили на наших. А наши ринулись на них: с одной стороны Тимофей-окольничий, а с другой стороны – князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лоб татарам. Татары же сразу побросали копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их, а многие из них в реке утонули. И вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабулук, Костров, Бегичка.

А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать

в течение всей ночи. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали. И наехали в поле на брошенные становища их, и шатры, и вежи, и юрты, и алачуги, и телеги их, а в них бесчисленное множество всякого добра, и все это брошено, а самих нет никого – все побежали в Орду. Князь же великий Дмитрий возвратился оттуда в Москву с победой великой и рати свои распустил по домам с большой добычей. Тогда убиты были Дмитрий Монастырев да Назарий Данилов Кусаков. А побоище это произошло одиннадцатого августа, в день памяти святого мученика Евпладиакона, в среду вечером. И помог Бог князю великому Дмитрию Ивановичу, и одолел он ратных, и победил врагов своих, и прогнал поганых татар.

И посрамлены были окаянные половцы, возвратились со стыдом, потерпев поражение, нечестивые измаильтяне, побежали, гонимые гневом Божиим! И прибежали они в Орду к своему царю, вернее же к пославшему их Мамаю, потому что царь их, которого они в то время имели у себя, никакой властью не обладал и ничего не смел делать без согласия Мамаю, а вся власть была в руках у Мамаю, и он владел Ордой.

Мамай же, увидев разгром дружины своей, остатки которой прибежали к нему, и узнав, что погибли князья, и вельможи, и что много воинов его побито, сильно разгневался и разъярился злобой. И в ту же осень, собрав уцелевшие силы свои и набрав много новых воинов, пошел стремительно

ратью, изгоном, не подавая вестей, на Рязанскую землю. А князь великий Олег не изготовился и не встал на бой против них, но побежал из своей земли, а города свои бросил и бежал за Оку-реку. Татары же пришли и захватили город Переяславль (Переяславль-Рязанский. – *Прим. авт.*) и другие города, и сожгли их, и волости и села повоевали, и много людей убили, а иных в полон увели, и вернулись в свою страну, причинив много зла земле Рязанской.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Этот ярлык примечателен тем, что он был выдан любимцу московского князя Дмитрия Ивановича – Митяю ставленником Мамай ханом Тюляком, хотя Мамай в это время находился в состоянии войны с Московским княжеством. Что это – попытка примирения? Возможно, если бы Митяй вернулся живым из Константинополя, Куликовской битвы бы не произошло.

ЯРЛЫК ХАНА МАМАЕВОЙ ОРДЫ ТЮЛЯКБЕКА НА МЕСТНИКУ РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ МИХАИЛУ- МИТЯЮ. 28 ФЕВРАЛЯ 1379 ГОДА

По изволению Вечного неба, по заветам дедов и прадедов слово Тюлякбека, данное по мысли нашего дяди Мамаея татарским улусным и военным князьям Великого улуса, волостным даругам, князьям, писцам, таможникам, побережникам, проезжающим послам и сокольникам, пардусникам, бураложникам и заставщикам, и лодейщикам и кто на какое дело ни пойдет, многим людям и всем.

Прежде царь Чингиз, а после него цари Азиз и Бердибек, и за них молились молебники и весь поповский чин. И какова дань ни будет или какая пошлина – а им платить ее не надо, их дело – в спокойствии молить Бога и воздавать молитвы. И давали им ярлыки, чтобы ничего иного не случилось.

И ныне в согласии с прежними ярлыками, рассудив, мы тем же самым пожаловали Михаила митрополита. И как сядет на свой стол во Владимире, пускай Богу молится за нас и за родственников наших сейчас и после воздаем молитву. И мы приказали: какова будет дань и какова пошлина, под-

вода, корм, питье, запрос – ни даров не дают, ни почестья никакого не воздают. И что есть церковные дома, воды, земли, огороды, сады, мельницы – и в то у них никто да не вступается, никакого насилья им не творят. А кто что взял или возьмет – пускай отдаст назад. А кто придет в церковные дома, тем запрещено останавливаться там на постой и наносить им ущерб – и те люди будут виновны и подлежат смертной казни.

И если ты, Михаил, скажешь, что пожалован нами, и с церковных домов и земель, и вод, и огородов, и садов или с церковных людей будешь требовать даней больше обычного – с тебя спросим. И если кто учинит воровство или клевету, или какое иное злое дело, а ты не будешь расследовать это – и сам знаешь, как отвечать за это перед Богом. А за нас Богу молитвы воздавай, как и прежде молился.

Указав это, дали для подтверждения алотамговый ярлык, в год овцы, в семьсот восьмидесятый год, месяца зулькаада, в десятый день первой половины месяца.

Ставка кочевала на речном Великом Лугу. Написано.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Дошедшие до нас списки «Сказания о Мамаевом побоище» тяготеют к XVI веку. К первой половине XV века можно отнести лишь краткий летописный вариант повести о Куликовской битве. В этом кратком варианте нет упоминаний о благословении Сергием Радонежским русского воинства, монахах Ослябе и Пересвете, заслугах Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка на Куликовском поле. Нет никаких подробностей и о ходе самого сражения. Все эти известия, по большей части относящиеся к недостоверным, появились много позже.

Так, в «Сказании» упоминается митрополит Киприан, благословляющий русское войско при выходе его из Москвы, хотя самого Киприана не было в 1380 году ни в Москве, ни в других городах Северо-Восточной Руси. Кроме того, князь Дмитрий Иванович в 1376 году был предан анафеме митрополитом Киприаном, и это проклятье с него снято не было.

Литовским князем в «Сказании» назван Ольгерд, а не Ягай-ло, хотя Ольгерд умер в 1378 году, а в 1380 году великим князем литовским был Ягайло.

Мамай движется на Русь из-за Волги, хотя заволжские земли в 1380 году принадлежали не ему, а хану Тохтамышу.

Список исторических несоответствий можно продолжать. Автор «Сказания» создавал миф о нерушимости союза пра-

вославної церкви и московского государя, о единстве русских князей под рукой Дмитрия Донского. «Сказание» было написано после знаменитого стояния на реке Угре в 1480 году. Прославление московских великих князей и посрамление татарских ханов – вот цель этого политического памфлета.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

**Начало повести о том, как даровал
Бог победу государю великому
князю Дмитрию Ивановичу за
Доном над поганым Мамаем
и как молитвами пречистой
Богородицы и русских чудотворцев
православное христианство
– Русскую землю Бог возвысил,
а безбожных агарян посрамил**

Хочу вам, братья, поведать о брани недавней войны, как случилась битва на Дону великого князя Дмитрия Ивановича и всех православных христиан с поганым Мамаем и с безбожными агарянами. И возвысил Бог род христианский, а поганых унизил и посрамил их дикость. Надлежит нам поведать о величии и милости Божьей, как исполнил Господь пожелание верных ему, как помог великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу над безбожными половцами и агарянами.

Попущением Божиим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя Господне среди верных Богу. Господь же наш, Бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и исполнит.

Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батью, начал спрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей перебил, а святые церкви осквернил и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил. И так как был ослеплен он умом, то того не постиг, что, как Господу угодно, так и будет: так же и в давние дни Иерусалим был пленен Титом-римлянином и Навуходоносором, царем вавилонским, за прегрешения и маловерие иудеев, – но не бесконечно гневается Господь и не вечно он карает.

Узнав все от своих старых татар, начал Мамай поспешать, дьяволом распляемый непрестанно, ополчаясь на христиан.

И, забывшись, стал говорить своим алпаутам, и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам так: «Я не хочу так поступить как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны, будут для нас – тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем», – а не знал того, проклятый, что Господня рука высока.

И через несколько дней перешел он великую реку Волгу со всеми силами, и другие многие орды к великому воинству своему присоединил и сказал им: «Пойдем на Русскую землю и разбогатеем от русского золота!» Пошел же безбожный на Русь, будто лев, ревущий ярьсь, будто неуголимая гадюка злобой дыша. И дошел уже до устья реки Воронежа, и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба!»

Прознал же о том князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скудость ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: «Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю – радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Дмитрия Ивановича Московского, утратить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золо-

том, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская, и всякими драгоценностями твоему владению на потребу. А князь Димитрий Московский – человек христианский – как услышит слово ярости твоей, «то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а великое богатство московское и золото – все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о царь: ведь ради тебя я крепко устрашаю Русь и князя Димитрия. И еще просим тебя, о царь, оба раба твои, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду приняли мы великую от этого великого князя Димитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он о том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну он себе захватил – и о всем том, о царь, жалобу воссылаем тебе».

И другого послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте было так: «К великому князю Ольгерду Литовскому – радоваться великою радостью! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Димитрия Ивановича Московского, с тем чтобы изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. И сейчас, княже, присоединимся мы оба к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твое-

му княжеству, а мне отдаст он город Коломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца, и что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как – сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том».

Князь же Ольгерд Литовский, прознав про все это, очень рад был великой похвале друга своего князя Олега Рязанского и отправляет быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так: «Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Димитрия, потому и молю тебя, свободный царь, раб твой: великую обиду наносит князь Димитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также большой вред чинит. Господин царь, свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о царь, твое внимание на наши страдания от московского князя Димитрия Ивановича».

Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: «Когда услышит князь Димитрий о приходе царя, и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою че-

стью, и умолим его, возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою – то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам нашим после нас». Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малые дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертания. Ибо воистину сказано: «Если кто к Богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на Бога уповает, то такого человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеянье».

Государь же князь великий Дмитрий Иванович – добрый человек – образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от Бога грядущих вечных благ, не ведая того, что на него замышляют злой заговор ближние его друзья. О таких ведь пророк и сказал: «Не сотвори ближнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы, но на Бога-творца надейся, господь Бог может оживить и умертвить».

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и грамоты. Царь же принял дары и письма благосклонно и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми одарю вас. А вы в верности мне присягните и скорее идите ко мне и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна: если бы я теперь

пожелал, то своею силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи. Теперь же поддержать вас хочу моим именем царским и силою, а вашу клятвой и властью вашей разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои».

Послы же, возвратясь от царя к своим князьям, сказали им: «Царь Мамай приветствует вас и очень, за восхваление ваше великое, благорасположен к вам!» Те же, скудные умом, порадовались суетному привету безбожного царя, не ведая того, что Бог дает власть кому пожелает. Теперь же – одной веры, одного крещения, а с безбожным соединились вместе преследовать православную веру Христову. О таких ведь пророк сказал: «Воистину сами себя отсекали от доброго масличного дерева и привились к дикой маслине».

Князь же Олег Рязанский стал торопиться отправлять к Мамаю послов, говоря: «Выступай, царь, скорее на Русь!» Ибо говорит великая мудрость: «Путь нечестивых погибнет, ибо собирают на себя досаду и поношение». Ныне же этого Олега окаянного новым Святополком назову.

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю, и сильно опечалил-

ся князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И, став пред святою иконою Господня образа, что в изголовье его стояла, и, упав на колени свои, стал молиться и сказал: «Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращу печаль мою? Лишь на тебя надеясь, Господи, и вознесу печаль мою. Ты же, Господи, царь, владыка, светодатель, не сотвори нам, Господи, того, что отцам нашим сотворил, наведя на них и на их города злого Батюга, ибо еще и сейчас, господи, тот страх и трепет великий в нас живет. И ныне, господи, царь, владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, Господи, что из-за меня грешного, хочешь всю землю нашу погубить; ибо я согрешил пред тобою больше всех людей. Сотвори мне, Господи, за слезы мои, как Иезекии, и укроти, Господи, сердце свирепому этому зверю!» Поклонился и сказал: «На Господа уповал – и не погибну». И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем в Боровск, и за всеми князьями русскими скорых гонцов разослал, и за всеми воеводами на местах, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И повелел им скоро быть у себя в Москве. Князь же Владимир Андреевич прибыл быстро в Москву, и все князья и воеводы. А князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание великое, – ведь безбожный царь Мамай движется на нас, неумолимую в себе

ярость распалая?» И митрополит отвечал великому князю: «Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?» Князь же великий сказал: «Проверил я, отче, все точно, что все по заветам наших отцов, и даже еще больше, выплатил дани ему». Митрополит же сказал: «Видишь, господин мой, попущением Божиим ради наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарами удовлетворить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смиритя, то Господь его усмирит, потому что Господь дерзким противится, а смиренным благодать подает. Так же случилось когда-то с Великим Василием в Кесарии: когда злой отступник Юлиан, идя на персов, захотел разорить город его Кесарию, Василий Великий помолился со всеми христианами Господу богу, собрал много золота и послал к нему, чтобы утолить жадность преступника. Тот же, окаянный, только сильнее разъярился, и Господь послал на него воина своего, Меркурия, уничтожить его. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, жизнь свою жестоко окончил. Ты же, господин мой, возьми золота, сколько есть у тебя, и пошли навстречу ему – и скорей образумишь его».

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю

Мамаю, послал быстро вестника скрытно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, вос-корбел сердцем, и исполнился ярости и печали, и начал молиться: «Господи, Боже мой, на тебя надеюсь, правду любящего. Если мне враг вред наносит, то следует мне терпеть, ибо искони он является ненавистником и врагом роду христианскому; но вот друзья мои близкие замыслили против меня. Суди, господи, их и меня, я ведь им никакого зла не причинил, кроме того, что дары и почести от них принимал, но и им в ответ я также дарил. Суди же, Господи, по правде моей, пусть покончится злоба грешных».

И, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский соединились с Мамаем на нас. Преосвященный же митрополит сказал: «А сам ты, господин, не нанес ли какой обиды им обоим?» Князь же великий прослезился и сказал: «Если я перед Богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих. Ибо знаешь и сам, отче, что удовлетворен я своими пределами, и им никакой обиды не нанес, и не знаю, отчего преумножились против меня вредящие мне». Преосвященный же митрополит сказал: «Сын мой, господин князь великий, да осветятся веселием очи твои сердечные: закон Божий почитаешь и творишь правду, так как праведен Господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы многие; суетны и тщет-

ны их попытки, ты же именем Господним обороняйся от них. Господь справедлив и будет тебе истинным помощником. А от всевидящего ока Господня, где можно скрыться – и от твердой руки его?»

И князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами обдумали, как сторожевую заставу крепкую устроить в поле, и послали в заставу лучших своих и опытных воинов: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябятя-ва и других с ними закаленных воинов. И повелел им на Тихой Сосне сторожевую службу нести со всяким усердием, и ехать к Орде, и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя.

А сам князь великий по всей Русской земле быстрых гонцов разослал со своими грамотами по всем городам: «Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными агарянами татарами; соединимся же в Коломне на Успение святой Богородицы».

И так как сторожевые отряды задержались в степи, князь великий вторую заставу послал: Клементия Полянина, Ивана Святославича Свесланина, Григория Судакова и других с ними, – приказав им скорее возвращаться. Те же встретили Василия Тупика: ведет языка к великому князю, язык же из людей царского двора, из сановных мужей. И сообщает великому князю, что неотвратимо Мамай надвигается на Русь и что списались друг с другом и соединились с ним Олег Ря-

занский и Ольгерд Литовский. А не спешит царь оттого идти, что осени дожидается.

Услышав же от языка такое известие о нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в Боге и призвал к твердости брата своего князя Владимира и всех князей русских, говоря: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл Господь познать православную веру, как Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений язычества, и заповедовал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первом ученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти». Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: «Воистину ты, государь, исполни закон Божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал Господь: «Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную». И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав это от брата своего князя Владимира Андреевича и от всех князей русских, что решаются за веру сразиться, – повелел всему войску своему быть у Коломны на Успение святой Богородицы: «Тогда пересмотрю полки и каждому полку воеводу

назначу». И все множество людей будто одними устами сказало: «Дай же нам, Господи, решение это исполнить имени твоего ради святого!»

И пришли к нему князья Белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско; князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Карго-польский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и прочие многие князья.

Тут же, братья, стук стучит и будто гром гремит в славном городе Москве – то идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича и гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взял с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергей, чтобы прослушал он святую литургию, потому что был тогда день воскресный и чтилась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же литургии просил святой Сергей со всею братьею великого князя, чтобы откушал хлеба в доме живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и

просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: «Это твое промедление двойным для тебя послушанием обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Князь же великий откушал хлеба у них, а игумен Сергей в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и преподобный Сергей окропил его священной водою и все христоролюбивое его войско и осенил великого князя крестом Христовым – знаменем на челе.

И сказал: «Пойди, господин, на поганых половцев, призывая Бога, и Господь Бог будет тебе помощником и заступником», и добавил ему тихо: «Победишь, господин, супостатов своих, как подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии – Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро готовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тот час послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранники», – и сказал им: «Мир вам, братья

мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами». И осенил Христовым знамением все войско великого князя – мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь благословиению святого старца, словно сокровище непохищаемое получил. И, вернувшись в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и поведал ему тайно все, что сказал лишь ему старец святой Сергей, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. И, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы пред образом господним, сложив руки на груди, потоки слез проливая, молясь, и сказал: «Господи боже наш, владыко великий, твердый, воистину ты – царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, нашему спасителю и благодетелю, ибо твоею рукою созданы мы. Но знаю я, Господи, что прегрешения мои уже покрывают голову мою, и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, Господи, притесняющих меня

и оборони от борющихся со мною; возьми, Господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою». И затем приступил к чудотворному образу госпожи Богородицы, который Лука-евангелист написал, и сказал: «О чудотворная госпожа Богородица, всего создания человеческого заступница, ибо благодаря тебе познали мы истинного Бога нашего, воплотившегося и рожденного тобою. Не отдай же, госпожа, городов наших в разорение поганым половцам, да не осквернят святых твоих церквей и веры христианской. Умоли, госпожа Богородица, сына своего Христа, Бога нашего, чтобы смирил он сердца врагам нашим, да не будет рука их над нами. Иты, госпожа наша пресвятая Богородица, пошли нам свою помощь и нетленную свою ризу покрой нас, чтобы не страшились мы ран, на тебя ведь надеемся, ибо твои мы рабы. Знаю же я, госпожа, если захочешь – поможешь нам против злобных врагов, этих поганых половцев, которые не призывают твоего имени; мы же, госпожа пречистая Богородица, на тебя надеемся и на твою помощь. Ныне выступаем против безбожных язычников поганых татар, умоли же ты сына своего, Бога нашего». И потом пришел к гробу блаженного чудотворца Петра-митрополита и, сердечно к нему припадая, сказал: «О чудотворный святитель Петр, по милости Божьей непрестанно творишь чудеса. И теперь настало время тебе за нас молиться общему владыке всех, царю и милостивому спасителю. Ибо теперь на меня ополчи-

лись супостаты поганые и на город твой Москву готовят оружие. Тебя ведь Господь показал последующим поколениям нашим возжег тебя нам, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком светить всей земле Русской. И тебе ныне подобает о нас, грешных молиться, чтобы не нашла на нас рука смерти и рука грешника не погубила нас. Ты ведь страж наш твердый от вражеских нападений, ибо твоя мы паства». И, окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его отпустил в поход против поганых татар; и, перекрестив ему чело, осенил его Христовым знамением, и послал богосвященный собор свой с крестами, и со святыми иконами, и со священной водой во Фроловские ворота, и в Никольские, и в Константино-Еленинские, чтобы каждый воин вышел благословенным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: «Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители наши! Если имеете дерзновение предстоять Христу, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, и ныне помогите нам». И, это сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Ма-

рия, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жены слуг так же совершали со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, в сердце же своем сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас?» И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок из каменного града Москвы, и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами, захотели ударить на большие стада лебединые и гусиные: то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удалыцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; изготовленным выглядит войско их. Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а белозерских князей – Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою. Перед ним солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им

было одной дорогой.

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке под стекольчатými окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: «Господи Боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, Господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемилостивого Бога, ибо ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет с западу – ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля

их спасется, и они всегда будут царствовать».

Великий же князь отправился, захватив с собою мужей знатных, московских купцов – сурожан десять человек как свидетелей: что бы Бог ни устроил, а они расскажут в дальних странах, как купцы знатные, и были: первый – Василий Капица, второй – Сидор Алферьев, третий – Константин Петунов, четвертый – Кузьма Ковря, пятый – Семен Антонов, шестой – Михаил Саларев, седьмой – Тимофей Весяков, восьмой – Дмитрий Черный, девятый – Дементий Саларев и десятый – Иван Шиха.

И двигался князь великий Дмитрий Иванович по большой широкой дороге, а за ним русские сыны идут скоро, будто медвяные чаши пить и гроздья виноградные есть, желая себе чести добыть и славного имени: уже ведь, братья, стук стучит и гром гремит на ранней заре, князь Владимир Андреевич через Москву-реку переправляется на добром перевозе на Боровском.

Князь же великий пришел в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Эфиопа. Тут уже были многие воеводы и воины и встретили его на речке Северке. Архиепископ же коломенский Геронтий со всем своим клиром встретил великого князя в воротах городских живоносными крестами и со святыми иконами, и осенил его живоносным крестом, и молитву сотворил: «Спаси, Боже, люди своя».

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю.

В святое же воскресение после заутрени зазвучали многие трубы боевые, и литавры загремели, и зашумели расшитые знамена у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширных поля коломенские, но и тут не вместиться огромному войску, и невозможно было никому очами окинуть рати великого князя. Князь же великий, въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя такое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял под командование белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего князя Владимира и дал ему под командование ярославских князей, а в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского. Передовой же полк – Дмитрий Всеволодович да брат его Владимир Всеволодович, с коломенца-ми – воевода Микула Васильевич, владимирский же воевода и юрьевский – Тимофей Волуевич, а костромской воевода – Иван Родионович Квашня, переяславский же воевода – Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Князь же великий, распределив полки, повелел им через Оку-реку переправляться и приказал каждому полку и воеводам: «Если же кто пойдет по Рязанской земле, – не коснитесь ни единого волоса!» И, взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешел реку Оку со

всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись со сторожей татарской в степи: Семена Медика, Игнатия Креня, Фому Тынина, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и других многих с ними удалых наездников.

Сказал же князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспешим, брате, навстречу безбожным язычникам, поганым татарам, и не отвернем лица своего от наглости их, а если, брате, и смерть нам суждена, то не без пользы, не без замысла для нас эта смерть, но в жизнь вечную!» А сам государь князь великий, в пути будучи, призывал родственников своих на помощь – святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Князь же Олег Рязанский услышал, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю да к тому же вооружен твердо своею верою, которую на Бога-вседержителя, всевышнего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: «Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться?»

Отвечали ему бояре его: «Нам, княже, сообщили из Моск-

вы за пятнадцать дней до сего, но мы побоялись тебе передать о том, что в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот сверх меры и вооружил его, и из своих монахов дал ему помощников». Услышав же то, князь Олег Рязанский испугался и на бояр своих осердился и разъярился: «Почему мне не поведали до сих пор? Тогда бы я послал к нечистивому царю и умолил его, и никакое бы зло не приключилось! Горе мне, потерял я разум свой, но не я один ослабел умом, но и больше меня разумный Ольгерд Литовский; но, однако, он почитает веру латинскую Петра Гугнивого, я же, окаянный, познал истинный закон Божий! И отчего совратился я? И сбудется со мною сказанное Господом: «Если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно». Ибо ныне что натворил? Зная закон Бога, сотворившего небо, и землю, и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попрасть закон Божий! И теперь какому своему неразумному помыслу вверил себя? Если бы теперь великому князю помощь предложил, то никак он не примет меня, ибо узнал об измене моей. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то воистину стану как прежний гонитель Христовой веры, и тогда поглотит меня земля живьем, как Свя-тополка: не только княжения лишен буду, но и жизни лишусь, и брошен буду в геенну огненную мучиться. Если же Господь за них, то никто их не одолеет, да еще и прозорливый тот монах будет помогать ему молитвой своей! Если же никому из них помощи не окажу,

то впредь от них обоих как смогу устоять? А теперь я так думаю: кому из них Господь поможет, к тому и я присоединюсь!»

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много и варягов, и жмуди и пошел на помощь Мамаю. И пришел к городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, – всю русь и словен, да пошел к Дону против царя Мамаю, – прослышав также, что Олег испугался, и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов, о союзе своем с Олегом Рязанским теперь сожалел, метался и негодовал, говоря: «Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала Рязань! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе».

В то же время прослышали князя Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи, что великая беда и забота отяготили великого князя Дмитрия Ивановича Московского и все православное христианство от безбожного Мамаю. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи их, но ныне Богом возлюблены были и святое крещение приняли. Были они, будто какие колосья плодовые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо неболь-

шое, в нем же написано так: «Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но отец наш небесный, Господь Бог, сильнее возлюбил нас и просветил святым крещением, дав нам закон свой, – чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то богу воздадим? Так устремимся, брате, на подвиг благой для подвижников Христа, источника христианства, пойдем, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганых измаилтян, да еще и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую. Нам, брате, следует святое писание исполнить, говорящее: «Братья, в бедах отзывчивы будьте!» Не сомневайся же, брат, будто отцу мы противиться будем, ведь вот как евангелист Лука передал слова господина нашего Иисуса Христа: «Преданы будете родителями и братьями и умрете за имя мое; претерпевший же до конца – спасется!» Выберемся, брат, из давящего этого сорняка и привьемся к истинному плодовитому Христову винограду, возделанному рукою Христовой. Теперь ведь, брат, устремляемся мы не земной ради жизни, но почести в небесах желая, которую господь дает творящим волю его».

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: «Влады-ко, господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что

открыл ты брату моему старшему!» И велел послу: «Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брат и господин. Сколько есть войска моего, то все вместе со мною, потому что по божьему промыслу собрались мы для предстоящей войны с дунайскими татарами. И еще скажи брату моему, слышал я также от пришедших ко мне сборщиков меда из Северной земли, говорят, что уже великий князь Дмитрий на Дону, ибо там дожидаться хочет злых сыроядцев. И нам следует идти к Северу и там соединиться: надо держать нам путь на Северу, и таким путем утаимся от отца своего, чтобы не помешал нам постыдно».

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северной земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Вениамином, видя с собою множество людей, бодрых и снаряженных умелых ратников. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались оба радостию великою такой милости Божьей: ведь невозможно столь просто такому быть, чтобы дети отца оставили и перехитрили его, как некогда волхвы Ирода, и пришли нам на помощь. И многими дарами почтил их, и поехали своею дорогой, радуясь и славя Святого духа, от земного уже всего отрешась, ожидая себе бессмертного иного искупленья. Сказал же им князь великий: «Братья

мои милые, по какой нужде пришли вы сюда?» Они же ответили: «Господь Бог послал нас к тебе на помощь!» Князь же великий сказал: «Воистину подобны вы праотцу нашему Аврааму, который быстро Лоту помог, и еще вы подобны доблестному великому князю Ярославу, который отомстил за кровь братьев своих». И тотчас послал такую весть князь великий в Москву преосвященному митрополиту Киприану: «Ольгердовичи – князья пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили». И вестник быстро добрался до преосвященного митрополита. Архиепископ же, прослышав о том, встал на молитву, говоря со слезами: «Господи владыко человеколюбец, ибо противные нам ветры в тихие превращаешь!» И послал во все соборные церкви и монастыри, повелел усердно молитвы творить день и ночь к Вседержителю-Богу. И послал в монастырь к преподобному игумену Сергию, чтобы внял их молитвам Бог. Княгиня же великая Евдокия, услышав о том великом Божьем милосердии, начала щедрые милостыни раздавать и постоянно пребывала в святой церкви, молясь день и ночь.

Это же снова оставим и к прежнему возвратимся.

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за двадцать три поприща от Дона настал уже пятый день месяца сентября – день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия – князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожен заставы, Петр Горский и Карп Олексин, пришли знатного языка из чис-

ла сановников царского двора. Рассказывает тот язык: «Уже царь Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского; руководствуясь сведениями, полученными от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи с тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону». Князь великий спросил его силе царской, и тот ответил: «Несчетное множество войск его сила, никто их не сможет перечесть».

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли и дальше останемся или Дон перейдем?» Сказали ему Ольгердовичи:

«Если хочешь твердого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе Бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил, и тебе, призывая Бога, следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем – от князей и до простых людей. Тебе же, государю великому князю, ныне нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы от тех речей укрепилось войско твое: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоём».

И князь великий приказал войску всему через Дон переправляться.

А в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. И многие сыны русские возрадовались радостью великую, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стекалось на место то, завывая страшно, беспрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалая рать собралась, безумолчно перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху паря, клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, Богом predetermined, в который должны лечь тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава растилается.

Многие люди из обоих войск печалятся, предвидя свою смерть.

Начали же поганые половцы в великом унынии сокрушаться о конце своей жизни, потому что если умрет нечестивый, то исчезнет память о нем с шумом. Правоверные же люди еще и больше воссияют в радости, ожидая уготованного им чаяния, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергей.

Разведчики же поторапливают, ибо уже близко поганые и все приближаются. А в шестом часу дня примчался Се-

мен Мелик с дружиной своей, а за ним гналось множество татар: нагло гнались почти до нашего войска, и лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготовились к бою у Дона. Ибо Божьим промыслом увидели великое множество людей расставленных и сообщили царю: «Князей русских войско вчетверо больше нашего сорища». Тот же нечестивый царь, распаленный дьяволом себе на пагубу, вскричав вдруг, так заговорил: «Таковы мои силы, и если не одолею русских князей, то как возвращусь восвояси? Позора своего не перенесу!» – и повелел поганым своим половцам готовиться к бою.

Семен же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай-царь на Гусин брод пришел, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы. Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготовиться, чтоб не застали врасплох поганые».

Тогда начал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами вплоть до шестого часа полки расставлять. Некий воевода пришел с литовскими князьями, именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, который знатным был полководцем, хорошо он расставил полки, по достоинству, как и где кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего, князя Владимира, и литовских князей, и всех князей русских, и воевод

и взъехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, будто какие светильники солнечные, светящиеся в лучах солнечных; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить; богатыри же русские стоят, и их хоругви, точно живые, колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть на подобное русских собрание и устройство их, ибо все единокорны, один за другого, друг за друга хотят умереть, и все единогласно говорят: «Боже, с высот взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константину, победу, брось под ноги ему врагов-амаликетян, как некогда кроткому Давиду». Всему этому дивились литовские князья, говоря себе: «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску, мужеству подобны Гедеоновым всадникам, ибо Господь своей силой вооружил их!»

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышит образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: «О владыка-вседержитель! Взгляни пронизательным оком на этих людей, что твоею десницею

созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу.

Вслушайся, Господи, в звучание молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, господи Иисусе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и Пречистой твоей матери, и всем святым, угодившим тебе, и крепкому и неборимому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеясь, дерзаем взывать и славить святое и прекрасное имя твое, и Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь!»

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: «Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до великого! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился – в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на Бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыро-ядцы».

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника Рождества святой Богородицы. Осень тогда затянулась и днями

светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная».

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в ночь эту приметку свою проверить» – а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и поворотясь на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а полевой стороне будто горы шатаются – гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышим, брат, – гроза страшная очень», – и ответил Волынец: «Призывай, кня-же, Бога на помощь!»

И повернулся он к войску русскому – и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, кня-же?» – тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается.» И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только Бога призывай и не оскудевай верою!»

И снова сказал: «И еще у меня есть приметка проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое вре-

мя. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же – к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметам битв проверил, оттого и рассчитываю на милость Божию – молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христовлюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: «Господу Богу все возможно: всех нас дыхание в его руках!» И сказал Во-лынец: «Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами».

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке Чурове за мужество его для верной охраны от поганых. Его ис-

правляя, Бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое весьма, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обоих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам Господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома, с тех пор целомудрен и благоразумен, уверовал в Бога, а о том видении рассказал наутро великому князю одному. Князь же великий сказал ему: «Не говори того, друже, никому», – и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: «Владыко Господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликетян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его. Не по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милость свою, простри на нас милосердие свое, не дай нас в осмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: «Где же Бог, на которого они так надеялись?» Но помоги, Господи, христианам, ими ведь славятся имя твое святое!»

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших знатоков из своей свиты, удалых

витязей, твердых воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник Рождества святой Богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под своим знаменем. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боб-рока Волынца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, ибо никогда не было стольких людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слезы потоками текли из очей его: «Отцы и братья мои, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос-бог и спаситель душ наших».

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя черное, и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него воздел, ибо любил его сверх меры, и знамя свое черное повелел оруженосцу своему над Брен-ком держать. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем и, сняв с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного дерева, воспла-кал горько и сказал: «Итак, на тебя надеемся, живоносный Гос-поден крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы твоему образу противостоять; так, Господи, и покажи милость свою на рабе твоём!»

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а грамотах написано: «Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному войску – мир и благословение!» Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав посланца с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твердыми бронями. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой Богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простер руки свои, вскричав громогласно: «О великое имя все святой Троицы, о пре-

святая госпожа Богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе боже, помилуй и спаси души наши!»

И сел на лучшего своего коня, и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: «Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя Господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своей головой, память сотворить, как Леонтий-царь Федору Тирону, в книге соборные записать наши имена, чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминание устроит? Если все спасемся, а тебя одного оставим, то какой нам успех? И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря: влачится оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда, Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои ми-

лые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы Божьи. Ведь хорошо вы знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы. Когда его мучили и приказал царь вести его перед народом и мечом зарубить, доблестные его друзья, один перед другим торопясь, каждый из них свою голову палачу под меч преклонял вместо Арефы, вождя своего, понимая славу поступка своего. Арефа же, вождь, сказал воинам своим: «Так знайте, братья мои, у земного царя не я ли больше вас почтен был, земную славу и дары приняв? Так и ныне впереди идти подобает мне также к небесному царю, голове моей следует первой отсеченной быть, а точнее сказать – увенчанной». И, подступив, палач отрубил голову его, а потом и воинам его отсек головы. Так же и я, братья. Кто больше меня из русских сынов почтен был и благое беспрестанно принимал от Господа? А ныне зло нашло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного это все и воздвиглось. Не могу видеть вас, побеждаемых, и все, что последует, не смогу перенести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью погибнуть за святую веру христианскую! Если умру – с вами, если спасусь – с вами!»

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет Дмитрий Всеволодович да брат его, князь Владимир Всеволодович, а с правой руки полк ведет Микула Васильевич с коло-менцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганых бредут со

всех сторон: от множества войска нет им места, где сойтись. Безбожный царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, следит за людским кровопролитием.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним перевестись!» И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня! Чаду моему Якову – мир и благословение!» – бросился на печенега и добавил: «Игумен Сергий, помоги мне молитвою!» Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Увидев, что настал третий час дня, князь великий произнес: «Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, что первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать». И стегнул каждый воин своего коня, и воскликнули все единогласно: «С нами Бог!» – и

еще: «Боже христианский, помоги нам!», – а поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий Божьих! Воля Господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твердо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по Божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и Божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их Божьей милостью, они еще больше утвердились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича; он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели – уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую гибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? какой успех у нас будет? кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благо рожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину Богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать Божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: «Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помо-

ги народу христианскому! Не допусти, Господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно!» Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званные на свадьбу сладкого вина испить. Но Воле-нец запретил им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!»

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Воле-нец голосом громким: «Кня-же Владимир, наше время настало и час удобный пришел!» – и прибавил: «Братья моя, друзья, смелее: сила Святого Духа помогает нам!»

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Воле-нцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы, нам, Русь снова перехитрила; младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою Святого Духа и помощью святых мучеников

Бориса и Глеба, разгоняя посекали их, точно лес вырубали – будто трава под косой ложится за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на берегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко – и в ад сошел ты!» И многие раненные наши, и те помогали, посекая поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила Святого Духа, точно огонь, ожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видаться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамаея свежи кони его, и ушел он от погони.

И это все случилось милостью Бога всемогущего и пречистой матери Божьей и молением и помощью святых страсто-терпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей-раз-

бойник, когда в охранение стоял, как уже написано выше. Некоторые же гнались за татарами и, всех добив, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: как морское пространство, а трупов человеческих – как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колена брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?» И добавил: «Если пастух погиб – и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?»

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?» Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею». Еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский, то сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, и раненный весь. Оттого

не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью Божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился».

Князь же Владимир сказал: «Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет среди нас!»

И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищучи победы победителя. И некоторые набрали на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же набрали на убитого князя Федора Семеновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него.

Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холпищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы – и набрали на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!»

Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: «Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр, победитель врагов: победы этой честь тебе принадлежит!» Князь же великий едва проговорил: «Что там, – поведайте мне». И ска-

зал князь Владимир: «Милостью Божьей и пречистой его Матери, помощью и молитвами сродников наших святых мучеников Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя Петра, и пособника нашего и вдохновителя игумена Сергия, – тех всех молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись».

Князь великий, слыша это, встал и сказал: «Сей день сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся, люди!» И еще сказал: «В сей день Господен веселитесь, люди! Велик ты, Господи, и дивны дела твои все: вечером вселится плач, а наутро – радость!» И добавил: «Благодарю тебя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, Господи, по делам их, я же, Господи, надеюсь на тебя!»

И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное место битвы, увидел войска своего убитых очень много, а поганых татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волынцу, сказал: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».

И поехал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и так сказал: «Братья, русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам Господь Бог такую смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство». И немно-

го погода подъехал к месту, на котором лежали убитые вместе князя белозерские: настолько твердо бились, что один за другого погибли. Тут же поблизости лежал убитый Михаил Васильевич; став же над ними, любезными воеводами, князь великий начал плакать и говорить: «Братья мои князя, сыны русские, если имеете смелость пред Богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у Господа Бога быть, ибо знаю, что послушает вас Бог!»

И дальше поехал, и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них Тимофей Волуевич убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: «Брат мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно грядущий! Воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил». Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: «Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражею». Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: «Видите, братья, зачинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную

чашу».

И отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав оружие свое над погаными татарами, со всех сторон бредут на трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие – мученические, иные же – псалмы, – все христианские песни. Каждый воин идет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здоровых радуется. Говорил же: братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобаает вам так служить, а мне – по достоинству восхвалять вас. Если же сбережет меня Господь и буду на своем престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, чтобы не попали зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей». Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, счетчик был гораздый: «Нет у нас, государь, сорока бояр московских, да

двенадцати князей Белозерских да тринадцати бояр – посадников новгородских, да пятидесяти бояр Новгорода Нижнего, да сорока бояр серпуховских, да двадцати бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да сорока бояр муромских, да тридцати трех бояр ростовских, да двадцати бояр дмитровских, да семидесяти бояр Можайских, да шестидесяти бояр звенигородских, да пятнадцать бояр угличских, да двадцати бояр галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

И сказал князь великий: «Слава тебе, высший творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал в руки врагов наших, поганых сыроядцев. А вам, братья, князья, и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место между Доном и Непрядвой, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!» И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем, братья, в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: чести мы себе добыли и славного имени!»

Поганый же Мамай тогда побежал с побоища, и достиг города Кафы, и, утаив свое имя, вернулся в свою землю, не

желая стерпеть, видя себя побежденным, посрамленным и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь, и еще зло замышляя на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая ехидна. И, собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синеи Орды, идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И царь Тохтамыш, победив царя Мамаю, прогнал его. Мамаевы же князья, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом и тут убит он был фрягами; и так зло потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, князь великий Дмитрий Иванович победил Мамаю, возвратился восвояси со стыдом велик. Олег же Рязанский, узнав, что хочет князь великий послать на него войско, испугался и убежал из своей вотчины с княгиней и с боярами; рязанцы же били челом великому князю, и князь великий посадил в Рязани своих наместников.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

По мнению ряда историков, данная повесть была создана в первой половине XV века на основе летописных сведений. В отличие от более позднего «Сказания о Мамаевом побоище», в повести верно названы все главные действующие лица и последовательность событий. Обращает на себя внимание то, как старается составитель повести очернить Олега Рязанского. Создается впечатление, что рязанский великий князь был главным злодеем всех времен и народов. На его фоне меркнет даже Мамай. Возможно, эта повесть писалась вскоре после того, как в 1427 году рязанский великий князь Иван Федорович, внук Олега Рязанского, разорвал договор с Москвой и присягнул литовскому князю Витовту. Это вызвало бурное негодование в Москве и, естественно, вылилось на страницы летописи.

Дмитрия Ивановича Московского благословляет на бой епископ коломенский Герасим. В повести всячески подчеркивается набожность великого князя московского. Видимо, князю Василию Дмитриевичу очень хотелось, чтобы все забыли о проклятье, наложенном на его отца митрополитом Киприаном. Интересно, что победа одержана русскими князьями при помощи небесного воинства во главе с архистратигом Михаилом.

Если «Сказание о Мамаевом побоище» завершается раз-

громом татар и прославлением русских войск, то более ранняя «Пространная повесть» заканчивается благополучным воцарением в Орде законного царя Тохтамыша и выражением радости русских князей по этому поводу. Ни о каком свержении «ордынского ига» речи не идет!

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ, О ПОБОИЩЕ, КОТОРОЕ БЫЛО НА ДОНУ, И О ТОМ, КАК КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ БИЛСЯ С ОРДОЮ

Той же осенью пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими, и со всеми другими князьями ордынскими, и со всей силой татарской и половецкой, и кроме того еще рати нанял: басурман, и армян, и фрягов, черкесов, и ясов, и бурта-сов. А с Мамаем вместе, в союзе с ним, и литовский князь Ягайло со всею силой литовской и ляшской, и с ними же заодно и Олег Иванович, князь рязанский, — с этими своими сообщниками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его, Владимира Андреевича. Но челолюбивый Бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами Пречистой своей матери от рабства измаильтян, от поганого Мамаю и от союзников его — нечестивого Ягайла и льстивого и лживого Олега Рязанского, который не соблюл своего христианства. Ожидает его ад и дьявол в день великого суда Господнего.

Окаянный же Мамай, возгордившись и возомнив себя ца-

рем, начал собирать совет нечестивый, призвав к себе темников своих, князей поганых. И сказал он им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые было – христианство искореним и церкви божие спалим, и кровь их прольем, и обычаи их уничтожим». Нечестивый люто гневался из-за того, что были убиты его друзья, любимцы и князя на реке на Воже. И начал решительно и поспешно силы свои собирать и в ярости пошел с многочисленным войском, чтобы пленить христиан. И двинулись тогда все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и к льстивому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от сына Божия, омраченному тьмою греховною и не желающему слышать голоса разума, Олегу Рязанскому, прислужнику басурманскому, лукавому сыну. Как сказал Христос: «От нас отошли и на нас ополчились». И заключил старый злодей Мамай нечестивый уговор с поганой Литвой и с душегубцем Олегом, чтобы соединиться им против благоверного князя у реки Оки на Семенов день. Душегубец же Олег начал зло к злу присовокуплять: стал посылать к Мамаю и к Ягайлу своего боярина единомышленника Епифана Корева, антихристову предтечу, призывая их прийти точно в назначенный срок и, как договорились, стать у Оки с трехглавыми зверями – сыроядцами, чтобы кровь пролить.

Враг и изменник Олег! Надеешься выгоду получить, а не ведаешь того, что меч Божий острится на тебя! Как сказал

пророк: «Оружие извлекли грешники и натянули лук, чтобы во мраке застрелить праведников, и оружие их вонзится в их же сердца, и луки их сломаются».

И наступил месяц август, дошли из Орды известия и до христолюбивого князя, что поднимаются на христиан измальянские племена. Олег же, совсем отступивший от христианской веры из-за союза с погаными, послал к князю Дмитрию весть обманную: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя. Да будет тебе известно и то, что идет на тебя литовский Ягайло со всею силою своею». Князь же Дмитрий, услышав в невеселое это время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, сказал: «Еще наша рука высока!» Пошел он в соборную церковь матери Божьей, Богородицы и, проливая слезы, начал молиться: «О Господи, ты – всемогущий и всесильный, крепкий в битвах, воистину ты царь славы, сотворивший небо и землю, помилуй нас молитвами Пресвятой твоей матери, не оставь нас в беде. Ты ведь Бог наш, а мы люди твои, прости руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притупи. Велик ты, Господи, кто может противиться тебе? Помяни, Господи, милость свою, которую ты от века изливаешь на род христиан. О, многоименитая Дева, госпожа, царица небесных чинов, вечная повелительница всей вселенной и кормилица всей жизни человеческой, прости, госпожа, руки свои пречистые, которыми ты носила Бога, воплотившегося от тебя, не отвергай христиан сих,

избавь нас от сыроядцев этих и помилуй меня!»

Восстав от молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром и за всеми князьями русскими и за воеводами великими. И сказал он брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и мрачного сыроядца Мамаю за православную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан нынешних и будущих; возьмем с собою скипетр царя небесного, непобедимую победу, и восприимем тем Авраамову доблесть». И призвал он Бога и сказал: «Господи, услышь мольбу мою о помощи! Боже, на помощь приди мне! Пусть покроются враги наши стыдом и срамом и узнают, что имя твое – Господь, что ты един вышний во всей земле».

И соединившись со всеми князьями русскими и собрав всю силу, без промедления пошел он из Москвы против врагов, желая защитить свою вотчину, и пришел в Коломну и собрал воинов своих сто тысяч и пятьдесят тысяч, и это без полков княжеского и воевод поместных. И от начала мира не бывало такой силы русских князей и воевод поместных, как при этом князе. Было всей силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести. И к этому еще приспели издалека в ту смутную годину великие князья Ольгердовичи поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами да брат его князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В это время Мамай стал за Доном, возносясь, и гордясь, и гневаясь, и стоял так со всем царством своим три недели. И вот пришла к князю Дмитрию новая весть. Поведали ему, что Мамай за Доном, собрав силы, стоит в поле, ожидая к себе на помощь Ягайла с литовцами, чтобы, когда соберутся вместе, одержать общую победу.

И начал Мамай посылать к князю Дмитрию и дань просить, как было при Чанибеке-царе, а не по своему соглашению. Христолюбивый же князь, не желая кровопролития, согласился Мамаю дань дать по христианской силе и по своему соглашению, как с ним договорился. Мамай же не захотел этого в своей гордыне, ожидая своего нечестивого сообщника литовского. Олег же, изменник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, начал Мамаю дань давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия.

И когда узнал князь Дмитрий об обмане лукавого Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, поднявшегося на своего владыку, вздохнул он из глубины сердца своего и сказал: «Господи, замыслы неправедных разрушь, а зачинающих войны погуби. Не я начал кровь проливать христианскую, но он, Святополк новый. Воздай же ему, Господи, в семижды семь раз больше, ибо во тьме он пребывает и забыл благодать твою. Заострю, как молнию, меч мой, и пусть свершит суд рука моя, отомщу врагам и ненавидящим меня отомщу и напою стрелу мою кровью их, чтобы не говорили

неверные: «Где же Бог их?» Отврати, Господи, лицо свое от них и покажи им, Господи, весь гнев свой наконец, так как род их развращен и нет в них веры в тебя, Господи, и пролей на них гнев свой, Господи, на народы, которые не признают тебя, Господи, и имени твоего святого не призывают. Какой бог более велик, чем Бог наш? Ты Бог, творящий чудеса, – един!»

И, окончив молитву, пошел он в церковь Пречистой к епископу Герасиму и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти против окаянного этого сыродца Мамаю, и нечестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света во тьму». Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов его на поход против нечестивых агарян.

И пошел князь Дмитрий из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа, уповая на милосердие Божие и на пречистую его мать Богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь честной крест. И, пройдя свою вотчину и великое свое княжество, стал на Оке около устья реки Лопасни, перехватывая вести о поганных. Тут догнали князя Дмитрия Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и все остальные воины, что были оставлены в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до Семенова дня, в день воскресный. Переехав за реку, вошли в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переправился со своим двором, а в Москве оставил воевод своих у великой княгини у Евдокии, а у сыновей своих, у

Василия, и у Юрия, и у Ивана, – Федора Андреевича.

И когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, то была в городе Москве печаль великая, и во всех концах города поднялся плач горький, и вопли, и рыдания, и казалось, будто Рахиль рыдает горько: оплакивали жены русские детей своих, рыдая в голос и захлебываясь слезами, не в силах сдержаться, потому что пошли те с великим князем за всю землю Русскую на острые копья. Да и кто не погорюет из-за рыдания женщин этих и горького их плача? Каждая в душе своей говорила: «Увы мне, бедные наши дети! Лучше бы нам было, если бы вас не родили, тогда не страдали и не печаловались бы мы из-за гибели вашей. Почему виноваты мы в погибели вашей?»

Великий же князь пришел к реке к Дону за два дня до рождества святой Богородицы. И тогда подоспела грамота от преподобного игумена Сергия – от святого старца благословение. В ней же написано благословение, призывающее великого князя биться с татарами: «Господин, иди на врага, да поможет тебе Бог и святая Богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях, мы же во имя Господа нашего призовем: даруй мне, Господи, победу над супостатами и помоги мне, оружием креста низложи врагов наших, ведь, уповая на тебя, побеждаем мы, прилежно молясь Пречистой матери твоей». И, сказав так, начал полки расстав-

лять и велел всем облачиться в одежды праздничные, как подобает великим ратникам, а воеводы вооружили свои полки. И подошли к Дону, и стали тут, и долго совещались, ибо одни говорили: «Иди, князь, за Дон», а другие советовали: «Не ходи, потому что умножились враги наши – не только татары, но и литовцы и рязанцы».

Мамай же, узнав о приходе князя Дмитрия к Дону и видя побитых своих воинов, разъярился взором и помутился умом и распалился лютой яростью, словно змея какая-то, дышащая гневом. И воскликнул Мамай: «Выступайте, силы мои бесчисленные, и власти, и князья. Пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия и будем ждать прихода сообщника нашего Ягайла с его силой».

Когда князь услышал о похвальбе Мамаея, то сказал: «Господи, не повелел ты в чужие пределы вступать, и я, Господи, не преступил этой заповеди. Этот же, Господи, подкрался, как змей к гнезду; окаянный Мамай, нечестивый сыроядец, на христианство дерзнул, кровь мою желая пролить, и всю землю осквернить, и святые божие церкви разорить». И сказал он: «Что такое великое свирепство Мамаево? Как некая ехидна, брызжущая ядом и из неведомой пустыни приползшая, пожрать нас хочет. Не предай же меня, господи, сыроядцу этому Мамаю. Покажи мне славу своего божества, владыка. Где ангельские лики? Где херувимское предстояние? Где серафимов шестикрылых служение? Пред тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы, ты солнце

и луну сотворил и землю украсил всеми красотами, яви мне, Боже, славу свою, и ныне, Господи, обрати печаль мою в радость, и помилуй меня, как помиловал ты слугу своего Моисея, в горести души возопившего к тебе, и столпу огненному повелел идти пред ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка истинный Господь страшное возмущение в тишину превратил». И, произнеся это все, брату своему и всем князьям и воеводам великим сказал он: «Приспело, братья, время битвы нашей; и наступил праздник царицы Марии, матери божьей, Богородицы и всех небесных чинов госпожи и всей вселенной – честное ее рождество. Если останемся живы, – мы в руках Господа, если же умрем за мир сей, – мы в руках Господа».

И приказал он мосты мостить через Дон и бродов искать той же ночью, в канун рождества пречистой матери божьей Богородицы. На другой день, в субботу рано утром, восьмого сентября, в самый праздник – госпожин день, когда стало всходить солнце, была великая тьма по всей земле: стоял туман с утра и до третьего часа. И повелел Господь тьме отступить и пришествие света даровал. Князь же подготовил к бою свои полки великие, и все его князья русские свои полки к бою подготовили, и великие его воеводы облачились в одежды воинские. И отверзлись запоры смертные, задрожала земля, охватил ужас воинов, собравшихся издалека, с востока и запада. Пошел гул земной за Дон, в дальние концы земли, и, лютый и страшный, стремительно перекатился он

через Дон, так что и основание земли заколебалось от множества сил.

И когда князь перешел за Дон в поле чистое, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы, то один Господь Бог вел его, не был ему Бог чужд. О, крепкая и твердая дерзость мужества! О, как не испугался, не утрашился такого множества вражеских воинов? Ведь поднялись на него три земли, три рати: первая – татарская, вторая – литовская, третья – рязанская. И все же всех их не испугался, нисколько не утрашился, но, верую в Бога вооружившись, и силою креста честного укрепившись, и молитвами пресвятой Богородицы оградившись, Богу помолился, так говоря: «Помоги мне, Господи Боже мой, и спаси меня милости твоей ради, видишь, как враги мои умножились против меня. Господи, почему так умножились враждующие со мной? Многие поднялись на меня, многие борются со мною, многие, враждующие со мной, преследуют меня, все народы ополчились на меня. Именем Господним сопротивляюсь им».

И был шестой час дня, и начали появляться поганые измаиль-тяне в поле, ведь было это поле чисто и велико очень. И тут изготовились татарские полки против христиан. И тут сошлись полки. И, великие силы увидев, пошли войска, и земля загудела, горы и холмы затряслись от множества бесчисленных воинов, извлекших и взявших в руки оружие обоюдоострое. И слетелись орлы, как написано: «Где трупы, там и орлы». Когда пришел срок, прежде всех начали сходить-

ся сторожевые полки русские и татарские. Сам же великий князь ринулся сначала в сторожевых полках на поганого царя Теляка, дьявола во плоти, прозываемого Мамаем; после этого, немного погодя, вернулся князь в главный полк. И вот пошла великая рать Мамаева и вся сила татарская, а отсюда великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изготовив полки, пошел против поганых половцев со всеми войсками своими. И, с умилением воззрев на небо, вздохнул он из глубины сердца и произнес слово псаломское: «Братья, Бог нам – прибежище и сила».

И тотчас сошлись обе силы великие на долгое время, и покрыли полки поле будто на десять верст – столь много было воинов. И была эта великая сеча жестокой и битва упорной, так что земля содрогнулась, и от начала мира не бывало такой сечи у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. И бились они так с шестого часа до девятого, как дождь из тучи, лилась кровь тех и других – русских сынов и поганых; бесчисленное множество пало убитыми с той и другой стороны: много русских побито татарами, а русскими – татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело христианское. И было видно, как в одном месте русский за татаринном гонится, в другом – татарин русского настигает. Смешалось все и перепуталось, ибо каждый стремился своего противника одолеть.

И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши разрываются, очи наши не могут горячих слез источать, языки наши неме-

ют, горло мое пересохло, и сердце замирает, чресла мои окостеневают, колени мои подгибаются, а руки цепенеют».

Что нам промолвить или сказать, видя пагубную смерть! Одних мечами рубили, других на копья вздымали. И охваченные страхом москвичи многие неопытные, увидев это, утрастились и отчаялись в своей жизни и обратились в бегство, и побежали, забыв, как мученики говорили друг другу: «Братья, потерпим немного: зима люта, но рай сладок, и страшен меч, но сладка награда». И иные сыновья агарянские бросились бежать, слыша крик страшный и видя злое убийство.

И вот потом, в девятый час дня, обратил Господь милостивый взор свой на всех князей русских, и на мужественных воевод, и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не утрастившихся, как не утращаются великие воины. Видели праведные, как в девятом часу во время боя помогали христианам ангелы и святых мучеников полк, воина Георгия и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, был среди них и воевода высшего полка небесных воинов архистратиг Михаил. Двое воевод видели эти полки, трехсолнечный полк и пламенные их стрелы, которые летели на врагов. Безбожные же татары от страха Божия и от оружия христианского падали. И даровал Бог нашему князю победу над иноплеменниками.

А Мамай, затрепетав от страха и громко восстенав, воскликнул: «Велик Бог христианский и велика сила его: братья

изма-ильтяне, незаконные агаряне, бегите непроторенными дорогами». А сам, повернув назад, без промедления побежал в Орду. И, услышавши, что сказал Мамай, побежали и все его темники и князя. Видев это, и остальные иноплеменники, гонимые гневом Божиим и охваченные страхом Божиим, от мала и до велика в бегство устремились. Христиане, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. Ведь Бог невидимую силой устрасил полки татарские, и, побежденные, обратили они тыл свой под удары. И в погоне этой одни татары, уязвленные оружием христиан, пали, а другие в реке потонули. И гнали их до реки до Мечи, и в ней бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали содом-лян, избивая, до стана их, и захватили много богатств и все достояние их содомское.

И тогда на этом побоище убиты были в схватке: князь Феодор Романович Белозерский, сын его Иван, князь Феодор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Василия-тысяцкого, Михайла Иванович, сын Акинфа, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, по прозвищу Волуй, Михаила Бренков, Лев Мозырев, Семен Мелик, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и многие другие, имена которых не записаны в этих книгах. Это записаны только имена князей, и воевод, и знатных и именитых бояр, а остальных

бояр и слуг опустил я имена и не записал из-за их множества, так как число их выше моего разума, ибо многие в этой битве убиты были.

У самого же князя великого все доспехи его были разбиты и повреждены, но на теле не было ни единой раны, а бился с татарами лицом к лицу, впереди всех, в первой же схватке. Поэтому-то многие князья и воеводы несколько раз говорили ему: «Князь наш и господин, не становись биться впереди, но стань в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Да как же я призову: «Братья мои, ринемся в бой все, как один», – а сам буду лицо свое прятать и хорониться сзади? Не могу я так поступить, но хочу как на словах, так и на деле впереди всех и перед всеми голову свою положить за своих братьев и за всех христиан, чтобы и остальные, видя это, с усердием ринулись в бой». И как сказал, так и поступил: бился тогда с татарами, став впереди всех. И справа и слева от него дружину его перебили, самого же вокруг обступили, как вода в половодье со всех сторон, и много ударов нанесли и по голове его, и по плечам, и по телу, но от всего этого Бог защитил его в день битвы щитом истины, и оружием благоволения осенил голову его, десницей своей защитил его, и рукой крепкой и мышцей высокой Бог избавил и укрепил его, и так среди многих ратников остался он невредим. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня, – так сказал пророк Давид, – всевышнего сделал ты прибежищем твоим; не постигнет тебя беда, и раны не

приблизятся к телу твоему, ибо ангелам своим поручил тебя, чтобы хранили тебя во всех путях твоих, и не устрашишься стрелы, летящей днем».

Было же это из-за грехов наших: ополчаются на нас ино-племенники, чтобы отступили мы от своих неправд, от братоненави-стничества и от сребролюбия, и от суда неправедного, и от насилия. Но милосерд богчеловеколюбец: не до конца гневается на нас, не вечно наказывает.

А из страны литовской Ягайло, князь литовский, пришел со всею силою литовскою пособлять Мамаю, татарам поганым на помощь, а христианам на пакость, но и от них Бог избавил: не успели к сроку совсем немного – на один день пути, а то и меньше. А как только услышал Ягайло Ольгердович и вся сила его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежден и бежал, то без всякого промедления литовцы с Ягайлом побежали назад стремглав, никем не преследуемые. В то время, не видя князя великого, ни рати его, ни вооружения его, а только слыша имя его, Литва приходила в страх и трепет. Не так, как в нынешние времена, когда литовцы издеваются и насме-хаются над нами. Но мы этот разговор оставим и к прежнему вернемся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром и с князьями русскими, и с воеводами, и с остальными боярами, и со всеми уцелевшими воинами, став той ночью на поганых обедищах, на костях татарских, утерев пот свой и отдохнув

от труда своего, великую благодарность вознес к Богу, который даровал такую победу над погаными и избавил раба своего от лютого оружия: «Вспомнил ты, Господи, милость свою, избавил нас, Господи, от сыроядцев этих, от поганого Мамая и от нечестивых измаиль-тян, и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын своей матери. Укрепил ты стремление к подвигу, как наставлял на подвиг слугу своего Моисея, и древнего Давида, и нового Константина, и Ярослава, родича великих князей, пошедшего на окаянного и на проклятого братоубийцу, безрассудного зверя Святополка. И ты, Богородица, помиловала милостию своею нас, грешных рабов твоих, и весь род христианский, умолила бессмертного сына своего». И многие князья русские и воеводы превеликими похвалами прославили пречистую мать Божию Богородицу.

И снова христолюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и твердо сражалась, и мужественно встала, и отстояла с Божьей помощью веру христианскую.

И возвратился князь Дмитрий в Богом хранимый город Москву, в свою вотчину, с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, и верблюдов, и волов, а их невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и много добра.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязан-

ский посылал Мамаю на помощь свою силу и на реке разрушил мост, а тех, кто поехал домой с Донского побоища через его вотчину, Рязанскую землю, бояре ли или слуги, велел он тех хватать и грабить и нагими отпускать. За это князь Дмитрий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и рассказали, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И много молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же послушал их, принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя разгромленным, посрамленным и поруганным, снова разгневался и разъярился он, и, в сильной тревоге, собрал остатки своего войска, и опять хотел пойти изгоном на Русь. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него царь некий с Востока, Тохтамыш, из Синей Орды. Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. Мамаевы же князья, сошедши с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и поклялись ему по законам своей веры, и подчинились ему, а Мамаю оставили поруганным.

Мамай же, увидев это, без промедления бежал со своими

единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ними в погоню воинов своих. Мамай же, гонимый, спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал к окрестностям города Кафы и снесся с кафинцами по договору и по обещанной ему защите, чтобы они его укрыли у себя, пока не отступят от него все его преследователи. И они разрешили ему. И Мамай прибежал в Кафу со множеством богатств, золота и серебра. Кафинцы же, сговорившись, обманули его, и был он тут ими убит. Таков был конец Мамаю.

А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и царицу его, и казну его, и улус весь его взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И тогда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и о том, как он воцарился, как своего и их врага Мамаю победил, а сам пошел и сел на царство Волжское. Князья же русские послов его отпустили в Орду с честью и с дарами многими, а сами зимой той и весною вслед за послами отправили каждый своих киличеев со многими дарами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Считается, что «Задонщина» – самое раннее из произведений «Куликовского цикла». Она была написана рязанским иереем Софонием в начале XV века. Возможно, Софоний просто записал уже сложившуюся к тому времени историческую народную песню и творчески ее обработал.

В «Задонщине» не упоминается ни о каком благословении Дмитрия Ивановича перед походом. Однако прямо указывается, что перед сражением состоялся судный поединок брянского боярина-монаха Пересвета с татарским воином «за обиду князя Дмитрия Ивановича». Все сражение идет «за отчину» московских князей и за «русские церкви».

«Задонщина» – это синтез былины и летописи. В ней много преувеличений, свойственных народному творчеству. Это не документальное описание похода великого князя московского против Мамаю, а скорее мечта о том, как все князья «заедино» добиваются мирной жизни для Руси.

И в то же время «Задонщина» – это плач по воинам, погибшим на Куликовом поле. Битва эта была одной из самых кровопролитных и запомнилась современникам именно страшными потерями.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону – удел сына Ноева, Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные – удел сына Ноева, Сима, от которого пошли хино-ве – поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела: От Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая – князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив

честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу, и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны – в удел Симов, и восхвалим победу над поганим Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гуслияра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славу: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую – великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью – великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по-

томков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую! А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет. И вот князь Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и Пречистой его матери, укрепив ум своей силой, закалив сердца своим мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О, жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи Новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись – выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские

и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотя реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь – сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедими-новы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, на-

пьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удалцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы – раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, – сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими Куликову полю, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже закрипели телеги меж Доном и Днепром, едут хино-ве на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были – пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали.

Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали, то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уж гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисички брешут, кости чуют. Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала. А уж соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удалцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу и Пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано перед рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!» — И сказал ему князь, великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у

нас уже поставлены – семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михаиле Иванович, а воинов с нами – триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты – то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда

к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские. А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы. Не туры возревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михаиле Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на место суда привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на

зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились. Запели птицы жалостные песни – запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» И Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удалцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уж Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах го-

родских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не шуры рано запели жалостные песни – запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они, «Можешь ли ты, господин князь великий, Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили – столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами». И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети бояр-

ские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть». И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и Пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, – тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князя их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в

смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслась. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фрязи: «Что

же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батя-царя: у Батя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога, у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михаиле Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр разянских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр Можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Доной и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою За-лесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!» Богу нашему слава.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

В этой песне описывается уникальный случай, когда простая рязанская женщина сумела вызволить из полона «всю Рязань». Видимо, основой для песни послужили реальные исторические события. Возможно, упоминаемый в песне «Царище татарский» из Синей Орды – не кто иной, как хан Тохтамыш. В 1382 году, уходя от сожженной Москвы, он на обратном пути разорил Рязанскую землю и увел с нее большой полон. Вызволить свою родню из этого полона и отправилась Авдотья-Рязаночка.

Вспомним о том, как относились к полону русские князья того времени. Они в каждой dokonчальной грамоте требовали от своих бывших противников полон вернуть, но, похоже, никто его не возвращал. Из полона выкупались только ближайшие родственники или наиболее ценные княжеские воеводы. Простым же людям оставалось надеяться только на себя или на чудо.

Интересно, что в этой песне ордынский царь не является отрицательным персонажем. Он выступает как сила страшная, но справедливая. Действительно, хан Тохтамыш обеспечил для Руси 13 лет стабильной мирной жизни – с 1382 по 1395 год. В народе он остался последним ордынским царем, при котором была возможна справедливость и законность.

Впрочем, в основу этой песни лег не только сюжет о наше-

ствии Тохтамыша 1382 года. «Увы тебе, стольный Киев!» – не напоминание ли это о Батыевом нашествии? Кроме того, в песне говорится о «старой Рязани», а не о столице Рязанского княжества времен Тохтамыша – Переяславле-Рязанском. События разных времен в народной песне тесно переплетаются. Строгая историческая достоверность в народной песне уходит на второй план. Может, вовсе и не было никакой Авдотьи-Рязаночки, и не заявляла она, явившись к грозному ордынскому царю: «У меня к тебе обидное дело», – но в песне ярко выразилась мечта вот так, в лицо предъявить свои обиды разорявшим землю и уводившим людей в полон царям и князьям.

ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ

*Начинается доброе слово
Про Авдотью-женку, Рязанку.
Дунули буйные ветры,
Цветы на Руси увяли,
Орлы на дубах закричали,
Змеи на горах засвистали.
Деялось в стародавние годы.
Не от ветра плачет сине море,
Русская земля застонала.
Подымался царище татарский
Со своею Синею Ордою,
С пожарами, со смертями.
Города у нас на дым пускает,
Пепел конским хвостом разметает,
Мертвой головой по земле катит.
И Русь с Ордой со ступилась,
И были великие сечи...
Кровавые реки пролилися,
Слезные ручьи протекали.
Увы тебе, стольный Киев!
Увы, Москва со Рязанью!
В старой Рязани плач с рыданьем:
Носятся страшные вести.
И по тем вестям рязанцы успевают,
Город Рязань оберегают:*

По стенам ставят крепкие караулы,
В наугольные башни – дозоры.
Тут приходит пора-кошенина.
Житье-то быттье править надо.
Стрелецкий голова с женою толкует,
Жену Авдотью по сено сряжает:
– Ох ти мне, Дуношка-голубка,
Одной тебе косить приведется,
Не съездить тебе в три недели,
А мне нельзя от острога отлучиться,
Ни брата твоего пустить с тобою,
Чтобы город Рязань не обезлюдить.
И Авдотья в путь собиралась,
В лодочку-ветлянку погрузилась.
Прощается с мужем, с братом,
Милого сына обнимает:
– Миленький мой голубочек,
Сизенький мой соколик,
Нельзя мне взять тебя с собою:
У меня работа будет денно-нощно,
Я на дело еду скороспешно.
После этого быванья
Уплыла Авдотья Рязанка
За три леса темных,
За три поля великих.
Сказывать легко и скоро,
Дело править трудно и долго.
Сколько Авдотья сено ставит,
Умом-то плавает дома:

*«Ох ти мне, мои светы,
Все ли у вас поздорову?»
А дни, как гуси, пролетают,
Темные ночи проходят.
Было в грозную ночку —
От сна Авдотья прохватилась,
В родимую сторонку взглянула:
Над стороной над рязанской
Трепещут пожарные зори...
Тут Авдотья испугалась:
— Ох ти мне, мои светы!
Не наша ли улица сгорела?
А ведь сена бросить не посмела:
Сухое-то кучами сгребала,
Сучьем суковатым пригнетала,
Чтобы ветры-погоды не задели.
День да ночь работу хватала,
Не спала, не пила, не ела.
Тогда в лодчонку упала,
День да ночь гребла, не отдыхала,
Весла из рук не выпускала.
Сама себе говорила:
— Не дрожите, белые руки,
Не спешите, горячие слезы!
Как рукам не трястися,
Как слезам горячим не литься?
Несет река головни горелы,
Плывут человеческие трупы.
На горах-то нет города Рязани,*

Нету улиц широких,
Нету домов ного порядка.
Дымом горы повиты,
Пеплом дороги покрыты.
И на пеплышко Авдотья выбредала.
Среди городского пепелища
Сидят три старые бабы,
По мертвым кричат да воют,
Клянут с горя небо и землю.
Увидели старухи Авдотью:
– Горе нам, женка Авдотья!
Были не милые гости,
Приходил царице татарский
Со своею Синюю Ордою,
Наливал нам горькую чашу.
Страшен был день тот и грозен.
Стрелы дождем шумели,
Гремели долгомерные копыя.
Крепко бились рязанцы,
А татар не могли отбити,
Города Рязани отстояти.
Убитых река уносила,
Живых Орда уводила.
Увы тебе, женка Авдотья,
Увы, горе горькая кукуша!
Твое теплое гнездышко погибло,
Домашечко твое раскатилось.
По камешку печь развалилась.
Твоего-то мужа и брата,

Твоего-то милого сына
В полон увели татары!
И в те поры Авдотья Рязанка
Зачала лицо свое бити,
Плачем лицо умывати.
Она три дня по пеплышку ходила,
Страшно, ужасного лосом водила,
В ладони Авдотьюшка плескала,
Мужа и брата кричала,
О сыне рыдала неутешно.
Выплакала все свои слезы,
Высказала все причитанья.
И после этого быванья
Вздумала крепкую думу:
– Я пойду в след Орды, в след татарской,
Пойду по костям погорельым,
По дорогам пойду разоренным.
Дойду до Орды до проклятой,
Найду и мужа и брата,
Найду своего милого сына!
Говорят Авдотье старухи:
– Не дойти тебе Орды за три года.
Пропадешь ты, женка, дорогой,
Кости твои зверь обглодает.
Говорит Авдотья старухам:
– То и хорошо, то и ладно!
Дожди мои косточки умоют,
Буйные ветры приобсушат,
Красное солнце обогреет.

Говорят Авдотье старухи:
– В Орде тебе голову отымут,
Кнутом тебе перебьют спину.
– Двум смертям не быватьи,
А одной никому не миновати! —
И пошла Авдотья с Рязани:
Держанный на плечах зипунишко,
На ногах поношенны обувки.
И поминок добыла своим сватам:
Пояса три да три рубахи.
– Найду их живых или мертвых,
В чистые рубахи приодену.
Шла Авдотья с Рязани,
Суковатой клюкой подпиралась.
Шла она красное лето,
Брела она в грязную осень,
Подвигалась по снегу, по морозу.
Дожди ее насекают,
Зимние погоды заносят.
Страшно дремучими лесами:
В лесах ни пути, ни дороги;
Тошно о лед убиваться,
Поголону льду подаваться.
Шла Авдотья с Рязани,
Шла к заре подвосточной,
Шла в полуденные страны,
Откуда солнце восходит,
Смену несла своим светам:
Три пояска да три рубахи.

*Шла, дитя называла,
Мужа и брата поминала.
Тогда только их забывала,
Когда крепким сном засыпала.
Шла Авдотья близко году,
Ела гнилую колоду,
Пила болотную воду.
До песчаного моря доходила.
Идут песчаные реки,
Валится горячее каменьё,
Невидать ни зверя, ни птицы;
Только лежат кости мертвых,
Радуются вечному покою.
В тлящих полуденных ветрах,
В лютых ночных морозах
Отнимаются руки и ноги,
Уста запекаются кровью.
И после этого быванья
Веют тихие ветры,
Весна-красна благоухает,
Земля цветами расцветает.
Женочка Авдотья Рязанка
На высокую гору восходит,
Берега небывалые видит:
Видит синее широкое море,
А у моря Орда кочевала.
За синими кудрявыми дымами
Скачут кони табунами,
Ходят мурзы-татарё,*

Ладят свои таборы-улусы.
Тут-то Авдотью увидали,
В рассыпную от нее побежали:
– Алай-булай, яга-баба!
– Алай-булай, привиденье!
Голосно Авдотья завопила:
– Не бегайте, мурзы-татаре!
Человек я русского роду.
Иду в Орду больше году,
Чтоб вашего царя видеть очи.
И в тупору, и в то время
Авдотью к царицу подводят.
Блестят шатры золотые,
Стоят мурзы на карачках,
Виньгают в трубы и в набаты,
Жалостно вροги играют,
Своего царица потешают.
Сидит царице татарский
На трех перинах пуховых,
На трех подушках парчовых.
Брови у царица совины,
Глаза у него ястребины.
Усмотрел Авдотью Рязанку,
Заговорил царице, забаял:
– Человек ты или привиденье?
По обличью ты русского роду.
Ты одна-то как сюда попала?
Ты не рыбою ли реки проплывала,
Не птицей ли горы пролетала?

Какое тебе до меня дело? —
И женка Авдотья Рязанка
Его страшного лица не убоялась:
— Ты гой еси, царице татарский,
Человек я русского роду,
Шла к тебе больше году,
Сквозь дремучие леса продиралась,
О голые льды убивалась,
Голод и жажду терпела,
От великой нужды землю ела.
Я шла к тебе своей волей,
У меня к тебе обидное дело:
Приходил ты на Русь со смертями,
С пожарами, с грабежами.
Ты разинул пасть от земли до неба,
Ты Рязань обвел мертвою рукою,
Катил по Рязани головнею,
Теперь ты на радости пируешь...
Ей на то царице рассмехнулся:
— Смело ты, женка, рассуждаешь,
Всего меня заругала!
Неслыхал я такого с роду.
А не будем с тобою браниться.
Давай, Рязанка, мириться.
Какое тебе до меня дело?
Говорит Авдотья Рязанка:
— Ты увел в полон моего мужа и брата,
Унес моего милого сына.
Я ночью и днем их жалею,

Покажи их живых или мертвых.
Я одену их в чистые рубахи,
Поясами их опояшу,
Покричу над ними, поплачу,
Прозапас на них нагляжуся.
И царь на Авдотью дивится:
Орда молодцов видала,
Такого образца не бывало!
Не князь, не посол, не воин —
Щепочка с Рязани, сиротинка,
Перешла леса и пустыни,
Толкучие горы перелезла,
Бесстрашно в Орду явилась...
— Гой вы, мурзы-татаре,
Приведите полоняников рязанских,
Пуццай Авдотья посмотрит,
Жив ли мужее с братом,
Тут ли ее милое чадо!
И полон рязанский приводят,
И Авдотья видит мужа и брата,
Живого видит милого сына.
И нестрела с тугого лука спрянула,
Не волна о берег раскатилась,
С семьей-то Авдотьюшка свидалась.
Напали друг другу на шею,
Глядят, и смеются, и плачут.
Говорит царице татарский:
— Жалую тебе, женка Авдотья,
За твое годичное хождение:

Из троих тебя жалую единым,
Одного с тобою на Русь отпущаю.
Хочешь, бери своего мужа,
Хочешь, бери себе сына,
А хочешь, отдам тебе брата.
Выбирай себе, Рязанка, любого.
И в ту пору и в то время
Бубны, набаты замолчали,
Роги и жалайки перестали.
А женка Авдотья Рязанка
Горше чайки морской возопила:
– Тошно мне, мои светы!
Тесно мне отовсюду!
Как без камешка синее море,
Как без кустышка чистое поле!
Как я тут буду выбиратьи,
Кого на смерть оставляти?!
Мужа ли я покину?
Дитя ли свое позабуду?
Брата ли я отступлюся?..
Слушай мое рассужденье,
Не гляди на мои горькие слезы:
Я в другой раз могу за муж выйти,
Значит, мужа другого добуду.
Я в другой раз могу дитя родити,
Значит, сына другого добуду.
Только брата мне не добыти,
Брата человеку не где взяти...
Челом тебе бью, царь татарский,

*Отпусти на Русь со мною брата!
И в то время женка Рязанка
Умильно перед царищем стояла,
Рученьки к сердцу прижимала,
Немигаючи царю в очи глядела,
Только слезы до пят протекали.
Тут не на море волна про шумела,
Авдотью Орда пожалела,
Уму ее подивилась.
И царище сидит тих и весел.
Ласково на Авдотью смотрит,
Говорит Авдотье умильно:
– Не плачь, Авдотья, не бойся,
Ладно ты сдумала думу,
Умела ты слово молвить.
Хвалю твое рассужденье,
Славлю твое умышленье.
Бери себе и брата, и мужа,
Бери с собой и милого сына,
Воротися на Русь да хвастай,
Что в Орду не напрасно сходила,
На веках про Авдотью песню сложат,
Сказку про Рязанку расскажут...
А и мне, царицу, охота,
Чтобы и меня с Рязанкой похвалили,
Орду добром помянули.
Гей, рязанские мужи и жены,
Что стоите, тоскою покрыты?
Что глядите на Авдотыну радость?*

*И в те поры мурзы-татаре
Своего царица похваляют,
Виньгают в трубы и в роги,
Гудят в набаты, в бубны.
Я вас всех на Русь отпущаю.
Гей, женка Авдотья Рязанка!
Всю Рязань веди из полону,
И будь ты походу воевода.
И тут полоняники-рязанцы
Как от тяжкого сна разбудились,
В пояс Орде поклонились,
Молвили ровным гласом:
– Мир тебе, ордынское сердце,
Мир вашим детям и внукам!
И не веиная вода побежала,
Пошла Рязань из полону,
Понесли с собой невод и карбас
Да сетей поплавных – переметов,
Чем, в дороге идучи, питаются.
Впереди Авдотья Рязанка
С мужем, с братом и с сыном,
Наряжены в белые рубахи,
Опоясаны поясами.
После этого быванья
Воротилась Рязань из полону
На старое свое пепелище,
Житье свое управляют,
Улицы ново поставляют.
Были люди, миновались,*

*Званье, величанье забывалось.
Про Авдотью память осталась,
Что женка Авдотья Рязанка
Соколом в Орду налетала,
Под крылом Рязань уносила.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Нижегородские земли в XIV веке часто подвергались разорению. Чаше жгли и грабили только Рязанское княжество. Но нападение татар на Нижний Новгород в 1377 году и поражение русских войск на реке Пьяне было событием исключительным. Русские проиграли бой не из-за малочисленности, а потому что оказались не готовы к сражению. Находясь в военном походе, они предались пьянству и развлечениям, «словно – они дома у себя были».

Повесть составлялась в литературном кругу митрополита Кип-риана и вошла в Троицкую летопись. Это своеобразное предупреждение русским воеводам и князьям.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

В год 1377 перешел из Синей Орды за Волгу некий царевич по имени Арапша, и захотел он пойти ратью на Нижний Новгород. Князь же Дмитрий Константинович послал об этом весть к зятю своему, ко князю великому Дмитрию Ивановичу. Князь же великий Дмитрий, собрав много воинов, пришел ратью к Нижнему Новгороду с войском большим и грозным.

И не было никаких известий о царевиче Арапше, и возвратился великий князь в Москву. А против татар он послал воевод своих, а с ними рать владимирскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитрий Суздальский отправил сына своего, князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воевод и множество воинов.

И собралось великое войско, и пошли они за реку за Пьяну. И пришла к ним весть, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мед или пиво, то пили без меры, и

напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине – за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно – они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамаевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колоть и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и, не в силах ничего сделать, побежали к реке к Пьяне, а татары преследовали их и избивали.

И тогда убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич, жестоко преследуемый, прибежал в оторопи к реке Пьяне, бросился на коне в реку и утонул, и с ним утонули в реке многие бояре и воины, и народа без числа погибло. Это несчастье свершилось второго августа, в день памяти святого мученика Стефана, в воскресенье, в шестом часу пополудни.

Татары же, одолев христиан, стали на костях и весь полон и все награбленные богатства здесь оставили, а сами пошли изгонимом, не подавая вестей, на Нижний Новгород. У князя же Дмитрия Константиновича не было войск, чтобы выйти на бой с ними, и он побежал в Суздаль. А новгородские жители убежали на судах вверх по Волге к Городцу.

Татары же пришли к Нижнему Новгороду пятого августа, в среду, в день памяти святого мученика Евсигния, накануне Спа-сова дня, и оставшихся в городе людей перебили, а город весь и церкви и монастыри сожгли, и сгорело тогда в городе тридцать две церкви. Ушли же поганые иноплеменники из города в пятницу, разоряя ниже-новгородские волости, сжигая села, и множество людей посекали, и бесчисленное количество женщин, и детей, и девиц повели в полон.

В том же году пришел прежде названный царевич Арапша, и повоевал, и пожег тогда Засурье.

И в том же месяце августе приехал князь Василий Дмитриевич из Суздаля в Нижний Новгород. И послал он людей, и повелел вынуть из реки из Пьяны тело брата своего, князя Ивана. И привезли того в Нижний Новгород, и сотворили плач над ним, и похоронили его в каменной церкви святого Спаса, в притворе, на правой стороне, через неделю после господина дня, двадцать третьего августа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

В своем завещании Дмитрий Донской во многом повторяет распоряжения своих предков. Он «приказывает» Москве своим четырем сыновьям. За Владимиром Андреевичем Хоробрым сохраняется право на владение «третью» городских доходов.

Дмитрий Иванович прямо называет своим наследником старшего сына Василия. Именно он должен был стать после смерти отца великим князем Московским. Однако в грамоте есть любопытная оговорка. В случае, если Василий умрет, ему должен наследовать следующий сын Дмитрия Донского по старшинству, а не сын Василия. Вспомним, что Василий Дмитриевич был женат на дочери великого князя литовского Витовта, причем сам Дмитрий Донской этого брака не одобрял. Видимо, Дмитрий Иванович опасался, что если на великом княжении окажется внук князя Витовта, то все Московское княжество может уйти под власть Литвы.

Этими опасениями за целостность московских владений объясняется та руководящая роль, которую Дмитрий Иванович предоставляет своей жене. Власти матери подчинен и Василий Дмитриевич.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА (1389 ГОД)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се Аз, грешный худой раб божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту душевную целый своим умом. Даю ряд сыном своим и своей княгине.

Приказываю детей своих своей княгине. А вы, дети мои, живите заедино, а матери своей слушайте во всем.

А приказываю отчину свою Москву детям своим, князю Василию, князю Юрию, князю Андрею, князю Петру. А брат мои, князь Владимир, ведает свою треть, чем его благословил отец его, князь Андрей. А сына своего, князя Василия, благословляю на старший путь в городе и в станах моего удела двою жеребьев половина, а трем сыном моим половина, и в пошлинах в городских половина. А тамга из двою моих жеребьев княгине моей половина, а сыном моим половина. А восьмичее мои два жеребья княгине моей. А на старший путь сыну моему, князю Василию, Василцево сто и Добрятиньская борть с селом с Добрятинь-ским. А бортьницы в станах в городских, и конюший путь, и соколничии, и ловчии, тем сынове мои поделятся ровно. А численных людей моих двою жеребьев сыном моим по частем, а блюдут с единого.

А се даю сыну своему, князю Василию, Коломну со всеми волостями, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селами, и со всеми пошлинами. А волости Коломеньские: Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева с селцем с Гвоздною и с Иванем, Гжеля, деревни Левичин, Скулнев, Маковец, Канев, Кочема, Комарев с берегом, Городна, Похряне, Усть-Мерьско. А из Московских сел даю сыну своему, князю Василию: Митин починок, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Ори-нинское, Копотеньское, Хвостовское, у города луг Великии за рекою. А из Юрьевских сел даю сыну своему, князю Василью: своего прикупа Красное село с Елезаровским, с Проватовым, да село Васильевское в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Юрию, Звенигород со всеми волостями, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Звенигородские: Скирменово с Белми, Тростна, Негуча, Сурожык, Замошская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминовское, Угож, Суходол с-Ыстею, с Истервою, Вышегород, Плесьнь, Дмитриева слободка. А из Московских сел даю сыну своему, князю Юрию: село Михалевское, да Домантовское, да луг Ходыньский. А из Юрьевских сел ему: прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Красного села починок за Везкою придал есм к Кузмыдемьянскому, да село Богородицкое в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Аньдрею, Можаяск со все-

ми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостями. А волости Можайские: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонск. А Коржань да Моишин холм придал есмь к Можайску. А се волости отъезд-ные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репинское, да Ивановское Васильевича в Гремичах. А Колуга и Роцца сыну же моему, князю Андрею... А из Московских сел ему: Напрудьское село да Луцинское на Яузе с мельницею, Деунинское, Хвостовское в Перемышле, да луг Боровьский, а другии противу Воскресенья. А из Юрьевских сел ему Олексиньское село на Пекше.

А се даю сыну своему, князю Петру, Дмитров со всеми волостями, и с селами, и со всеми пошлинами, и с тамгою, и с мыты, с бортью. А се Дмитровские волости: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездцем, Инобаш. А из Московских волостей князю Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка князя Иванова, Вори, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Селна, Гус-леця, Шерна городок. А из Московских сел князю Петру: Новое село, Сулншин погост. А из Юрьевских сел ему прикупа моего село Богородицьское на Богоне.

А се даю сыну своему, князю Ивану: Раменеице с бортники и что к нему потягло, да Зверковское село с Сохоньским починком, что отошло ото князя от Владимира. А Сохна сы-

ну же моему, князю Ивану. А в том уделе волен сын мой, князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст.

А се благословляю сына своего, князя Василия, своею отчиною, великим княженьем.

А сына своего благословляю, князя Юрия, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостями, и с селами, и со всеми пошлинами, и с теми селами, которые тягли к Костроме, Микульское и Бори-со вско е.

А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белым озером, со всеми волостями, и Вольским с Шаго-тью, и Милолюбский, и с слободками, что были детей моих.

А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Углечем полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою.

А се даю своей княгине из великого княженья у сына у своего, у князя у Василия, из Переяславля Юлку, а из Костромы Иледам с Комелюю, а у князя у Юрия из Галича Соль, у князя у Андрея из Белоозера Вольское с Шаготью и Милолюбский ез. А из Володимерских сел княгине моей Ондревское село, а из Переяславских сел Доброе село, и что к ним потягло. А из удела сына своего, княжа Васильева: Канев, Песочну, а из сел Малинь-ское село, Лысцево. А из княжа удела из Юрьева: Юрьева слобода, Суходол с Иетею, с Истервою, да село Андреевское, да Ка-меньское. А изо княжа удела из Оньдреева: Веряя, да Числов, да село Луцинское

на Яузе с мельницею. А из княжа удела из Петрова: Ижво да Сяма. А что есм дал своей княгине из удела сына своего, княжа Васильева и изо княжа из Юрьева, изо княжа из Оньдреева, изо княжа из Петрова, волости и села, а что Бог размыслит о моей княгине, и те волости и села во чьем уделе, то тому и есть.

А се даю своей княгине: свои примысл Скирменовъскую слободку с Шепковым, Смоляные с Митяевским починком, и с бортью, с Вышегородскими бортники, Кропивну с бортники, с Кропивеньскими и с Исменьскими, и с Городошевскими, и с Рудьскими, Желескова слободка с бортью, с Ивановым селом с Хороброва, Исконьская слободка, Кузовская слободка, и что княгини моей прикуп, и что к ней потянуло, то моей княгине. А по которая места слободские волостели судили те слободы при мне, и княгини моей волостели судят по та же места, как было при мне. А что княгини моей купля Лохно, то ее и есть. А на Коломне мои примысл Самоилецев починок с деревнями, Савельевский починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское, а то княгини моей. А что ее село Репенское и прикуп, то ее и есть. А из Московских сел даю своей княгине: Семцинское село с Ходыньскою мельницею, да Остафьевское село, да Илмовское. А из Юрьевских сел даю ей: куплю свою Петровское село, да Фроловское, да Елох. А Холхол и Заячков, то моей княгине. А что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колашну, и Слободку, и что благословила княгиню мою Городком да

Волочком, та места ведает княгиня Федосья до своего живота, а по ее животе то княгине моей. А теми своими примыслы всеми благословляю княгиню свою, а в тех примыслех волна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст. А дети мои в то не вступаются.

А которые деревни отнимал был князь Владимир от Лыткинь-ского села княгини моей к Берендееве слободе, а те деревни потянут к Лыткиньскому селу моей княгини.

А по грехом, которого сына моего Бог отнимет, и княгиня моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся.

А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, взяв по части у больших его братьев.

А у которого сына моего убудет отчины, чем есм его благословил, и княгини моя поделит сынов моих из их уделов. А вы, дети мои, матери слушайте.

А по грехом отнимет Бог сына моего, князя Василия, а кто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княжеский Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгиня. А вы, дети мои, слушайте своей матери, что кому даст, то тому и есть.

А коли детям моим взяти дань на своей отчине, чем есм их благословил, и сын мои, князь Василий, возьмет с своего удела с Коломны и со всех Коломенских волостей триста руб. и сорок и два руб. и княгиня моя даст ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3, а с Канева двадцать руб. и два руб.

А князь Юрий возьмет с Звенигорода и со всех с Звенигородских волостей двести руб. и семьдесят руб. и два руб., и княгиня моя даст ему в то серебро с Юрьевы слободы пятьдесят руб., а с Суходола полпятадесять руб., а с Смоляных 9 руб., а с Скирменовские слободки 9 руб. А князь Андрей возьмет с Можайска и со всех волостей Можайских сто руб. и семьдесят руб. без трех, а с отъезных мест семьдесят руб. без двух, и княгиня моя даст ему в то серебро двадцать руб. и полтретья руб. с Вереи, а с Число-ва полста руб., а с Заячкова двадцать руб. и два, с Хольхла десять руб., с Желесковы 9 руб., с Исконские слободки пол-сема руб., с Кропивны полсема руб. А князь Петр возьмет с своего удела сто руб. и одиннадцать, и княгиня моя даст ему в то серебро с Ижва тридцать руб. А князь Иван даст князю Василию с Сохны пять руб., а с Раменеица даст князю Петру пять руб. А то возьмут в тысячу руб., а будет боле или меньше, ино по тому расчету.

А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть. А что есм подавал своей княгине волости и села из уделов детей своих, и свои примысл, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостей, и с слобод, и с сел что возьмет княгини моя, то ей и есть. А дети мои в то не вступаются.

А из тех волостей, и слобод, и сел, что есм вынимал у детей своих из уделов, а подавал княгине своей, а кому будет

жалоба сиротам на волостели, и тем людям учинит исправу княгиня моя. А дети мои в то не вступаются.

А что есм дал сыну своему, князю Андрею, Заберегу, за то дети мои все дают оброк святому Спасу пятнадцать руб. на год на спасов день.

А се благословляю детей своих. Сыну моему старшему, князю Василию: икона Парамшина дела, цепь золота, что ми дала княгиня Василиса, пояс золот велики с камнем без ремени, пояс золот с ремнем Макарова дела, бармы, шапка золота.

А сыну моему, князю Юрию: пояс золот новые с камнем с жемчугом без ремени, пояс золот Шышкина дела, вотола сажена.

А сыну моему, князю Андрею: снасть золота, пояс золот старый новгородский.

А сыну моему, князю Петру: пояс золот с камнем пегии, пояс золот с калитою да с тузлуки, да наплечки, да алам.

А сыну моему, князю Ивану: пояс золот татаур, да два ковша золоты по две гривенки.

А что ся останется золото, или серебро, или иное что но есть, то все моей княгине.

А что ся останет стад моих, тем моя княгиня поделится с моими детьми по частям.

А что будет моих казначеев, или что будет моих дьяков прибыток мои от мене ведал, или посельских, или тиунов, или кто женился у тех, те все не надобе моей княгине и моим

детям.

А приказал есм свои дети своей княгине. А вы, дети мои, слушайте своей матери во всем, из ее воли не выступайте ни в чем. А который сын мои не имет слушати своей матери, а будет не в ее воли, на том не будет моего благословенья.

А дети мои младшие, братья князя Василия, чтите и слушайте своего брата старшего, князя Василия, в мое место, своего отца. А сын мои, князь Василий, держи своего брата, князя Юрия, и своих братьев младших в братстве, без обиды.

А хто моих бояр имет служити моей княгине, тех бояр, дети мои, блюдите с одного.

А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нем милости Божьей, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий.

А писал есм сю грамоту перед своими отци: перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Севастьяном.

А туто были бояре наши: Дмитрии Михайлович, Тимофеи Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександр Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич.

А писал Внук.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Для русских людей Тамерлан был завоевателем из далекой и неизвестной страны. Мотивы его действий и причины разорительной войны, которую он начал против Золотой Орды, были русским людям непонятны. Отношение летописца к личности Тамерлана – отрицательное. Он представлен в повести злодеем и разбойником. Дело в том, что на Руси признавали хана Тохтамыша своим законным царем, а Тамерлана, который воевал с ним, воспринимали, как разорителя и захватчика. Сведения о Тамерлане почерпнуты летописцем, видимо, из рассказов бывавших в Средней Азии путешественников и прекрасно иллюстрируют степень «осведомленности» русских людей о пришедшей к ним с Востока беде.

Главная тема повести – богоизбранность московского князя Василия Дмитриевича и стольного града Москвы. Именно Москву, и в ее лице всю Русь, избавила Богоматерь от неожиданной и, казалось бы, неминуемой беды – в повести проводится аналогия между Москвой и Константинополем, который также уцелел благодаря ее заступничеству во время нашествия иранского царя Хосроя.

Константинополь в конце XIV века практически утратил свое значение центра православных земель. Возможно, митрополит Киприан первым выдвинул идею о том, Москва

должна стать Вторым Царьградом.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИРАКСАКЕ

месяца августа двадцать шестого на память святых мучеников Андреана и Натальи, повесть полезная, из древних сказаний сложенная, представляющая преславное чудо, бывшее с иконой Пречистой Богородицы, которая называется Владимирской, как пришла она из Владимира в боголюбивый град Москву, избавила нас и город наш от безбожного и зловредного царя Темир Аксака – Господи, благослови, Отче!

В 1395 году, во время княжения благоверного и христоролюбивого великого князя Василия Дмитриевича, самодержца Русской земли, внука великого князя Ивана Ивановича, правнука великого князя, самодержца Ивана Даниловича, при благолюбивом архиепископе Киприане, митрополите киевском и всея Руси, на пятнадцатом году царения Тохтамыша и на седьмом году княжения великого князя Василия Дмитриевича, и в индикте третьем, и на тринадцатый год после татарщины, по взятии Москвы, поднялась великая смута в Орде.

Пришел некий царь Темир Аксак из восточной страны, из

Синей Орды, из Самаркандской земли, большую войну затеял, много мятежей поднял в Орде и на Руси своим приходом.

Об этом же Темир Аксаке рассказывали, что по происхождению не царского был он рода: ни сын царский, ни племени царского, ни княжеского, ни боярского, всего лишь низший из самых захудалых людей из числа заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, что за Железными Воротами. По ремеслу он кузнец был черный, по нраву же и повадке – безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель. Когда раньше работал у одного хозяина, тот, видя его злонравие, от него отказался и, избив, изгнал от себя; он же, не имея пропитания, разбоем кормился.

Однажды, когда он был еще молод и с голоду крадя кормился, украл он у кого-то овцу, но люди тотчас выследили его. Он же пытался убежать, но быстро многими был окружен, схвачен и связан крепко и всего его избивали нещадно, и решили убить его до смерти; и перебили ему ногу в бедре пополам, и тут же бросили как мертвого, недвижимым и бездыханным; ибо решили, что умер, и оставили псам на съедение. Лишь только зажила у него эта смертельная рана, поднялся, оковал себе железом ногу свою перебитую – по этой причине и хромал; потому и прозван был Темир Аксаком, ибо Темир означает железо, а Аксак – хромец; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец, ибо, от вещи и дел имя получив, делами своими прозвище себе добыл.

Так и потом, исцелившись от ран, после страшного того избиения, не изменил прежнего злобного нрава, не смирился, не укротился, но только больше испортился; сильнее прошлого и пуще прежнего стал он лютым разбойником. А потом к нему пристали молодцы лихие, мужи свирепые, всякие злые люди, похожие на него, такие же разбойники и грабители – и стало их очень много. И когда стало их числом до ста, называли его своим атаманом; а когда стало их числом до тысячи, тогда уже князем его звали; а когда они сильно умножились, больше числом стали, многие земли попленили, многие города и царства захватили, тогда и царем его своим нарекли.

И этот Темир Аксак начал многие войны затевать и частые битвы, многих побед добился, многих неприятелей одолел, много городов разрушил, многих людей загубил, многие страны и земли покорил, многие государства и народы пленил, многие царства и княжества покорил себе; царя турецкого Крещения пленил, а его царство захватил. А вот и названия тем землям и царствам, которые покорил Темир Аксак: Чагатай, Хоросан, Голустан, Китай, Синюю Орду, Шираз, Исфаган, Орначь, Гилян-Сиз, Шеб-ран, Шемаху, Сивас, Арзрум, Тифлис, Тавриз, Гурзустан, Грузию, Багдад, Темир-Кабы, иначе сказать Железные Ворота, и Ассирию, и Вавилонское царство, где был Навуходоносор, который пленил Иерусалим и трех отроков – Анания, Азария, Мисаила и Даниила-пророка, и город Севастию, где было замучено

сорок святых мучеников, и Армению, где был святой Григорий, епископ великой Армении; и Дамаск великий, и Сарай великий – вот названия тех земель, и тех городов, и тех государств, над которыми царствовал Темир Аксак; со всех тех земель дани и оброки дают ему, во всем ему повинуюсь. Он ведь на частые битвы ходил, и они с ним повсюду, волю его творя, многие страны завоевали; царя Крещения турецкого в клетке железной возил с собою, того ради, чтобы видели все страны таковую его славу и силу, – безбожного врага и гонителя.

Пришел Темир Аксак войной на царя Тохтамышша, и был между ними бой на месте, называемым Ораинским, на кочевье царя Тохтамышша; и изгнал он царя Тохтамышша. Оттого распалился окаянный, замыслил в сердце своем и на Русскую землю – полонить ее; как и прежде того, когда за грехи попустил это Бог, полонил царь Батый Русскую землю, – так и гордый и свирепый Темир Аксак то же замышлял, желая захватить Русскую землю.

И собрал он всех воинов своих, прошел всю Орду и всю землю Татарскую, подошел к пределам Рязанской земли, взял город Елец, и князя елецкого захватил, и много людей замучил. Об этом прослышав, князь великий Василий Дмитриевич собрал воинов своих многочисленных и пошел из Москвы в Коломну, желая встретиться с ним; приступив с войском, встал на берегу у Оки-реки, Темир Аксак же стоял на одном месте пятнадцать дней, помышляя, окаянный,

идти на всю Русскую землю, чтобы, подобно новому Батью, разорить христиан.

Благоверный же и христолюбивый великий князь Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли, прослышал о замысле-нии на православную веру того безверного, свирепого и страшного мучителя и губителя Аксака Темира-царя; боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич, руки к небу вздымая, со слезами молился, говоря: «Создатель и заступник наш, Господи, Господи, посмотри из святого жилища твоего, взгляни – и смири того варвара и сущих с ним, дерзнувших хулить святое великое имя твое и Пречистой всенепорочной твоей матери! Заступник наш, господи, пусть не скажет варвар: «Где же Бог их?» – ибо ты наш Бог, который гордым противится! Поднимись, Господи, на помощь рабам твоим, на смиренных рабов своих посмотри! Не допусти, Господи, этого проклятого врага поносить нас, ибо сила твоя ни с чем не сравнима и царство твое нерушимо! Вслушайся в речи варвара этого, избавь нас и град наш от проклятого и безбожного царя Темира Аксака».

И послал князь великий Василий Дмитриевич весть к отцу своему духовному, боголюбивому архиепископу Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, чтобы народу велел поститься и молиться, с усердием и со слезами к Богу зывать. Преосвященный же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ от господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, призвал к себе всех архиманд-

ритов и игуменов и повелел им петь по городу всюду молебны, а детям их духовным велел наказать, чтобы соблюдали пост и молитву, и покаянье от всей души. Сам же преосвященный Киприан-митрополит также каждый день призывая к себе благоверных князей, благочестивых княгинь и всех властителей и воевод, постоянно наказывая им, поучая; сам же Киприан-митрополит во все дни и часы из церкви не выходил, вознося молитвы Богу за князя и за народ.

Также повелел князь наместникам своим, и властителям, и городским воеводам усилить укрепления и собрать всех воинов. Они же, услышав повеление господина своего, собрали знатных людей и весь город и укрепили оборону.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, вспомнив об избавлении царствующего града, когда сохранила пречистая владычица наша Богородица стольный город от нашествия язычника царя Хозроя, надумал послать за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы. Боголюбивый же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, послал в старый и славный город Владимир за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы служителей большой соборной церкви святой Богородицы, что во Владимире. Протопоп посоветовался со служителями, пречистую чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву, из опасения перед Темир Аксаком татарским, который, как слышали мы бывало в сказаньях, был где-то там,

далеко, где солнце восходит, а ныне уж тут, при дверях, приблизился – и готовится, изостряется на нас сильно. И было тогда, месяца августа в пятнадцатый день, в самый праздник славного Успения владычицы нашей Богородицы, присной девы Марии, вышли на проводы чудесной иконы, которую проводили с честью, с верою и любовью, с ужасом и томлением, с плачем, далеко за город, и в великой вере многие слезы проливали.

Когда же донесли икону эту почти до Москвы, тогда весь город вышел навстречу, и встретил ее с честью Киприан-митрополит с епископами и архимандритами, с игуменом и дьяконами, со всеми служителями и причтом церковным, с монахами и монахинями, с благоверными князьями, с благоверными княгинями, и с боярами, и с боярынями, мужчины и женщины, юноши, девы и старцы с подростками, дети, младенцы, сироты и вдовы, нищие и убогие, всякого возраста мужи и жены, от мала до велика, все многое множество народа бесчисленного, и люди с крестами и с иконами, с евангелиями и со свечами, и с лампадами, с псалмами и с песнями и пеньем духовным, а лучше сказать – все в слезах, от мала до велика, и не сыскать человека не плачущего, но все с молитвой и плачем, все со вздохами неумолчными и с рыданьем, в благодарности руки воздевая к небу, все молились святой Богородице, восклицая и говоря: «О всесвятая владычица Богородица! Избавь нас и город наш Москву от поганого Темир Аксака-царя, и каждый город христианский

и страну нашу защитить, и князя и людей от всякого зла оборони, и город наш Москву от нашествия варварских воинов, избавь нас от пленения врагами, от огня, и меча, и внезапной смерти, и от теперь охватившей нас скорби, и от печали, нашедшей на нас ныне, от сегодняшнего гнева, и бед, и забот, от предстоящих нам всем искушений избавь, Богородица, своими спасительными молитвами к сыну своему и Богу нашему, который своим пришествием уже нас спасал, нищих и убогих, скорбящих и печальных; умились, Госпожа, о скорбящих рабах твоих, на тебя надеясь, мы не погибнем, но избудем тобою наших врагов; не предавай нас, заступница наша и наша надежда, в руки врагам-татарам, но избавь нас от врагов наших, враждебных советы расстрой и козни их разрушь; в годину скорби нашей нынешней, нашедшей на нас, будь верной заступницей и помощницей, чтобы, от нынешней беды избавленные тобою, благодарно мы воскричали: «Радуйся, заступница наша безмерная!»

Так по Божьей благодати неизреченной милости, молитвами святой Богородицы, город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак-царь возвратился назад, ушел в свою землю. Что за преславное чудо! Что за великое дню! Какое милосердие к народу христианскому! В тот самый день, как принесли икону пречистой Богородицы из Владимира в Москву, – в тот же день Темир Аксак-царь испугался, и устрасился, и ужаснулся, и в смятение впал, и нашел на него страх и трепет, вторгся страх в сердце его и ужас в душу его,

вошел трепет в кости его, и тотчас он отказался и убоился воевать Русскую землю, и охватило его желание побыстрее отправиться в обратный путь, и скорей устремился в Орду, Руси тылы показав, и повернул с соплеменниками своими восвояси; возвратились без успеха, впали в смятение и заколебались, как будто кто-то их гнал. Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их незримою силой своей и Пречистой своей матери, скорой заступницы нашей в бедах, и молитвой угодника его, боголюбивого преосвященного Петра, митрополита киевского и всея Руси, твердого заступника нашего города Москвы и молебника города нашего Москвы от находящихся на нас бед; наслал на них страх и трепет, чтобы застыли на месте.

Ибо милостив Бог и силен, может все, что хочет, и милостив к нам, ибо избавил нас от рук враждебных татар, избавил нас от битвы, и от меча, и от кровопролития; мощной десницей своей разогнал врагов наших, сынов Агари, рукою твердою, рукою крепкою устрасил ты сынов Измайловых; не наши воеводы прогнали Темир Аксака, не наши войска устрашили его, но силой незримой напал на него страх и трепет, страхом Божьим он устрашился, гневом Божьим изгнан был, и без добычи ушел прочь из Русской земли, отступив туда, откуда пришел, земли русской едва коснувшись, — не надругался, не обездолил, не повредил ей ничем, но ушел без оглядки. Мы поднялись и стали открыто, он же, принизясь, исчез; мы ожили и исцелили, ибо помощь нам дал Господь,

сотворивший небо и землю.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, услышав об уходе проклятого и зловредного царя Темир Аксака, возвратился снова во владения свои, в город Москву, и встретил его боголюбивый Киприан, митрополит киевский и всея Руси, с крестами и с иконами, с архидьяконами и с архимандритами, с игуменами, с попами и с дьяконами, и весь народ христианский с радостью великою. Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, и святитель, и все люди со слезами руки к небу вздымали и благодарность возносили, говоря: «Десница твоя, о Господи, прославилась твердостью, правая твоя, Господи, рука, сокрушила врагов, и величием славы твоей стер ты противников наших», – ибо безумный Темир Аксак, со множеством бесчисленных войск придя, с позором ушел.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, войдя в храм пречистой владычицы нашей Богородицы, увидел чудотворную икону пречистой владычицы нашей Богородицы Владимирской; упав сердечно пред ликом святой иконы, пролил слезы умильные из очей своих и говорил: «Благодарю тебя, госпожа пречистая, пренепорочная владычица наша Богородица, христианам державная помощница, что нам защиту и твердость показала; избавила ты, госпожа, нас и город наш от зловредного царя Темир Аксака». Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич и боголюбивый архиепископ Киприан, митрополит киевский и всея

Руси, повелел вскоре на том месте, где встречали чудотворную икону пречистой Богородицы, поставить церковь во имя пречистой Богородицы, славной встречи ее на память о той незабвенной милости Божьей, чтобы не забыли люди дел Божьих. Эту же церковь освятил сам митрополит, поставили монастырь, и поведено было тут жить игумену и братии. И с тех пор постановили праздник праздновать месяца августа в двадцать шестой день, в день поминовения святых мучеников Андреана и Наталии. Эта же чудесная икона святой Богородицы написана была рукою святого апостола и евангелиста Луки. Мы же, грешные слуги Христа, слышав об этом чуде господина нашего Иисуса Христа и пречистой его матери Богородицы, решили все это записать во славу имени господина нашего Иисуса Христа и пречистой его Матери, владычицы нашей Богородицы, заступницы народа христианского. Ее молитвами, Христе, боже наш, помилуй нас ныне и присно и во веки веков. Аминь.